

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ
СИБИРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
МЕЖДУНАРОДНАЯ РАСПРЕДЕЛЕННАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ–КЕМЕРОВО–ПАВЛОДАР–
АЛМАТЫ-БИШКЕК)

СЕРИЯ «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

ВЫПУСК 24

ЯЗЫК КАК ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ

Сборник научных статей

Под общей редакцией М.В. Пименовой

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2019

УДК 811.161.1' 1(082)
Ш 10я43
Я 48

Рецензенты: д.ф.н., проф. В.И. Карасик
д.ф.н., проф. В.А. Маслова

ISBN 978-5-7310-????-?

Я 48 Язык как зеркало культуры: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора М.В. Пименовой. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. – 336 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 24).

Сборник научных статей (двадцать четвёртый выпуск из серии «Концептуальные исследования») посвящён юбилею доктора филологических наук, профессора, ректора Института иностранных языков Марины Владимировны Пименовой. Вопросы, поднятые в статьях, были озвучены в виде докладов на XXXIII Международной научной конференции, состоявшейся 29-30 ноября 2019 года в Института иностранных языков (г. Санкт-Петербург).

Сборник посвящен рассмотрению таких вопросов, актуальных для современной лингвистики, как теоретические основы когнитивной лингвистики, дингвокультурологии, концептуальных исследований, языковая вербализация концептов, языковая и концептуальная картины мира, концепт и языковое сознание, прикладная концептология и мн. др. Он предназначен для лингвистов, литературоведов, культурологов, психологов и широкого круга читателей, интересующихся проблемами языка, психологии, культуры.

ББК Ш 80/84

ISBN 978-5-7310-????-?

© Пименова М.В., 2019
© Авторы статей, 2019
© Изд-во СПбГЭУ, 2019

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ **МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ПИМЕНОВА**

Любые изменения в разных сферах жизни общества, особенно открытия и нововведения, дающие толчок развитию научной мысли, не происходят сами по себе. Для такого толчка, прежде всего, необходимо наличие вековых традиций, соответствующих условий, культурно-духовной среды. В России всегда существовали научные школы, которые становились родоначальниками и законодателями новых лингвистических направлений по всему миру.

Крупнейшие языковеды России, такие как М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.А. Шахматов, Д.Н. Ушаков, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, С.И. Ожегов и др. были выдающимися знатоками национальных культур, учёными, всегда готовыми к научному поиску, к освоению и открытию самых разных структур и подходов в изучении языка.

В истории мирового языкознания лингвисты – языковеды всегда имели свой голос. Во всех сферах науки о языке их слово было весомым и оригинальным. В нашу эпоху есть особенно значимые фигуры, которые не только являются гордостью современного научного сообщества, но и воплощают в себе яркие человеческие черты, выражают самую сущность определенных характеров.

Среди таких ученых-лингвистов Марина Владимировна Пименова, доктор филологических наук, профессор, ректор Института иностранных языков, почетный доктор Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева, чл.-корр. САН ВШ, почетный профессор Чдэнчжоуского и Лоянского университетов (Китайская Народная Республика).

В 1982 году будущий лингвист, когнитолог, этнолингвист, лингвокультуролог, этногерменевтик, лингвоконцептолог Марина Владимировна Пименова после окончания средней школы, поступает в Иркутский государственный институт иностранных языков им. Хо Ши Мина, далее – в Кемеровский государственный университет. И в 1990 году успешно заканчивает его по специальности «Преподаватель английского языка и литературы».

Отдавая должное талантам молодой выпускницы, Марину Владимировну оставляют работать в университете. Она поступает в аспирантуру КемГУ на заочное отделение и начинает свой исследовательский путь с сопоставления двух языков (вернее, с морфологии, семантики и синтаксиса двух языков). В 1995 году Марина Владимировна успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме: «Семантико-синтаксические особенности ментальных глаголов русского и английского языков» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Успешная защита и, конечно, стремление и желание дальше изучать внутренний мир человека в концептуальном аспекте дают ей возможность продолжать научную работу.

В итоге, в 2001 году была успешно защищена докторская диссертация по теме «Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия)» в вышеназванном университете.

До и после защиты имеется целый ряд законченных и незаконченных работ... свыше 400 научных трудов, из них 30 монографий, более 20 учебных пособий и научных статей. Перу юбиляра принадлежат такие труды, как «Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека», «*Душа* и *дух*: особенности концептуализации», «Концепт сердце: образ, понятие, символ», «Богатырши в русских народных сказках», «Этногерменевтика русской сказки» и коллективные монографии, как «Символы культуры и способы концептуализации внутреннего мира человека (концептуальная метафора дома)», «Концептуализация *рассудка* и способы объективации его признаков в русской языковой картине мира», «Сопоставительный анализ заимствованных концептов (на примере русского концепта *идея* и немецкого концепта *Idee*)», «Антропоморфизм как один из способов концептуализации внутреннего мира», «Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе», «Россия глазами русских», «Сужение и расширение метафоры «ТЕЛО – КНИГА», «Языковая личность и языковая модель мира», «Стереотипы о женщинах в русской лингвокультуре» и мн. др.

Важно отметить такие значимые учебные пособия с грифом Министерства Образования для ВУЗов, как «Американская лингвистика», «Ментальность: лингвистический аспект», «Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира», «Введение в концептуальные исследования», «Языковые основы русской ментальности», «Введение в когнитивную лингвистику», «Коды лингвокультуры», «Концептуальные исследования. Введение», «Языковая картина мира», «Русская сказка» и др., а также целый ряд статей, которые высоко индексируются в наукометрических базах.

Под руководством профессора М.В. Пименовой было создано шесть серий научных сборников: «Этногерменевтика и этнориторика», «Филологический сборник», «Концептуальные исследования», «Славянский мир», «Концептуальный и лингвальный миры», «Поликультурное пространство языка в Казахстане», а также серия научных журналов «Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике». В качестве ответственного редактора Марина Владимировна выпустила 91 сборник научных статей, монографий и учебных пособий.

Широчайшая филологическая подготовка М.В. Пименовой обусловила активное участие в разных общественных мероприятиях, посвященных проблемам лингвистики. Она читает циклы лекций по направлениям:

- Теория ментальности
- Языковая картина мира
- Концептуальная картина мира
- Фольклорная картина мира
- Концептология как наука
- Ментальности народа и ее проявления в языке
- Коды лингвокультур

Данные лекции звучат не только в ВУЗах, но и на проводимых ученым-исследователем научных мероприятиях, таких как – конференции и Летние, Осенние, Весенние, Зимние Школы на территории разных стран – в России, Белоруссии, в Украине, в Казахстане и в Кыргызстане. В мероприятиях принимают молодые научные кадры и уже известные ученые из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Индии, Кореи, Польши, Китая и Кыргызстана.

Совместно с нашим юбилеем на этих Школах с лекциями выступают ведущие ученые мира: ближнего и дальнего зарубежья. Лекции профессора М.В. Пименовой интересны и привлекают слушателей нетрадиционной новизной: особое внимание она уделяет этимологии слова, что позволяет выйти на лингвокультурные коды и базовые архетипы сознания народа.

Возглавляя Санкт-Петербургско-Кемеровскую лингвистическую школу концептуальных исследований, она работает с аспирантами, докторантами по таким направлениям, как когнитивная лингвистика, концептуальные исследования, этнолингвистика, лингвокультурология, этногерменевтика, лингвоперсонология, политическая лингвистика и др.

Достоинство каждого ученого заключается в осознанности своего хорошо выполненного дела, которое останется неизбежным кладом в науке. Поэтому сегодня, когда изучаем «научный капитал», созданный для нас великими учеными, есть возможность твердо сказать, что, научная деятельность М.В. Пименовой, её вклад в лингвистику уже сейчас достойны внимания и глубокого признания со стороны научной общественности.

Сегодня мы поздравляем с юбилеем Марину Владимировну Пименову, доктора филологических наук, профессора, прошедшего длинный и тернистый путь научных изысканий; она смогла повести за собой немало учеников, школ, издала значительное количество научных трудов, совершила ряд открытий, важных и необходимых для лингвистики и филологии в целом.

Уважаемая Марина Владимировна! Ваш профессионализм, целеустремленность, ответственное отношение к делу, уважение к коллегам и студентам, гуманность и высокая трудоспособность делают Вас очень ценным и незаменимым ученым, учителем, организатором и писателем.

Желаем Вам крепкого здоровья, душевной гармонии и оптимизма, как в научной деятельности, так и в повседневной жизни.

Процветания, новых достижений, мира и добра!

Вот этими словами **Мирзахидовой Миясар Инамжановны**, доктора филологических наук, профессора, Жалал-Абадского государственного университета (Кыргызстан) мы открываем сборник статей, который мы дарим от лица друзей, коллег и учеников, желающих искренне поздравить Марину Владимировну с юбилеем. Надеемся, он станет хорошим подарком нашему учителю и духовному вдохновителю, нашей научной маме.

Юбилей – это замечательный праздник, когда хочется говорить об успехах, достижениях и непременно о планах на будущее.

С 2014 года Марина Владимировна работает в Санкт-Петербурге. С 2016 по 2018 годы она возглавляла кафедру иностранных и русского языков Военного института (инженерно-технического) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии Хрулёва.

С 2018 года Марина Владимировна является ректором Института иностранных языков (г. Санкт-Петербург).

Марина Владимировна ведет активную научную работу. С 1998 года ею было организовано более 80 международных научных конференций в разных городах и разных странах и с 2006 года – 33 международных научных школы.

Марина Владимировна Пименова – автор 404 научных трудов, в том числе 30 монографий и разделов в коллективных монографиях, 22 учебных пособий (изданных, в том числе, в издательствах Инфра-М и Флинта-Наука, г. Москва). В качестве соредатора она опубликовала 91 сборник, монографии, учебные пособия.

Марина Владимировна возглавляет Санкт-Петербургско-Кемеровскую лингвистическую школу концептуальных исследований. Под ее научным руководством в период с 2003 по 2018 годы защищены 24 диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук и 2 диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Диссертации учеников Марины Владимировны Пименовой были защищены в советах разных городов России – Волгограде, Екатеринбурге, Новосибирске, Самаре, Северодвинске, Кемерово, Твери.

С 2006 года Марина Владимировна проводит научные Школы на территории разных стран – в России, на Украине, в Белоруссии, в Казахстане, Кыргызстане, в которых принимают участие аспиранты, докторанты, преподаватели из разных стран (России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Киргизии, Польши, Индии, Кореи, Китая). Лекторами на этих Школах выступают ведущие ученые России, а также ближнего зарубежья. С 2006 года ею было проведено 33 научных Школы в гг. Кемерово, Омск, Севастополь, Горловка, Киев, Москва, Витебск, Одесса, Карачаево-Черкесск, Алма-Ата, Павлодар, Караганда, Уральск, Бишкек, Санкт-Петербург.

Марина Владимировна Пименова является членом редколлегии разных научных журналов, входящих в список ВАК: «Гуманитарный вектор», «Вестник Пятигорского государственного университета», «Вестник Новосибирского национально-исследовательского университета». Она входит также в редколлегию журнала «Военный инженер».

С 2012 года Марина Владимировна аккредитована и включена в Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы (https://reestr.extech.ru/experty/expert_change_grnti.php, регистрационный номер 6224).

Марина Владимировна является обладательницей нескольких почётных званий – чл.-корр. САН ВШ, почётный доктор ВА МТО им. А.В. Хрулёва. В 2019 году ей присвоено звание почётного профессора Чжэнчжоуского университета и Лоянского педагогического университета.

Дорогая Марина Владимировна, Ваша успешная деятельность вдохновляет тысячи людей на то, чтобы жить, работать, заниматься научной и творческой деятельностью! Ваши поклонники собирались отовсюду, чтобы приобщиться к Вашему имени, к Вашему миру, к Вашему таланту.

Авторы, которые поздравляют юбиляра своими научными работами, собрались из разных городов. География вузов впечатляет:

Санкт-Петербургский государственный университет, Уральский федеральный университет, Кемеровский государственный университет, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Донецкий национальный университет, Российский государственный гидрометеорологический университет, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Агрыйский университет имени Ибрагима Чечена (Турция); Санкт-Петербургский Институт иностранных языков, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение Российской академии наук (г. Якутск), Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань), Кемеровский государственный институт культуры, Военный институт (инженерно-технический); Витебская государственная ордена “Знак Почета” академия ветеринарной медицины, Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева (г. Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербургский государственный университет.

Республика Кыргызстан в лице Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Киргизско-Турецкого университета «Манас», Международного университета Кыргызской Республики (г. Бишкек), Ош-

ского государственного университета и Ошского государственного юридического института (г. Ош), сердечно поздравляет юбиляра.

От имени Казахстана с праздником Марину Владимировну поздравляет Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова (г. Уральск), а также Институт языкознания Академии наук Республики Казахстан (г. Алма-Ата).

Из Китая к поздравлениям юбиляра присоединяются Пекинский университет языка и культуры, Пекинский спортивный университет, Чженчжоуский университет, Лоянский университет, Тяньцзиньский университет иностранных языков.

Вот что говорят о юбиляре постоянные лекторы тех Зимних, Летних, Весенних и Осенних Школ, которые организовала и до сих пор организует Марина Владимировна:

Валентина Авраамовна Маслова, доктор филологических наук, профессор ВГУ им. П.М. Машерова (г. Витебск, Беларусь).

«Глубокоуважаемая Марина Владимировна! Рада поздравить Вас с Юбилеем, коллегу, друга, корифея русской когнитивной лингвистики, первой на постсоветском пространстве защитившей ДД (докторскую диссертацию) по концептам! Вы талантливый, увлеченный и яркий ученый, автор множества научных публикаций, активно цитируемых. Под Вашим руководством защищены десятки кандидатских и докторских исследований. Вы находитесь на пике физических и интеллектуальных сил и творческих замыслов. Желаю новых свершений! Позвольте еще раз поздравить Вас с юбилеем и пожелать оставаться всегда такой же красивой, душевной, общительной, открытой для всего нового!!!»

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва); Тяньцзиньский университет иностранных языков.

«Марина Владимировна Пименова – не только проницательный и глубокий исследователь, не только замечательный организатор научного сообщества, но и человек с удивительным даром деятельного участия в судьбе всех тех, кому посчастливилось оказаться в ее орбите. Она видит тайны внутреннего мира человека, скрытые в значениях слов и сокровенных смыслах сказок. От всей души желаю Марине Владимировне новых творческих озарений, интересных поездок и встреч и всего самого доброго!»

Сергей Григорьевич Воркачев, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков. Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар).

«Как мне представляется, Марина Владимировна Пименова по многогранности своих талантов – просто человек Возрождения: она и успешный, и продуктивный учёный, автор четырех сотен публикаций, она и пе-

дагог, подготовивший несколько десятков специалистов высшей квалификации, она и редактор почти сотни сборников научных статей и монографий. Талантливых ученых и педагогов в нашей стране немало, а вот таких креативных организаторов, как Марина Владимировна, – нет: с 2006 года она провела 33! «Школы» – пионерских и чрезвычайно востребованных на тот момент курсов повышения квалификации для преподавателей-лингвистов.

Марина Владимировна подготовила немало юбилейных сборников в честь ведущих представителей нашего лингвистического сообщества и поэтому мне особенно отрадно направить статью в её собственный Festschrift. Хочется пожелать ей дальнейших свершений и житейского счастья».

Конечно же хотелось бы также дать слово коллегам и ученикам, авторам статей юбилейного сборника.

Ольга Леонидовна Бессонова, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии и коллектив кафедры английской филологии Донецкого национального университета (г. Донецк)

«Глубокоуважаемая Марина Владимировна! Позвольте от имени коллектива кафедры английской филологии Донецкого национального университета искренне поздравить Вас с замечательным юбилеем!

В этот день хочется сказать Вам много добрых и искренних слов. Ваша научно-педагогическая деятельность чрезвычайно плодотворна. Вы являетесь прекрасным преподавателем, автором известных научных работ, организатором интереснейших научных мероприятий, наставником молодежи. Трудно переоценить Ваш вклад в развитие отечественной лингвистической науки и гуманитарного образования на посту заведующего кафедрой, ректора вуза. Вы – организатор более тридцати научных школ, посвященных актуальным проблемам современного языкознания. Прекрасная атмосфера, высокий профессионализм лекторов, Ваше личное внимание и дружеское участие способствуют становлению и профессиональному росту ученых разных поколений – представителей многих стран. Ваша многолетняя успешная профессиональная деятельность способствует формированию интеллектуального потенциала общества, подготовке научных кадров, высококвалифицированных специалистов в области языкового образования.

Вы – человек большого сердца и открытой души. Ваша творческая работоспособность, научная щедрость поистине не знают границ. Мы признательны Вам за участие в научной жизни нашего факультета, нашей кафедры и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

От всей души разрешите пожелать Вам мира, здоровья, счастья, добра, вдохновения, прекрасной творческой формы, исполнения замыслов и планов.

Пусть накопленный жизненный опыт и мудрость помогут Вам в решении каждодневных задач!»

Ирина Владимировна Кожухова, кандидат филологических наук, доцент кафедры ТиП английского языка Челябинского государственного университета (г. Челябинск).

«С огромной радостью пишу. Уверена, что любому молодому ученому стоит пройти через заботливые руки Марины Владимировны, хотя бы раз побывать на ее Школах. Где еще можно будет подойти к профессору (Валентине Авраамовне или Владимиру Ильичу, например) и обсудить перспективу исследования, задать вопрос? Не искать ответ в книгах и статьях под их авторством, а лично спросить, лично послушать и услышать. И все это – дорогая Марина Владимировна. Она делает науку (как минимум для молодых) доступной, интересной, близкой. Кто еще сможет *так* организовать Школы и *так* подобрать места их проведения? Смогла бы я побывать в Киргизии? Никогда. Если б не Марина Владимировна. Именно благодаря Школам, благодаря труду Марины Владимировны мы дружим с коллегами по всей стране. Благодаря труду Марины Владимировны у нас никогда нет вопроса в том, где найти рецензента-оппонента-приятеля по науке. Способность Марины Владимировны объединять и организовывать людей впечатляет и вдохновляет!

Дорогая Мариночка Владимировна! Уже больше 10 лет, начиная со Школы в Омске, я неизменно с любовью думаю о Вас и с огромным интересом и надеждой (а вдруг получится!) читаю письма о Ваших Школах и других мероприятиях. Желаю далеко идущих планов, творчества, огромного морального отклика и удовлетворения от того, что делаете Вы!»

Багдан Катаевна Момынова, доктор филологических наук, профессор Института языкознания имени А. Байтурсынулы Академии наук Республики Казахстан (г. Алма-Ата, Казахстан).

«Марина Владимировна Пименова – удивительный человек, человек другого измерения. У нее есть все, что может определять современного человека или же личность. Она знает, для чего живет, знает свое предназначение, знает ответственность перед наукой, перед учениками, перед родственниками, перед друзьями. У нее удивительная живость ума, она образованна, имеет широту кругозора, умеет принимать решение в сложных ситуациях и умеет побеждать. Она удивительно душевный человек. Приобрести или сохранять все эти качества мало кому удастся. Желаю ей сохранять все эти качества до последних дней жизни! Долгих лет жизни! Здоровья, достатка ВАМ и Вашим близким!»

Вероника Александровна Каменева, доктор филологический наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета.

«Дорогая Марина Владимировна, примите мои поздравления! Пусть Вам всегда и во всем способствует удача! Пусть исполняются все желания! Пусть все Ваши заявки на гранты получают поддержку! Процветания и успехов Вашему вузу! Радости от общения с коллегами на Ваших интереснейших конференциях! Любви! Счастья! Здоровья! С признательностью и безграничным уважением!»

Нурлан Алымкуловна Ахметова, доктор педагогических наук, профессор межфакультетской кафедры русского языка Кыргызского национального университета им. Ж.Баласагына. (г.Бишкек. Кыргызстан).

«Притягательная сила Марины Владимировны Пименовой заключается в сочетании ее таланта, педагогического дарования и личных качеств.

Это прежде всего одаренность, трудолюбие, целеустремленность, широта и разносторонность знаний и интересов, обаяние, энтузиазм, научная дерзость, любовь к науке и своим коллегам, педагогическое мастерство, смелость и несокрушимая преданность своему делу и своей стране – России.

Под руководством Марины Владимировны Пименовой члены Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, Международная распределенная лаборатория когнитивной лингвистики и концептуальных исследований неоднократно выигрывали гранты различных уровней – от внутривузовских до РГНФ и Президента Российской Федерации. Проблемной лабораторией издано более 60 сборников научных трудов, несколько учебных пособий, десятки учебно-методических рекомендаций, которые широко используются на занятиях в вузе и школе не только в России, но и в Кыргызстане, Казахстане, Китае.

Научная дерзость – это главное неопределимое качество Марины Владимировны. Ее анализы сказок – явление необычайное. Сказка складка, а песня быль – говорят в народе. Действительно, это придуманное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях. Но как анализирует их Марина Владимировна! Это полет фантазии, взгляд из настоящего времени.

Марина Владимировна, Ваше научное творчество только начинается. Ваши идеи Вы щедро дарите своим коллегам. Вы – локомотив научного сообщества когнитологов. Будьте здоровы и счастливы!»

Ко всем этим добрым пожеланиям присоединяются и члены оргкомитета юбилейной конференции, ученики и коллеги Марины Владимировны **Айгуль Авазбековна Бакирова**, зам. директора Центра РКИ. Институт иностранных языков; **Феруза Шухратовна Бекмурзаева**, преподаватель кафедры иностранных и русского языков. Военный институт (инженерно-технический); **Юлия Анатольевна Брунёва**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Военный институт (инженерно-технический); **Елена Анатольевна Мошина**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Военный институт (ин-

женерно-технический); **Ольга Вячеславовна Тиунова**, кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков. Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва. (Санкт-Петербург, Россия).

«Уважаемая и горячо любимая Марина Владимировна! От всей души поздравляем Вас со знаменательной датой! Вы для нас – своего рода Солнце, которое скрепляет и объединяет, удерживает на своей орбите, освещает и согревает. Без Вас все было бы по-другому, значительно хуже, холоднее, непонятнее.

Желаем Вам процветания, здоровья и сил, неиссякаемого оптимизма, интереса к жизни, а главное – желания делиться всем этим с окружающими, которые всегда ждут от Вас совета, улыбки, одобрения. Вы – лучшее, что случилось в жизни у очень многих людей! Огромное спасибо Вам за это!!!».

**А.А. Бакирова, Ф.Ш. Бекмурзаева, Ю.А. Брунёва,
Мирзахидова М.И., Е.А. Мошина, О.В. Тиунова**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81'27

С.Г. Воркачев

Краснодар, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В ИГРОВОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: На материале использования показателей ума и глупости в афористике и анекдотах рассматривается роль прецедентности в формировании игровой тональности дискурса. Устанавливается, что в этой тональности функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная», балагурная и тональность «восхитительная», остроумная, в создании которых регулярно используются ассоциативные связи имен, наполняющих афористические высказывания и анекдоты, с прецедентными явлениями.

Ключевые слова: игровой дискурс, тональность, познавательная способность, прецедентность.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет.

Контактная информация: e-mail: svork@mail.ru

S.G. Vorkachev

Krasnodar, Russia

PRECEDENCE IN GAME DIS- COURSE

Abstract. The material of using indicators of the intelligence and stupidity in aphoristic sentences and anecdotes examines the role of precedence in the formation of the game tonality of a discourse. It is established that in this tonality two main subspecies are functionally distinguished: the “amusement” tonality, the jokey one and the “delightful”, the witty tonality, in the creation of which the associative connections of names filling aphoristic sayings and anecdotes with precedent phenomena are regularly used.

Key words: game discourse, tonality, cognitive ability, precedence.

About the author: Vorkachev Sergey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department.

Place of employment: Kuban State Technological University.

«Игровой дискурс», как и сама «игра» (см.: [1, с. 110–113]), – родовое понятие с достаточно расплывчатыми, неопределенными границами, включающее видоые объекты, объединяемые на основании «семейного сходства» – транзитивного, частичного подобия, когда один объект связывается с другим через свойства, присутствующие в той или иной мере в третьем объекте.

Естественно, наиболее значимой и объемной разновидностью игрового дискурса с прагмалингвистической точки зрения выступает дискурс юмористический (комический) как «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [8, с. 304–332]. Игровой дискурс в «чистом виде» реализуется в таких литературных и речевых жанрах, как анекдот, эпиграмма, частушка, эстрадная шутка, пародия, юмористический и сатирический рассказ, роман и пр. Помимо этого игровое начало может присутствовать в виде «коммуникативной тональности» [9, с. 304] практически в любом виде неигрового дискурса, за исключением, конечно, судебных приговоров, технических инструкций и прочих текстов, не допускающих разночтения.

Игровая тональность дискурса создается при помощи самых разнообразных языковых средств и риторических приемов, формальных и семантических (см. подробнее: [2, с. 173–177; 6, с. 179–188]). Её целевая установка реализуется в таких частных социокультурных функциях, как стремление развлечь и развлечься, привлечь к себе внимание, самовыразиться, снять напряжение, поднять свой дух и дух окружающих, поднять свой социальный статус, замаскировать назидательность сентенции и пр. В то же самое время в качестве более общей, можно сказать, глобальной содержательной функции игровой тональности, может быть функция карнавализации, направленная на временное «обращение» культурных ценностей (см.: [3, с. 239–240; 4, с. 174]).

В игровой тональности дискурса функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная» (шутливая, юмористическая), направленная на то, чтобы развеселить себя или получателя речи, и тональность, которую *à faute de mieux* можно назвать «восхитительной», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи удивление и восхищение, что можно с той или иной степенью приближения сопоставить со «стремлением развлечь себя и собеседника» и «стремлением к самоутверждению» (см.: [11, с. 27]).

Обильнее всего, по наблюдениям, игровое начало представлено в таких контрастных и, можно сказать, полярных жанрах, как афористика и бытовой анекдот. Предварительно, в тенденции можно принять, что «увеселительная» функция игровой тональности афоризма ориентирована скорее на его языковую форму в самом широком понимании, в то время как его «восхитительная» функция ориентирована преимущественно на его содержание – «игру смыслов».

«Увеселительная» тональность афористических высказываний создается, главным образом, за счет обыгрывания системно-языковых (синонимии, омонимии, полисемии, пресуппозиций, сочетаемости и др.) и лингвокультурных (прецедентности) связей присутствующих в них лексических единиц.

Здесь регулярно используются ассоциативные связи лексем, наполняющих афористические высказывания, с прецедентными явлениями – прецедентными текстами, прецедентными высказываниями и прецедентными ситуациями (см.: [7, с. 26–29; 10, с. 72–173]): «*Голиаф* не был умен. Ему это было не нужно» – Лауб; «*Дуракам везет?* Не такие уж они дураки» (Ягодзиньский); «Так сильно хочется выглядеть *умным*, что все чаще предпочитаю *молчать*» (Калинин); «*Ахиллесова пята* нередко укрыта в *голове*» (Кумор).

В основе некоторых афоризмов интеллектуально-игровой тональности лежат достаточно отдаленные и тонкие реминисценции с когда-то кем-то уже изреченными мыслями: «Бывает, что усердие превозмогает и *рассудок*» (Козьма Прутков) – *Labor omnia vincit improbus* – «Все побеждает

упорный труд» Вергилия; «Недостаточно быть *умным*. Необходимо быть достаточно *умным*, чтобы не позволить себе стать *умным* сверх меры» (Моруа); «В избытке даже *разум* не всегда желателен, и люди почти всегда лучше приспособляются к середине, чем к крайностям» (Монтескье) – Aurea mediocritas – «золотая середина» – добродетель как среднее между двумя крайностями Аристотеля; «Действительно возвышенные *умы* равнодушны к счастью, особенно к счастью других людей» (Рассел) – Nous avons tous assez de forces pour supporter les maux d'autrui – «У нас у всех хватает сил, чтобы пережить несчастья ближнего» Ларошфуко; «*Дураков* плодят *умные* профессии» (Круглов); «Нельзя стать узким специалистом, не став, в строгом смысле, *болваном*» (Б. Шоу) – «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя» Козьмы Пруткова; «Другие не *дураки*, просто они не ты» (Таранов); «Дурак – это просто инакомыслящий» (А. и Б. Стругацкие) – Imbéciles: ceux qui ne pensent pas comme vous – «Дураки: те, которые думают не так, как Вы» из «Словаря прописных истин» (Dictionnaire des idées reçues) Гюстава Флобера.

Главенствующая коммуникативная цель народного анекдота – создание комической ситуации, вызывание смеха, поэтому неудивительно, что в произведениях этого речевого жанра практически полностью доминирует «увеселительная» дискурсная тональность при практически полном отсутствии тональности «восхитительной», интеллектуальной, тем более, что отличительной чертой анекдота оказывается заимствованность юмора, которую подметил Михаил Светлов: «Многие считают, что юмор – это анекдоты. А ведь что такое анекдот? Анекдот – это одолженный юмор. Сам не можешь, вот и одалживаешь». Анекдот в настоящее время – явление массовой культуры: на телевидении устраиваются конкурсы анекдотов, издаются сборники анекдотов, анекдотами заполнен Интернет. А массовая культура *par excellence* основана на пошлости в этимологическом смысле этого слова как эксплуатации, повторении чего-то уже кем-то созданного (ср.: «Пошлый – др.русск. *пошьль* – “старинный, исконный, прежний, обычный”. От *по-* и *ходить, шел*» – [12, с. 349]). Тем самым анекдот как часть этой культуры по большей части паразитирует на прецедентности, присущей текстам, именам, ситуациям, которые в этом анекдоте обыгрываются. Так, например, одним из признаков доминантности национального прецедентного имени (см.: [5, с. 61–62]) выступает тенденция к включению его в юмористический дискурс – оно, как правило, фигурирует в бытовых анекдотах, образуя целые циклы (анекдоты о Чапаеве, о Штирлице и пр.).

Из «прецедентных» анекдотических персонажей в текстах с показателями познавательной способности чаще всего встречаются Чапаев и Иван-дурак: «Петька забегает к Василию Ивановичу и кричит: – Я колобка зарубил. – *Дурак* ты, Петька, это Котовский траншею копал»; «Сидят Петька и Василий Иванович на дереве. Вдруг к дереву подходит слон и

начинает его трясти. – Василий Иванович, может здесь у него гнездо? – *Дурак* ты, Петька, они в норах живут!»; «Пришел Иван-царевич в французский ресторан, а там: лягушки жареные, лягушки вареные, лягушки под соусом: – Вот они с ними как... А я-то, *дурак*, женился!»; «Сел Иван-*Дурак* на Коня-*Идиота*...».

Комический эффект здесь может создаваться обыгрыванием прецедентных имен, ситуаций и высказываний: «Ленин показал, как можно управлять. Сталин показал, как нужно управлять. Хрущев показал, что *всякий дурак* может управлять. Брежнев показал, что не *всякий дурак* может управлять».

«Лингвокультурным типажем» придурка, тупым, наивным и невежественным, в анекдотах о глупости выступает чукча, появившийся там, очевидно после фильма «Начальник Чукотки»: «Два чукчи ловят рыбу на лодке – один на носу, а другой на корме. Тот, что на носу, слышит громкий всплеск позади, оборачивается – друга нет. Он туда-сюда – нет второго нигде. Вдруг через 5 минут – ух – выныривает он из под воды. Тот, что в лодке спрашивает: – Ты где был?! Я за тебя так испугался!! – Че ж ты пугаешься-то, *дурак*? Червяка я менял!»; «Геолог едет на тракторе вместе с чукчей и его женой. Ну и тут ему так бабу захотелось, что говорит он чукче: – Я с твоей женой в лес схожу на часик, а ты посиди, только дверьми не хлопай и не бибикай. Возвращаются они из леса, геолог и говорит: – *Дурак* ты чукча, поймел я твою жену. – А я, зато, дверями хлопал и бибикал».

Своего рода карнавализация ума в циклах анекдотов о Чапаеве и Штирлице осуществляется через выставление интеллектуально ущербными личностями культурных героев – легендарного красного командира и советского разведчика: «Василий Иванович, кто, по-твоему, *дурак*? – Это человек, который выражается так, что другой его понять не может. Понял? – Нет»; «Василий Иванович, ох, и дуб же ты! – Да, Петька, крепок я!»; «В дверь постучали. Штирлиц открыл и увидел на пороге маленькую собачонку. – Что тебе, *дуреха*? – с суровой нежностью спросил Штирлиц. – Сам *дурак*. Я из центра, – ответила собачонка».

Иванушка-дурачок в детстве – герой анекдотов Вовочка, как правило, интеллектуально торжествует над туповатыми взрослыми: «Учительница: – Дети! Слушайте условия задачи, решать будем устно: летят четыре гуся – три белых и один серый. Сколько мне лет? Все молчат. Вовочка поднимает руку. – Ой, Вовочка, опять ты какую-нибудь *глупость* скажешь! – Нет, Марья Иванна, я решил. – Ну, говори! – Вам двадцать шесть лет. – Правильно! А как ты решил? – Мама меня *полудурком* называет, а мне тринадцать лет...»; «Вовочка сидит на бордюре – курит, пиво потягивает. Мимо бабулька проходит, смотрит на него и говорит: – Ах ты, безобразник! Почему не в школе?! А он ей: – Да ты чего, *дура* старая, кто ж в пять лет в школу ходит?!»

Итак, наблюдения над ролью прецедентности в создании игровой тональности дискурса при вербализации глупости и ума позволяют прийти к следующим заключениям.

Наиболее значимой и объемной разновидностью игрового дискурса с прагмалингвистической точки зрения выступает юмористический дискурс. Помимо литературных или речевых жанров сугубо комического характера, где игровой дискурс реализуется в «чистом виде», он может присутствовать в виде «коммуникативной тональности» за редким исключением во всех видах неигрового дискурса.

Игровая тональность дискурса создается при помощи самых разнообразных языковых средств и риторических приемов, формальных и семантических, в ней функционально выделяются два основных подвида: тональность «увеселительная», направленная на то, чтобы развеселить себя или получателя речи, и тональность «восхитительная», направленная на то, чтобы вызвать у получателей речи удивление и восхищение.

Игровое начало присутствует практически в любом литературном или речевом жанре, но обильнее всего она представлена в таких «полярных» жанрах, как афористика и бытовой анекдот.

Для создания игровой тональности дискурса регулярно используются ассоциативные связи лексем, наполняющих афористические высказывания, с прецедентными явлениями – прецедентными текстами, прецедентными высказываниями и прецедентными ситуациями

В народном анекдоте практически полностью доминирует «увеселительная» дискурсная тональность при практически полном отсутствии тональности «восхитительной». Анекдот как часть массовой культуры по большей части паразитирует на прецедентности, присущей текстам, именам, ситуациям, которые в этом анекдоте обыгрываются.

«Лингвокультурным типажем» придурка, тупым, наивным и невежественным, в анекдотах о глупости выступает чукча, появившийся там, очевидно после фильма «Начальник Чукотки». Своего рода карнавализация ума в циклах анекдотов о Чапаеве и Штирлице осуществляется через выставление интеллектуально ущербными личностями культурных героев – легендарного красного командира и советского разведчика.

Литература

1. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
2. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
3. Воркачев С. Г. Карнавализация лингвокультурного концепта // Воплощение смысла: *conceptualia selecta*. – Волгоград: Парадигма, 2014. – С. 238–305.
4. Воркачев С. Г. «Антипафос»: карнавализация в лингвокультуре // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2014а. – № 1. – С. 174–178.
5. Воркачев С. Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. – М.: ФЛИНТА-Наука, 2014б. – С. 52–70.

6. Воркачев С. Г. *Lumen naturale: аксиология интеллекта в языке*. – М.: Флинта, 2017. – 296 с.
7. Гудков Д. Б. *Прецедентное имя и проблемы прецедентности*. – М.: МГУ, 1999. – 152 с.
8. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
9. Карасик В. И. *Языковые ключи*. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
10. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
11. Санников В. З. *Русский язык в зеркале языковой игры*. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
12. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т.* – М.: Астрель-АСТ, 2003.

References

1. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty. Ch. 1.* – Moscow: Gnozis, 1994. – 612 s.
2. Vorkachev S. G. *Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept.* – Moscow: Gnozis, 2004. – 236 s.
3. Vorkachev S. G. *Karnavlizaciya lingvokul'turnogo koncepta // Voploshchenie smyla: conceptualia selecta.* – Volgograd: Paradigma, 2014. – S. 238–305.
4. Vorkachev S. G. «Antipafos»: *karnavalizaciya v lingvokul'ture // Vestnik Severo-Osetinskogo gosuniversiteta im. K. L. Hetagurova. Obshchestvennye nauki.* – 2014a. – № 1. – S. 174–178.
5. Vorkachev S. G. *Intertekstual'nost', precedentnost' i lingvokul'turnyj koncept // Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah raznyh tipov.* – Moscow: FLINTA-Nauka, 2014b. – S. 52–70.
6. Vorkachev S. G. *Lumen naturale: axiology of intellect in language.* – Moscow: Flinta, 2017. – 296 s.
7. Gudkov D. B. *Precedentnoe imya i problemy precedentnosti.* – Moscow: MGU, 1999. – 152 s.
8. Karasik V. I. *Yazykovoij krug: lichnost', koncepty, diskurs.* – Moscow: Gnozis, 2004. – 390 s.
9. Karasik V. I. *Yazykovye klyuchi.* – Moscow: Gnozis, 2009. – 406 s.
10. Krasnyh V. V. «Svoj» *sredi «chuzhijh»: mif ili real'nost'?* – Moscow: Gnozis, 2003. – 375 s.
11. Sannikov V. Z. *Russkij yazyk v zerkale yazykovoij igry.* – Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. – 544 s.
12. Vassmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* – Moscow: Astrel'-AST, 2003.

УДК 81'27

Е.В. Иванова

Санкт-Петербург, Россия

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ КОНЦЕПТУАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ

Аннотация. Производится краткий анализ существующих подходов к определению и исследованию концепта, предлагается одна из возможных методик описания его структуры. Рассматривается сопоставительное исследование концептов, учитывающее их

E.V. Ivanova

St.Petersburg, Russia

ON CROSS-LINGUISTIC CONCEPTUAL ANALYSIS

Abstract. The article is aimed at the concise analysis of the existing approaches to defining and examining a concept and introduces one of the possible methods of describing its structure. The cross-linguistic conceptual analysis taking into account the

внутриязыковое варьирование. Для иллюстрации приводятся краткие результаты сопоставительного анализа пословичной и газетной разновидностей концептов *Danger* и *Опасность*. Обосновывается целесообразность проведения такого рода сопоставительных исследований.

Ключевые слова: концепт; сопоставительная концептология; типология; пословица; газетный; текст.

Сведения об авторе: Иванова Елизавета Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11, каб.187
e-mail: lisa181054@gmail.com.

*conceptual varieties in each language is considered. The brief results of the cross-linguistic analysis of the two varieties of the concepts *Danger* and *Опасность*, represented by proverbs and newspaper texts, are described as an illustration. Argumentation for the effectiveness of such cross-linguistic research is given.*

Key words: concept; cross-linguistic conceptology; typology; proverb; newspaper text.

About the author: Ivanova Elizaveta Vasilievna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation.

Place of employment: St.Petersburg State University

Концепт прочно утвердился в качестве одного из ключевых понятий отечественной когнитивной лингвистики, характеризующегося при этом многообразиетрактовок и определений, методов исследования и моделирования. Сходство существующих подходов заключается в рассмотрении концепта как некоего ментального конструкта, обладающего языковой репрезентацией, в остальном основные обозначенные на сегодняшний день подходы к этому понятию варьируются, в целом не столько противореча, сколько дополняя друг друга.

Попытка их систематизации позволяет выделить исследования, нацеленные на моделирование когнитивной деятельности человека, при которых концепт выступает как единица данной деятельности. Подобный подход возник еще на ранней стадии формирования понятия концепта. Так, например, Е. С. Кубрякова считает концепт двойкой сущностью: оперативной единицей сознания и значением языковых знаков [8, с. 24]. По замечанию Д. С. Лихачёва, «концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом» [9, с. 5]. И.А. Стернин определяет концепт как «базовую единицу мыслительного кода человека» [12, с. 257]. В настоящее время динамика процесса формирования и функционирования концепта исследуется Н.Н. Болдыревым [1; 2] и его школой.

Таким образом, в рамках этого направления концепт понимается как единица ментального плана, которой индивид оперирует в процессе мышления и коммуникации [6, с. 42]. Данное направление, вслед за В. З. Демьянковым [5, с. 25], было названо нами «когнитивной теорией личности» [6, с. 42].

Вторая точка зрения рассматривает концепт как результат мыслительной деятельности социума в целом, закрепленный в семантике языкового

знака / знаков и являющийся составляющей языковой картины мира [6, с. 42]. Исследователи ориентированы на анализ отражения в языке результатов коллективной интерпретации действительности, что предполагает исследование языковой семантики под определенным углом зрения. При таком подходе концепт является совокупностью всех знаний об объекте, извлекаемых из языковой семантики [13, с. 96], включающим существенные и необходимые признаки объекта, а также эмоциональную, экспрессивную и оценочную составляющие, что определяет его как более широкий и комплексный ментальный конструкт, чем понятие и значение. Второе направление можно назвать «когнитивной теорией социума» [6, с. 42]. Большинство исследований, выполненных в рамках кандидатских диссертаций в последние годы, осуществлены именно с позиций данного направления.

Между двумя обозначенными подходами существует тесная взаимосвязь и отсутствуют резкие границы, поскольку каждый индивид в своем осмыслении действительности опирается на опыт социума, в котором живет, а мировосприятие социума складывается из опыта отдельных индивидов.

Существуют разные, взаимодополняющие методики исследования и описания концепта. В частности, подробный и комплексный подход к анализу концепта, осуществляемого в несколько последовательных этапов, представлен в работе М.В.Пименовой [10].

Концепт, как правило рассматривается как структура признаков, извлекаемых из содержательного пространства, образованного всей семантикой языковых единиц, как значением, так и внутренней формой. Это общее содержательное пространство отражает знание о мире, закрепленное в языковых единицах. Таким образом, описание дискретных языковых единиц подчиняется задаче описания репрезентируемого ими ментального конструкта, а в содержательном пространстве могут быть выделены свои единицы. Такие единицы были названы автором статьи когнитемами и рассматривались как пропозициональные единицы знания, функционально значимые для описания фрагмента языковой картины мира, концепта или иной ментальной сущности, имеющей языковую репрезентацию [7, с. 57].

Понятие когнитемы было уточнено, и их дальнейшая классификация разработана в исследованиях А.А. Бутиной [4], В.В. Подгорной [11] и В.А. Бруквиной [3].

Концептология – наука о концептах – рассматривается как новое направление языкознания [10, с. 13]. Говорить о его появлении и полном праве на существование возможно благодаря формированию основательной теоретической базы моделирования и описания концепта с различных позиций, а также благодаря многочисленным частным исследованиям, анализирующим отдельные концепты на материале разных языков и опирающимся на те или иные основополагающие теоретические положения.

Особое место в данной научной области принадлежит сопоставительному анализу параллельных концептов в двух или нескольких языках. Это

чрезвычайно плодотворное и интересное направление, позволяющее выявить общие и национально-специфичные признаки концепта, дающее возможность судить о своеобразии видения мира народом, обусловленном его культурой, социально-историческими и географическими условиями проживания.

При проведении сопоставительных исследований представляется целесообразным учитывать варьирование концептов в каждом из сопоставляемых языков в зависимости от специфики их репрезентации, т.е. осуществлять сопоставление концептов, вербализованных, например, лексическими и фразеологическими единицами, или же концептов, представленных языковыми единицами и текстом / дискурсом. Такой подход позволяет получить более полную картину сходства и различия концептуальной интерпретации действительности в разных языках.

Изучение варьирования концепта, репрезентированного языковыми единицами и текстом, носит в определенном отношении диахронический характер, поскольку языковые единицы существуют подчас не одно столетие и отражают в своей семантике, как известно, устаревшее знание о мире, тогда как современный текст позволяет реконструировать современный во всех отношениях концепт. Подобное сравнительное исследование представляет несомненный интерес, так как дает возможность выявить неизменные признаки концепта и установить его варьирующиеся характеристики, обусловленные изменениями в жизни социума.

При этом происходит пересечение «когнитивной теории социума» и «когнитивной теории личности», поскольку, с одной стороны, исследуется закрепленная в языковой семантике интерпретация мира социумом, а с другой – зафиксированное в тексте видение мира отдельной личностью, автором текста. Однако этот автор, как уже отмечалось, зависит в своей интерпретации мира от социума, частью которого является, а использование для анализа текстов многих авторов позволяет моделировать видение того или иного объекта именно современным социумом.

Концептуальные структуры, репрезентированные языковыми единицами и текстом, можно рассматривать как разновидности одного концепта либо как концепты, входящие в суперконцепт. Различие в данном случае носит глубоко терминологический характер и не затрагивает сути.

Сопоставление концептов, как репрезентированных языковыми единицами, так и вербализованных в тексте, должно, безусловно, осуществляться на основе единого подхода, в качестве которого можно предложить и упомянутый ранее метод когнитивного анализа. При этом при моделировании концепта, представленного единицами языка, его признаки / когнитивные извлекаются из содержательного пространства, гораздо меньшего по своему объему, чем содержательное пространство текста.

В качестве иллюстрации некоторых результатов сопоставительного анализа с учетом внутриязыкового варьирования рассмотрим в концепты Danger и Опасность, репрезентированные пословицами и современными га-

зетными текстами, что позволяет говорить о пословичной и газетной разновидности обоих концептов.

Пословицы передают из поколения в поколения вековую мудрость народа, издавна сложившиеся рекомендации по выходу из типовых ситуаций и поэтому по праву считаются ярким отражением национального менталитета и национальной самобытности. Исследователи отмечают, что сохранение пословицами актуальности на протяжении длительного времени показывает, что новых ситуаций нет, что, по сути, одни и те же ситуации воспроизводятся в жизни многих поколений, а пословицы подсказывают человеку многократно проверенный на опыте других людей выход из сложившихся ситуаций [14, с. 476].

Газетные же тексты отражают современное видение и интерпретацию того или иного «участка» действительности, соотнесенные более с массовым сознанием, чем с менталитетом. Типовые ситуации в них также присутствуют, но в своем роде «замаскированы» современными обстоятельствами жизни.

Типовая ситуация опасности складывается из трех основных компонентов: источника опасности, ее реципиента и потенциальных последствий опасности, а также включает два возможных отношения к опасности – ее игнорирование или же осторожное предотвращение. Эти же компоненты находят свое отражение в структуре двух разновидностей концептов Danger и Опасность. При этом следует отметить, что опасность в отличие от весьма лаконичного пословичного описания, рассматривается в газетных текстах пространно и обстоятельно в самых различных сферах, что делает необходимым для настоящего исследования ограничиться в ее анализе какой-то одной, например, сферой политики.

Результаты проведенного исследования показывают значительные изменения в языковой репрезентации трех основных компонентов структуры концептов. Так, источниками опасности в ее пословичной интерпретации в обоих языках выступают, например, различные природные стихии и животные (sea, fire, horse, dog; море, гром, волк), в структуре концепта представлены когнитемы “the sea is dangerous”, “fire is dangerous” “a horse is dangerous”, «море опасно», «волк опасен», тогда как в газетном материале источником опасности часто видятся политики, страны, события и организации (Boris Johnson, Brexit, ISIS; Трамп, ИГИЛ), выделяются когнитемы “ISIS is dangerous”, “Iran is dangerous”, «США опасны» и пр. Реципиентом опасности в пословицах является один человек, хотя предупреждение, безусловно, предназначено всему социуму, в газетах перед лицом опасности оказываются все общество или же его отдельные слои. Современные последствия опасности касаются не только гибели или ущерба для здоровья, свойственных пословичной интерпретации, но и ухудшения качества жизни, потери престижа страны, ухудшения политических отношений, войны.

Безусловно, подобные результаты относятся, на первый взгляд, к само собой разумеющимся, однако демонстрируя общие закономерности динамики изменения концептов во времени, сходство и различие их вариативности в зависимости от исследуемого языкового материала общность характеристик, лежащих в основе, они позволяют выявить степень обусловленности интерпретативной функции ментального конструкта средствами его вербализации и принадлежностью к языку определенного народа. Учет внутриязыковой типологии концептов в сопоставительных исследованиях позволяет дать более полное описание их национальной специфики и общих характеристик и представляется интересным направлением современной сопоставительной концептологии.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVIII, 2016. – С.16-25.
2. Болдырев Н. Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. – С. 23–32.
3. Бруквина В.А. Концепты животных и птиц в языковой картине мира (на материале нестандартной лексики английского языка): автореф. дис. ... канд.филол. наук: 10.02.04 / Виктория Анатольевна Бруквина – СПб, 2016. – 21 с.
4. Бутина А.А. Концепты CAT и DOG в английской языковой картине мира: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Александра Анатольевна Бутина – СПб, 2012. - 22 с.
5. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4 – С. 17-33.
6. Иванова Е. В. Концепт как одна из основных единиц когнитивной лингвистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 9. Вып. 3 – С. 40 – 48.
7. Иванова Е.В. Пословичные картины мира / Е.В. Иванова. – СПб: изд-во филологического ф-та СПбГУ, 2002. – 156 с.
8. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка // Изв. АН. Серия Литературы и языка, 1997, Т. 56, № 3. – С. 22-31.
9. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия Литературы и языка, 1993. Т. 52. №1. – С. 3-9.
10. Пименова М.В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 5 – С. 13-22.
11. Подгорная В.В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: автореф. дис. канд.филол. наук: 10.02.04 / Валерия Владимировна Подгорная - СПб, 2016. - 21 с.
12. Стернин И.А. Типы значений и концепт / И.А. Стернин / Под ред. Е.С. Кубряковой // Концептуальное пространство языка: сб. науч. трудов - Тамбов: изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С.258 - 282.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
14. Carnes P. The fable and the proverb. Intertexts and reception / P. Carnes / Ed. by W. Mieder // Wise words. Essays on the proverb – N.Y.: Garland Publishing, 1994. - P. 467-493.

References

1. Boldyrev N.N. Tipologiya kontseptov i yazykovaya interpretatsiya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXVIII, 2016. – S.16-25.
2. Boldyrev N. N. O metayazyke kognitivnoy lingvistiki: kontsept kak edinitsa znaniya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2011. Vyp. IX. - S. 23-32.
3. Brukvina V.A. Kontsepty zhivotnykh i ptits v yazykovoy kartine mira (ea materiale nes-tandartnoy leksiki angliyskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand.filol. nauk: 10.02.04 / Viktoriya Anatol'evna Brukvina – SPb, 2016. - 21 s.
4. Butina A.A. Kontsepty CAT i DOG v angliyskoy yazykovoy kartine mira: avtoref. dis. kand. filol. nauk :10.02.04 / Aleksandra Anatol'evna Butina - SPb, 2012.- 22 s.
5. Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda // Voprosy yazykoznaniya. 1994. № 4 – S. 17-33.
6. Ivanova E. V. Kontsept kak odna iz osnovnykh edinits kognitivnoy lingvistiki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2006. Ser. 9. Vyp. 3 – S. 40 – 48. 20
7. Ivanova E.V. Poslovichnye kartiny mira / E.V. Ivanova. - SPb: izd-vo filologicheskogo f-ta SPbGU, 2002. – 156 s.
8. Kubryakova E.S. Yazyk prostranstva i prostranstvo yazyka // Izv. AN. Seriya LiYa, 1997, T. 56, № 3. – S. 22-31.
9. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka // Izvestiya RAN. Seriya Literatury i yazyka, 1993. T. 52. №1. – S. 3-9.
10. Pimenova M.V. Kontseptologiya na sovremennom etape (sposoby issledovaniya kontseptual'nykh struktur) // Gumanitarnyy vektor. 2017. T. 12, № 5 – S. 13-22.
11. Podgornaya V.V. «Naivnaya anatomiya» v angliyskoy yazykovoy kartine mira: avtoref. dis. kand.filol. nauk: 10.02.04 / Valeriya Vladimirovna Podgornaya - SPb, 2016. – 21 s.
12. Sternin I.A. Tipy znacheniy i kontsept / I.A. Sternin / Pod red. E.S. Kubryakovoy // Kontseptual'noe prostranstvo yazyka: sb. nauch. trudov – Tambov: izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2005. – S.258 - 282.
13. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii, lingvokul'turologicheskii aspekty / V.N. Teliya – M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. – 288 s.
14. Carnes P. The fable and the proverb. Intertexts and reception / P. Carnes / Ed. by W. Mieder // Wise words. Essays on the proverb – N.Y.: Garland Publishing, 1994. – P. 467-493.

УДК 81'27

В.И. Карасик
Москва, Россия

СЮЖЕТНЫЙ МОТИВ «ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ»

Аннотация. Рассматривается сюжетный мотив – тематическая единица нарратива, определяющая развитие событий и судьбу персонажей. Исполнение желаний проанализировано на материале легенд, притч, сказок и романов. Установлено, что этот сюжетный мотив преимущественно выражает отрицательные последствия от исполнения желания, функционирует в качестве проявления недальновидности и испытания либо миссии, которая трагически заканчивается.

V. I. Karasik
Moscow, Russia

PLOT MOTIF “IMPLEMENTATION OF DESIRE”

Abstract. The article deals with plot motif “implementation of desire”. A motif is treated as a minimal unit of a narrative determining the sequence of actions and the fate of the hero. Legends, parables, fairy tales and novels have been analyzed. The material shows that this motif mostly signifies negative consequences of desire implementation and functions as a demonstration of the hero’s improvidence or trial or mission which usually ends with a tragedy.

Ключевые слова: сюжетный мотив, исполнение желания, концепт, нарратив, персонаж.

Key words: plot motif, implementation of desire, concept, narrative, character.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания

About the author: Karasik, Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics.

Место работы: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина.

Place of employment: Pushkin State Russian Language Institute..

Контактная информация: 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6.

e-mail: ykarasik@yandex.ru

*Дорогой Марине Владимировне Пименовой
с неизменным восхищением и самыми
добрыми пожеланиями*

Изучение сюжетных мотивов неоднократно привлекало к себе внимание исследователей. В широком смысле сюжетный мотив рассматривается как одна из тем произведения, это понимание объединяет филологов и искусствоведов (Веселовский, 1940; Мелетинский, 1983; Неклюдов, 2004; Пропп, 1928; Силантьев, 2004; Тюпа, 2010). В узком смысле это понятие трактуется как минимальная единица нарратива, ключевой момент в развитии событий, требующий выбора и определяющий судьбу основных персонажей, такой подход к пониманию сюжетного мотива является лингвокультурологическим и ставит данное понятие в один ряд с лингвокультурным концептом, скриптом и типажом (Карасик, 2015; Ашихманова, 2015, 2017). В данной работе развивается лингвокультурологическое понимание сюжетного мотива применительно к идее «исполнение желания». Предполагается, что эта идея как концепт имеет понятийное, образное и ценностное выражение, проявляется в качестве сюжетного мотива в нескольких типовых вариантах развития событий и характеризуется спецификой в своем жанрово-дискурсивном проявлении.

Желание представляет собой проявление волевой активности человека, направленной в будущее, и объясняется в словарях следующим образом: желать¹ – стремиться к чему-л.; хотеть чего-л. *Желать славы, успеха, признанья. Желать невозможного* (БТС); If you want something, you feel a desire or a need for it (COBUILD). Анна Вежицкая относит идею желания к врожденным атомам смысла и ментальным предикатам и ставит в один ряд обозначения ‘думать’, ‘знать’, ‘хотеть’, ‘чувствовать’, ‘видеть’, ‘слышать’ (Вежицкая, 1999, 2011). Тезис о врожденности ментальных структур, на мой взгляд, нуждается в уточнении, если стоять на позициях принципиальной интериоризации опыта в онтогенезе человека, т.е. признавать воздействие среды определяющим фактором в развитии личности и культуры. Вместе с тем есть предрасположенность к восприятию мира, выработанная

на протяжении всей истории человечества. В операциональном плане выделение атомов смысла как минимальных ментальных частиц представляется вполне обоснованным.

Изучение концептуализации волеизъявления показывает, что его конститутивные признаки включают 1) наличие воли как присущей человеку способности проявлять активность, 2) выражение воли как осуществление действия, направленного на определенный объект, 3) перформативность как изменение действительности в результате осуществления действия, 4) градуируемость как внутренне присущее волеизъявлению качество, 5) наличие разнородных компонентов волеизъявления, осмысливаемых как отдельные концепты, а его онтологическая сущность сводится к следующим этапам его развертывания: 1) наличие мотива, 2) ориентация, 3) выбор, 4) приложение усилий, 5) осуществление действия (Чайковская, 2008).

Эти признаки определяют действия героев в разных нарративных сюжетах. В обиходном общении противопоставляются желания по степени интенсивности и выполнимости, при этом интенсивность характеризует субъекта, а выполнимость – объект волеизъявления (в последнем случае желание прямо соотносится с возможностью). Кроме того, важным является презентация желания как настойчивого импульса либо как контролируемого поведения ('хочу' и 'хотелось бы'). Этот предикат прагматически специфичен применительно к первому, второму либо третьему лицу, такие нюансы смысла видны в семантике глагола 'желать' (предполагается, что в случае желания базовые потребности адресата удовлетворены, и поэтому такое волеизъявление касается каких-либо дополнительных потребностей). Желание может осуществиться и не осуществиться, в первом случае субъект испытывает радость и ставит новые цели, во втором испытывает огорчение и пытается вновь достичь желаемого либо отказывается от этого намерения. Парадоксально точно охарактеризовала Ф. Раневская отношение к неосуществленному желанию: *«Всё сбудется, нужно только расхотеть»*.

Обратимся к содержанию легенд.

Библейский рассказ о Вавилонской башне повествует о том, что после великого потопа люди захотели построить башню до небес:

На всей земле был один язык и одно наречие.

Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там.

И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести.

И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли.

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню].

Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле (Бытие, 11: 1-9).

Желание построить башню до небес не осуществилось. Люди приступили к строительству, но не смогли завершить его. Причина очевидна: строителям хотелось сделать себе имя. Тщеславие, как можно видеть, осуждается в качестве третьего фундаментального греха в Библии (первым является нарушение божественного запрета есть плоды с райского древа познания добра и зла, вторым – зависть, которая подтолкнула Каина убить своего брата Авеля). Желание прославиться противоречит смирению перед Богом. Наказание носит символический характер: множество языков можно трактовать как метафору взаимонепонимания. В некоторых древних религиозных текстах, кстати, сказано, что часть строителей была истреблена, а часть превратилась в обезьян.

Примером осуществленного желания является следующая легенда.

В древнегреческом сказании о Мидасе говорится, что однажды этот царь сумел принять и угостить Силена, учителя бога вина Диониса, и в благодарность за это веселый бог плодородия предложил Мидасу любой дар, какой он только захочет для себя. Царь попросил сделать так, чтобы всё, к чему он прикоснётся, превращалось в золото. Бог исполнил его просьбу. Вначале Мидас был счастлив и с удовольствием дотрагивался до камней, деревьев, ручья. Но когда он сел за стол для трапезы, то все яства также превратились в золото. В золотую статую превратилась и его любимая дочь, которая захотела его обнять. Тогда царь понял, что он навлек на себя большую беду, и попросил бога простить его и взять этот дар обратно. Бог пожалел царя, велел ему отправиться к волшебной реке и очиститься в ее водах (Н.А. Кун. Легенды и мифы древней Греции).

Таким образом, исполнение желания сначала принесло его субъекту радость, а затем страдания. Но логика волшебного сюжета в данном случае позволяет вернуть события к прежнему состоянию и этим существенно отличается от реальной жизни.

В тексте притчи мотив исполненного желания получает иное освещение:

Жил-был на свете один вор. И был он очень искусен в своём неправомерном ремесле. Бывало, забирался в такое оконце, в котором даже ребёнок рисковал застрять. Умел подняться на чердак по заброшенной на стропила крыши верёвке, да так, что любой ниндзя мог ему позавидовать.

Однажды вор зашёл в одну деревню и услышал разговор о том, что неподалёку стоит монастырь, в котором живёт удивительный монах, который умеет проходить сквозь стены.

«Какое полезное умение! Таким я ещё не владею!» – воскликнул вор. Выспросив у деревенских женщин дорогу к монастырю, он направился к монаху.

Во дворе монастыря сидел пожилой, но крепкий монах.

– Здравья тебе! – поклонился вор. – Не ты ли тот человек, что умеет проходить сквозь стены?

– Да, я умею проходить сквозь стены, – подтвердил монах.

– Как замечательно! – обрадовался вор. – Научи меня этому искусству, оно в моей профессии очень пригодится!

Монах внимательно посмотрел на вора. «Сейчас он спросит, что у меня за профессия, – испугался вор, – что же мне ему соврать?!»

Но монах помолчал, подумал и ответил:

– Хорошо, научу. Но учти, что времени на это потребуется много. Гораздо больше, чем ты думаешь!

«Ничего, что много времени, – подумал вор, – зато потом я сразу так разбогатею!»

– Хорошо, я готов, – ответил он.

Так вор поселился в монастыре. Дни и ночи проводил он в обществе монаха. Прошло три года, но вор так и научился проходить сквозь стены.

– Терпение, – говорил монах. – Нужно время!

Вор соглашался и набирался терпения. Так прошло ещё три года. И ещё шесть...

Спустя 20 лет бывший вор сидел во дворе рядом с монахом и вместе с ним чистил специальным порошком монастырские медные чаши.

– Принеси-ка ещё порошка! – попросил монах. Вор поднялся и... прошёл сквозь стену.

– Наконец у тебя получилось! – обрадовался монах, когда вор тем же путём вернулся назад.

– Верно, – с удивлением обернулся назад бывший вор. – Только я что-то никак не могу припомнить: на кой мне это понадобилось двадцать лет назад?!

В этой притче показано, что человек способен меняться к лучшему. Бывший вор стал другим человеком, изменилась его система ценностей, он открыл для себя новые смыслы жизни. Его желание исполнилось, но исчезла изначальная направленность использовать особые способности для дурных целей.

Желание помочь не всегда приносит пользу тем, кому помогают:

Как-то раз куколка бабочки попала в руки к человеку. Он взял её и рассматривал в течение нескольких часов, видя, как она изо всех сил старается вытиснуть своё тело из маленькой дырочки в коконе. Время шло,

она всё пыталась вылезти из кокона, но прогресса никакого не было. Казалось, что она совсем выбилась из сил и больше не может...

Тогда человек решил помочь бабочке. Он взял ножницы и разрезал кокон до конца. Бабочка легко вышла из него, но её тело было несколько атрофированным, маленьким, а крылья сложенными и сдавленными.

Человек продолжал наблюдать за ней, он ожидал, что в любой момент она раскроет крылья и полетит. Но этого не произошло. До конца своих дней бабочка осталась с деформированным телом и склеенными крыльями. Она никогда не смогла расправить крылья и полететь.

Человек не знал, что жёсткий кокон и невероятные усилия, прикладываемые бабочкой для выхода из небольшого отверстия, были необходимы, чтобы тело приняло правильную форму и чтобы через крепкое тело в крылья вошли силы и она была готова лететь сразу, как освободится от кокона.

В этой современной притче говорится о том, что не следует вмешиваться в естественный порядок вещей, пытаться помочь тем, кто должен проявить свои силы. Подобная метафора проходит в ряде аналогичных ситуаций, когда некто вытягивает колоски из земли, якобы помогая им расти, выпрямляет линии лабиринта, упреждает развитие событий, заранее сообщая их участникам о результате. Осуществленное желание оказать помощь приводит к краху всего события, если тот, кто вмешивается в него, не имеет достаточно терпения и мудрости.

В известном романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» главный герой, юноша с прекрасной внешностью, глядя на свой портрет, высказал искреннее желание оставаться вечно молодым:

– Как это печально! – пробормотал вдруг Дориан Грей, все еще не отводя глаз от своего портрета. – Как печально! Я состарюсь, стану противным уродом, а мой портрет будет вечно молод. Он никогда не станет старше, чем в этот июньский день... Ах, если бы могло быть наоборот! Если бы старел этот портрет, а я навсегда остался молодым! За это... за это я отдал бы все на свете. Да, ничего не пожалел бы! Душу бы отдал за это! (О. Уайльд).

Просьба героя была услышана, его внешность осталась неизменной, а на портрете отражались все возрастные и душевные метаморфозы, которые претерпевает герой, живущий в поисках наслаждений и всё глубже погружающийся в пучину порока. Он становится причиной самоубийства влюбленной в него девушки, толкает своих приятелей на совершение разных преступлений, убивает художника, создавшего его портрет. Как отмечает С.Н. Зенкин, «неподвижный портрет обретает нарративную подвижность и изменчивость, обменивается симулятивной природой с телом и лицом изображенного на нем человека» (Зенкин, 2018). Сюжет завершается по принципу рондо: лорд Генри, когда-то раскрывший перед юным Дорианом перспективу вечного наслаждения, произносит цитату из Еванге-

лия: «Что пользы человеку приобрести весь мир, если он теряет собственную душу?» (Марк, 8: 36). Эти слова заставляют героя осознать всю глубину его падения, он приходит в свой тайный кабинет, где хранится ужасный портрет с лицом сатира, и вонзает нож в изображение. Образы меняются местами, нож оказывается в сердце героя, а на портрете остаётся прекрасный юноша, которым Дориан был когда-то. Таким образом, исполнение желания приводит героя к гибели. В этом тексте настойчиво проводится идея отождествления исполненного желания со сделкой с дьяволом.

В новой книге популярного современного американского писателя Дэна Брауна «Происхождение» центральное место занимает повествование об исполнении желания главного героя.

Гениальный разработчик новых компьютерных технологий видит свою миссию в том, чтобы сообщить человечеству о фундаментальном открытии, которое должно изменить всю картину мира. Это открытие состоит в доказательстве природной эволюции разума, которая произошла без вмешательства сверхъестественной силы. Функция людей в этой эстафете заключается в том, чтобы создать новый тип разумных существ – мыслящих роботов. Герой осуществляет своё желание при помощи самого мощного суперкомпьютера, способного мыслить и принимать решения. Собрав самых авторитетных представителей человечества в огромном современном испанском музее и включив видеотрансляцию этого события для всего мира, главный герой появляется перед публикой, и в этот момент его убивает выстрелом религиозный фанатик. Как выясняется впоследствии, сценарий этой трагедии был разработан самим героем и воплощен в жизнь его верным помощником, функционирующим в качестве компьютерной программы. Трагедия оказалась постановкой, поскольку главный герой был смертельно болен, и ему оставалось жить всего несколько дней.

Желание героя осмыслено им как миссия, предназначение, которое он обязан выполнить. Осуществление этой миссии реализуется в жестокой борьбе со сторонниками религиозной картины мира. Детально продуманный детективный сюжет держит читателя в напряжении, попутно сообщается множество сведений страноведческого и научно-популярного характера. Ответы на вопросы «Откуда мы?» и «Для чего мы?» составляют суть концептуального содержания очередного бестселлера писателя. Автор стремится убедить читателей в том, что главный закон развития материального мира – естественное возрастание энтропии, сформулированный в физике как второй закон термодинамики, – ускоряется, если в ходе распада возникают упорядоченные структуры, высшей формой которых является разум. Ключевая характеристика сюжетного мотива «исполнение желания» в этом романе заключается в том, что в эпоху цифровых технологий все значимые события становятся публичными. Соответственно, на первый план выдвигаются распространители информации, которые вполне могут

быть роботами. Проницательные критики этого произведения могут сделать выводы о том, что развивая искусственный интеллект, человечество подписывает себе смертный приговор. Мы возвращаемся к известной теме нашествия пришельцев, причем в данном случае пришельцев, созданных нами же.

В грустной сказке Ханса Кристиана Андерсена «Русалочка» осуществление желания связано с любовью.

Живущая в море русалочка спасла юного принца, когда разбился корабль, на котором тот плыл. Она полюбила принца, но узнала, что быть с ним и получить бессмертную душу она сможет только в том случае, если принц полюбит ее и женится на ней. Русалочка отправилась к морской ведьме, рассказала ей о своем желании, и та дала ей волшебный напиток, выпив который героиня приобрела образ девушки с ногами вместо рыбьего хвоста, но взамен лишилась своего чудесного голоса. В своем новом образе она познакомилась с принцем, и он полюбил ее, но, как и всякий принц, он должен был жениться на принцессе из другой страны. Когда произошла свадьба, русалочка умерла и превратилась в морскую пену.

Обратим внимание на важные характеристики рассматриваемого сюжетного мотива: осуществление желания требует жертвоприношения, для того, чтобы получить волшебное средство, нужно вступить в контакт с отрицательным персонажем, осуществленное желание вначале радует, но затем неизбежно приносит страдания.

Принципиально иное воплощение получает сюжетный мотив «осуществление желания» в сказке Валентина Катаева «Цветик-семицветик».

Главная героиня, девочка Женя, получает от старушки-волшебницы подарок, цветок с семью разноцветными лепестками, оторвав которые и произнеся заклинание, можно осуществить свои желания. Девочка бездумно тратит шесть лепестков, высказав просьбы о том, чтобы у нее вновь появились баранки, купленные в магазине, но украденные бродячей собакой, чтобы вновь стала целой разбившаяся ваза, чтобы с Женей играли мальчики и девочки во дворе. Ей удаётся побывать на Северном полюсе, столкнуться там с полярными медведями и спастись от них, попросить, чтобы все на свете игрушки прилетели к ней, а затем, убегая от этого потока, попросить, чтобы они вернулись в свои магазины. И когда у нее остался последний лепесток, Женя встречает мальчика-калеку, сидящего на скамейке, приглашает его побегать с ней, он объясняет ей свое положение, и она тратит последнее волшебное средство на то, чтобы он стал здоровым человеком.

В этом тексте реализуются несколько вариантов выполнения желания: осуществление обиходной просьбы, реализация желания, от которого затем приходится отказываться, и, наконец, осуществление желания, приносящего настоящую радость. Столкновение обиходной ситуации и волшебного средства показывает, что людям свойственно зря расходовать

свои возможности, попытки исправить ситуацию в известной мере напоминают сюжет легенды о Мидасе, и только помощь другу оказывается достойным применением особых чудесных средств.

Резюмирую.

Исполнение желания является одним из распространенных сюжетных мотивов в разных жанрах фольклора и художественной литературы. В легендах этот мотив становится индикатором совершаемых ошибок, и субъекты, испытывающие такое желание, получают наказание от Бога либо осуществленное желание доставляет им страдание. В притчах исполненное желание раскрывается как переход в новое понимание вещей либо как вред, который нанесен из-за нетерпения и неспособности видеть развитие событий. В текстах художественной литературы исполнение желания представляет собой испытание героя, которое может разрушить его как личность, либо как осуществление миссии, за которой следует жертва. В сказках этот сюжетный мотив связан с самопожертвованием во имя великой цели и с назиданием, направленным на построение системы ценностей, сориентированных на помощь другим.

Литература

1. Ашихманова Н.А. Разоблачение злодея как сюжетный мотив // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы VI Международной научно-практической конференции / под ред. Л.А. Миловановой. Волгоград: Парадигма, 2015. С.130-134.
2. Ашихманова Н.А. Сюжетный мотив «побег» как генеративный концепт в художественном тексте // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. №3. С.106-110.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Ред., вступ. статья и примечания В.М. Жирмунского. Л.: Художественная литература, 1940. 648 с.
6. Зенкин С.Н. Образ без подобия (Рецептивная структура «Портрета Дориана Грея») // Новое литературное обозрение. №154. 2018. №6. С.70-99.
7. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. – 432 с.
8. Мелетинский Е.М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура: Труды по знаковым системам. Вып. 16. Тарту: ТГУ, 1983. – С. 115-125.
9. Неклюдов С.Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923-1996). Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. – С. 236-247.
10. Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки: монография / М.В. Пименова. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 355 с. – (Научная мысль)
11. Силантьев И.В. Поэтика мотива / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.

12. Тюпа В.И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.
13. Чайковская Н.Ю. Концептосфера «волеизъявление» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. – 24 с.

References

1. Ashihmanova N.A. Razoblachenie zlodeja kak sjuzhetnyj motiv // Aktual'nye problemy lingvodidaktiki i lingvistiki: sushhnost', koncepcii, perspektivy: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. L.A. Milovanovoj. Volgograd: Paradigma, 2015. – S.130-134.
2. Ashihmanova N.A. Sjuzhetnyj motiv «pobeg» kak generativnyj koncept v hudozhestvennom tekste // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. #3. S.106-110.
3. Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i opisanie jazykov. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1999. 780 s.
4. Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty. M.: Jayki slavjanskih kul'tur, 2011. 568 s.
5. Veselovskij A.N. Istoricheskaja pojetika / Red., vstup. stat'ja i primechanija V.M. Zhirmunskogo. L.: Hudozhestvennaja literatura, 1940. 648 s.
6. Zenkin S.N. Obraz bez podobija (Receptivnaja struktura «Portreta Doriana Greja») // Novoe literaturnoe obozrenie. #154. 2018. #6. S.70-99.
7. Karasik V.I. Jazykovaja spiral': cennosti, znaki, motivy. Volgograd: Paradigma, 2015. 432 s.
8. Meletinskij E.M. Semanticheskaja organizacija mifologicheskogo povestvovanija i problema sozdanija semioticheskogo ukazatelja motivov i sjuzhetov // Tekst i kul'tura: Trudy po znakovym sistemam. Vyp. 16. Tartu: TGU, 1983. –S. 115–125.
9. Nekljudov S.Ju. Motiv i tekst // Jazyk kul'tury: semantika i grammatika. K 80-letiju so dnja rozhdenija akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923-1996). Otv. red. S.M. Tolstaja. M.: Indrik, 2004. S. 236-247.
10. Pimenova M.V. Etnogermenevtika russkoj skazki: monografiya / M.V. Pimenova. – M.: INFRA-M, 2018. – 355 s. – (Nauchnaya mysl').
11. Silant'ev I.V. Pojetika motiva / Otv. red. E. K. Romodanovskaja. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 296 s.
12. Tjupa V.I. Diskursnye formacii: Oчерki po komparativnoj ritorike. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2010. – 320 s.
13. Chajkovskaja N.Ju. Konceptosfera «voleiz"javlenie» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2008. – 24 s.

В. М. Кондратьев
Москва, Россия

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА**

Аннотация. Философское исследование ориентировано на познание основы (первоначала) изучаемого объекта. Согласно гипотезе автора, основой возникновения языка является зависимость человека от внешних ему природных и общественных сил. Необходимость осознания зависимости явилась причиной создания языка. Средством осознания являются слова, суждения – продукты синтеза сознания и мышления. Исследования лингвистов не противоречат гипотезе автора.

Ключевые слова: зависимость, свобода, сознание, мышление, язык.

Сведения об авторе: Кондратьев Виктор Михайлович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук.

Место работы: Московский городской педагогический университет.

Контактная информация: 129226, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, ком. 2504.

e-mail: kondrut@mail.ru

V. M. Kondratyev
Moscow, Russia

**PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF
LANGUAGE RESEARCH**

Abstract. Philosophical research is focused on the knowledge of the basis (initial) of the studied object. According to the author's hypothesis, the basis for the emergence of language is the dependence of man on external natural and social forces. The need for awareness of dependence was the reason for the creation of language. The means of awareness are words, judgments - the products of the synthesis of consciousness and thinking. Linguists' research does not contradict the author's hypothesis.

Key words: dependence, freedom, consciousness, thinking, language.

About the author: Kondratyev Victor Mikhailovich, candidate of philosophy, associate Professor of philosophy and social Sciences.

Place of employment: Moscow City Teacher Training University.

Замысел данной публикации восходит к идее зависимости как всеобщей основы всего живого на земле. Растения зависят от внешнего им мира, животные не только от внешних условий их жизни, но и от собственных действий, а человек, кроме всего названного, – от осознанной деятельности. Традиционно философское знание стремится познать природу явлений природы и событий общественной жизни. С этой целью оно обращается к поиску первоначала всего существующего в мире. В качестве такового, как известно, рассматриваются материальные или идеальные объекты сами по себе. Однако для познания природы процессов следует обратиться к всеобщему способу существования объектов, каковым является отношение. В философии отношение определяется как непосредственное и опосредствованное единство самостоятельности сторон (Гегель). Единство же основано на взаимозависимости или взаимодействии объектов/субъектов отношения. Для объектов природы это взаимодействие симметрично, для социальных процессов симметрия может нарушаться. Поэтому теоретически возможно познание воздействия одной стороны на другую без учёта ответной реакции.

Например, природу религии Энгельс объяснял зависимостью человека от внешних ему природных сил. Действительно, человек не мог противостоять силам землетрясения, грозы, лесных пожаров или засухи, он был зависим от них. Попытка воздействовать на силы внешнего мира привела к возникновению анимизма, фетишизма, тотемизма, магии, а в последующем – национальных и мировых религий. Таким образом, попытка человека избавиться от зависимостивнешних сил превратила человека в существо, зависимое от созданных им самим сверхъестественных объектов.

Зависимость является одним из оснований возникновения философии и искусства, но уже не только от сил природы, а и от духовных сил человека и общества. Заметим здесь, что в философии слова *основа* и *основание* не являются синонимами. В учении о детерминации под основой понимается нечто определённое одно, выполняющее роль фундамента процесса, на ход которого оказывают влияния различные силы, именуемые основаниями. Принимается, конечно, во внимание и влияние и условий, и результата процесса, который влияет на его ход. Для пояснения воспользуемся примером Гегеля. Тяжесть фундамента дома является основой того, что дом стоит прочно, как и того, что брошенный камень летит. Основа у этих процессов одна – тяжесть как их неотъемлемое свойство. Все другие силы, влияющие на устойчивость дома или на траекторию полёта, относятся к основаниям и условиям.

Итак, зависимость является основой единства (взаимодействия) человека и природы, человека и общества, как и возникновения религии, философии, искусства и науки. Вправе ли мы теперь предположить, что зависимость является и основой возникновения языка? Полагаем, да, вправе. Но создание нового, качественно отличного объекта, возможно лишь в результате действия сил, стремлений, уменьшающих силы зависимости. Благодаря их действию объект обретает свободу – противоположность зависимости. Свобода, таким образом, есть результат стремлений, направленных на уменьшение зависимости. Зависимость первична, свобода вторична. Одно не существует без другого, и соперничество между ними является причиной развития природы, человека и общества. И язык – один из продуктов этого соперничества. Заметим, однако, что для объектов природы (исключим из их числа животных и человека) соотношение зависимости и свободы в их бытии предопределено объективно, историей их существования. Для существ, обладающих сознанием и мышлением, это соотношение исторически изменчиво, в нём всё большую роль играет субъективное начало.

Спросим теперь себя: возможно ли появление у человека стремления к большей свободе без осознания степени своей зависимости? И, с другой стороны, возможно ли осознание зависимости до появления языка? На оба заданных вопросы мы отвечаем «нет». Остаётся предположить, что язык, сознание и мышление формировались у человека одновременно, каким-

либо образом воздействуя друг на друга. И мы можем лишь сказать, что язык, как сознание и мышление, обязан своим происхождением противоречию между зависимостью и свободой, противоречию, в разрешении которого участвовали и сознание, и мышление на протяжении всей истории человечества.

Условием же, способствующим возникновению языка, было постоянно увеличивающееся количество используемых в жизни человека предметов, определять которые было необходимо для их различения. Да и возрастающее количество соплеменников, как и других живых существ, встречаемых в сфере обитания человека, требовало их определения на основе имеющихся между ними различий. Производительная деятельность, изготовление орудий, обустройство своего жилья, общение с соплеменниками, непосредственно влияющие на развитие сознания и мышления, мы относим к основаниям возникновения языка. Таким образом, процесс возникновения языка имел основу, систему оснований, условия и, конечно, результат, влияющий на ход процесса, его скорость и качество. Обратимся теперь к исследованиям, затрагивающим иные аспекты возникновения языка.

Одним из первых противоречивую природу языка представил Платон в диалоге «Кратил». Кратил, один из участников диалога, отстаивал мысль о том, «что существует правильность имён, присущая каждой вещи от природы» и эта «правильность имён прирождена и эллинам, и варварам, всем одна и та же» [4, с. 613]. Но если правильность имён феномен объективный, то и природа языка объективна. С таким взглядом не согласен Гермоген – другой участник диалога, утверждающий, что «ни одно имя никому не врождено от природы, оно зависит от закона и обычая тех, кто привык что-либо так называть» [4, с. 614]. Гермоген, как видно, отстаивает социальную, а значит, и субъективную природу языка. Мы не берём на себя роль судьи между участниками диалога, считая, что по способу существования язык – феномен субъективный, как субъективны мышление и сознание, а по основе своей – феномен объективный. Иначе сказать, для сохранения рода человеческого язык необходимо должен быть возникнуть. И освещению этого процесса способствует, в частности, работа А. Бергсона «Творческая эволюция».

Согласно Ч. Дарвину, эволюция осуществляется путём приспособления человека к внешнему миру и, как следствие, естественному отбору. Основой приспособления является зависимость, феномен объективный. Следовательно, название труда А. Бергсона можно трактовать как «творческое приспособление», и первым результатом его должен быть язык, без наличия которого невозможно осознание результатов деятельности, выбор дальнейших действий, т.е. вхождение в сферу свободы как условия творчества. «...История эволюции жизни, – поясняет А. Бергсон, – показывает нам, что способность понимания дополняет способность к действию, пред-

ставляя собой всё более точное, всё более гибкое и усложняющееся приспособление сознания живых существ к данным условиям существования» [1, с. 33]. Утверждая, что понятия сформировались по образцу орудий труда, А. Бергсон встаёт на сторону Кратила в его диалоге с Гермогеном. Однако характеризуя мышление как логический процесс, А. Бергсон указывает на его ограниченность: «наша мысль в её чисто логической форме неспособна представить себе истинную природу жизни, глубокое значение эволюционного движения» [1, с. 33]. «На деле мы чувствуем, что ни одна из категорий нашей мысли – единство, множественность, механическая причинность, разумная целесообразность и т.д. – не может быть в точности приложена к явлениям жизни...» [1, с. 34]. Следовательно, не все понятия сформировались по образцу орудий труда, возможно, лишь исторически первые. Первые слова создавались с целью придать определённую различным объектам. Но с какого-то времени благодаря мышлению человека обнаружилась и неопределённость их значения. Создание Платоном учения об идеях зафиксировало этот исторический рубеж. Идеи и есть то, что делает эволюцию творческой. Итак, можно говорить о двух этапах становления языка. На первом значения слов считается определённым, на втором – определённым частично. На первом этапе господствовало логическое мышление, на втором – диалектическое. Продуктом второго этапа явились, в частности, априорные понятия И. Канта.

Обратимся теперь к работам лингвистов, к их пониманию языка и его природы. Нас интересует, в частности, вопрос: разделяют ли лингвисты взгляд на зависимость как естественную основу языка? Анализ взглядов лингвистов начнём с работ В. Гумбольдта (1767–1835). В работе «О различии строения человеческих языков...», говоря о природе и свойствах языка вообще, мыслитель отмечает генетическую зависимость мысли от языка. «Язык есть орган, образующий мысль...» [3, с. 75]. Однако в процессе своего существования они образуют единое целое. «Нерасторжимая связь мысли, органов речи и слуха с языком обуславливается первичным и необъяснимым в своей сущности устройством человеческой природы» [3, с. 75]. Несмотря на тайну человеческой природы, В. Гумбольдт объясняет происхождение языка наличием в человеке стремления к языку как средству взаимопонимания. «...В каждом человеке заложен язык в его полном объёме, что означает, что в каждом человеке живёт стремление (стимулируемое, регулируемое и ограничиваемое определённой силой) под действием внутренних и внешних сил породить язык, и притом так, чтобы каждый человек был понят другими людьми» [3, с. 78]. Основу этого стремления мы видим, как отмечали ранее, первоначально в зависимости человека от внешних сил, а в дальнейшем, как отмечает В. Гумбольдт, – от общества как пространства бытия человека, в котором есть место не только зависимости, но и свободе. Мыслитель не претендует на познание истока языка, отмечая, что в своём прошлом язык «появляется из неведомой

сокровищницы, куда можно заглянуть только до известного предела, после чего она наглухо закрывается, оставляя по себе лишь ощущение своей непостижимости» [3, с. 82]. И в то же время фактически указывает на противоречие между зависимостью и свободой как источником возникновения и развития языка. «Истинное разрешение противоречия кроется в единстве человеческой природы. В том, источник чего, по сути дела, тождествен мне, понятия субъекта и объекта, зависимости и независимости переходят друг в друга» [3, с. 83]. Таким образом, понимание природы языка В. Гумбольдтом отрицает нашу гипотезу о зависимости как основы возникновения языка.

В вопросе о природе языка Ф. Соссюр (1857–1913), с одной стороны, отмечает историческую природу языка: «Не вызывает сомнений, что язык в любой момент своего существования является продуктом истории» [7, с. 92]. А, с другой стороны, утверждает, что бытие языка «не имеет ничего общего с историческим анализом» [7, с. 92]. Характеризуя язык как социальное (человеческое) установление, Ф. Соссюр вполне определённо принимает сторону Гермогена в диалоге с Кратилом. Имеет ли это установление естественную природу? Похоже, Ф. Соссюр таким вопросом не задавался, его более волновал вопрос о принципах изменения существующего языка. Прислушаемся к его аргументации в следующих высказываниях. «Для объекта изучения [лингвистики] характерна двойственность... <...> По-видимому, его сущность действительно не поддаётся никакому историческому анализу, и скорее он может стать предметом всякого рода абстрактных построений...» [7, с. 99]. «...Язык не подчиняется направляющей деятельности разума, потому что он с самого начала не есть результат зримой гармонии между понятием и средством его выражения. В этом заключается основное отличие, несмотря на внешние сходства, от таких установлений, как религиозные обряды, формы политического правления, нравы [и обычаи], не говоря уже об орудиях [труда]» [7, с. 102]. Гипотеза данной статьи утверждает обратное: язык, как и религия, политика, мораль имеют одну общую основу – зависимость человека от внешних ему сил. И язык является средством осознания этой зависимости, а достигнутое понимание служит основой для уменьшения различных видов социальной зависимости. Влияет ли уменьшение зависимости на развитие языка вообще и индивида в частности? Ответ на этот вопрос может быть получен в результате специального исследования.

Гюстав Гийом (1883–1960) в одной из лекций 1957 года определял язык «как способ упорядочивания потока мысли» [2, с. 145]. В таком случае мышление предшествует языку. «Человеческий язык существует только с того момента, когда пережитый опыт преобразуется в *представление*...» [2, с. 145]. Согласно Г. Гийому, язык животных основывается на пережитом опыте и порождённом им мысли. Язык человека – на представлении и соответствующей мысли [2, с. 145]. Согласно философскому знанию,

представление – феномен сознания, не мышления. И сознание формирует-ся ранее мышления. Опыт – один из источников сознания.

«В каждой мысли – размышление. Размышление и турбулентность. В представлении (в сознании – В.К.) мы видим отказ от турбулентности. Хорошо думать – это значит подавить беспорядочность потока мысли. Регулировка этого, её способы заключаются в психомеханизмах. <...> В принципе именно путём необходимого исходного снятия ментальной турбулентности создаётся человеческий язык, а также – и сверх того – потенция человеческого мышления. Но торможение турбулентности происходит инстинктивно. <...> Освобождение от турбулентности – это глубинное явление» [2, с. 146]. Возможно, Г. Гийом прав: для возникновения языка нужна остановка потока мысли, а остановленное мышление трансформируется в слово как образ сознания.

Какой же концепции происхождения языка придерживался Г. Гийом: Кратила или Гермогена? Указание на роль сознания в происхождении языка приближает его к взглядам Кратила, а акцент на роли мышления – к взглядам Гермогена. Фактически, введением понятия *представление*, Г. Гийом осуществляет синтез обеих философских концепций о природе языка.

Важное для понимания природы языка сравнение времени его возникновения с временем появления других видов культуры мы встречаем у Э. Сепира (1884–1939). «Сомневаюсь, можно ли относить какое-либо другое культурное достояние человечества, будь то искусство добывания огня или обтёсывание камня, к более древней эпохе, чем язык. Я склонен полагать, что возникновение языка предшествовало даже самому начальному развитию материальной культуры и что само развитие культуры не могло, строго говоря, иметь места, пока не оформился язык, инструмент выражения значения» [6, с. 42]. Человек, по замечанию Э. Сепира, рождается «не только в природе, но и в лоне общества, которое не может не приобщить его к своим традициям» [6, с. 28]. Рождение человека в данном случае означает и рождение языка под воздействием сил природы и общества. И одним из базовых понятий в характеристике природы языка Э. Сепиром является *опыт*. «Мир опыта должен быть до крайности упрощен и обобщён для того, чтобы оказалось возможным построить инвентарь символов для всех наших восприятий вещей и отношений; и этот инвентарь должен быть налицо, чтобы мы могли выражать мысли. Элементы языка – символы, фиксирующие явления опыта, – должны, следовательно, ассоциироваться с целыми группами, определёнными классами этих явлений, а не с единичными явлениями опыта. Лишь при таком условии возможно общение, ибо единичный опыт пребывает в индивидуальном сознании и, строго говоря, не может быть сообщён» [6, с. 34–35]. Обобщение – продукт мышления человека, а «единичные явления опыта» возникают на базе сознания. Без синтеза сознания и мышления возникновение языка невозможно.

Приведём ещё одно утверждение Э. Сепира, характеризующее его понимание природы языка. «Мы считаем возможным утверждать, что язык возник до-рассудочно; как именно и на каком именно уровне умственной деятельности, – мы не знаем, но мы не должны воображать, что высоко развитая система речевых символов выработалась сама собою ещё до появления точных значений, до того, как сложилось мышление при помощи значений» [6, с. 37]. Возникновению рассудка предшествовало сознание, которым обладают и люди, и животные. Формирование и развитие мышления мы связываем с производительной деятельностью человека, с его вхождением в область свободы и творчества.

В статье «Грамматист и его язык» Э. Сепир говорит о своём понимании природы языка «как символической системы, как способа отображения всех мыслимых разновидностей нашего опыта» [5, с. 256]. На философском языке сказанное можно представить так: опыт как выражение зависимости человека от мира природы и общества служит основой для формирования сознания, производительная деятельность формирует и развивает мышление, продуктом их взаимодействия является язык. А далее – язык влияет на своё настоящее бытие и, тем самым, на своё будущее.

Гипотеза о зависимости человека от мира природы и общества как основы возникновения языка, можно считать, выдержала испытание в историческом плане. Но как она работает в плане актуальном, мы не обсуждаем. Это задача другого исследования.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с франц. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. – 384 с.
2. Гийом Гюстав. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
3. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 35-298. (400 с.)
4. Платон. Кратил // Платон. Собр. соч. в 4 т.: Т. 1 / Общ.ред. А.Ф. Лосева и др. Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1990. – С. 613-681. (860 с.)
5. Сепир Э. Общие проблемы языка. Грамматист и его язык // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – С. 248-258. (656 с.)
6. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – С. 26-203. (656 с.)
7. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистики: Пер. с фр. Общ.ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.

References

1. Bergson A. Tvorcheskayaevolyuciya / Per. s franc. – Zhukovskij; M.: Kuchkovo pole, 2006. – 384 s.
2. GijomGyustav. Principyteoreticheskojlingvistiki. – M.: Progress, 1992. – 224 s.

3. Gumbol'dt V. O razlichii stroeniyachelovecheskihyazykovi ego vliyaniinaduhovnoerazvitielovechestva // Gumbol'dt V. Izbrannyetrudypoyazykoznaniiyu. M.: Progress, 1984. S. 35-298. (400 s.)
4. Platon. Kratil // Platon. Sobr.soch. v 4 t.: T. 1 / Obshch. red. A.F. Losevaidr. Per. s drevnegrech. – M.: Mysl', 1990. – S. 613-681. (860 s.)
5. Sepir E. Obshchieproblemyyazyka. Grammatisti ego yazyk // Sepir E. Izbrannyetrudypoyazykoznaniiyuikul'turologii. – M.: Progress, Univers, 1993. – S. 248-258. (656 s.)
6. Sepir E. YAzyk. Vvedenie v izuchenierechi // Sepir E. Izbrannyetrudypoyazykoznaniiyuikul'turologii. – M.: Progress, Univers, 1993. – S. 26-203. (656 s.)
7. Sossyur F. de Zametkipoobshchejlingvistiki: Per. s fr.Obshch. red., vstup.st.ikomment. N.A. Slyusarevoj – M.: Progress, 1990. – 280 s.

УДК 81'1

В.А. Маслова

Витебск, Россия

**СТИЛИСТИКА КАК ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ
МЕЖДУ НАУКОЙ И ИСКУССТВОМ**

Аннотация. Статья посвящена освещению новых междисциплинарных научных направлений, появившихся на стыке стилистики с теорией интерпретации, с прагматикой, лингвокультурологией, когнитивной лингвистикой, герменевтикой и др.

Ключевые слова: стилистика, герменевтика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, интегративность.

Сведения об авторе: Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: ВГУ им. П.М. Машерова

Контактная информация: г. Витебск, Беларусь, 210015. Московский проспект, 50, e-mail: mvavit@vtut.by;

V.A. Maslova

Vitebsk, Belarus

**STYLISTICS AS A FIELD OF
KNOWLEDGE BETWEEN SCIENCE
AND ART**

Abstract. The article is devoted to the coverage of new interdisciplinary scientific directions, which appeared at the junction of stylistics with the theory of interpretation, with pragmatics, cultural linguistics, cognitive linguistics, hermeneutics, etc.

Key words: stylistics, hermeneutics, cognitive linguistics, cultural linguistics, integrativity.

About the author: Maslova Valentina Avraamovna, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: VSU after M.P. Masherova

*Стилистика является своего рода вершиной исследования языка, теоретической основой развития национальной речевой культуры
(В.В.Виноградов)*

Еще в 80-е годы прошлого века А. Кибрик заявило существовании трех лингвистик что-лингвистика, как-лингвистика и почему-лингвистика. Стилистика – это как-лингвистика, т.е. язык в действии.

Стилистика в последние десятилетия становится все более комплексной дисциплиной. Так, в фокусе внимания стилистики оказываются проблемы, относившиеся ранее к лингвопоэтике. Известно, что общее значение стихотворения больше суммы значений входящих в него единиц языка, это и есть «взаимодействие взаимодействий», изучением которого, по мнению Ю.С.Степанова, и должна заниматься стилистика [4, с. 38].

Среди лингвистических направлений, находящихся в тесной связи со стилистикой и в значительной степени детерминирующих ее современное состояние и, по всей вероятности, перспективы развития в обозримом будущем, прежде всего, выделяются прагматический, коммуникативный и когнитивный аспекты исследования. Выделение целого ряда новых тенденций в стилистике можно объяснить тем, что в ее лежат принципы междисциплинарности, необходимости привлечения экстралингвистических факторов и антропоцентризма, применение которых позволяет по-новому посмотреть на многие традиционно решаемые вопросы. Не следует забывать, что «именно стилистика начала расшатывать основы структурной лингвистики, заставляя исследователей включать в сферу своих наблюдений живые формы языка, не укладывающиеся в строгие рамки формализованных процедур» [2, с. 9]. Более того, стилистика была единственной среди традиционных лингвистических дисциплин, которая обращалась к процессам коммуникации. Поэтому новые подходы к решению ряда проблем сначала появлялись в стилистике, тем самым она способствовала расширению границ традиционной лингвистики.

В современной лингвистике выделяются экспрессивная стилистика, стилистика текста, функциональная стилистика, практическая стилистика, сопоставительная стилистика и др.; отсюда видим, что интердисциплинарные исследования в стилистике очевидны, но каждая из синтезирующихся дисциплин имеет свой объект. Это в традиционной стилистике.

Известно, что предшественницей стилистики, которой была поэтика, с одной стороны, и риторика, с другой. Поэтика понималась как наука о поэзии, а риторика как наука об ораторской речи, ее центральной частью было учение о словесном выражении, т.е. исследовались отбор слов и их сочетание, фигуры речи и т.д. Стилистика, соприкасаясь с поэтикой, исследует приемы языкового построения художественных произведений, проблему выбора языкового знака из ряда синонимичных и др.

В связи с антропологической парадигмой появились новые стилистики: на стыке с теорией интерпретации, с прагматикой, лингвокультурологией, когнитивной лингвистикой, герменевтикой и др. современными областями знаний. Например, синтез с прагматикой привел стилистику к исследованию жанров общения, что, в свою очередь, вылилось в современную жанрологию (новую область лингвистики, занимающуюся проблемами теории речевых жанров, типологией жанров и жанровых форм, жанрами в связи с культурой, языковой картиной мира, языковой личностью, художественным творчеством и т.д.). Было установлено, что жанровые формы во многом определяют характер мышления и поведения языковой личности.

Синтез стилистики с лингвокультурологией позволяет увидеть национальную специфику художественных текстов и их адекватную передачу при переводе, национальную специфику образов и идиостилей конкретных авторов (например, книга В.А. Масловой «Поэт и культура»).

В свое время В.В. Виноградов писал, что поэтическая речь – категория эстетическая и поэтическая, во всех своих трансформациях сохраняющая одну и ту же основу, состоящую в максимальном и всестороннем использовании всех качеств языка и речи на всех структурных уровнях в эстетическом плане» [1, с. 207] Перечисленные им качества поэтической речи переосмысляются современной стилистикой как коммуникативно-прагматические особенности поэтического текста, определяющие его языковой облик в такой мере, что он по всем своим характеристикам отличается от других сфер коммуникации, где арсенал языковых средств весьма ограничен.

Особый интерес в докладе проявлен к синтезу с когнитивной лингвистикой, которую даже возводят сейчас в ранг парадигмы, потому что когнитивистика, по образному выражению Е.С.Кубряковой, оказалась тем зонтиком, который собрал под собой множество дисциплин, так или иначе связанных с усвоением и преобразованием информации [3, с. 7]: философскую теорию когниции, когнитивную психологию, когнитивную лингвистику, теорию искусственного интеллекта и др.

Поскольку когнитивная лингвистика исследует разные аспекты когниции (знание, познание, информация, человеческий мозг, сознание, разум) ее связь со стилистикой исключительно плодотворна: продуктивно исследуется стилевая организация при реализации ментальных, коммуникативно-познавательных процессов. Это не простое «сложение» возможностей когнитивистики и стилистики, а именно разработка нового направления, способного преодолеть ограниченность «узковедомственного» изучения фактов и тем самым обеспечить новые ракурсы их видения и объяснения. Мы видели сегодня это в докладе молодого ученого. Для построения полноценной науки необходимо прежде всего 1) сконструировать или выделить объект исследования; 2) установить методы исследования; 3) определить, какие методы верификации результатов ученый может использовать; 4) систематизировать основные понятия науки; 5) определить ее задачи. До этого еще далеко, но, как видим, «процесс пошел», и это от- радно.

На современном этапе своего развития в рамках когнитивной и лингвокультурологической стилистик обращается внимание на те факты языка, которым до них должного внимания не уделялось. Например, обратили внимание на правила, обеспечивающие нормированную речевую деятельность на русском языке. Так в вопросах сочетаемости, когда один и тот же смысл, но в отношении к разным объектам выражается разными словами: человек стареет, дряхлеет, железо – ржавеет, хлеб черствеет, плесневеет, молоко – прокисает, трава – вянет, деревья – сохнут, пальто – вытирается и т.д. Холодный – день, дом, а есть еще – прием, отношение, но взгляд – колючий.

В «Учебный словарь сочетаемости русского языка» (1978) под ред.

П.Н.Денисова, В.В.Морковкина мы встречаем самую необычную сочетаемость, но которая является типичной для русского языка, но которая не совпадает с сочетаемостью в других языках. Эта стилистика содержания, а не только к формальной правильности.

Еще пример, показывающий, что стилистика позволяет обслуживать самые разные коммуникативные сферы. Стилистическая окраска слова – это информация о сфере его наиболее типичного применения. Так не одна и та же негативная оценка к разным людям выражается по-разному: к политику – *политикан*, к профессору – *кислых щей*, к чиновнику – *отставной козы барабаничик* и т.д. Настоящий интеллигент никогда не скажет: - *"Как была дура-дурой, так ею и осталась"*, он скажет - *"время над ней не властно"*.

Именно стилистика корректирует различные варианты употребления языка, создавая то, что Крысин назвал «языковой сомообороной». Например: *говорил сочным народным языком, высказывал свое возмущение в очень популярных формах* = матерился; *имеет ресурс* = есть поддержка в верхах, блат; *есть проблемы с совестью* = вор; *чрезвычайно общителен* = любит выпить; *не всегда точно выполняет указания руководства* = сообщает лучше начальника, *обладает неограниченным потенциалом* = не выгонишь до пенсии и др.

Отмеченные классиком характеристики русского человека с помощью изменения стиля перестают быть обидными: *У нас на предприятии две проблемы... - Дураки и дороги? - Нет! Плохая транспортная ситуация и слабый менеджмент.*

Из примеров видно, что самой тонкой и сложной ипостасью в любом языке является стилистика, многие слова и выражения часто “балансируют на грани”, границы стилей прозрачны и часто диффузны.

Все, о чем мы говорили, касается монолингвальной стилистики. Полилингвальная имеет свою специфику. При полилингвальном подходе стилистика художественной литературы требует двуязычия высшей пробы, т.к. требуется передать не только социальные типажи с их речевой манерой и реалии конкретного народа, но и сугубо национальные образы, обычаи, традиции. Как, например, донести до инофона чеховскую фразу «*Блины были такие великолепные, пухленькие, рыхленькие, румянькие. Возьмишь один, черт его знает, обмакнешь его в горячее масло, съешь, другой сам в рот лезет*» (Торжество победителя). Так описана А.П. Чеховым русская масленица. Национальный колорит здесь накладывается на стилистическую систему писателя, срastaется с ней, и пред нами предстает национальная культура.

Итак, по своей сущности стилистика – многогранна и синтетична. Существует закон единства всего сущего, т.е. представление о мире как о целостном феномене, в соответствии с которым, начиная со второй половины XX века, активно происходит объединение разных областей научных

знаний. Мир современной стилистики многолик, сложен, а потому недостаточно исследован. Именно текст является релевантной единицей стилистических исследований (М.А.К. Хэллидей). Особую актуальность представляет сейчас когнитивная и лингвокультурологическая стилистики, материалом исследования которых может быть любой текст, но наиболее перспективен художественный.

Литература

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1980.
3. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия РАН. – 2004. – Т. 63, №3.
4. Степанов Ю.С. Авангард наших дней: атмосфера и сеть // Язык и искусство: Динамический авангард наших дней. М., 2002.

References

1. Vinogradov V.V. Stilistika. Teorija poeticheskoj rechi. Pojetika. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1963.
2. Gal'perin I.R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovanija. – M.: Nauka, 1980.
3. Kubrjakova E.S. Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki // Izvestija RAN. – 2004. – T. 63, №3.
4. Stepanov Ju.S. Avangard nashih dnejj: atmosfera i set' // Jazyk i iskusstvo: Dinamicheskij avangard nashih dnejj. – M., 2002.

ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 81`27

Н. А. Ахметова,
Т.И. Буряченко,
Д.М. Камчыбекова
Бишкек, Кыргызстан

РУССКИЙ ЯЗЫК В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Аннотация. В данной статье говорится об особенностях приобщения носителей кыргызского языка к русской национальной культуре. Создавая уроки лингвокультурологической направленности, следует тщательно продумывать все задания. Они должны нести особую смысловую нагрузку, стать источником интеллектуального и нравственного развития учащихся.

Ключевые слова: обучение русскому языку; национальная культура; лингвокультурологическая направленность; текст; задания.

N.A. Akhmetova,
T.I. Buryachenko,
D.M. Kamchybekova
Bishkek, Kyrgyzstan

RUSSIAN LANGUAGE IN THE DIA- LOGUE OF CULTURES

Abstract. This article describes the peculiarities of familiarizing Kyrgyz speakers to the Russian national culture. Creating lessons linguo-cultural orientation, you should carefully consider all the tasks. They should bear a special meaning, become a source of intellectual and moral development of students.

Key words: teaching the Russian language; national culture; linguistic and cultural orientation; text; tasks.

Сведения об авторах:

Ахметова Нурлан Алымкуловна, профессор, д.п.н межфакультетской кафедры русского языка.

Буряченко Татьяна Ивановна, доцент межфакультетской кафедры русского языка.

Камчыбекова Динара Мыктыбековна, старший преподаватель межфакультетской кафедры русского языка.

Место работы: Кыргызский Национальный Университет им. Ж. Баласагына

About the authors:

Akhmetov Nurlan Alymkulov, Professor, D. p. M. an interfaculty Department of the Russian language.

Buryachenko Tatyana, associate Professor of interfaculty Department of Russian language.

Kamchybekova Dinara Myktybekov, senior lecturer, the interfaculty chair of the Russian language.

Place of employment: Kyrgyz national University. Zh. Balasagyn.

Контактная информация: 720033, Бишкек, ул. Фрунзе, 547.

e-mail: Shaaf202@gmail.com,

Наша страна – многонациональное государство. Обучение русскому языку в условиях формирования продуктивного кыргызско-русского билингвизма ставит перед собой, прежде всего, коммуникативную цель. Иными словами, коммуникативная направленность, бесспорно, является основным принципом обучения русскому языку в национальном вузе, где продолжают формироваться умения и навыки общения на русском языке [1]. Однако изучающим русский язык необходимо овладеть ещё одним способом участия в коммуникативном процессе. Речь идёт о том, что, усваивая новый язык, студент одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изу-

чаемым языком. Фактически происходит межкультурная коммуникация, т.е. общение людей, представляющих разные культуры. Это, по сути, соизучение языка и культуры, которое повышает общий уровень владения языком, мотивацию к его всестороннему и многоплановому изучению.

Приобщение носителей кыргызского языка к русской национальной культуре вполне определённо требует закрепления в их сознании новой формулы сходств и отличий. Влияние родного языка практически даёт о себе знать в абсолютном большинстве случаев, поскольку, употребляя слова, обучаемые вкладывают в них родное национально-культурное содержание. В результате нередки случаи, когда человек, высказываясь на русском языке, оперирует категориями национальной культуры. Таким образом, влияние родной культуры осложняет коммуникацию на неродном языке. Отсюда очень важными и необходимыми представляются специальные, целенаправленные усилия, как подготовленного преподавателя, так и правильно ориентированного учащегося. Создавая уроки в лингвокультурологическом направлении, следует тщательно продумать все задания. Важно помнить о том, что строительным материалом для связных высказываний является слово. Поэтому знакомить учащихся со значениями слов и особенностями их употребления в конкретном языке надо по словарям (толковый, фразеологический, этимологический, историко-этимологический, словарь символов и знаков). На занятии очень важна лексическая работа. Задания по орфографии и пунктуации, а также вопросы по морфологии и словообразованию позволяют повторить и закрепить изученное [3].

Следует отметить, что наиважнейшую роль имеет работа с текстом. Обсуждение текста помогает воссоздать языковую картину мира и образ человека в определенной культуре, способствует отображению психологии и ментальности в данном языке, создает эмоциональный настрой, повышает интерес к предмету. Главный этап в подготовке к уроку - выбор самого текста. Он должен нести особую смысловую нагрузку, стать источником интеллектуального и нравственного развития учащихся, и, соответственно, нести лингвокультурологическую направленность. В качестве примера рассмотрим фрагмент занятия, на котором ведётся подобная работа. Покажем на примере текста "Традиции русского стола", разработанного для студентов 1 курса по лексической теме " Этнос и культура. Традиции и обычаи"и грамматической теме «Конструкции со значением образа, меры и степени действия в простом, осложнённом и сложном предложениях».

Задание 1. Прочитайте текст. Найдите и выпишите из текста непонятные слова, уточните их значение. Озаглавьте текст.

(1) Русская кухня является самобытной и своеобразной. (2) Складывалась она на протяжении всей истории Русского государства. (3) Продукты, из которых готовятся кушанья, весьма разнообразны. (4) Традиционный обед в России состоит из трех блюд. (5) Первое – суп из мяса с

овощами и крупами (борщ, солянка или щи), второе – рыба или мясо с гарниром (рис, гречневая каша, картофель, макароны, тушеная капуста), третье – напиток: компот, клюквенный морс, кисель или сок. (6) В качестве закуски, чаще всего, едят блины с икрой, селедку «под шубой», соленые огурцы, квашеную капусту, маринованные овощи, салат из помидоров и огурцов со сметаной. (7) Также едят пирожки с капустой, мясным фаршем или картофелем. (8) Хлеб всегда стоит во главе стола во время еды. (9) В старину каждая трапеза имела свой определенный час. (10) Особенно строго соблюдалось время обеда и ужина. (11) Вся семья собиралась за столом, где у всякого было свое место. (12) Во главе стола сидел хозяин дома, он же первым садился за стол, за ним все остальные домочадцы. (13) Перед каждым обедающим клали ложку и хлеб. (14) Жидкие горячие блюда обычно подавали в общей большой миске на всю семью. (15) Хозяин дома следил, чтобы каждый ел, не обгоняя других. (16) Твердые, вареные, печеные, жареные продукты и кушанья (мясо, рыба) подавались нарезанными кусками на общем большом блюде. (17) Куски брали руками (до появления вилок). (18) Тарелки заменяли большие ломти хлеба. (19) Гости клали на них, как на тарелку, густую пищу, куски мяса, рыбы. (20) После обеда такие «хлебные тарелки» обычно съедались. (21) Правила поведения за столом были довольно строгими: нельзя было стучать или скрести ложкой о посуду, бросать остатки пищи на пол, громко разговаривать, смеяться. (22) Перед тем, как сесть за стол, каждый должен был перекреститься. (23) Все это лишний раз подтверждает то почтение и даже благоговение, которое русские люди испытывали по отношению к хлебу насущному. (24) Русских всегда отличало исключительное гостеприимство. (25) Гости обязательно встречали с поклоном и заботились о нем. (26) Стол в избе накрывали белой скатертью, на которую клали хлеб и соль. (27) Это означало, что в доме всегда рады гостю. (28) Гости провожали и желали ему хорошего пути, говоря при этом «скатертью дорога». (29) Пожелание, чтобы дорога была гладкая, как скатерть – лучшее, что мог сделать хозяин отъезжающим из его дома людям.

Задание 2. Найдите в тексте информацию, которая раскрывает понятие «гостеприимство».

Задание 3. В каком предложении содержится информация, необходимая для обоснования ответа на вопрос: «Почему правила поведения за столом были очень строгими?»

- 1) У русских людей большое почтение к хлебу насущному.
- 2) Показать воспитанность.
- 3) Показать гостям свое гостеприимство.

Задание 4. Укажите предложение, в котором средством выразительности речи является сравнительный оборот.

- 1) Перед тем, как сесть за стол, каждый должен был перекреститься.

2) Хозяин дома следил, чтобы каждый ел, не обгоняя других.

3) Гости клали на них, как на тарелку, густую пищу, куски мяса, рыбы

4) В качестве закуски, чаще всего, едят блины с икрой, селедку «под шубой», соленые огурцы, квашеную капусту, маринованные овощи, салат из помидоров и огурцов со сметаной.

Задание 5. Из предложений 9-15 выпишите слова, с чередованием безударных гласных.

Задание 6. Из предложений 5-6 выпишите слова, правописание Н (НН) в котором подчиняется правилу: «Если в прилагательном есть суффикс ЕНН (ОНН), то в нём пишется НН».

Задание 7. Замените просторечное слово БЛАГОГОВЕНИЕ в предложении 23 стилистически нейтральным синонимом. Напишите это слово.

Задание 8. Замените словосочетание ХЛЕБНЫЕ ТАРЕЛКИ (предложение 20), построенное на основе СОГЛАСОВАНИЯ, синонимичным словосочетанием со связью управление. Напишите получившееся словосочетание.

Задание 9. Среди предложений 14-22 найдите предложение с обособленным распространённым обстоятельством. Напишите номер этого предложения.

Задание 10. В приведённых ниже предложениях из прочитанного текста пронумерованы все запяты. Выпишите цифры, обозначающие запяты при вводной конструкции.

В качестве закуски, (1) чаще всего, едят блины с икрой, (2) селедку «под шубой», (3) соленые огурцы, (4) квашеную капусту, (5) маринованные овощи, (6) салат из помидоров и огурцов со сметаной. Перед тем, (7) как сесть за стол, (8) каждый должен был перекреститься.

Задание 11. В приведённом ниже сложном предложении из прочитанного текста пронумерованы знаки препинания. Выпишите цифры, обозначающие запяты между его частями, связанными подчинительной связью.

Продукты, (1) из которых готовятся кушанья, (2) весьма разнообразны.

Также едят пирожки с капустой, (3) мясным фаршем или картофелем.

Вся семья собиралась за столом, (4) где у всякого было свое место.

Задание 12. Среди предложений 1-11 найдите бессоюзное предложение. Напишите номер этого предложения.

Задание 13. Найдите в тексте конструкции со значением образа, меры и степени действия и выпишите их.

Задание 14. Какие традиции и обычаи, связанные с гостеприимством, правилом поведения за столом есть в кыргызской культуре? Дайте

сравнительную характеристику (сходство и различия) кыргызской культуры с русской культурой или другими народами.

Задание 15. Поделите текст на части. Дайте название каждой части. Запишите план текста в тетрадь.

Домашнее задание. Обсуждение творческой работы (сочинения) на тему «Что такое гостеприимство?» с последующим выполнением дома.

Композиция сочинения:

1. Определение термина «гостеприимство»
2. Пример из прочитанного текста
3. Пример из личного опыта
4. Заключение.

При анализе текста можно предложить студенту ответить на следующие вопросы: что он видит, читая текст, что слышит, что при этом чувствует (ощущает), что думает по поводу прочитанного. Отвечая на поставленные вопросы, студент выстраивают логическую цепочку ответов. Необходимо отметить, что хорошо продуманные вопросы, помогут учащимся увидеть текст детально.

Помимо различной работы с текстом, интересно проходят занятия, с использованием народного фольклора. Приведем примеры:

Прочитайте пословицы и поговорки. Определите их значение. Найдите эквивалент данным пословицам в вашем родном языке.

Опишите ситуации, в которых можно употребить данные пословицы. Составьте диалоги, употребив данные пословицы.

Соловья баснями не кормят.

Мельница сильна водой, а человек едой.

Съел кусочек с птичий носочек.

Ел не ел, да за столом просидел.

Чем больше ешь, тем больше хочется.

Сам себе настряпал блюдо: кушай, хорошо иль худо.

Что в рот полезло, то и полезно.

Не евши легче, а поевши крепче.

Горько добудешь, да сладко съешь.

Каков ни есть, а хочется есть.

В поле серпом да вилой, так и в доме ножом да вилкой.

Не евши и блоха не прыгнет.

Что едим, то и по вороту течет.

Прочитайте пословицы. Как вы понимаете их значение?

Какие национальные черты раскрываются в следующих пословицах? Найдите в вашем родном языке соответствующие эквиваленты. Вспомните другие выражения, с помощью которых можно описать гостеприимство.

За пустой стол гостей не сажаят.

Гость не кость, за дверь не выкинешь.

*Рад не рад, а говори: милости просим!
Какого гостя позовешь, с таким и побеседуешь.
Позднему гостю кости.
Не красна изба углами, а красна пирогами.
Жалеть вина - не видать гостей.
Гостю щей не жалеи, а погуще влеи.
Кто гостю рад, тот и собачку его кормит.
Звал волк козу на пир, да коза нейдет.*

Скажите, согласны ли вы с данными пословицами? Если да, расскажите случай из жизни, который подтверждает это [2, с.176].

Следует обратить внимание на то, что идет углубленная работа с пословицами и поговорками, которые отражают национально-специфические особенности, менталитет народа во всем его разнообразии, более того, они являются важной частью моральных стандартов. А значит, являются ценнейшим материалом для изучения языка и культуры народа.

Конечно, все перечисленные виды работ не представляется возможным использовать на каждом занятии. Можно варьировать вопросы в зависимости от темы. Но работа по осознанию и пониманию учащимися самого текста должна проводиться постоянно. Работа с текстом на уроке позволяет организовать самостоятельное открытие знаний и помогает развивать ассоциативное мышление, увидеть взаимосвязь языка и культуры.

Литература

1. Ахметова Н.А. Кыргызско-русский билингвизм в Кыргызской Республике/Материалы III Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ: От билингвизма к транслингвизму: про и контра// Российский университет дружбы народов. 2017. С. 153-159.
2. Ахметова Н.А., Буряченко Т.И. Изучаем язык специальности /Ахметова Н.А., Буряченко Т.И.// Учебное пособие по русскому языку для студентов химических факультетов/ Бишкек, 2018. С.- 222.
3. Буряченко Т.И. Формирование поликультурной языковой личности на занятиях по русскому языку как неродному/ Языковое сознание в аспекте межкультурной коммуникации: сборник статей. – Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2018.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного, 4-е изд. М.: Русский язык, 1990.
5. Михеева Т. Б. «Обучение русскому языку в полиэтнической школе: деятельность учителя», М.: Русское слово, 2008.

References

1. Akhmetova N. A. Kyrgyz-Russian bilingualism in the Kyrgyz Republic / Proceedings of the III International scientific-practical conference under the auspices of MAPRYAL: From bilingualism to translanguism: Pro and contra/ / Russian University of peoples ' friendship. 2017. Pp. 153-159.
2. Akhmetova N. A., Buryachenko T. I. Learning the language of specialty / Akhmetova N. A., Buryachenko T. I. // Textbook on the Russian language for students of chemical faculties/ Bishkek, 2018. Pp. 222.

3. Buryachenko T. I. Formation of multicultural language personality in the classroom on the Russian language as a non-native/ Language consciousness in the aspect of intercultural communication: collection of articles. - Astana: publishing house of ENU. L. N. Gumilyova, 2018.
4. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Language and culture: linguo-country Studies in teaching Russian as a foreign language, 4th ed. Moscow: Russian language, 1990.
5. Russian Russian language Training in a multiethnic school: teacher's activity, Moscow: Russkoe Slovo, 2008.

УДК 87'27

Е. Ю. Войтенко
Донецк, ДонНУ

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ФЕ С КОМПОНЕНТАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ НАЗВАНИЯ СТИХИЙ)

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям этимологии и функционирования межъязыковых заимствований в английском и русском языках на примере ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий. Описаны ФЕ, заимствованные из Библии, кальки и полукальки из классических и современных языков.

Ключевые слова: фразеологическая единица; идиома; вода; воздух; земля; огонь; межъязыковое заимствование

E. Yu. Voitenko
Donetsk, DonNU

THE INTERLANGUAGE LOANS IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES (ON THE EXAMPLE OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH AIR, EARTH, FIRE, WATER AS COMPONENTS)

Abstract. This article focuses on the etymological features and functioning of the interlanguage loans in the English and Russian languages on the example of the phraseological units with air, earth, fire, water as components. The phraseological units based on or derived from the Bible, full or partial loan translations from the classical and modern languages have been described.

Key words: phraseological unit; idiom; water; air; earth; fire; interlanguage loan

---

Сведения об авторе: Войтенко Елена Юрьевна, аспирант кафедры английской филологии, ДонНУ.

Место работы: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Контактная информация: 283001, Донецк, ул. Университетская, 24.
e-mail: elena-vtn@mail.ru

About the author: Voitenko Elena Yurievna, Post-Graduate Student at the English Philology Department

Place of employment: Donetsk National University.

Данная статья посвящена анализу особенностей этимологии межъязыковых заимствований английских и русских фразеологических единиц (ФЕ) с компонентами, обозначающими названия стихий. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что вода, огонь, воздух и земля – это универсальные ментально значимые понятия в картине мира каждого народа. Понятия четырех стихий, являющихся основой мироздания в архаичной картине мира, проявляли себя во все времена, переосмысливались во всех последующих картинах мира (мифологической, философской, религиозной и т. д.). Соответственно, данные ФЕ, являясь неотъемлемой частью систе-

мы языка, служат одним из средств взаимодействия языка и культуры, в них находит отражение история народа, его традиции и мировоззрение.

Известно, что способ происхождения ФЕ является одним из классификационных признаков. У истоков классификации английских ФЕ стоит лексикограф Л. П. Смит, который в своих работах выделил несколько групп ФЕ, разделив их по тематическому принципу, например, ФЕ, связанные с природными явлениями, профессиональной деятельностью, ФЕ, содержащие в себе компоненты-зоонимы и соматизмы. Также Л. П. Смит определил такие источники происхождения ФЕ, как переводы Библии и другие литературные произведения [7].

Значительная роль в классификации английских ФЕ по источникам их происхождения принадлежит А. В. Кунину, который разделил их на две группы: исконно английские и заимствованные ФЕ. В группе исконно английских А. В. Кунин выделил ФЕ нетерминологического происхождения, ФЕ терминологического происхождения, шекспиризмы и ФЕ, источниками которых являются другие литературные произведения. Группу заимствованных ФЕ согласно А. В. Кунину представляют собой межязыковые заимствования (библейзмы и ФЕ, заимствованные из других языков) и внутриязыковые заимствования из американского и австралийского вариантов английского языка [1, 2].

Изучению происхождения русских ФЕ посвящены работы многих ученых, однако, особую роль в классификации русских ФЕ играют работы А. М. Бабкина, Р. Н. Попова, Н. М. Шанского, В. М. Мокиенко. В частности, Н. М. Шанский выделил четыре группы: исконно русские ФЕ, заимствованные ФЕ, фразеологические кальки и фразеологические полукальки [4, 5].

Анализ источников происхождения ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, позволил выделить три группы: исконные ФЕ, межязыковые заимствования и внутриязыковые заимствования. Следует заметить, что внутриязыковые заимствования характерны только для английского языка – их появление связано с взаимодействием различных вариантов английского языка.

Заимствования из Библии, кальки и полукальки из классических (латинского и греческого), французского и немецкого языков составляют обширную группу ФЕ как в английском, так и в русском языках.

Влияние переводов Библии на английский и русский языки в целом и на создание ФЕ в частности невозможно переоценить. Значительная часть данных ФЕ в русском и английском языках характеризуется сходством в своем семантическом развитии и в большинстве случаев библейзмы сохраняют первоначальное значение, присущее им в Библии, являясь выражением моральных ценностей человечества. С другой стороны, исследователи отмечают, что фразеологизмы библейского происхождения не являются застывшими цитатами, не допускающими никаких изменений. В со-

временных английском и русском языках многие из них подвергаются различным видам обновлений, от них могут образовываться производные фразеологизмы.

В микросистеме «стихий» присутствует значительное число английских и русских ФЕ, этимологически восходящих к Священному писанию.

В английском языке это *to pull somebody out of the fire* ‘спасти кого-л., выручить из беды’, *the four corners of the earth* ‘четыре стороны света, весь мир’, *on the face of the earth* ‘на земле, в целом мире’, *to be in deep water* ‘горевать, тревожиться, находиться в тяжелом положении’, *the salt of the earth* ‘соль земли’ и т. д.

В русском языке библеизмы представляют собой цитаты из книг Священного писания, закрепившихся в древнерусском языке в результате влияния на него старославянского, например, *земля обетованная, небо и земля, на земли мир, во человецех благоволение, по морю (воде) аки по суху, геенна огненная*. Следует отметить, что некоторые старославянские по происхождению ФЕ включают в себя устаревшие слова и грамматические формы, однако, как заметил Н. М. Шанский, это не означает, что ФЕ в целом также должны считаться устаревшими, так как они являются общенародными и привычными и относятся к активному фразеологическому запасу литературного русского языка [4, с. 111].

Кроме того, к библеизмам относятся ФЕ, возникшие на основе библейских и евангельских мифов уже в русском языке. Это ФЕ *пройти огонь и воду (и медные трубы), между небом и землей, стирать с лица земли, зарывать/зарыть (свой) талант в землю* и т. д.

Как уже отмечалось выше, большинство ФЕ, восходящих к Библии, совпадают в своем значении в русском и английском языках. Однако, И. О. Наумова, рассматривая фразеологические общности английского и русского языков, выделяет некоторые различия в их семантическом развитии. Так, например, ФЕ *the salt of the earth* ‘соль земли’ означают ‘самое главное, самое ценное, самое важное (о людях)’; ‘о лучших представителях общества’, однако, в английском языке до 1914 г. данный оборот имел тривиальное значение ‘сила, богатство, аристократичность’ и лишь после 1920 г. он приобретает свой первоначальный смысл, восходящий к тексту Библии [3, с. 12].

Рассмотрим далее заимствования из классических языков. Общеизвестно, что они послужили источником распространения греческой, а затем и римской культуры во всем мире.

В исследуемом материале содержится ряд английских и русских ФЕ, восходящих к античной мифологии. В английском языке это, например, ФЕ *waters of forgetfulness* ‘Лёта, забвение, смерть’ – из мифа о Лёте, одной из пяти рек, протекающих в подземном царстве Аида, реке забвения.

В русском языке с античными мифами связаны ФЕ *пуп земли* – из мифа о греческом городе Дельфы, который считался центром мира; *днем с*

огнем – восходит к легенде о Диогене, который днем с зажжённым фонарем искал человека и не нашел его.

В обоих языках присутствует также ФЕ *Promethean fire* ‘прометеев огонь’, то есть неугасающее стремление к высоким целям и идеалам, восходящие к мифу о Прометее, одному из титанов, похитившим огонь и научившим людей им пользоваться.

К заимствованиям из классических языков можно также отнести ФЕ, которые являются переводами цитат, приписываемых древнегреческим и древнеримским авторам. Так, из комедий Тата Макция Плавта, по мнению Линды и Роджера Флевелл (Linda and Roger Flavell), берет свое начало *to pour/throw cold water on/over smth* ‘возражать против чего-л., остудить пыл’, а ФЕ *to pour oil on troubled waters* ‘действовать успокаивающе, умиротворять’ первый раз появляется в произведениях Плиния и Плутарха [6, с. 60].

Английскими ФЕ, заимствованными из латинского языка, являются также *fire that's closest kept burns most of all* ‘скрытый огонь сильнее горит’ (от лат. *quoque magis tegitur, tectus magis aestuat ignis*) и *water of life* ‘живительный напиток’ (от лат. *aqua vitae*).

Среди ФЕ русского языка в данную подгруппу можно отнести следующие: *подливать масла в огонь* (лат. *addere oleum camino*) – выражение приписывается Горацию (Сатиры); крылатая фраза *дайте мне точку опоры и я сдвину Землю (переверну мир)* вероятно принадлежит древнегреческому математику Архимеду, который сказал ее, открыв законы рычага; *нельзя дважды войти в одну и ту же реку (воду)* – афоризм древнегреческого философа Гераклита Эфесского; *сквозь землю провалиться* – восходит к древнегреческому сатирику Лукиану.

Первоисточником выражения *буря в стакане воды* (англ. *a storm in a tea-cup*) является известная в Риме времен Цицерона (I в. до н. э.) поговорка *excitare flustus in simpilo* ‘поднимать волну в черпаке’. Данная ФЕ является калькой с французского языка, хотя ее первоисточник восходит к латинскому языку.

Как в английском, так и в русском языке существует пословица *a great ship asks deep waters* ‘большому кораблю – большое плавание’, она принадлежит перу римского сатирика Петрония. В английском языке зафиксирована в собрании пословиц английского поэта Джорджа Херберта “*Jacula Prudentum*” опубликованного в 1652 г. В русском языке, вероятно, получила широкое распространение после употребления ее Н. В. Гоголем в комедии “Ревизор”.

В целом исследователи отмечают, что многие английские и русские ФЕ заимствованы из латинского языка через французский, но имеются также и те, которые были калькированы непосредственно из французского. В качестве примеров можно привести следующие ФЕ: в английском языке это *baptism of fire* ‘боевое крещение’ от фр. *baptême du feu; to assume/give*

oneself/put on airs ‘важничать, зазнаваться’ от фр. *se donner des airs*; *to make water* ‘дать течь’ от фр. *faire eau*; *revolutions are not made with rose water* ‘революции в перчатках не делаются’ от фр. *voulez-vous qu'on vous fasse des révolutions à l'eau-rose*. В русском языке – *ловить рыбу в мутной воде* от фр. *en eau trouble*; *на край света* от фр. *au bout du monde*; *носиться в воздухе* от фр. *être dans l'air* и т. д.

Стоит отметить, что как и в английском, так и в русском языках существует ФЕ *pull smb's chestnuts out of the fire* (*pull the chestnuts out of the fire for smb*), *таскать каштаны из огня* – ‘делать за кого-либо трудную работу, чужими руками жар загребать’, в ее основе лежит образ обезьяны из басни Лафонтена, которая заставляет Кота доставать из огня жаренные каштаны. Данная ФЕ является калькой, от фр. *tirer les marrons du feu*.

В качестве примера калькирования с немецкого языка может послужить ФЕ, которую фиксируют фразеологические словари как русского, так и английского языков. Это *empty (pour/throw) the baby out (away) with the bath(-water)*, *вместе с водой выплеснуть и ребенка*, от нем. *das Kind mit dem Bade ausschütten*.

Таким образом, значительную часть фразеологических фондов английского и русского языков составляют интернационализмы – ФЕ, источниками которых являются мифы и легенды древней Греции и Рима, переводы Библии и библейских мифов.

Несмотря на то, что многие английские и русские ФЕ потеряли свое первоначальное значение, анализ источников их происхождения позволяет получить необходимые при сопоставительном анализе исторические и культурологические знания.

Литература

1. Кунин, А. В. Английская фразеология. Теоретический курс / А. В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1970. – 243 с.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
3. Наумова, И. О. Фразеологические общности русского и английского языков (в контексте языковой конвергенции): монография / И. О. Наумова; Харьк. нац. акад. гор. хоз-ва. – Х.: ХНАГХ, 2012. – 244 с.
4. Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Русс. яз., 1987. – 240 с.
5. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература» – 4-е изд., испр и доп. СПб.: – Специальная литература, 1996. – 192 с.
6. Linda and Roger Flavell. Dictionary of idioms and their origins. – London; Kyle Cathie Ltd, 1992. – 216 p.
7. Smith Logan Pearsall. Words and idioms. – Glasgow: The University Press, 1928. – 308 p.

References

1. Kunin, A.V. Angliiskaya frazeologiya. Teoreticheskii kurs / A. V. Kunin. – M.: Vysshaya shkola, 1970. – 243 s.
2. Kunin, A. V. Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka: ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. / A. V. Kunin. – 2-e izd., pererab. – M.: Vyssh. shk., Dubna: Izd. tsentr «Feniks», 1996. – 381 s.
3. Naumova, I. O. Frazeologicheskie obshchnosti russkogo i angliiskogo yazykov (v kontekste yazykovoï konvergensii) : monografiya / I. O. Naumova; Khar'k. nats. akad. gor. khoz-va. – Kh.: KhNAGKh, 2012. – 244 s.
4. Shanskii N. M., Zimin V. I., Filippov A. V. Opyt etimologicheskogo slovarya russkoi frazeologii. – M.: Russ. yaz., 1987. – 240 s.
5. Shanskii, N. M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka: ucheb. posobie dlya vuzov po spets. «Russkii yazyk i literatura» – 4-e izd., ispr i dop. SPb.: – Spetsial'naya literatura, 1996. – 192 s.
6. Linda and Roger Flavell. Dictionary of idioms and their origins. – London; Kyle Cathie Ltd, 1992. – 216 p.
7. Smith Logan Pearsall. Words and idioms. – Glasgow: The University Press, 1928. – 308 p.

УДК 81'27

Б.К. Момынова, У.Г. Анесова

Алматы, Казахстан

СЕМИОТИКА КАЗАХСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ЖЕСТОВ КОНЦА XIX ВЕКА

Аннотация. В статье дан анализ семиотике традиционных жестов и жестов-символов у казахов. Анализированы те жесты, тесно связанные с традицией, которые делаются для поддержки близких родственников после смерти человека. Все примеры невербальных элементов взяты из известного романа М.Ауезова "Путь Абая". Обряды и соответствующие к ним элементы невербальной коммуникации, сохранились и сегодня, за исключением тех, которые подверглись изменению с исчезновением кочевого образа жизни.

Ключевые слова: жесты-символы, невербальные элементы, символ; традиция; ритуал; вера, культура.

Сведения об авторе: Момынова Багдан Катаевна. Доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Институт языкознания имени А. Байтұрсынұлы

Сведения об авторе: Анесова Умит Гарифуллаевна. PhD.

B. Momynova, U.G. Anessova

Almaty, Kazakhstan

SEMIOTICS OF THE KAZAKH TRADITIONAL GESTURES OF THE LATE 19TH CENTURY

Abstract. The paper investigates the use of gestures and gesture-symbols by people during the funeral. Gestures, which are closely connected with traditional actions and rituals, are done in order to express emotions and feelings. This paper presents traditional and national non-verbal elements, which are done to support close relatives after the death of a person. In this case, it is important to research the national attitude of Kazakhs regarding the notion of death and, generally, perception of death. All non-verbal elements are taken from the globally known novel 'Abay's way', which were written by M.Auezov. Most of the rituals remain today, except those in which the nomadic way of living has changed within the urban life.

Key words: gesture-symbols; non-verbal elements; symbol; tradition; ritual; belief; culture.

About the author: Bagdan Momynova, Professor, Doctor of Philology.

Place of employment: A.Baitursynuly Institute of linguistics, Kazakhstan.

About the author: Umit Anessova, PhD.

Place of employment: Al-Farabi Kazakh National University.

Место работы: Казахский национальный университет имени аль-Фараби.

Контактная информация: 050010, Казахстан, Алматы, ул. Курмангазы, 29.
e-mail: totunova_b@mail.ru.

---

1. Introduction

It is known, that gestures are used within the words in order to express feelings and emotions, because “the words’ ability to impress is enhanced through gestures” (Brindusa-Mariana Amalancei, 2014). There are a great range of gestures used during the communication and most of them are those, which show the traditional pattern of nation and can be decoded within culture. These kinds of gesture-speech synchrony and cognitive, sociocultural foundations are described in McNeill’s book too. In this article, gesture-speech synchrony is shown, which is taking place during the funeral rituals, which, in its turn, has national patterns only.

Death is the rule of life and nature, which people always be afraid of and talk in different ways. People try to analyze and find out the secrets of this sacred process. But, the question is, how people react and act when someone, especially, someone close to them dies. Usually, Kazakhs find themselves feeling an empty sickness and a sense of being dead-and-alive; people cannot control their actions in great tribulation. However, there are different national and cultural differences of gestures or symbol-gestures, which are usually done during the funeral, rituals and traditions.

Basically, gestures done during the funeral can show not only the emotional state of the person, but also identify the national perception and cognition of the notion “death”. The article presents the attitude and gestures of Kazakh people during the funeral ceremony.

2. Main text

Following examples show the functional aspects of gesture-symbols used for announcement of death.

For Kazakhs, announcement of death is still very serious procedure. Kazakh people never announce death of close relatives, just in a few words and it's never been done simply. People lived in different *auls* (villages), far away from each other. In this case people used to send an envoy. For example, the death of a khan used to be announced by a messenger. While announcing, messengers were keeping a **black flag** in their hands, which remained as a sign of khan’s death. It is clearly shown in following example: The rider rushed on the horse, having taken in a hand a black flag, with words: "Khan of Altyn Orda died this morning. Oh, grief!" (Yesenberlin 1982, 72). Even the way between auls was too far away, the death used to be announced only by riders: *On the way back from Akshoky to Zhidebai with the news that Ospan was ill, Abai met two riders who reported that he had died* (Auezov 1980b, 234 [translated text]). The person, who announced someone’s death, would also had been a respectful *aksakal* (old men) recognized by all auls, and whom everybody had listened to.

At Koyu. It is also a non-verbal element. It is non-verbal action, where family relatives, friends, brothers of the same tribe *are coming close to aul, loudly, mourned the dead, lowering a lead of a horse*. While riding the horse, announcing person *aren't sitting* straight, but he moves on the parties or forward very loudly, grieving: The crowd of riders went behind the group of Kunanbai. In a flash these people made a lot of noise between two settlements, they went on the edge of a height naming Zhanibek).

According to the ancient belief of this people, the main requirement while telling *bata* (blessing word (in verses) from an old or honorary person) used to *ride crying loudly* the following phrase: "*Oibai, bauyrym!*" (Auezov 1980b, 215) ["Oh, my brother!"].

This *running* is usually started by adults. A lot of people were staring at the Kunanbai's group. And now Kunanbai's group, also *having hung the head, is riding opposite to the crowd with the grieving words* (Auezov 1980b, 215) [translated text].

In Kazakh tradition, *at koyu* formed one of the actions, which are obeyed among people, because it is the element done, when someone dies. It is banned during the children's games, where they may do action of *at Koyu*. For example: On the middle of the naked ground, having put a part of a bone and having dug the ground raising it in the form of a grave, they long time rustled, grieving as if jumping on a horse. (Auezov 2006f, 55) [translated text].

Mother having seen it sharply has seized the child by hands and has cried out:

- Where have you learned the "at Koyu" ritual? I told you that it is a bad sign!, – she shouted, having angrily pulled the child and slapped him on the buttocks (Auezov 2006f, 56) [translated text]. In this example, clearly seen, that adults and aksakals sacredly believed, that execution of an action with "at Koyu" is a bad sign and in order, the children never repeat it, they better to be punished.

3. Gestures, which are used during the mourning process

Aielding shashyn tarkatyp, eki iyinine zhayu isharaty (When a woman lets her hair down on her shoulders). The custom was done by a woman when her husband dies. *Kara shashyn tarkatyp, eki iyinine zhaiyp salgan* (Auezov 1979a, 199) [Translation: She has untwined her braids and let her hair down on her shoulders].

Shashyn short bailau (To stick quadrangular scarf//scarf in a strong knot). *The custom, which is done by wife, woman and girls of the house, where husband/father died*: At this time, in Bozhey's house his spouse tied her scarf in strong knot (Auezov 1979a, 199) [translated text]; Both daughters of Bozhei had removed borik (national headwear) from the head and *had tied the black scarf very strongly* (Auezov 1979a, 200) [translated text].

Gesture-symbol *Kara zhelek zhamylu*. When the widow ties a scarf very freely. Bozhei's widow is sitting alone right down in the middle tying her scarf freely (Auezov 1979a, 217) [translated text].

Gesture-symbol of hanging a black flag. Ancient times people used to hang a flag on a long stick and put it to the right sight of the dead person's house. Specifically, for the honor of dead person, people used to put up a big, solemn yurt. The color of the flag differs according to the age, social status, and ancestors of the dead one. For example: Bozhei was not a representer of common people, but one of the aristocrats, which meant that the special flag of Bozhei's family should be hung. The aristocrat family's descendants can be varied by white, blue, mixed colored flags. But if a dead one is from common people, the color of the flag differs according to the age of the dead: Suyindik told if a younger person dies, the color of the flag will be red, if older, the color will be white: "Bozhei is an adult of middle ages – his flag will be white from one party and red from another" (Auezov 1979a, 197) [translated text].

The gesture-symbol of *at kekilin, kuirigin short kesu, tul dau*. When an honorary person dies, people cut (directly, not across) the horse's bang and tail (favorite horse of the dead, which he had ridden in the winter and in the summer), this cutting process is called 'tul dau'. This horse has the symbolic meaning of 'tul dau' can inform that his owner is dead and every person can understand it, at once. This horse never be ridden anymore and next year it is going to be scarified for the annual commemoration. For example: When people brought Bozhei's two favorite horses, all adults, unwittingly, started to cry. Baidaly, as usual, made up his mind quickly. First, he came to the horse staying on the right and said:

- Dear animal, your owner has left this life and you're alone now! – said he and came nearer and sharply cut horse's bang (made the ritual of tul dau). After that having collected a big lump of wool in a palm, sharply, cut off a tail of a horse... These two horses won't be riding till the next year. Nobody will touch them and when horses gain weight they will be sacrificed and given for anniversary of the dead.

The next gesture, which is done, when close relative dies is *bet tyr nau*. The ritual, when wife scratches her face with the nails, because the husband or supporter died. For example, The wound on her face shows, that she scratched her face from a grief and tears (Auezov 1979a, 200) [translated text].

The gesture *bet zhyrtu* was also done at the time of the Great Patriotic War, when the message about the death of the close person had been received. Today the concept *bet zhyrtu* has remained, but the action almost isn't performed anymore: Lying on hay, I thought about my father, who died last year in a war. My mother scratched her face with words: "Fascist, I hope you fall! You'll be damned! I curse, that you could not be pleased with your children, fascist! Oh, fascist, hope, you'll die in loneliness!!!" (Kanazov 1993, 5) [translated text].

When the girl, on the contrary, wears a man's headdress. Mourning the beloved father, daughter put on special clothes for the memory of the dead, this gesture is a grief sign and symbol: They differed from other girls. They put on

head *man's headdress*. They have velvet astrakhan cap. She *put on that cap, which is not devoted to girls', on the contrary* (Auezov 1979a, 210) [translated text].

Gesture symbol, when the dead person's horse is taken on a lead and laid down a saddle with all accessories and people do this ritual whole year in order to show respect and mourn for the dead person: The *horse on a lead with Bozhei's saddle and all accessories*, is just seen among the mourning crowd. On a saddle was put Bozhei's red fur coat, which he had worn to Karkaraly last winter (Auezov 1979a, 210) [translated text].

To stick a whip near a body of the dead and to hang up his headdress on the contrary. To stick a whip near the dead person is one of the way of mourning, showing grief and soul pain. This gesture is made to show respect for the memory of death. A whip was stuck near the man and Bozhei's winter fox-fur cap was also hung up on it (Auezov 1979a, 210) [translated text].

The gesture-symbol of relying on a stick. The mourning ritual of relying on a stick, done by close male relatives of a dead person. When crowds of people come to condole, mourning took a lot of time and at this time relatives of the dead person show their grief, leaning on a stick holding with both palms as if having put on it abreast, it is considered as a symbolic gesture. And also the phraseological unit “Tayak ustap kalu” (direct translation: to hold a stick), “ak tayakka suienu” (direct translation: to lean on a white stick) has such meaning as to lose the close person, to remain lonely after the death of someone who took special place in his life. In the contextual analysis, we can also find out following gesture-symbol: When a crowd of people came to tell mourning words, shivering, stalled from the legs. Even the *stick on which he leaned* couldn't hold him (Auezov 1979a, 196) [translated text]; Getting closer, Abai saw that near the house there were for about thirty men who had applied breasts to hands holding a stick and they also leaned on these sticks. There were also such young men as Balagaz, Bazarala, who also leaned on a stick standing nearby (Auezov 1979a, 216) [translated text]; Hanging a long white stick, all youth and adults of Yrgyzbay's clan were standing leaning on a thick stick, at that time speaking out the name of the dead, people came with the words of a condolence. (Auezov 1980c, 433) [translated text].

To lower the person from a horse supporting him – this gesture-symbol is done in some situations. Firstly, this gesture is done in order to show respect and honor to the person. Secondly, the action is made in order to show respect for authority. Thirdly, *lowering the person from a horse supporting him, when someone comes to mourn the dead person*, it's done when someone is intended to see the dead person to say goodbye. This gesture is done to show the respect, and give some help for the tear-stained tired person. For example, there are several *zhigits* (young men) running to meet people on a horse and helping them to lower them from horses, supporting, in order to carry out to the relatives of the dead person (Auezov 1979a, 216.) [translated text].

Putting hands on a belt when a child or close relative dies – the sign of a grief, gesture of mourning. To bend an elbow putting hands on a belt, by overturning palms, so that it was visible. While doing this gesture the woman closes her eyes and shakes in both parties singing a mourning song: Putting her hands on a belt, she started shaking (Bakbergenov 1993, 65) [translated text]; *My grandmother sing a mourning song by putting her hands on both sides, my elder brother's wife scratched her face with all force* (Kanazov 1998, 96) [translated text].

Buirin tayanu, kos bairin tayanu, eki bairin tayanu – different verbalization of the same gesture. This action is also can be understood as holding belt, femur. The gesture of putting hands on femur – the gesture is done to mourning dead person. The same as holding both sites. That's why holding or putting hands on both femur for Kazakhs is obeyed in usual days: The white house with the big dome is full of women, sitting on the right side of the threshold, most of whom are crying putting their hands on the femurs (Auezov 1979a, 217.) [translated text]; *In streets, there are also old women holding hands on belts and crying very loudly* (Kanazov 1998, 26) [translated text].

Crying and swaying from one side to another – loudly singing a mourning song by shaking from side to side: She is singing her mourning song shaking, while her tears stream down the face (Kanazov 1998, 26) [translated text].

The gesture "korisu" – (from the word "koru"-to see) the action, when two men embrace mourning the dead person, where the action is done between males in a standing position, when man comes to woman, he sits in front of her and they embrace by crying and here the gesture "korisu" is made. Usually, a lot of woman cry loudly in 'korisu': Crying men coming in front of sitting women, bend their knees and they embrace each other. (Auezov 1979a, 217) [translated text]; *After embracing with each other in outside, they are taken away to the white house one by one, meanwhile as they are grieving loudly shouting and crying* (Auezov 1979a, 217) [translated text]. And also, several zhigits (young men) were holding crying people in order *them to embrace with those men*, who were standing outside one by one. After this, these zhigits (young men) took that men by holding them to the big house, laid by black, in order, for them to embrace (to do the gesture of 'korisu') with sitting women (Auezov 1980c, 433) [translated text].

When someone dies, other people come to say words of a regret: Each comer with Akbota's grandmother crying in turn (Kanazov 1993, 256) [translated text]. ...Kudaiberdi went straight to Bozhei's wife with mourning, crying. That woman had released from other person's embrace, turned to embrace him, loudly crying: "Aga-ekem, bauyrym!" (Oh, my dear uncle!). During the "korisu" usually the word-formulas "Oh, bauyrym" (the form of naming close relatives) used with other gestures.

Karany zhygu/kara tudy zhygu//kara bairakty zhygu - To overturn the black//to overturn the black flag//to overturn the black banner – gesture done

after one year from the date of death of the person, when the black flag overturns: He executes superstition by overturning the black to the ground and trampled down heels and broke it (Auezov 2005d) [translated text]; When zhigits (young men) decided to take away a mourning horse, two women sitting on the right had run out and had clasped a neck of a horse with words of a grief, having touched all people, who came today. Old people: “Astaryn abat bolsyn!” (Enjoy your meal!) they said and *kharaly bairak* (black banner) were overturned, and everybody run away in the suburb of the aul to their horses (Segizbayuly 2009, 95) [translated text].

The traditional gesture of sacrificing and handing out the mourning horse meat. This gesture is done after one year from the funeral date: After they read the Koran devoted to the memory of ancestors and the died person, *two young men brought that horse* and knocked down it on the ground... By rules, *bata* (blessing words (in verses) from an old or honorary person) is given before people begin a meal, but *the horse had been cut before people leave and his meat was distributed to all dear people and aksakals* (Segizbaiuly 2009, 95) [translated text].

Yis shygaru, zheti shelpek taratu (the ceremony, when 7 fried flat cakes are cooked and distributed to people, it is made for memory of the dead (the bigger emphasis is placed on a pleasant smell of fried flat cake, which, people believe, is intended for ancestral spirits) – the gesture made during the mourning period: This is our house, our lodge and these ones can't even bake a *zheti shelpek* (7 fried flat cakes) in honor of the dead (Kekilbayev 1978,103) [translated text]. She took flour from a bag, began to knead the dough. She intends to bake flat cakes for the dead. She wants the dead tasted a smell of *zheti shelpek* (7 fried flat cakes).

- Bismillah, - she said and torn off a piece of *shelpek* (fried flat cake). If it was an aul, she would distribute them on houses (Kekilbayev 1978, 106 [translated text]).

4. Conclusion

Eventually, there are a great number of gestures, symbolic actions, which are performed when someone dies within a Kazakh family. According to the culture, a dead one spends 3 nights before it will be buried. During these 3 days, all relatives and close people come to say mourning words and almost all rituals are made after someone's death. Here, we also can admit the symbolization of the number 7, because the 7th day after the death of the person is considered as sacral and people continue to come in order to support and condole the close relatives of the dead person, where there actions and rituals of announcement of the death and gestures are used. In mourning process, usually, most of them are done and, even today, are expressed, even it is not the thing, which is usually taught to Kazakh children from the early childhood, but they learn it by imitation. As you see, Kazakh people's attitude toward death is very complicated and all feelings are expressed through gestures and rituals.

Here, the role of condolatory visits lasting, sometimes, even till the 40th day after the death is very significant. Most of them are done to support the close relatives of the dead person. This tradition unpacks the grief of the family and is done in order to hang onto recollections of dead person.

References

1. Brindusa-Mariana, Amalancei. Gestures and dialogic communication. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 143 (2014) 902-906
<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042814044528>
2. McNeill, D (2005). *Gesture and Thought*. Chicago: University of Chicago Press. ISBN 0-226-51462-5.
3. Auezov, Mukhtar. 1979a. Abai. Epic novel. 20 books collection. 3rd book. – Almaty: Zhazushi.
4. Auezov, Mukhtar. 1980b. Abai. Epic novel. 20 books collection. 5th book. – Almaty: Zhazushy.
5. Auezov, Mukhtar. 1980c. Abai. Epic novel. 20 books collection. 6th book. – Almaty: Zhazushy.
6. Auezov, Mukhtar. 2005d. Abai. Epic novel. – Almaty: Zhazushy.
7. Auezov, Mukhtar. 2006f. Abai's way. Epic novel. – Almaty: Zhazushy.
8. Bakbergenov, Sauyrbai. 1993. Borte – Shyngyzkhaning zhubaiy [Borte – Shyngys Khan's wife]. Almaty: Zhazushy.
9. Kanazov, Moldakhmet. 1993. Kiyandagy kun nury [Far ray of sunlight]. Stories, fairy tales: For children of high school age. – Almaty: Balausa.
10. Kekilbayev, Abish. 1978. Kus kanaty [Bird's wing]. Stories. – Almaty: Zhazushy.
11. Segizbayuly, Ksdirbek. 2009. Belaskan. Novel. 3rd book. – Almaty: Zhalyln.
12. Yesenberlin, Ilyas. 1982. Altyn Orda [Golden Horde]. Historical trilogy. – Almaty: Zhazushi.

УДК 81.111

О.Н. Морозова

Санкт-Петербург, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМА – КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются функции и специфические черты политической интернет-рекламы как вида политической публичной коммуникации. Описываются основные современные и перспективные направления изучения данного феномена.

Ключевые слова: политическая публичная коммуникация, политическая реклама.

Сведения об авторе: Морозова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра английской филологии.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

e-mail: mail.olfrost@gmail.com

O.N. Morozova

St. Petersburg, Russia

POLITICAL ONLINE ADVERTISING AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH: CURRENT STATUS AND PROSPECTS

Abstract. The article discusses the functions and specific features of political online advertising as a form of political public communication. It presents modern and perspective directions of studying this phenomenon.

Key words: political public communication, political advertisement.

About the author: Morozova Olga, Doctor of Philology, Professor, English Philology Department.

Place of employment: Herzen State Pedagogical University of Russia

Политическая реклама является сложным, полиаспектным объектом научного исследования. В самом названии «политическая реклама» заключены сразу два понятия: определенный вид коммуникации (реклама) и конкретная сфера деятельности (политика). Любая реклама представляет собой важный инструмент речевого воздействия, так как основная цель любого рекламного сообщения – убедить и побудить объект к совершению запрограммированного в нем действия. «Таким образом, можно предположить, что политическая реклама представляет собой дифференцированную, многоцелевую, многофункциональную форму политической коммуникации в условиях осуществления политического выбора» [Подгорная, 2006]. Языковая репрезентация рекламного сообщения ярко отражает междисциплинарное многообразие данного типа дискурса, что делает политическую рекламу в целом интересным, важным и актуальным объектом лингвистического исследования.

Практика политической рекламы в настоящее время привлекает большое внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей в разных областях науки, что связано с общей политизацией общества, а также проблемами мировой глобализации. Исследованиями сущности политической рекламы занимались западные ученые D. Simonton (1987), F. Presbrey (1988), H. Laswell (1996), L. Freser (1997), B.I. Newman (1999), P. Chilton (2003) и др. Проблемы эффективности средств воздействия, используемых в политической рекламе, представлены в работах таких ученых, как Ch. Atkin, G. Heald (1976), Schooler B.M.C. and Reeves B. Sh. (1991), Th. Esther, W.G. Christ, Cl.Caywood (1991), Iyengar and M. Prior (1999), G.A. Huber and K. Arceneaux (2007), J. Boesch and Sh. Wakao (2009) и других. Большое внимание в зарубежных исследованиях уделяется вопросам правового регулирования политической рекламы, например, St. Bates (1988), G. Williams (1997), Cl. A. Jones (2004), R. Kevin (2009) и др.

Из наиболее значимых публикаций, связанных с изучением политической рекламы в отечественной науке следует, прежде всего, назвать работы таких авторов, как В.Г. Зазыкин, С.В. Колосова, Р.Ф. Фуре (1996), О.В. Сергеева (2004), Л.Н. Федорова (2004), И.Г. Шестакова (1985) и др. - виды политической рекламы и каналы ее распространения (СМИ, телевидение, наружная и др.); Т.Э. Гринберг (1995), Е.В. Гришин (2008), О.В. Мякотина (2008), О.А Пономарева (2008), Г.Г. Почепцов (1997) и др. – вопросы формирования имиджа в политической рекламе; Е.Е. Нечай (2008), Ю.К. Пирогова (2001), Л.Д. Подгорная (2006) – социальная роль политической рекламы, ее эффективность, а также психологические аспекты; Ю.К. Пирогова (2001), А.А. Стриженко (1982), О.А. Сычев (1990) – языковые средства и технологии «производства» образов; С.А. Зубков и А.И. Панов (2005), С.Ф. Лисовский (2000), А.В. Месечко (2006), Е.В. Столярова (2005) – жанровые особенности этого вида коммуникации.

Несмотря на большой интерес к проблемам политической рекламы, изученность этого феномена все еще недостаточна. Так, С.Ф. Лисовский отмечает, что «теоретический базис политической рекламы требует углубленной разработки, а существующие на сегодняшний день теоретические положения – внимательного анализа, обобщения и увязывания с реалиями очередного этапа становления этой сферы политических коммуникаций. На современном этапе возникает также насущная потребность в четком обозначении структурного содержания политической рекламы, детальном рассмотрении ее коммуникативных особенностей, в установлении причинно-следственных связей между процессами, происходящими в рамках избирательных кампаний» [Лисовский, 2000].

Одним из новых и быстро развивающихся направлений в изучении проблем политической рекламы в настоящее время является рассмотрение этого феномена в новой когнитивной среде Интернет, технические возможности которой дают большие перспективы для организации и использования этого вида рекламы. В современном обществе Интернет является собой интегрированное информационное пространство, в котором представлены все социальные сферы деятельности. «Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью», что приводит к формированию « сетевого » / « информационного общества » [Кастельс, 2000].

Особое место Интернет занимает в такой сфере деятельности, как политика. «Функция глобальной сети «Интернет» в деятельности современных политических партий состоит в обеспечении постоянного общественно-политического дискурса с возможностью электронной обратной связи в реальном времени между партийной элитой и ее электоратом. Благодаря Интернету граждане пользуются большей свободой в вопросах сбора, анализа и обмена информацией, а также получают возможность принимать участие в непосредственном управлении политической партией либо оказывать влияние на ее деятельность» [Акопов Г.Л., 2004]. Радикальность перемен в формах коммуникации, протекающих в пространстве Интернета, вызывает необходимость научного осмысления этих изменений. Основой для изучения политической интернет-коммуникации должно служить соотношение исследований системы языка, среды коммуникации и механизмов когнитивной и коммуникативной деятельности человека.

Комплексность политической интернет-коммуникации как объекта научного исследования предполагает привлечение смежных лингвистических направлений, таких, например, как: политической лингвистики, изучающей язык политики; социолингвистики, занимающейся проблемами взаимодействия языка и общества, функциональной стилистики и особенно исследований публицистического стиля, когнитивной лингвистики и

лингвистики текста, журналистики др. Для данной области исследования «в полной мере характерны такие черты современного языкознания, как мультидисциплинарность (использование методологий различных наук), антропоцентризм (человек, языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых явлений), экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение)» [Будаев, Чудинов, 2007: 90]. Кроме того, она также тесно связана с такими науками, как социология, политология, психология, компьютерные технологии и дизайн, программирование и др.

Сложность политической интернет-рекламы как объекта исследования подчеркивается многими учеными, например, Е. В. Лобза в своем докладе на VI Всероссийской объединенной конференции «Технологии информационного общества – Интернет и современное общество» (2003), характеризуя сложность этого феномена, говорит: «Мы имеем параллельно развивающиеся и взаимосвязанные (вопрос причинно-следственных связей тут самый сложный) процессы – развитие сети Интернет как технологии и канала передачи данных, развитие контентных (содержательных) проектов в сети, имеющих политическое значение (влияние), и развитие теорий и представлений, обусловленных влиянием новых информационных технологий на общество в целом и политику в частности» [Лобза, 2003].

Политическая интернет-реклама, обладая всеми общими чертами всякой интернет-коммуникации, выделяется как разновидность на основе особой прагматической направленности, которая выражается в задаче формирования общественного мнения путем воспроизведения и оценки событий, явлений и процессов социальной жизни. Цель политической рекламы – «информационное и психологическое воздействие на изменение политического сознания и поведения людей в интересах достижения политических целей тех или иных движений, партий, лидеров, формирование общественного мнения, влияющего на конкретные политические решения. Этот вид коммуникации формирует у населения определенные представления о политической реальности» [Негодаев, Айвазян, 2006: 158] за счет предоставления дополнительных возможностей для политической социализации.

Интернет в этом смысле – совершенная среда для организации всех этих сложных взаимоотношений, поскольку он поощряет к интерактивным действиям. Политический интернет в первую очередь является инструментом коммуникации с разными категориями людей: принимающими решения, готовящими решения, транслирующими мнения, меняющими собственное мнение в процессе получения информации (или дезинформации). Анализ политической рекламы в интернет-пространстве показывает, что уже разработаны коммуникативные стратегии и тактики, позволяющие ре-

ализовывать конкретные коммуникативно-прагматические установки с учетом характеристик целевой интернет-аудитории.

Процесс взаимодействия адресата с рекламой включает в себя несколько стадий, а именно: информирование – привлечение – контакт – действие - участие, что позволяет выделить среди активных пользователей такие группы как: информированные пользователи, посетители сайта, интерактивные участники коммуникации. Информирование направлено на позиционирование в сети политического деятеля – владельца сайта, созданию его имиджа, способного конкурировать с другими представителями на арене политической борьбы. Информированный пользователь может посещать сайт, когда у него возникнет такая необходимость и советовать посещать его другим пользователям. Привлечение посетителей сайта связано с направленностью представляемой информации на конкретную целевую аудиторию с целью привлечения внимания посетителей и в дальнейшем совершения конкретного действия, а именно, завоевания голосов потенциального электората. Контакт является первой ступенью в реализации этой цели, после которого можно ожидать принятия конкретного решения. Контакт говорит о попадании информации сайта в целевую аудиторию. Это означает, что политическую персону запомнили и сформировали заинтересованное мнение для дальнейшего общения, принятия решения по ее поддержке и совершения конкретных действий. Эти действия связаны с активным использованием предлагаемых на сайте средств обратной связи – специальные веб-формы, голосования, опросы, конференции, пожертвования и т.п.

Таким образом, главным назначением политической рекламы является передача информации общественности и ее получение общественностью, доступ к этой информации имеет любой член общества, она является социально значимой и передается по каналам, принимаемым общественностью, можно говорить, что такая информация имеет публичный статус [Уилби, 2002].

Политическая реклама характеризуется следующими характерными признаками:

- 1) важная форма публичной политической коммуникации, направленная на распространение определенных взглядов, включающая их разъяснение и подытоживание, которая может быть рассмотрена не как пассивная форма общественно-политического развития, а как активная конфигурация, гарантирующая развитие национальной истории;
- 2) форма массовой коммуникации, всегда адресована, она осуществляется как планомерное целенаправленное социально ориентированное воздействие;
- 3) предполагает оказание воздействия на все компоненты психологической структуры человека;

4) форма убеждающего/персуазивного воздействия, в которой информирование – лишь средство достижения и осуществления такого рода воздействия.

5) носит партийно-классовый характер и выполняет одну из важнейших социальных функций регулирования общественных отношений, содействуя определенным общественным классам в оказании идеологического воздействия на широкие массы.

По степени интенсивности воздействия политическая реклама представляет собой сильную прагматическую разновидность, так как именно в этом типе дискурса преобладают достаточно сильные формы воздействия. Кроме того, она характеризуется наличием очевидной субъективной оценочности, преимущественно эксплицитного характера, обилием как рассудочных, так и эмоциональных средств воздействия.

Политическая реклама в Интернете все больше завоевывает популярность и становится мощным инструментом управления целевой интернет-аудиторией, где информирование находится в функциональном единстве с воздействием и побуждением к действию. Одна из главных причин этого состоит в том, что для политических деятелей Интернет является хорошей площадкой для осуществления ими общественной идентификации как способа продвижения своей кандидатуры в дальнейшем политическом и государственном продвижении. Именно специфика канала связи позволяет им использовать прямое обращение к адресату, личностное изложение своих позиций, а это, в свою очередь, способствует более эффективному завоеванию симпатии избирателей, а также многократному усилению доверия адресата к кандидату.

В условиях компьютеризации общества под воздействием быстрого роста информационно-коммуникационных технологий и консолидации политического пространства в Интернете происходит трансформация традиционных приёмов и методов политической коммуникации в целом, которая выражается в становлении качественно нового инструментария, определяющего эффективность политической деятельности. Ключевыми признаками политической интернет-рекламы нового типа являются интерактивность, ориентация на диалоговую модель социокоммуникативного воздействия, оптимальное использование возможностей виртуального общения.

На современном этапе интернет-пространство имеет очень крепкие позиции по использованию различных форм политической рекламы в Интернете, уже сложилась определенная культура политической интернет-рекламы, разработаны конкретные стандарты и способы ее презентации. Развитие политической интернет-рекламы теперь идет по пути усовершенствования ее приемов и методов, повышения эффективности за счет использования новых интернет-технологий. Опросы и мониторинги целевой аудитории, проводимые в Интернете, показывают, что, практически, среда

Интернета стала главным местом политической борьбы, поскольку большинство пользователей, для которых это неограниченный по времени и месту доступ к информации, предпочитают любым другим источникам сеть для получения дополнительных сведений о кандидатах. Таким образом, значимость политической рекламы в современном виртуальном пространстве постоянно возрастает, а средства ее реализации умножаются и совершенствуются.

Литература

1. Акопов Г.Л. Партийные элиты в виртуальном противоборстве / Научно-культурологический журнал. – №10 [100]. – 08.10.2004. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=269&level1=main&level2=articles>
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Основные этапы развития и направления политической лингвистики // Язык. Текст. Дискурс: науч. альм. Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Вып. 5. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. – С. 89–99.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, о-во и культура. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php.
4. Лисовский С.Ф. Политическая реклама. – М.: ИВИЦ «Маркетинг», 2000. - Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text7/02.htm>.
5. Лобза Е.В. Политическая коммуникация в Интернет: перспективные направления исследования (Доклад): VI Всерос. объединенная конф. «Технологии информационного общества – Интернет и современное общество». – 2003. – Режим доступа: http://www.ict.edu.ru/vconf/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&d=light&id_sec=183&id_thesis=7001.
6. Негодаев И.А., Айвазян А.Г. Интернет в общественно-политической жизни: Вестн. ДГТУ. – 2006. - Т. 6. № 2(29). – С. 154–161.
7. Подгорная Л.Д. Политическая реклама как форма коммуникации современного общества: Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. – Сер. Политология. – 2006. – № 8 – С. 95–102. – Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81497>.
8. Уилби П. Концепции публичной политики, связей с общественностью (паблик рилейшнз) и публичной коммуникации: лекция. – 2002. – Режим доступа: <http://gov.cap.ru/hierarhy.asp?page=../19187/21039/21041>.

References

1. Akopov G.L. Partijnye jelity v virtual'nom protivoborstve / Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal. – №10 [100]. – 08.10.2004. – Rezhim dostupa: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=269&level1=main&level2=articles>
2. Budaev Je.V., Chudinov A.P. Osnovnye jetapy razvitija i napravlenija politicheskoy lingvistiki // Jazyk. Tekst. Diskurs: nauch. al'm. Stavropol'skogo otdelenija RALK / pod red. prof. G.N. Manaenko. – Vyp. 5. – Stavropol': Izd-vo PGLU, 2007. – S. 89–99.
3. Kastel's M. Informacionnaja jepoha: Jekonomika, o-vo i kul'tura. - M.: GU VShJe, 2000. – 606 s. – Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php.
4. Lisovskij S.F. Politicheskaja reklama. – M.: IVC «Marketing», 2000. - Rezhim dostupa: <http://evartist.narod.ru/text7/02.htm>.
5. Lobza E.V. Politicheskaja kommunikacija v Internet: perspektivnye napravlenija issledovanija (Doklad): VI Vseros. ob#edinennaja konf. «Tehnologii informacionnogo obshhestva – Internet i sovremennoe obshhestvo». – 2003. – Rezhim dostupa:

http://www.ict.edu.ru/vconf/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&d=light&id_sec=183&id_thesis=7001.

6. Negodaev I.A., Ajvazjan A.G. Internet v obshhestvenno-politicheskoj zhizni: Vestn. DGTU. – 2006. - Т. 6. № 2(29). – С. 154–161.

7. Podgornaja L.D. Politicheskaja reklama kak forma kommunikacii sovremennogo obshhestva: Vestn. Ros. un-ta družby narodov. – Ser. Politologija. – 2006. – № 8 – С. 95–102. – Rezhim dostupa: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81497>.

8. Uilbi P. Konceptii publichnoj politiki, svyazej s obshhestvennost'ju (publik rileyshnz) i publichnoj kommunikacii: lekcija. – 2002. – Rezhim dostupa: <http://gov.cap.ru/hierarhy.asp?page=/.19187/21039/21041>.

УДК 81`27

**Е. Н. Рядчикова,
Ж. Б. Тхакушинова**
Краснодар, Россия

**СТАТИКА И ДИНАМИКА
МЫСЛИТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА ПО ДАННЫМ
АФОРИЗМОВ**

Аннотация. В статье рассматривается категоризация как процесс, осуществляющий связь языка и мышления; изучаются категории статики и динамики, репрезентированные в афоризмах о мысли и мышлении. Приводятся аргументы в пользу того, что статика в таких афоризмах представлена формально, а центральной является категория действия. Выделяется ряд семантических групп афоризмов о мышлении.

Ключевые слова: афоризм, статика, динамика, мышление, категоризация, семантические группы.

**E. N. Ryadchukova
Z. B. Tkhakushinova**
Krasnodar, Russia

**STATICS AND DYNAMICS OF
PERSON'S MENTAL ABILITY AC-
CORDING TO APHORISMS' DATA**

Abstract. This article deals with categorization as a process which links language and mentality; examines the categories of statistics and dynamics, represented in aphorisms about thought and mentality. The author gives the arguments that statics in these aphorisms are presented formally, and the central is the category of action. The range of semantic groups of aphorisms about mentality is distinguished.

Key words: aphorism, statics, dynamics, mentality, categorization, semantic groups.

Сведения об авторах: Рядчикова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания.

Место работы: Кубанский государственный университет.

Тхакушинова Жаннета Беслановна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Место работы: Кубанский государственный аграрный университет.

About the author: Ryadchikova Elena Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics.

Place of employment: Kuban State University.

Tkhakushinova Zhanneta Beslanovna, Candidate of Philology, Senior Assistant of the Department of Foreign Languages

Place of employment: Kuban State Agrarian University.

Контактная информация:
jannetb777@gmail.com

e-mail: *e.n.ryadchikova@gmail.com,*

Мыслительная способность человека хотя и может существовать вне языка, все-таки во многом обуславливается именно языком. В.В. Колесов и М.В. Пименова справедливо утверждают: «Человек мыслит о мире так, как “подсказывает” ему язык. Мыслить всем приходится в тех категориях, которые есть в языке» [3, с. 96]. Отсюда следует, что изучение категорий, существующих в языке и созданных посредством языка, есть насущная задача современной лингвистики.

Под *категоризацией* понимается осмысление объектов и явлений действительности в рамках категорий – обобщенных понятий. Осуществляя категоризацию действительности, сознание человека «сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики, т. е. классифицирует их и подводит под такие объединения – классы, разряды, группировки, множества, категории» [4, с. 45-46].

В категориях и категоризации наглядно проявляется связь языка и мышления. Так, Н.А. Кобрина выделяет три основных типа категорий: 1) категории, которые представляют отражение реальности в виде форм и предметов мысли (т.е. совпадают с «понятиями» в философии); 2) категории-параметры (признаки, характеристики, такие как мыслительные референты категорий вида и времени, залога, наклонения, числа, падежа); 3) категории релятивные, или операционные, т.е. те, которые лежат в основе схем реализации [2, с. 171]. В языковой категоризации возможно взаимодействие тех или иных областей знания, плавное перетекание их составляющих из одной категории в другую [3, с. 77].

Среди методов исследования процессов категоризации субъективной и объективной действительности и отражения этих процессов в языковых структурах В.В. Колесов и М.В. Пименова называют интерпретацию языковых средств, служащих для таксономии отдельных фрагментов мира [3, с. 75].

Изучая категории, мы можем изучать также мышление человека: «Категоризация тесно связана со всеми когнитивными способностями человека, а также с разными компонентами когнитивной деятельности – памятью, воображением, вниманием и др.» [3, с. 74]. Именно поэтому категоризация человеческого опыта стала центральной проблемой в когнитивной лингвистике, ибо «языковые категории – это категории нашей когнитивной системы, и исследование всех категорий нашей когнитивной системы должно включать также и исследование языковых категорий» [5, с. 47].

В языковом сознании процесс категоризации ярко отражает движение. Так или иначе, наличие категорий и сама категоризация являются свидетельством динамичности языка: В.В. Колесов и М.В. Пименова доказали, что категоризация есть процесс [3, с. 76].

Рассмотрим, как статика и динамика мыслительных процессов отражена в такой когнитивно-языковой кладовой человечества, как афоризмы.

Статичность мысли относительна, в афоризмах она представлена только как форма речи, как фиксация существования такого явления, например: *«Не дело создано для мысли, а мысль создана для дела»* (Вольтер).

В ряде афоризмов о мышлении центральной является такая категория, как действие. В них представлены основные характеристики морфологической категории глагола – фазисность действия, однократность и многократность действия, а также потенциал, заключенный в мысли как деятельностном субъекте, в способности осуществлять различные функции, маркировать начало действия, действие в процессе и его итог: *«Будьте внимательны к своим мыслям – они начало поступков»* (Лао Цзы); *«Все радости и несчастья людей созданы их собственными мыслями»* (Хун Цзычен).

Категория действия проявляет функции мышления: *«Призвание мышления в том и состоит, чтобы вызывать вечное из временного!»* (А. Герцен). В мысли заложен импульс: *«Массы сами не думают, среди них есть мыслители, которые думают за них, возбуждают собирательное разумение нации и заставляют ее двигаться вперед. Между тем как небольшое число мыслит, остальные чувствуют, и общее движение проявляется»* (П.Я. Чаадаев).

Основная функция мысли – созидательная. Афоризмы показывают, что в основном мысль направлена на создание глобальных, великих дел (мира, жизни), что выражается подчас весьма пафосно: *«Мышление – это внутреннее воссоздание мира»* (Виктор Кротов); *«Труд подливает масла в лампу жизни, а мысль зажигает ее»* (Д. Беллерс); *«Наука освободила мысль, а свободная мысль – народ»* (П. Бертелло); *«Мысль – тоже действие; нет ничего плодотворнее ее влияния на мир»* (Э. Золя); *«Все, включая меня, несут полную ответственность за все события в своей жизни, и самые хорошие, и самые плохие. Каждая наша мысль буквально творит наше будущее»* (Луиза Хей).

Однако и обратного рода действие мысли также бывает очень велико и сильно: *«Как пар, не находя себе выхода, рвет котлы и машины, так точно и мысль, задержанная в своем нормальном развитии, перестает быть созидательным началом и обращается в разрушение»* (В.Ф. Одоевский). *«Да, мысль человеческая имеет свойство вызывать боль, приходящую из сердца, и имеет свойство живого серебра, которое способно неустойчиво растекаться по любой наклонной»* (И.Ф. Стаднюк).

Таким образом, по данным афоризмов мысль создаёт, воссоздаёт, освобождает, творит, зажигает, влияет, разрушает, вызывает боль – иначе говоря, является активным деятелем; мышление в афоризмах представлено как динамический процесс, например: *«Никогда не отделяйте мысль от*

действия!.. *Бездейственная мысль – это бессмысленная мысль, неподвижность, смерть» (Р. Роллан); «Мышление – работа ума, мечтательность – его сладострастие» (В. Гюго).*

Активной мысли свойственны такие характеристики, как краткость действия («Мысль – это всего только молния в ночи, но в этой молнии – все» (А. Пуанкаре)) и скорость («Когда у мыслителей быстро вертятся мысли, у немыслящей публики кружится голова» (В.О. Ключевский); «Бегущие мысль и слово, споткнувшиеся друг об друга, рождают афоризм» (Кэтрин Прайс)).

В афоризмах встречается контекстуальное противопоставление действий, фазисных глаголов с семантикой краткости и продолжительности действия, например: «Ум острый, но не широкий, выскакивает перед нами на каждом шагу, но двигаться вперед не может» (Рабиндранат Тагор).

Интересно, что в афоризмах противопоставляются также такие когнитивные процессы и явления, как знание и мышление. Обычно в них знание представлено как категория статики, а мышление – динамики: «Убогое представление о культуре у тех, кто полагает, будто она сводится к затверженным формулам. Последний школяр на отделении точных наук знает о законах природы куда больше, чем знали Декарт и Паскаль. Но способен ли школяр мыслить, как они?» (Антуан де Сент-Экзюпери).

Осознание такого противопоставления необходимо для понимания следующих афоризмов: «Не почитай знания за одно с мудростью» (Пифагор); «Старайся прежде быть мудрым, а ученым – когда будешь иметь свободное время» (Пифагор); «Не мыслям надо учить, а мыслить» (И. Кант). В них противопоставление статичности и динамичности мышления призвано донести идею того, что мысли, знания есть итог мышления (в том числе чужого), застывшая форма, а мышление – динамичный, креативный процесс, который приводит к высшей стадии – к мудрости.

Статика и динамика мыслительной способности прекрасно отражены в следующих афоризмах: «Короткие мысли хороши тем, что они заставляют серьезного читателя самого думать» (Л. Н. Толстой). Это уже афоризм об афоризмах: под короткой мыслью подразумевается высказанная, устно или письменно зафиксированная идея, нечто статичное (хотя и содержащее момент импульса), а необходимость думать, размышлять – это динамический процесс.

Следующий афоризм базируется на парадоксе, который репрезентирует антиномия «статичность – динамичность» (неизменность с одной стороны и порождение потока новых мыслей – с другой по отношению к одному и тому же явлению): «Сознание остаётся неизменным в своей сущности, но вызывает во время работы вихри, потоки, каскады новых мыслей и образов, ощущений и слов. Поэтому иногда человек сам удивляется тому, что написал» (К.Г. Паустовский).

Исследованиями установлено, что сущностную и лингвистическую основу антиномичных афоризмов составляют бинарность, конфликтность и парадоксальность, которые по своей природе провокационны, способствуют динамичности размышления, являясь катализатором процесса возникновения идей, ассоциаций» [7, с. 7], а парадоксальность можно рассматривать как структурно-семантический критерий русского афоризма-конфликта [6, с. 100].

Очень ярко эти качества представлены, например, в таких афоризмах, говорящих о своеобразной специфике мыслительного процесса: «*Истина рождается как ересь и умирает как заблуждение*» (Г. Гегель); «*Если не грешить против разума, нельзя вообще ни к чему прийти*» (А. Эйнштейн); «*Все с детства знают, что то-то и то-то невозможно. Но всегда находится невежда, который этого не знает. Он-то и делает открытие*» (А. Эйнштейн). В этих высказываниях противопоставлены и одновременно объединены истина и ересь, незнание, заблуждение и противодействие разумным размышлениям как источник новых мыслей, идей и выводов.

Лингвистическое исследование антиномичности (включая противопоставленность, противоречивость, конфликтность, парадоксальность и т.д.), являющейся непременным условием развития языка, стимулирующим динамичность процессов языковых преобразований, также актуально и в полной мере находит отражение в афоризмах, и именно в антиномичных – афоризмах, репрезентирующих конфликтность и парадоксальность как отзвук на конфликты реальности [7, с. 8]. Это отражено также и в следующем – антиномичном же, построенном на контрастах – афоризме: «*Мышление парадоксами присуще [русскому – Е.Р., Ж.Т.] народу, который ждет главного – от неглавного, красивого – от невзрачного, сильного – от немоющего*» (И.И. Соловьев).

Контраст признаётся и рассматривается учеными как лингвокогнитивный принцип русских пословиц, народных афоризмов. Т.Г. Бочина отмечает, что контраст как динамическое противопоставление двух содержательно-логических планов изложения является одним из фундаментальных композиционно-стилистических принципов развертывания речи и универсальным принципом пословичного жанра. «Без преувеличения можно сказать, что данный принцип представляет собой тенденцию человеческого ума в стилистической обработке (Ш. Балли), ибо основан на закономерностях человеческого восприятия и познания» [1, с. 4]. «Диалогичность стилистических воплощений контраста проявляется в динамическом взаимодействии контрастных отношений с отношениями тождества и подобия, в эстетически значимых переключениях и скачках от одного типа корреляций к другим» [1, с. 13]. Приведем пример авторского афоризма: «*Анализ убивает всякое наслаждение, но продлевает наслаждение анализом*» (Ф. Искандер).

Следовательно, динамичность мыслительного процесса не чужда эстетике. Более того, такая динамичность сама способна стать источником красоты и удовольствия.

Изучение афоризмов, в которых тем или иным образом затрагиваются проблемы мыслительной активности, мышления как динамического процесса позволило нам выявить следующие семантические группы.

1. **БОЖЕСТВЕННОСТЬ И НЕПОСТИЖИМОСТЬ МЫШЛЕНИЯ:** «Человеческий образ мыслей не обладает разумом, божественный же обладает» (Гераклит).

2. **НЕОБХОДИМОСТЬ ОВЛАДЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТЬЮ:** «Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало, – благо. Обузданная мысль приводит к счастью» (Будда).

3. **ПРИЧИНЫ МЫСЛИ, МЫШЛЕНИЯ:** «Разум с помощью науки проникает в тайны вещества, указывает, где истина. Наука и опыт – только средства, только способы собирания материалов для разума» (М. Ломоносов).

4. **МЫСЛЬ КАК ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЕ ЯВЛЕНИЕ:** «Кто мыслит самостоятельно, тот мыслит значительнее и полезнее для всех» (С. Цвейг).

5. **ОГРАНИЧЕННОСТЬ, ПРЕДЕЛЬНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ:** «Чем глубже мыслит человек, тем выше поднимается по лестнице познания, но есть предел, за которым начинается безумие» (И. Шевелев).

6. **СИЛА МЫСЛИ:** «Всякая мысль, выраженная словами, есть сила, действие которой беспредельно» (Л. Толстой).

7. **КРЕАТИВНОСТЬ, КАУЗАТИВНОСТЬ И ПЕРЛОКУТИВНОСТЬ И МЫСЛИ:** «Все радости и несчастья людей созданы их собственными мыслями» (Хун Цзычен).

8. **ГЛУБИНА МЫШЛЕНИЯ:** «Глубина и быстрота мышления находятся в обратной зависимости – чем глубже мыслит человек, тем медленнее» (И. Шевелев).

9. **ОСУЖДЕНИЕ ПРИМИТИВНОСТИ МЫШЛЕНИЯ:** «Иногда тратится очень много умных мыслей, чтобы ликвидировать одну глупую» (В. Коняхин).

10. **ФОРМЫ И СПОСОБЫ МЫШЛЕНИЯ:** «Два способа мышления – скольжение и проторение» (И. Шевелев).

11. **ЗАКОНЫ МЫШЛЕНИЯ, ФИЗИКА УМА:** «Довожу мозги до кипения и только так выпариваю излишнюю воду из впаренных мне мыслей» (Е. Ханкин).

12. **ТРУДНОСТИ МЫШЛЕНИЯ:** «Думать – самая трудная работа; вот, вероятно, почему этим занимаются столь немногие» (Г. Форд).

13. **РАЗВИТИЕ МЫСЛИ:** «Мысль, рожденная за секунду, могла зреть веками» (Ольга Муравьева).

14. **АНТРОПОМОРФНОСТЬ МЫСЛИ:** «Мысли тоже рождаются, как живые дети, и их тоже долго вынашивают, прежде чем выпустить в свет» (М. Пришвин).

15. **ЗООМОРФНОСТЬ МЫСЛИ:** «Мысли перескакивают с человека на человека, как блохи, но кусают не всех» (С. Лец).

16. **ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ МЫСЛИ С ЯВЛЕНИЯМИ ПРИРОДЫ:** «Дай дозреть мысли, но не перезреть: перезрелые мысли, как и плоды, впрок не идут» (В. Гюго).

17. **ОПРЕДЕМЕЧИВАНИЕ МЫСЛИ:** «Врубаясь в чужую мысль, главное не попортить её отбойным молотком своей» (В. Бутков).

18. **СВЯЗЬ МЫСЛИ И ЧУВСТВ:** «Мысль, прежде чем стать мыслью, была чувством» (К. Станиславский).

19. **ЧИСТОТА, НРАВСТВЕННОСТЬ МЫСЛЕЙ:** «Все наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы – ничто. Постараемся же мыслить достойно: в этом – основа нравственности» (Б. Паскаль).

20. **ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МЫСЛИ СТРАДАНИЕМ:** «Не каждый страдающий становится мыслителем, но каждый мыслитель рождается в горниле страдания» (И. Шевелев).

21. **СВЯЗЬ МЫШЛЕНИЯ И ВНЕШНИХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА:** «Чем глубже процесс мышления, в котором пребывает человек, тем человек пассивнее» (Гарун Агацарский).

Этот перечень остается открытым и нуждается в детальном лингвистическом анализе.

Таким образом, категории статики и динамики в афоризмах о мысли и мышлении представлены неравноценно, с количественным и содержательным перевесом в сторону последних. Действие в афоризмах соотносится с основными морфологическими и семантическими категориями глагола (фазисность, однократность и многократность действия, краткость и продолжительность, потенциал). Категория действия проявляет функции мышления (созидание, воссоздание, освобождение, творение, влияние, зажигание, разрушение). Среди ярких признаков афоризмов о мышлении – контрастность, антиномичность, конфликтность и эстетичность.

Литература

1. Бочина, Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.01 / Татьяна Геннадьевна Бочина. – Казань, 2003. – 50 с.
2. Кобрин, Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития / Н.А. Кобрин // Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000. – Ч. 2. – С. 170-175.
3. Колесов, В.В., Пименова, М.В. Языковые основы русской ментальности / В.В. Колесов, М.В. Пименова. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 136 с.

4. Кубрякова, Е.С. Категория / Е.С. Кубрякова // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 45-47.
5. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.
6. Рядчикова, Е.Н., Тангир, К.М. Внутренняя конфликтность и парадоксальность как лингвокогнитивные принципы афоризма / Е.Н. Рядчикова, К.М. Тангир // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Вып. 8. Сочи: СГУТиКД, 2007. С. 97-105.
7. Тангир, К.М. Русские антиномичные афоризмы: рече-языковые аспекты конфликтности и парадоксальности / К.М. Тангир. – Монография. – Краснодар: КубГУ, 2007. – 374 с.

References

1. Bochina, T.G. Kontrast kak lingvokognitivnij printsip russkoi poslovitsi: avtoref. dis. doct. filol. nauk: 10.02.01 / T. G. Bochina. – Kazan, 2003. – 50 s.
2. Kobrina, N.A. Kognitivnaja lingvistika: istoki stanovlenija i perspektivi razvitija / N.A. Kobrina // Kognitivnaja semantika. – Tambov, 2000. – Ch. 2/ S/ 170-175.
3. Kolesov, V.V., Pimenova, M.V. Yazykovije osnovi russkoi mentalnosti / V.V. Kolesov, M.V. Pimenova. – SPb.: SPbGU, 2011. – 136 s.
4. Kubryakova, E.S. Kategorija / E.S. Kubryakova // Kubryakova E.S., Demijankov V.Z., Pankrats Y.G., Lusina L.G. Kratkij slovar' kognitivnikh terminov. – M., 1996. – S. 45-47.
5. Lakoff, G. Myshlenije v zerkale klassifikatorov/ G. Lakoff // Novoje v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XXIII. Kognitivnije aspekti yazika. – M.: Progress, 1988. – S. 12-51.
6. Ryadchikova, E.N., Tangir, K.M. Vnutrenjaja konfliktnost' i paradoksalnost' kak lingvokognitivnije printsipi aforizma / E.N. Ryadchikova, K.M. Tangir // Lingvoritoricheskaja paradihma: teoreticheskije i prikladnije aspekti: Mezhvuz. sb. nauch. tr. / Pod red. prof. A.A. Vorozhbitovoi. Vyp. 8. Sochi: SGUTiKD, 2007. S. 97-105.
7. Tangir, K.M. Russkije antinomichnije aforizmi: reche-yazikovije aspekti konfliktnosti i paradoksalnosti / K.M. Tangir. – Monografija. – Krasnodar: KubGU, 2007. – 374 s.

КОНЦЕПТ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

УДК 802

Г.С. Арипова

Ош, Кыргызстан

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ВОЛК» В РОМАННОМ ТЕКСТЕ Ч. АЙТМАТОВА

Аннотация. В статье рассмотрен концепт, связанный с образом волка. Концепт «волк» представлен через образы волчьей пары, имеющей имена по человеческому подобию – Акбары, Ташчайнара и их волчьим выводком, которых неизбежно постигала, как и их именитых родителей, гибель.

Ключевые слова: вербализация, когнитивно-языковая картина мира, лексемы и фразеологизмы, ментально-языковая структура.

G.S. Aripova

Osh, Kyrgyz Republic

IMAGE OF THE “WOLF” CONCEPT IN THE TEXT OF CH. AITMATOV

Abstract. The article discusses the concept associated with the image of the wolf. The concept of “wolf” is presented through the images of a wolf pair, having names in human terms - Akbar, Tashchaynara and their wolf brood, which inevitably suffered, like their eminent parents, death.

Key words: verbalization, cognitive-linguistic picture of the world, lexemes and phraseological units, mental-linguistic structure.

Сведения об авторе: Арипова Гульмира Сураатбековна, старший преподаватель кафедры «Государственного языка и иностранных языков»

Место работы: Ошский государственный юридический институт

Контактная информация: г.Ош, Кыргызская Республика, тел. 0550688765

About the author: Aripova Gulmira Suratbekovna, Senior Lecturer of the Department State Language and Foreign Languages»

Place of employment: Osh State Law Institute

Чингиз Айтматов в романе «Плаха» (1986) поднимает актуальные темы, связанные с поиском Бога-современника, очень нужном людям, убивающим друг друга, объекты живой природы, окружающим существам и среде вокруг себя. Писатель ставит нравственные проблемы, связанные с последствиями развития наркоторговли, описывая жизнь собирателей анаши, или марихуаны, конопляные заросли которой были широко распространены в азиатских степях. Именно здесь переплелись судьбы человека и волков, образы которых стали связующей нитью романа. Волчья пара - Акбара и Ташчайнар, несчастная судьба которых соединила первые две части романа об Авдие Каллистратове и Бостона Уркунчиева. Все попали на свою плаху, подготовленную другими людьми и отчасти ими самими. Отсюда и такое трагическое наименование всего романа [1].

Первая встреча с волком обрисована писателем описанием природы ранней зимы, которой приданы черты живого существа, в частности, подкрадывающегося и грозного зверя, каким представляется волк: «грохот над головой надвигался с такой неотвратимой и грозной силой, что казалось, еще немного – и случится нечто страшное». Здесь можно отметить такие лексемы, как «закрадывались», «проникающие», «холодная сизость»,

«прокатившимся», «своевольная стихия», «пробирающийся», «гремучий рокот», «грозная сила», «нечто страшное».

Интересно представлено писателем описание волчьего логова, устроенного серыми волками «под свесом скалы». Во-первых, это безопасное от камнепада место за отвесной скалой, во-вторых, заросли кустарников барбариса и краснотала, в-третьих, около замерзшего ручейка с теплой водой, необходимой для водопоя животных.

Изображение действий Акбары, которая «дрожала всем телом, не могла совладать собой» показывает мастерство автора изображением волка. У волчицы были «отвороты меха на шее, плотно обрамлявшие плечи наподобие пышной серебристо-серой мантии от подгрудка до холки, ... светлые, характерные для степных волков», «прозрачно-синие глаза» Акбары, как «редчайший, а возможно, единственный в своем роде случай». Волчицу прозвали Акдалы, Белохолкой, «но вскоре по законам трансформации языка она превратилась в Акбары, а потом в Акбару – Великую». Писатель специально отметил, что «слишком независимый характер имела синеглазая волчица Акбара, чтобы примыкать к чужим и пребывать в подчинении». Даже не портят ее образ такие слова автора: «толстый куцый хвост», «прямые сухожильные ноги» [1].

Меньше красок потрачено на то, чтобы показать мужскую особь волчьей пары – Ташчайнара. Показан истинный джентльмен, который со времени беременности волчицы, больше находился не в логове, «а в затишке среди зарослей». Ташчайнар, Камнедробитель прозвали чабаны волка «за сокрушительные челюсти», как рыцарь: «подполз к ее ложу и успокаивающе заурчал, как бы прикрывая ее телом от напасти» [1].

Писатель штрихами рисует его образ: «Он был могуч, шкура его была тепла, густа и упруга», «угрюмец Ташчайнар», «уловил, что испытывала она», «каким-то чутьем понял, что происходило в ее утробе», и «был тронут этим». Его портрет суров и прям как и должно быть у мужскойловины живой природы: «ухо торчком», «угловатая, тяжеловесная голова», «сумрачный взор холодных зрачков», «глубоко посаженные темные глаза», «широкий, теплый, влажный язык», «широкий бок». Он способен на выражение своих чувств: «сдержанно заурчал, прихрапывая и покашливая, выражая доброе расположение и готовность беспрекословно слушаться», готов «оберегать ее», «старательно, ласково облизывает голову Акбары, особенно ее сияющие синие глаза и нос» [1].

Мастерство Ч. Айтматова заключается в том, как он искусно передал важнейшее в жизни хищных животных состояние – ожидание потомства: «волчица вдруг явственно услышала в себе, точнее внутри чрева, живые толчки», «... почудились тогда такие же шевеления каких-то невидимых, скрытых от глаз существ», «Им тоже было страшно...» [1].

Когда вертолет улетел и воцарилась тишина, Акбара заволновалась от того, что прислушивалась к своей утробе: «Сердце волчицы учащенно

заколотилось, его наполнили отвага, решимость непременно защитить, оградить от опасности тех, кого она вынашивала в себе. Сейчас бы она не задумываясь схватилась с кем угодно. В ней заговорил великий природный инстинкт сохранения потомства». Совсем как человек ведет себя беременная волчица: «горячей волной нахлынула нежность – потребность приласкать, пригреть будущих сосунков, отдавать им свое молоко так, как если бы они уже были под боком. То было предощущение счастья» [2].

Хотя автор сразу показывает, что в паре лютых волков «Акбара была головой, была умом, ей принадлежало право зачинать охоту, а он был верной силой, надежной, неутомимой, неукоснительно исполняющей ее волю». Далее писатель описал случай волчьей неверности, после чего Акбара много дней мстила своему неверному напарнику, и даже вонзила ему глубоко в плечо свои клыки». Писатель рисует как единое целое, «не случайно она была головой, а он ногами в этой пришлой сивой паре» [1].

Акбара и Ташчайнар имели от природы качества, особо жизненно важные для степных хищников в полупустынной саванне: мгновенная реакция, чувство предвидения на охоте, своего рода «стратегическая» сообразительность и недюжинная физическая сила, быстрота и натиск в беге». И если бы не беда с затоптанными в бешеной охоте на сайгаков первыми их детенышами – Большеголовым, Быстроногим и Любимицей, если бы не гибель в камышовом пожаре приалдашских степей, не пришла бы сюда волчья пара сивогривых волков в последней надежде оставить после себя потомство хищников-санитаров природы.

Пришли они сюда в Прииссыккулье с Приалдашья, куда они попали после Моюнкумских степей, где год назад их первый волчий выводок был безжалостно уничтожен гонцами за анашой, где они увиделись с Авдием, которого не тронула Акбара, хотя вполне могла бы, каким-то внутренним чувством понимая, что он не является им врагом, так как не тронул ее волчат. А в последние минуты его жизни, когда распяла инока на саксауле обер-кандаловская хунта, он сказал, увидев ее синие глаза: «Ты пришла». Но год назад волчью пару ждало первое, поэтому самое страшное разочарование в природе людей, которая может только крушить, ломать и уничтожать мир других существ. Жили раньше Акбара с Ташчайнаром в Моюнкумах, пока не пришлось им «пережить все то, о чем, возможно, и вспоминалось ей порой до слез и тяжелых стонов» убийство их первого волчьего выводка людьми-охотниками на сайгаков-антилоп.

В Моюнкумской саванне жизнь вертелась в своеобразном бешеном темпе: «великая охотничья жизнь в нескончаемой погоне по нескончаемым моюнкумским просторам за нескончаемыми сайгачьими стадами. А волки были «извечными и неразлучными с ними». Это была борьба не на жизнь, а на смерть. А остальных ждала смерть от человеческих рук и их оружия, которого вдруг стало очень много. Машины, вертолеты, скорострельные

винтовки – и опрокинулась жизнь в Моюнкумской саванне вверх дном...» Именно людям принадлежала плохая заслуга нарушить все... [2].

Автор показал израненных волков, как будто выживших чудом из смертельного боя людей: Акбара и Ташчайнар трусили впотьмах по степи, пытаясь удалиться как можно дальше от мест облавы. Передвигаться им было трудно – вся шерсть на подбрюшине, в промежностях и почти до крестца промокла от грязи и слякоти. Израненные, избитые ноги горели, как обожженные, каждое прикосновение к земле причиняло боль. Больше всего им хотелось вернуться в привычное логово, забыться и забыть, что обрушилось на их бедовые головы» [2].

Едва унесли ноги с Моюнкумов и Приалдашья, где второй выводок из пяти волчат погиб в пожаре, Акбара с Ташчайнаром решились на третью попытку завести детенышей. Четверых волчат Базарбай Нойгутов заметил у ручья, положил в седельную сумку и напрямик направился в кошару Бостона Уркунчиева, которому он завидовал и ненавидел как колхозного передовика. В юрте его приняли как дорогого гостя, волчат извлекли из сумок, и полуторагодовалый сынишка Бостона стал с ними играть. Вскоре Базарбай забрал волчат и уехал, а Акбара и Ташчайнар остались возле Бостона подворья. Но теперь каждую ночь слышался тоскливый волчий вой возле юрты Бостона, который на следующий день поехал к Базарбаю, чтобы купить у него волчат, но он не продал волчат, а вконец разругался с Бостоном. Волки навсегда покинули своё логово и начали бродить по округе, не боясь людей и даже нападая на них.

Они снова вернулись к подворью Бостона, которому волчий вой не давал уснуть. Несмотря на тяжёлое сиротское детство, в жизни он добился тяжёлым трудом, не обращал внимания на слова людей. Только в одном своём поступке он раскаивался до сих пор, в том, что не смог спасти своего друга Эрназара, провалившегося в расщелину скалы во время перегона скота на летнем пастбище перевала Ала-Монгю. Полгода спустя умерла его жена, которая попросила мужа не ходить в бобылях, а жениться на Гулюмкан, вдовой жене Эрназара, которая была её подругой и дальней родственницей. Бостон и Гулумкан объединило общее горе и счастье: у них родился любимый сын Кенджеш. Но волки выли возле дома Бостона каждую ночь, Бостон не выдержал и решил их убить, два его врага - Кокчорбаев и Базарбай - объединились и травили его, загоняя в тупик. Но Бостону удалось убить лишь Ташчайнара, Акбара спаслась бегством, но для нее мир утратил свою ценность. Ночами она приходила к дому Бостона до самого лета, внадежде учуять запах волчат. При отъезде на джайлоо подкрававшаяся Акбара унесла ребёнка. Бостон долго целился и выстрелил, но попал в сына. Не помня себя, Бостон поехал к Базарбаю и застрелил его в упор. Потом ушёл, чтобы сдаться, ...был исход его жизни».

Вот и завершается исход всех сюжетных линий, связавших судьбы Акбары, Авдия и Бостона в единый сюжет, все они взошли каждый на

свою плаху, чтобы ответить за поступки, в совершении которых можно винить других людей, но для автора исход один – плаха как итог их жизни.

Литература

1. Ч. Айтматов. Плаха. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 104.
2. Чингиз Айтматов. Плаха. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/chingiz-aytmatov/plaha/chitat-onlayn/>

References

1. Ch. Ajtmatov. Plaha. – SPb.: Azbuka-klassika, 2004. – S. 104.
2. Chingiz Ajtmatov. Plaha. – Rezhim dostupa: <https://www.litres.ru/chingiz-aytmatov/plaha/chitat-onlayn/>

УДК 81`27

Ф.Ш. Бекмурзаева

Санкт-Петербург, Россия

**СМЫСЛОВАЯ НАПОЛНЕННОСТЬ
КОНЦЕПТОВ ЛОШАДЬ/КОНЬ И HORSE
НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО
ПРИЗНАКА «ВОЕННЫЙ»**

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению смысловой наполненности концептов лошадь/ конь и horse сквозь призму понятийного признака «военный». Смысловая наполненность анализируется на основе лексикографических и исторических данных, а также на языковом материале.*

***Ключевые слова:** концепт, смысловая наполненность, понятийный признак.*

***Сведения об авторе:** Бекмурзаева Феруза Шухратовна, преподаватель.*

***Место работы:** Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО.*

***Контактная информация:** bekmur-feruza93@mail.ru*

F. Sh. Bekmurzaeva

Saint Petersburg, Russia

**SEMANTIC CONTENT OF THE CONCEPTS
ЛОШАДЬ/КОНЬ AND HORSE
ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPTUAL
SIGN «MILITARY»**

***Abstract.** The article is devoted to the consideration of the semantic content of the concepts лошадь/ конь and horse through the prism of the conceptual sign "military". Semantic content is analyzed on the basis of lexicographic and historical data, as well as on the language material.*

***Key words:** concept, semantic content, conceptual feature.*

***About the author:** Beekmurzaeva Feruza Shukhratovna.*

***Place of employment:** Military Institute (Engineering).*

Лошадь - они из самых удивительных спутников человека. Трудно переоценить значение лошади в развитии человеческого общества. В жизни человека она сыграла более важную роль, чем любое другое одомашненное животное. У некоторых народов в древности лошадь ассоциировалась с источником существования, потому что именно она помогала более всех, человеку в добывании пищи, обработке земли, перемещениях. Для кочевых народов лошадь рассматривалась в качестве своего крова, поскольку именно с этим животным была связана большая часть жизни этих людей. Самое, пожалуй, главное назначение лошади – использование ее в

военном искусстве. Зародилось это еще с античных времен. Лошадь в былые времена считалась самым лучшим ратным другом. Впервые лошади на войне были использованы свыше 5000 лет тому назад.

В связи с этим попытаемся реконструировать военно-релевантное предназначение лошади в жизни народов, исследуя смысловую наполненность концепта лошадь / конь сквозь призму военного понятийного признака в языковом материале.

В когнитивных науках концепт обозначает основную единицу хранения и передачи информации, структурно отражающую знание и опыт человека.

Концепт — это содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения [4].

Один и тот же признак может быть объективирован различными языковыми средствами. Его объективация отражается в закрепленной и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц — репрезентантов концепта. Репрезентант концепта — лексическая единица, которая наиболее полно номинирует исследуемый концепт; это «основное средство, которым концепт чаще всего манифестируется в речи» [Попова, Стернин].

Так, согласно лексикографическим данным, по одному из предназначений лошадь бывает «боевой». (*Казимирский сам был от колыбели кавалерист; ему очень понравилась моя привязанность к наилучшему товарищу в военное время; он сказал, что лошадь моя будет иметь место на его конюшне...* А. Дурова "Кавалерист-девица"; *As they have never made my fortune, I am quite convinced they are impostors!* *When this singular priest had finished speaking, he hastily armed himself with sword and lance, mounted a war-horse, rode at a furious gallop in sight of all the people to the temple, and flung his lance against it as an insult.* A Child's History of England by Charles Dickens).

Тип используемых лошадей зависел от способа ведения военных действий. Лошади хорошо подходили для военной тактики степных кочевых народов Центральной Азии. В некоторых восточноазиатских культурах существовали как кавалерия, так и колесницы.

В качестве боевых животных лошади давали древним воинам значительное преимущество над противником. (*While he was thus engaged, word was brought to him that Lord Pembroke, with four hundred knights, two hundred and fifty men with cross-bows, and a stout force both of horses and foot, was marching towards him.* A Child's History of England by Charles Dickens; *So, on a Sunday morning, the eighteenth of September, the Prince whose army was now reduced to ten thousand men in all – prepared to give battle to the French King, who had sixty thousand horse alone.* A Child's History of England by Charles Dickens).

В IV в. до н. э. Александр Македонский верхом на своем любимце Буцефале возглавлял атаки конницы и создал, не сходя с коня, огромную империю. В военном деле, лошадь служила знаком победы (...*had fought in several battles in France; had defeated a French knight in single combat, and brought his horse away as a token of the victory.* A Child's History of England by Charles Dickens).

Первые упоминания о всадниках связаны с ассирийской армией. В X веке до новой эры, когда кочевое скотоводство в евразийских степях еще только зарождалось, ассирийцы, учтя недостаточную проходимость колесниц, придумали использовать для преследования врага и разведки воинов посаженных непосредственно на спины лошадей. (*On an opposite hill, in three lines, archers, foot-soldiers, horsemen, was the Norman force.* Child's History of England by Charles Dicken).

К боевой относится **кавалерийская лошадь** как один из важнейших элементов, орудий войны (*Он тронул поводья, и горячая кавалерийская лошадь пошла рысью, потряхивая всадника.* М. Булгаков. Мастер и Маргарита; *Как кавалерийская лошадь, услышав звуки марша, группируется и стройно вышагивает по плацу, так и я, сжавшись в кулак, выбросил себя на сцену.* Г. Васильев. Роли, которые нас выбирают; *Авдотья, десять лет проработавшая на ферме в ту пору, когда Спиряк Воронок был еще заведующим, привыкла выполнять его приказы автоматически, как старая кавалерийская лошадь выполняет давно заученную команду.* Б. Можяев. Живой; *Но я уже с упоением и азартом, как кавалерийская лошадь, пущенная в карьер, неся, перепрыгивая через лужи и выбоины грязной мостовой.* А. Гайдар. Школа; *He expected to conquer Britain easily: but it was not such easy work as he supposed – for the bold Britons fought most bravely; and, what with not having his horse-soldiers with him....* A Child's History of England by Charles Dicken; *The noise being heard by a guard of Norman horse-soldiers outside, was mistaken for resistance on the part of the English.* A Child's History of England by Charles Dicken).

Раньше основным способом ведения боевых действий являлось наступление в виде воинского конного формирования, конного отряда (*From this place he was delivered by a party of horse despatched to his help by some nobles, who were by this time in revolt against the King...* A Child's History of England by Charles Dicken), конницы (*While he was thus engaged, word was brought to him that Lord Pembroke, with four hundred knights, two hundred and fifty men with cross-bows, and a stout force both of horse and foot, was marching towards him.* A Child's History of England by Charles Dicken) и строевая (*Была теснота маленькой комнаты, снимаемой у еврея на окраине польского местечка, были денежные драмы, когда внезапно от колик пала строевая лошадь и надо было купить другую.* П. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени; *Вдруг Вахрушка вздрогнул, как строевая лошадь, слышавшая трубу.* Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)).

В период Великой Отечественной войны лошади были не только в кавалерии: армии, в основном, использовали лошадей в области материально-технического снабжения во время войны. Лошадь практически была основной тягловой силой для артиллерии, санитарных карет и фургонов со снабжением. Лошадь лучше, чем механизированные транспортные средства. Она приспособлена к преодолению маршрутов по глубокой грязи и пересечённой местности, способна пройти там, где транспорт не мог пройти в принципе. (... *then, a train of people bearing shields and leading fine war-horses splendidly equipped...* A Child's History of England by Charles Dicken; ... *for their resorting to the odd expedient of tying their baggage-horses together by the heads and tails, and jumbling them up with the baggage, so as to convert them into a sort of live fortification – which was found useful to the troops...* A Child's History of England by Charles Dicken).

Во время боевых действий, условия для лошадей на фронте были тяжёлыми: они погибали от артиллерийского огня, страдали от кожных заболеваний и получали ранения от ядовитых газов. (*When his horse was killed under him, he fought on foot.* A Child's History of England by Charles Dicken)

Итак, когнитивный-ориентированный анализ смыслового наполнения понятийного признака «военный» концепта лошадь/ конь и horse по данным лексикографических, исторических источников и языкового материала раскрыл не только имманентно заложенный смысл вещи, но и оттенки значений, наслоившихся временем.

Литература

1. Лошади в истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://infourok.ru/issledovatelskaya-rabota-loshadi-v-istorii-1238745.html>
2. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования. Вестник Кемеровского государственного университета. 2013;(2-2):127-131.
3. Пименова М. В. Концепт СЕРДЦЕ: образ, понятие, символ: монография. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
4. Понятия и категории. Концепт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ponjatija.ru/taxonomy/term/401>

References

1. Loshadi v istorii [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://infourok.ru/issledovatelskaya-rabota-loshadi-v-istorii-1238745.html>
2. Pimenova M.V. Tipy konceptov i jetapy konceptual'nogo issledovanija. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013;(2-2):127-131.
3. Pimenova M. V. Koncept SERDCE: obraz, ponjatie, simvol: monografija. – Kemerovo: KemGU, 2007. – 500 s. (Serija «Konceptual'nye issledovanija». Vyp. 9).
4. Ponjatija i kategorii. Koncept [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://ponjatija.ru/taxonomy/term/401>

О. Л. Бессонова
Донецк

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ ОДОБРЕНИЯ – НЕОДОБРЕНИЯ В ОЦЕНОЧНОМ ТЕЗАУРУСЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье на материале английского языка рассматриваются особенности моделирования семантики лексических единиц с оценочным значением. Предлагаемый метод эффективен при описании оценочного значения в рамках идеографического подхода. Предложенная классификация основана на принципе дифференциации реакций говорящего на действия, их субъектов и объектов. В статье детально рассматривается группа концептов, обозначающих эмоции одобрения – неодобрения.

Ключевые слова: оценочный тезаурус, концепт, эмоция, одобрение, неодобрение, фрейм, слот.

Сведения об авторе: Бессонова Ольга Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии.

Место работы: Донецкий национальный университет.

Контактная информация: 283001, Донецк, ул. Университетская, 24.
e-mail: olgabessonova@mail.ru.

O. L. Bessonova
Donetsk

REPRESENTATION OF APPROVAL AND DISAPPROVAL IN THE ENGLISH EVALUATIVE THESAURUS

Abstract. The article deals with evaluative semantics modelling within the framework of thesaurus approach. This method is considered to be very effective in describing evaluative semantics of lexical units. The suggested classification is based on the principle of differentiation of the speaker's reactions to actions, agents and objects. The article addresses the group of concepts denoting emotions of approval – disapproval.

Key words: evaluative thesaurus, concept, emotion, approval, disapproval, frame, slot.

About the author: Bessonova Olga Leonidovna, Doctor of Philology, Professor and Chair of the English Philology Department.

Place of employment: Donetsk National University.

1. Концепты эмоций в структуре оценочного тезауруса английского языка

Зарегистрированная в семантике языка информация, связанная с категорией оценки, представляет собой коммуникативно значимую область языковой картины мира, называемой оценочным тезаурусом английского языка. Оценочный тезаурус английского языка в структуре языковой картины мира совпадает с тем фрагментом концептуальной картины мира, который можно называть ценностной картиной мира.

Оценочный тезаурус является составной частью словарного состава языка и представляет собой систематизированную информацию о предметных и отвлеченных понятиях, имеющих ценностную значимость для языковой личности. Одной из проблем описания оценочного тезауруса является проблема ограничения лексического инвентаря оценочных концептов. Согласно Л. Талми, “для лексически выражаемых концептов не существует никакого сопоставимого с этим инвентаря, поскольку формы открытого класса могут, по большей части, относиться к чему угодно из того, что может содержаться в сознании” [3, с. 111].

Исходным положением данного исследования является признание того факта, что концепт включает лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют “наивную картину мира” носителей языка. Таким образом, в центре внимания – способ концептуализации мира в лексической семантике, в частности того его фрагмента, который зафиксирован в оценочном тезаурусе языка, который, в свою очередь, составляет концептуальную область. Основным исследовательским средством является концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что оценочный тезаурус английского языка не однороден, а центрирован: его природа ярко проявляется в прототипических единицах и может почти нивелироваться в периферии. Методологически это выражается в необходимости иерархизации рассматриваемого материала и выделении основных особенностей оценочного тезауруса английского языка на основе анализа прототипических единиц. Иными словами, представляется необходимым определить набор концептов, составляющих базовый оценочный тезаурус.

Исследуемый материал, полученный методом сплошной выборки из идеографических словарей английского языка Longman Lexicon of Contemporary English [5] и Roget's II Electronic Thesaurus [4], может быть представлен в виде сетевой модели, в рамках которой концепты объединены в семантические узлы. В структуре каждого узла выделены базовые оценочные концепты. Узел концептов, обозначающих эмоции и являющихся компонентом структуры оценочного тезауруса английского языка, выглядит следующим образом:

УЗЕЛ 1. Концепты, обозначающие эмоции

УЗЕЛ 1.1. – эмоции удовольствия – неудовольствия: *FEAR* ‘страх’, *UNEASINESS, ANXIETY, CONCERN* ‘тревога, беспокойство’, *GRIEF, SORROW, SADNESS* ‘тоска, печаль, грусть’, *DANGER, THREAT* ‘опасность, угроза’, *HAPPINESS* ‘счастье’, *DESIRE* ‘желание’, *LUCK* ‘удача’, *DESPAIR* ‘отчаяние’, *DISAPPOINTMENT* ‘разочарование’. Базовые концепты узла 1.1. – *LUCK* ‘удача’, *HAPPINESS* ‘счастье’, *FEAR* ‘страх’, *DESIRE* ‘желание’.

УЗЕЛ 1.2. – эмоции одобрения – неодобрения: *ADMIRATION* ‘восхищение’, *RESPECT* ‘уважение’, *DELIGHT* ‘восхищение, восторг, удовольствие’, *RAPTURE* ‘восторг’, *ANGER* ‘гнев’, *INTEREST, CURIOSITY* ‘интерес, любопытство’, *DISGRACE, SHAME* ‘позор, бесчестие’, *PRIDE, VANITY* ‘гордость, тщеславие’, *SURPRISE* ‘удивление’, *GRATITUDE* ‘благодарность’. Базовые концепты узла 1.2. – *ADMIRATION* ‘восхищение’, *ANGER* ‘гнев’, *INTEREST, CURIOSITY* ‘интерес, любопытство’.

УЗЕЛ 1.3. – эмоции любви – нелюбви: *LOVE* ‘любовь’, *HATRED* ‘ненависть’, *CONTEMPT* ‘презрение’. Базовые концепты узла 1.3. – *LOVE* ‘любовь’, *HATRED* ‘ненависть’.

В основе тезаурусного подхода к описанию эмоций лежит предположение о том, что эмоции определяются способом, каким лицо, их испытывающее, воспринимает ситуации, которые порождают эти эмоции. Следует также подчеркнуть, что структура словаря эмоций не изоморфна структуре самих эмоций. Таким образом, в задачи исследования не входит попытка охарактеризовать структуру самих эмоций. В структуре языковой личности эмоциональная сфера представлена эмоциональным уровнем, единицами которого являются эмоциональные концепты. В качестве основы для описания набора базовых эмоций может быть использована классификация, представленная в работе А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз. Согласно этой классификации эмоции подразделяются на реакции на события, на агентов и на объекты [2]. Анализ материала позволяет выделить три группы концептов, обозначающих эмоции: первая группа – эмоции удовольствия – неудовольствия (подробнее см. [1]), вторая группа – одобрения – неодобрения, третья группа – любовь – нелюбовь.

В данной статье подробно описана группа эмоций одобрения – неодобрения.

2. Концепты, обозначающие эмоции удовольствия – неудовольствия

Критерием выделения *группы концептов эмоций одобрения – неодобрения* являются реакции языковой личности на действия агентов. Агентом может быть, как сам субъект оценки, так и другое лицо. Данный узел сетевой модели представлен иерархической последовательностью более базовых и менее базовых концептов. Более базовыми являются концепты *admiration* ‘восхищение’, *anger* ‘гнев’, *interest, curiosity* ‘интерес, любопытство’, менее базовыми *disgrace, shame* ‘позор, бесчестие’, *pride, vanity* ‘гордость, тщеславие’, *surprise* ‘удивление’, *gratitude* ‘благодарность’. Количественная характеристика группы концептов эмоций одобрения – неодобрения представлена в таблице 1.

Концепт *admiration* ‘восхищение’ можно описать с помощью фрейма **SMB HAS a FEELING of admiring smth or smb**, который может быть реализован в виде слотов:

СЛОТ 1. *SMB HAS a very high opinion of smb., because of a quality they have or because of smth. they have done.*

СЛОТ 2. *SMB looks at smth. and thinks how beautiful or impressive it is.*

Внутри концепта *admiration* ‘восхищение’ можно выделить менее базовые концепты *respect* ‘уважение’, *delight* ‘восхищение, восторг, удовольствие’, *rapture* ‘восторг’.

Таблица 1

Количественная характеристика группы концептов эмоций одобрения – неодобрения

Часть речи Концепт	N	Adj	V	Adv	Всего	Всего в %	Примеры
<i>Interest, curiosity</i> 'интерес, любопытство'	41	63	11	31	146	25%	<i>inquisitiveness</i> 'любопытность, излишнее любопытство', <i>nosy</i> 'сленг. Любопытный, пронырливый', <i>intrigued</i> 'заинтригованный, заинтересованный', <i>tedious</i> 'скучный, утомительный', <i>to entice</i> 'соблазнять, увлекать, заманивать'
<i>Admiration</i> 'восхищение'	49	58	21	9	137	24%	<i>reputable</i> 'достойный уважения', <i>honoured</i> 'уважаемый, заслуженный', <i>glorious</i> 'великолепный, восхитительный', <i>jewel (fig)</i> 'перен. сокровище (о человеке)', <i>decently</i> 'прилично, благопристойно, мило', <i>to treasure (emot)</i> '(эмоц.) высоко ценить'
<i>Anger</i> 'гнев'	19	45	18	16	98	17%	<i>indignation</i> 'возмущение, негодование', <i>infuriating</i> 'приводящий в ярость, бешенство', <i>to bug (slang)</i> 'сленг. Надоедать, раздражать', <i>madden</i> 'сводить с ума, доводить до бешенства', <i>irascibly</i> 'раздражительно, вспыльчиво'
<i>Disgrace, shame</i> 'позор, бесчестие'	24	24	8	8	64	11%	<i>brazenness</i> 'бесстыдство', <i>shamelessness</i> 'бесстыдство', <i>disreputably</i> 'позорно', <i>opprobrious</i> 'позорный, позорящий', <i>to dishonour</i> 'бесчестить, пятнать, позорить', <i>to discredit</i> 'позорить', <i>unabashed</i> 'бессовестный, беззастенчивый'
<i>Pride, vanity</i> 'гордость, тщеславие'	27	44	2	4	77	13%	<i>donnish</i> 'высокомерный, чванливый', <i>jumped-up</i> 'самоуверенный, нахальный', <i>cock-a-hoop</i> 'самодовольный, высокомерный', <i>arrogance</i> 'высокомерие, надменность', <i>to preen</i> 'гордиться собой, быть самодовольным', <i>disdainfully</i> 'пренебрежительно, надменно'
<i>Surprise</i> 'удивление'	9	8	18	9	44	8%	<i>to startle</i> 'поразить, сильно удивить', <i>to astound</i> 'поражать, изумлять', <i>stunningly</i> 'сногшибательно, потрясающе'

							<i>enigmatic</i> ‘загадочный, таинственный’, <i>marvel</i> ‘чудо, диво, удивление’
<i>Gratitude</i> ‘благодарность’	5	5	–	2	12	2%	<i>appreciation</i> ‘признательность, благодарность’, <i>thankfulness</i> ‘благодарность’, <i>ungrateful</i> ‘неблагодарный’, <i>gratefully</i> ‘благодарно’
ВСЕГО	174	247	78	79	578	100%	

Эти концепты могут быть представлены в виде следующих фреймов:

Концепт *respect* ‘уважение’ – **SMB HAS a FEELING of admiration for smb. especially because of their personal qualities, knowledge or skill, an ATTITUDE of regarding smth or smb as important so that you are careful not to harm them, treat them rudely** (*respectability* ‘респектабельность, почтенность’, *decency* ‘приличие, вежливость, порядочность’).

Концепт *delight* ‘восхищение, восторг, удовольствие’ – **SMB HAS a FEELING of extreme gratification aroused by something good or desired, great pleasure or satisfaction, joy** (*relish* ‘удовольствие, наслаждение, привлекательность’, *delectation* ‘наслаждение, удовольствие’, *rejoice* ‘радоваться’, *exult* ‘ликовать, торжествовать, бурно радоваться’)

Концепт *rapture* ‘восторг’ – **SMB IS in a state of elated bliss** (*to transport* ‘приводить к-л в состояние восторга’, *ecstasy* ‘экстаз, исступление’)

Фрейм концепта *anger* ‘гнев’ имеет следующее наполнение: **SMB HAS a FEELING of displeasure or hostility**. Набор слов, входящих в данный концепт, свидетельствует о том, что в английском языке данная эмоция может проявляться с различной степенью выраженности, что и зафиксировано в языке (*enraged* ‘взбешенный, разгневанный, в ярости’, *irascible* ‘раздражительный, вспыльчивый’, *to try* ‘утомлять, раздражать’, *acidity* ‘язвительность, ядовитость, ехидство’).

Когнитивное пространство концепта *interest, curiosity* ‘интерес, любопытство’ достаточно объемно, и представляющий его фрейм может принимать вид **SMB HAS a FEELING that makes him want to pay attention to smth or to find out more about it**. Наиболее частотными слотами этого фрейма также являются:

СЛОТ 1. *SMB HAS a desire to know about smth. or to know about a lot of different things.*

СЛОТ 2. *SMB HAS NO FEELING that makes him want to pay attention to smth or to find out more about it (the absence of interest).*

СЛОТ 3. *SMB HAS a FEELING of boredom.*

Толкование концепта *disgrace, shame* ‘позор, бесчестие’ представлено с помощью фрейма **SMB HAS a FEELING of the complete loss or damage to one’s reputation.**

Фрейм концепта *pride, vanity* 'гордость, тщеславие' выражается следующей пропозицией **SMB HAS a FEELING of satisfaction and pleasure in what he has done, or in what smb. connected has done or a FEELING of a regarding of oneself with undue favour, characterized by or given to boasting.**

Семантическая структура концепта *surprise* 'удивление' представлена фреймом **a FEELING SMB HAS when smth. unexpected or unusual happens.**

Данный концепт вербализуется 46 лексическими единицами, причем ядро концепта репрезентировано словами *wonder* 'изумление, удивление', *surprise* 'удивление', *astonishment* 'удивление, изумление', *amazement* 'изумление, удивление', *wonderment* 'книжн. удивление, изумление', *bewilderment* 'смущение, замешательство', *admiration* 'восхищение', *awe* 'благоговение, трепет'. Следует подчеркнуть, что лексические единицы, обозначающие эмоции удивления, обладают семантическим признаком "интенсивность". Они могут обозначать разные оттенки чувств: от мимолетного, легкого удивления до полного изумления, лишаящего человека способности говорить и двигаться. По этому признаку слова образуют градуальные оппозиции: *surprise* 'удивление' – *astonishment* 'удивление, изумление' – *amazement* 'изумление, удивление'; *wonder* 'изумление, удивление' – *admiration* 'восхищение' – *awe* 'благоговение, трепет'; *bewilderment* 'смущение, замешательство' – *wonder* 'изумление, удивление'. Языковые единицы, характеризующиеся большей интенсивностью, обладают большей экспрессивной потенцией. Прямая взаимонаправленная связь существует между словами, которые в толковых словарях и словарях синонимов определяются друг через друга и которые обладают большим количеством общих семных конкретизаторов по сравнению с остальными членами данного типа. Такая связь была установлена, в частности, между существительными *surprise* 'удивление' – *wonder* 'изумление, удивление', *awe* 'благоговение, трепет' – *admiration* 'восхищение', *amazement* 'изумление, удивление' – *astonishment* 'удивление, изумление' и др. Между некоторыми единицами данного типа существует единично-опосредованная связь. Принадлежность этих слов к одному типу устанавливается через наличие прямых связей с одним общим членом этого типа (как правило, ядерным). Такая связь существует, например, между существительными *wonderment* 'книжн. удивление, изумление' и *admiration* 'восхищение', принадлежность которых к одному типу устанавливается через существительное *wonder* 'изумление, удивление'. Наряду с прямыми и единично-опосредованными связями между единицами одного типа существует множественно-опосредованная связь. В этом случае слова по составу ядерных семантических признаков значительно отличаются друг от друга и связаны между собой опосредованно, через единично-опосредованные связи с другими единицами одного типа. Для концепта *surprise* 'удивление'

такими словами будут *awe* ‘благоговение, трепет’ и *bewilderment* ‘смущение, замешательство’. Их принадлежность к данному концепту основывается на единично-опосредованной связи с существительным *wonder* ‘изумление, удивление’. Слова, обладающие большим количеством общих семных конкретизаторов с остальными компонентами данного концепта, составляют его ядро. Ядерным словом для концепта *surprise* ‘удивление’ является слово *wonder* ‘изумление, удивление’.

Семантическая структура концепта *gratitude* ‘благодарность’ представлена фреймом **SMB HAS a FEELING of gratitude**.

Как показывают данные таблицы 1, наиболее номинативно плотными являются концепты *interest, curiosity* ‘интерес, любопытство’, *admiration* ‘восхищение’ (25% и 24% от общего количества лексических единиц узла концептов эмоций одобрения – неодобрения соответственно). Достаточно значительно и лексическое наполнение представленных на аксиологической шкале концептов *anger* ‘гнев’ (17%), *pride, vanity* ‘гордость, тщеславие’ (13%), *disgrace, shame* ‘позор, бесчестие’ (11%). Следует отметить, что в данной группе концептов по количеству конститuentов на первом месте положительно оценочные концепты *interest, curiosity* ‘интерес, любопытство’, *admiration* ‘восхищение’. Достаточно многочисленным является и концепт *anger* ‘гнев’. Данный факт свидетельствует о значимости этих эмоций в концептуальной картине мира языковой личности, что находит отражение в языковой картине мира.

Как и в группе эмоций удовольствия – неудовольствия, среди языковых единиц, входящих в структуру концептов одобрения – неодобрения, преобладают имена прилагательные (43% от общего количества лексических единиц-компонентов концептов эмоций одобрения – неодобрения). Частеречный анализ концептов показывает, что оценочные имена существительные, обозначающие эмоции данного узла сетевой модели, занимают второе место и составляют 30% от общего количества лексических единиц-компонентов концептов данной группы. Глаголы и наречия представлены приблизительно равным соотношением языковых единиц (по 15%). Как показывает анализ материала, имена существительные представлены в равной степени с именами прилагательными в концептах *disgrace, shame* ‘позор, бесчестие’, *surprise* ‘удивление’, *gratitude* ‘благодарность’ (см. табл. 1). Заслуживает внимания тот факт, что глаголы значительно преобладают над другими частями речи в концепте *surprise* ‘удивление’, что, видимо, свидетельствует об акциональном характере данного концепта. Преобладание оценочных имен и наречий в концепте *interest, curiosity* ‘интерес, любопытство’ связано с предметно-признаковым характером этого фрагмента действительности, закрепленного таким образом в языке.

3. Выводы. Анализ материала показал, что в узле сетевой модели оценочного тезауруса английского языка, связанного с концептами эмоций,

группа эмоций одобрения – неодобрения занимает важное место. Среди разнообразного набора концептов, в данной группе выделяются наиболее многочисленные положительно окрашенные оценочные концепты *interest*, *curiosity* ‘интерес, любопытство’, *admiration* ‘восхищение’, а также концепт *anger* ‘гнев’, являющиеся одновременно базовыми концептами этой группы. Данный факт свидетельствует о значимости этих эмоций в концептуальной картине мира языковой личности, что находит отражение в оценочном тезаурусе языкового сообщества. Положительная и отрицательная оценка представлена в данной группе в равном соотношении. В анализируемой группе узла сетевой модели оценочного тезауруса преобладают имена прилагательные. Имена существительные в целом занимают второе место по значимости во фрагменте оценочного тезауруса английского языка, связанного с номинацией эмоций. Превалирование этих двух частей речи можно объяснить предметно-признаковым характером оценочной квалификации, что и отражено соответствующим образом в системе языка.

Литература

1. Бессонова, О.Л. Концепты, обозначающие эмоции удовольствия неудовольствия, в структуре оценочного тезауруса английского языка / О.Л. Бессонова // Мир. Человек. Язык: сб. науч. тр. / Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; Донец. нац. ун-т; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Ин-т иностр. яз.; Юж. федер. ун-т, Ин-т филолог. журн. и межкультурн. коммуникации. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. – С. 12-20. – ISBN 978-5-9984-0914-1.
2. Ортони, А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз; пер. с англ. и нем. / сост. и вступ. ст. В.В. Петрова // Язык и интеллект. – М.: Издательская группа “Прогресс”, 1995. – С. 314-384.
3. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 91-113.
4. Roget's II Electronic Thesaurus / Microsoft Bookshelf CD-ROM reference library. – Wearnes, 1993.
5. Longman Lexicon of Contemporary English / Ed. by T. McArthur. – Longman Group Limited, 1998. – 913 p.

References

1. Bessonova, O.L. Koncepty, oboznachajushhie jemocii udovol'stvija neudovol'stvija, v strukture ocenocnogo tezaurusa anglijskogo jazyka / O.L. Bessonova // Mir. Chelovek. Jazyk: sb. nauch. tr. / Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovyh; Donec. nac. un-t; Ros. gos. ped. un-t im. A.I. Gercena, In-t inostr. jaz.; Juzh. feder. un-t, In-t filolog. zhurn. i mezhkul'turn. kommunikacii. – Vladimir: Izd-vo VIGU, 2019. – S. 12-20. – ISBN 978-5-9984-0914-1.
2. Ortoni, A. Kognitivnaja struktura jemocij / A. Ortoni, Dzh. Klour, A. Kollinz; per. s angl. i nem. / sost. i vstup. st. V.V. Petrova // Jazyk i intellekt. – M.: Izdatel'skaja gruppa “Progress”, 1995. – S. 314-384.
3. Talmi, L. Otnoshenie grammatiki k poznaniyu / L. Talmi // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. – 1999. – № 1. – S. 91-113.

4. Roget's II Electronic Thesaurus / Microsoft Bookshelf CD-ROM reference library. – Wearnnes, 1993.
5. Longman Lexicon of Contemporary English / Ed. by T. McArthur. – Longman Group Limited, 1998. – 913 p.

УДК 81-119; 811.162.1

Н.В. Деева

Кемерово, Россия

ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ

***Аннотация.** Рассматриваются устойчивые выражения, в структуру которых входят существительные, называющие животных, как средство репрезентации черт характера человека в польской наивной картине мира. Отмечаются структурные модели подобных фразеологизмов, а также источники их возникновения. Подчеркивается, что анализируемые польские фразеологизмы репрезентируют как положительные (благородство, преданность, трудолюбие, скромность и т.п.), так и отрицательные (робость, хитрость, лживость, горделивость и др.) черты характера человека, с явным количественным преобладанием последних.*

***Ключевые слова:** фразеологизм; наивная картина мира; польский язык*

***Сведения об авторе:** Деева Наталья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка. Место работы: Кемеровский государственный институт культуры.*

***Контактная информация:** 650056, Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
e-mail: deeva24@list.ru*

N.V. Deeva

Kemerovo, Russia

HUMAN CHARACTER THROUGH THE PRISM OF POLISH IDIOMS WITH A COMPONENT-ZOONYMS

***Abstract.** The article deals with idioms which structure includes nouns that name animals, as a means of representing human character traits in the Polish naive picture of the world. The structural models of such idioms, as well as the sources of their origin, are noted. It is emphasized that the analyzed Polish phraseological units represent both positive (nobleness, loyalty, diligence, modesty, etc.) and negative (timidity, cunning, mendacity, haughtiness, etc.) character traits of a person, with a clear quantitative predominance of the latter.*

***Key words:** idiom; naive picture of the world; Polish*

***About the author:** Deeva Natalia Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and the Russian Language.*

Place of employment: Kemerovo State Institute of Culture.

Фразеологизмы, являющиеся лексическими единицами языка, представляют собой своеобразное «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [5, с. 14], следовательно, анализ данных единиц является ключом к пониманию особенностей категоризации и концептуализации действительности в сознании того или иного народа. Как отмечает профессор М. В. Пименова, исследование наивных представлений о мире, закрепленных в единицах языка, помогает раскрыть «менталитет народа, его ментальность <...>, соотнести их с куль-

турными традициями, мифологией, принятой системой символов» [4, с. 12].

Будучи средством познания и отражения действительности, язык в своих единицах фиксирует, в том числе, знания человека и о самом себе. Особенно ярко человек внешний и внутренний представлен во фразеологии [1]; [2]. В данной статье предпринят анализ устойчивых выражений, функционирующих в современном польском языке, призванный показать национально-культурную специфику репрезентации характера человека в картине мира поляков.

В польском языке существует большое количество фразеологизмов, представляющих внутренний мир человека, черты характера последнего (*człowiek bez sumienia, człowiek zepsuty do szpiku kości, charakter ze stali* и т.п.), особую группу среди которых составляют устойчивые выражения с компонентом-зоонимом. Поскольку животные, сосуществующие в реальном мире с человеком, играют особую роль в его жизни, то именно их признаки становятся эталонами для сравнения, порождая многочисленные устойчивые выражения. Как отмечают исследователи, «в этнокультуре разных народов фразеологизмы, включающие названия животных, – это в первую очередь высказывания о человеке, его духовных и социальных чертах» [3, с. 6].

Так, человека, отличающегося негативными чертами характера и ведущего себя не так, как большинство, поляки называют *'czarna owca'* / дословно «черная овца» (*Jeszcze trochę nas zostało. A w gromadzie zawsze się może znaleźć czarna owca.* А. Банiewicz). Поскольку более традиционным для данного вида животного является белый или серый окрас шерсти, черная овечка осмысливается как нечто исключительное, кроме того, черный – это цвет, который во многих культурах имеет отрицательную коннотацию, отсюда и метафорический перенос, лежащий в основе данного фразеологизма.

Человека же очень спокойного, скромного, несмелого в польской наивной картине мира сравнивают с нежным или кротким ягненком (*łagodny / potulny jak baranek*): *W komisariacie był potulny jak baranek, miał łzy w oczach i prosił, żeby nie informować szkoły, bo go wyrzucą* («Gazeta Wyborcza», 05.11.1997). Источником данного устойчивого выражения является образ жертвенного ягненка, представленного в тексте Ветхого Завета и ставшего символом покорности и послушания. Т.е. в данном случае мы имеем дело с переносом фрагмента религиозной картины мира в быденную.

Олицетворением хитрости в польском фольклоре выступает лиса, которая похищает кур, избегает всяческих ловушек; этот же образ находим в литературных сказках и произведениях для детей Я. Бжехвы, А. Мицкевича, И. Красицкого:

*Miał rozumu za dziesięciu,
Toteż w każdym przedsięwzięciu
Wprawiał w podziw swoim sprytem,
Wyrobieniem znakomitym,
Orientacją doskonałą*

I dowcipem, jakich mało! (J. Brzechwa «Szelmostwa lisa Witalisa»)

Зооним *lis* входит в состав двух польских фразеологизмов ‘*chytry jak lis*’ («хитрый как лис») и ‘*farbowany lis*’ (дословно «крашенная лиса»), служащих для обозначения и характеристики человека нечестного, лицемерного, обманщика: ...*duszę ma jeszcze bardziej pokrętną niż ciało. Ale chytry jak lis* (A. Sapkowski); *Obywatel pułkownik uśmiechnął się błogo: «Patrzcie – powiedział. – Jeszcze jeden farbowany lis. Dziękuję za nowe dane»* (J. Karaszkiewicz).

Примечательно, что в польской наивной картине мира символом лицемерия и нечестности также выступает такое домашнее животное как кот, с которым и сравнивается человек в устойчивом выражении ‘*falszywy jak kot*’ (дословно «фальшивый как кот»): *Bądźcie czujnym i gotowym na wszystko, bo to nie tylko wściekły drapieżnik, ale i chytry lis, nie tylko falszywy jak kot, ale i odporny na wszystko jak wancka!* (С. Skrzyposzek). Лживость, неискренность – это черты, которые все чаще приписываются коту в польской культуре, начиная с XIX века, о чем пишет в своем исследовании, посвященном образу кота в польской лингвокультуре, Я. Анушевич: «Charakterystyczne jest to, że w wieku XIX coraz częściej kojarzone są z kotem takie cechy, jak: fałszywość, nieszczerłość, podstępność, zdradliwość – chyba wywiedzione z wcześniej już z kotem kojarzonych cech, takich jak: chytryść, przebiegłość, przewrotność, spryt» [6, с. 127].

Змея в Древней Греции и Древнем Риме выступала символом мудрости, в русских народных сказках образ змеи является амбивалентным, а вот в польской наивной картине мира змея ассоциируется, прежде всего, с хитростью, о чем свидетельствует фразеологизм ‘*chytry jak wąż*’ («хитрый как змея»): *Jeżeli starzec będzie gwałtowny, jak dzik, a jego żona nieczuła, jak niedźwiedź, jeżeli szwagier będzie chytry, jak wąż, a bratowa ostra, jak gwóźdź, bądź cierpliwą i podległą tak samo, jak w domu twojej matki...* (J. Koszutski). Признак хитрости, коварности, приписываемый сознанием поляков змее, несомненно, берет свои истоки в библейском сюжете об искушении Евы и первом грехе.

Другими отрицательными чертами характера человека, закрепленными в польской фразеологии, являются горделивость, надменность и заносчивость. Носителем данных черт в мире животных в польской наивной картине мира выступает павлин (*chodzić / puszyć się / pysznić się / nosić głowę jak paw; dumny jak paw; nadymać się jak paw*): *Helmut, co wszystkiego mi zazdrości, jest dumny jak paw, sokoli skapcianieli i się rozwiązali, ze*

zmarwienia, że Ewa nie ma gdzie tańczyć, chodzę jak sierota Grzesio Brzeziński z przetrąconą nogą (Н. Rozpędowski). Павлин (одна из самых красивых птиц) становится символом горделивости и напыщенности из-за его поведения. Наблюдения за павлином показали, что он враждебно относится к другим птицам, как будто бы считает себя лучше их, отсюда и приписывание ему человеком указанных негативных черт.

Человека циничного, бесчувственного метафорически очень часто называют твердокожим, объектами для сравнения из мира животных в данном случае выступают бегемот или носорог, названия которых входят в состав польских устойчивых выражений *'mieć skórę jak hipopotam', 'mieć skórę jak nosorożec'*: Marieta Żukowska *ma skórę nosorożca i jest odporna na porażki!* (Światseriali.pl, 15.08.2019).

Символом трусости во многих культурах, в том числе польской, выступает заяц, животное, издавна живущее рядом с человеком, а потому хорошо знакомое. В польском языке существует более десятка устойчивых выражений с зоонимом «zajac», среди которых фразеологизм *'mieć zajęcze serce'* (дословно «иметь заячье сердце»), используемый для характеристики человека трусливого или робкого: *Ostrożnie zajrzeć w labirynty uszu (nie wiesz, jakie mam zajęcze serce) / i sprawdzić, czy nie ma tam złotej nutki / lepszego losu* (М. Nurowska).

Другим животным, ассоциирующимся в сознании поляков с несмелостью, робостью, выступает мышь: *Człowiek czuje się jednocześnie podle i fantastycznie, jest odważny jak lew i zarazem nieśmiały jak mysz* («Cosmopolitan», 2000, № 6). Тихую, скромную, несмелую девушку или женщину поляки посредством устойчивого выражения именуют серой мышкой (*szara myszka*): *... hehe moja najlepsza przyjaciółka jest właśnie taką szarą myszką. poznałyśmy się w pierwszej klasie liceum i nasza przyjaźń trwa już prawie 10 lat. dobrałyśmy się idealnie – ja zawsze szalona, z tysiącem pomysłów na minutę, z dziwnym pociąganiem do pakowania się w nowe problemy, pyskata i niezależna, a ona? – spokojna, ułożona, z planem na życie...* (Forum Internetowe).

Признак упрямства приписывается в польской наивной картине мира таким парнокопытным как осел, козел и баран (*uparty jak kozioł / osioł / baran*). Человек недисциплинированный, не слушающий советов других, упрямый сравнивается в устойчивых выражениях именно с этими животными: *Niestety, był uparty jak kozioł. Proszę mi wierzyć, że zrobiłem wszystko, co było możliwe* (М. Sokołowski); *I tak zrobisz po swojemu. Jesteś uparty jak osioł* (R. Grzela); *Uparty jak cholerny baran! – poprawiła go kąśliwie i opróżniła naczynie* (М. Zdybska). Хотя в научной картине мира осел, например, описывается как спокойное млекопитающее, которое только кажется упрямым из-за своей привычки все делать медленно. Данная привычка, как отмечают исследователи, вероятно, является следствием того, что ослы как род развивались в горной среде, существуя в которой необходимо про-

думывать каждый шаг, чтобы не подвернуть и не повредить ногу или не упасть в пропасть [7].

Легкомысленного, безответственного человека, живущего за чужой счет, поляки посредством фразеологизма называют голубой птицей / пташкой (*niebieski ptak*): *Najczęściej spotykałem Tońka. Niebieski ptak. Utrzymywał się z dorywczych podejrzanych zajęć* (М. Nowakowski). В прямом значении свободное сочетание «*niebieski ptak*» обозначает птицу с голубыми перьями, источником же устойчивого выражения является библейский текст, в частности Евангелие от Матфея, в котором читаем: «*Spojrzyjcie na ptaki niebieskie, iż nie sieją ani żną, ani zbierają do gumien, a wżdy Ojciec wasz niebieski żywi je...*» [8, электронный ресурс].

Среди польских фразеологизмов с компонентом-зоонимом отмечаются и те, которые отражают положительные черты характера человека. Так, о человеке очень добром, мягком, ласковом поляки говорят, что у него голубиное сердце: *Podobnie stał się prawdziwą plagą dla czworga starszych kuzynów w Podłozinach, z tym że starsi i silniejsi chłopcy potrafili skutecznie obronić się od prób zanudzenia, także jedna z kuzynek reagowała bardzo energicznie, najwięcej znosić musiała najstarsza, która nie tylko **miała gołębie serce** i nigdy nie dała klapsa natrętowi, ale w dodatku była już studentką medycyny miała więc ogólne przygotowanie i co więcej, także przeszła odpowiedni kurs* (А. Anonimus). В польской народной культуре голубь является символом любви и мира, огромную роль играет образ этой птицы и в христианских текстах (голубь фигурирует во всех ключевых библейских событиях, а в тексте Нового Завета во время крещения Иисуса голубь появляется как воплощение Святого Духа).

Репрезентацией смелости как черты характера человека является его сравнение со львом, царем зверей, в устойчивом выражении '*odważny jak lew*': *Mówi, że się wszystkiego boi a naprawdę jest **odważny jak lew*** (Forum Internetowe). О человеке сильным, не только физически, но и духом, готовом до конца отстаивать свои убеждения, поляки говорят, что он *walczy jak lew* («сражается как лев»): *Jako wolontariuszka pomaga pacjentom w złotoryjskim szpitalu. Przez trzy tygodnie opiekowała się w Niemczech starszą ciężko chorą kobietą. I **walczy jak lew** w obronie zwierząt* («Gazeta Wrocławska», 13.06.2005). Лев в польской наивной картине мира – это еще и символ благородства: фразеологизм '*lwie serce*' («львиное сердце») используется как средство характеристики человека благородного, способного к проявлению героизма (*Pokazywał naprzemiennie **lwie serce** i królicze serduszek*. Blog Internetowy).

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом *pies* («собака») репрезентируют, с одной стороны, такие положительные черты характера человека, как преданность, верность (*wierny jak pies*) и послушность (*posłuszny jak pies*), а с другой, – злость, агрессивность (*zły jak pies*): *Od dziesięciu lat **jest wierny jak pies** i jakoś nie czuje się szczególnie dumny z tego powodu* (Z.

Miłoszewski); **Zły jak pies marszałek koronny czekał na ich powrót w Siedlcach** (Z. Kossak).

Следует отметить, что олицетворением злости в польской наивной картине мира выступают также оса и гадюка, называющие которых существительные входят в состав устойчивых выражений 'zły jak osa' («злой как оса»), 'zły jak żmija' («злой как гадюка»): **Zły jak osa, postanowilem wyjść z ambasady, żeby przejechać się na rowerze (to działa na mnie uspokajająco) i wrócić do równowagi przed kolejnym tego dnia spotkaniem** (D. Passent); **Jego żona była zła jak żmija** (Blog Internetowy). Как известно, оса является жалящим насекомым, а яд гадюки токсичен для человека, и хотя нападают данные представители фауны исключительно в целях самозащиты в опасной для них ситуации, человек считает их обладателями хищного нрава и злыми по натуре, отсюда и возникшие устойчивые выражения.

Ближайшим родственником осы в природе является пчела, однако в обыденном сознании поляков пчела ассоциируется с исключительно положительным качеством – трудолюбием или прилежностью, что и отражено в устойчивом выражении 'pilny jak pszczola / pszczołka': **Ania – jak się okazało – była pilną jak pszczołka uczennicą** (Blog Internetowy). Другим представителем мира насекомых, которому приписывается в польской наивной картине мира трудолюбие, выступает муравей. Он и является эталоном сравнения во фразеологизме 'pracowity jak mrówka' (дословно «работящий как муравей»): **Krzaklewski był – Frasyński daje głowę – pracowity jak mrówka, zaznajomiony z problemami branżowymi (nadano mu nawet przydomek "Branżowski"), umiejętnie rozwiązywał spory między hutnikami, tramwajarzami, nauczycielami** (P. Smoleński).

Таким образом, функционирующие в польском языке фразеологизмы с компонентом-зоонимом, репрезентирующие характер человека, структурно представлены двумя типами: 1) субстантивные устойчивые выражения (*niebieski ptak*, *czarna owca* и под.) и 2) выражения, построенные по модели сравнительного предложения с союзом *jak* (*nieśmiały jak mysz* и т.д.). Наблюдения за поведением животных, их повадками, образом жизни позволили человеку выделить и приписать каждому из них определенные черты, которые уже в виде метафор легли в основу фразеологизмов, представляющих фрагменты внутреннего мира самого человека. Однако источником возникновения подобных устойчивых выражений являются не только непосредственные наблюдения за представителями мира фауны, но и их готовые образы, представленные в религиозных текстах и фольклоре.

Как показал анализ, польские фразеологизмы с компонентом-зоонимом чаще всего отражают отрицательные черты характера человека (несмелость, хитрость, заносчивость, трусливость и т.д.), что может быть объяснено с позиций речемыслительной реакции людей на то, что отклоняется от нормы. В данном случае такая реакция является более острой, эмоциональной, отсюда же и коннотация, присущая всем устойчивым вы-

ражениям, составившим фактическую базу исследования. С другой стороны, выделенные и закрепленные в устойчивых выражениях положительные черты характера человека, такие как смелость, сила духа, верность, трудолюбие, можно считать особо значимыми для польской культуры.

Национальная специфика репрезентации особенностей характера человека польскими фразеологизмами представлена выбором слов-зоонимов, входящих в их структуру, среди которых отмечаются существительные, называющие как хорошо известных полякам животных (лиса, заяц, кот, мышь и т.д.), так и животных, не обитающих на территории Польши (бегемот, лев и др.). Естественно, что первых единиц в составе устойчивых выражений больше.

Литература

1. Багаутдинова, Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дис. докт. филол. наук: 10.02.20 / Гузель Анваровна Багаутдинова. – Казань, 2007. – 34 с.
2. Деева, Н.В. Образ человека сквозь призму польских паремий // Диалог языков и культур: сборник научных трудов / отв. ред. К.А. Шишигин; науч. ред. М.В. Пименова. – Текстовое электронное издание. – Кемерово: КемГУ, 2018.
3. Динисламова, О.Ю. Коннотации в английской и мансийских фразеологизмах как выявление национально-культурной специфики языков / О. Ю. Динисламова // Вестник Югорского государственного университета, 2009. – Вып. 1 (12). – С. 5-8.
4. Пименова, М.В. Языковая картина мира: учебное пособие / М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – 106 с.
5. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке – М.: Аспект Пресс, 2005. – 159 с.
6. Anusiewicz, J. Językowo-kulturowy obraz kota w polszczyźnie / J. Anusiewicz // Etnolingwistyka, 1990. – Т. 3. – S. 95 – 141.
7. Nowak, M. Uparty jak osioł? / M. Nowak – Режим доступа: <https://www.superkalejdoskop.com/index.php/natura/1862-uparty-jak-osiol> (дата обращения: 10.09.2019).
8. Nowy testament. Ewangelia. – Wyd. I. – Warszawa, 2012. – Режим доступа: http://bibliepolskie.pl/_kopie/bnowego_tys_ewang_jch_nor.pdf (дата обращения: 4.11.2018).
9. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – Режим доступа: http://www.edupedia.pl/words/index/show/474662_slownik_frazeologiczny (дата обращения: 17.06.2019).

References

1. Bagautdinova, G. A. Chelovek vo frazeologii: antropocentricheskij i aksiologicheskij aspekty: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.20 / G. A. Bagautdinova. – Kazan', 2007. – 34 s.
2. Deeva, N.V. Obraz cheloveka skvoz' prizmu pol'skih paremij // Dialog yazykov i kul'tur: sbornik nauchnyh trudov / otv. red. K.A. Shishigin; nauch. red. M.V. Pimenova. – Tekstovoe elektronnoe izdanie. – Kemerovo: KemGU, 2018.
3. Dinislamova, O.Yu. Konnotacii v anglijskij i mansijskih frazeologizmah kak vyyavlenie nacional'no-kul'turnoj specifiky yazykov / O. Yu. Dinislamova // Vestnik YUgorskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. – Vyp. 1 (12). – S. 5 – 8.

4. Pimenova, M.V. Yazykovaya kartina mira: uchebnoe posobie / M.V. Pimenova. – Kemerovo: KemGUKI, 2011. – 106 s.
5. Teliya, V.N. Tipy yazykovykh znachenij. Svyazannoe znachenie slova v yazyke – M.: Aspekt Press, 2005. – 159 s.
6. Anusiewicz, J. Językowo-kulturowy obraz kota w polszczyźnie / J. Anusiewicz // Etnolingwistyka, 1990. – T. 3. – S. 95-141.
7. Nowak, M. Uparty jak osioł? / M. Nowak – Режим доступа: <https://www.superkalejdoskop.com/index.php/natura/1862-uparty-jak-osiol> (дата обращения: 10.09.2019).
8. Nowy testament. Ewangelia. – Wyd. I. – Warszawa, 2012. – Режим доступа: http://bibliepolskie.pl/_kopie/bnowego_tys_ewang_jch_nor.pdf (дата обращения: 4.11.2018).
9. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – Режим доступа: http://www.edupedia.pl/words/index/show/474662_slownik_frazeologiczny (дата обращения: 17.06.2019).

УДК 82'09

**Л.В. Кипнес,
А.А. Родичева**

Санкт-Петербург, Россия

ЛОКУС КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. Рассматривается использование локуса при моделировании художественной картины мира на материале стихотворения А.М. Городницкого «На Маяковской площади в Москве».

Ключевые слова: художественная картина мира, модель, моделирование, А.М. Городницкий, локус.

Сведения об авторе: Кипнес Людмила Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и литературы.

Место работы: Российский государственный гидрометеорологический университет

Родичева Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка и литературы.

Место работы: Российский государственный гидрометеорологический университет.

Контактная информация: 190103, Санкт-Петербург, Рижский пр., 11, каб. 304. e-mail: ksludmila@yandex.ru.

190103, Санкт-Петербург, Рижский пр., 11, каб. 208.

e-mail: annarodicheva@mail.ru

L.V. Kipnes,

A.A. Rodicheva

Saint-Petersburg, Russia

LOCUS AS A TOOL FOR MODELING AN ARTISTIC VIEW OF THE WORLD

Abstract. The article introduces the idea of using locus when modeling artistic picture of the world. The material under consideration is the poem “On Mayakovsky Square in Moscow” by A.M. Gorodnitsky.

Key words: artistic picture of the world, model, modeling, A.M. Gorodnitsky.

About the author: Ludmila Vladimirovna Kipnes, PhD (equivalent) in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Russian Language and Literature Department

Place of employment: Russian State Hydrometeorological University

Anna Anatolievna Rodicheva, PhD (equivalent) in Philology, Associate Professor, Chair of the English Language and Literature Department

Place of employment: Russian State Hydrometeorological University.

Художественная картина мира давно привлекает внимание ученых, поскольку является результатом особого способа освоения и отражения действительности. Комплексный подход к исследованию художественного опыта человечества позволил прийти к выводу о существовании глобальной картины мира, представленной произведениями разных видов искусства, в частности литературой. [6, с. 1626].

При анализе художественной картины мира в литературе категорией, требующей особого рассмотрения, является «модель». Принцип моделирования лежит в основе мышления человека, он является способом систематизации знаний о мире и методом познания окружающей действительности.

С древнейших времен человечество путем моделирования систематизирует свой чувственный опыт, приобретенный в результате общения с самобытным миром природы, а также в результате коммуникации людей в социуме. Прием моделирования свойственен только рациональному мышлению человека: он способствует накоплению и сохранению знаний о мире, упрощает процесс познания окружающей среды и приспособления к ее условиям.

Все, что попадает в поле зрения человека, все, что участвует в его жизнедеятельности, структурируется как модель. Любая модель – это совокупность элементов, некий образ, который состоит из множества различных деталей, связанных между собой не только общей идеей, но и задачами функционирования. Чаще всего моделирование подразумевает или способствует копированию. Исследования показывают, что формальная конструкция, созданная человеком с помощью знаков для познания, описания и созерцания объектов действительности, функционирует в обществе как модель, если она характеризуется общностью и абстрактностью своих компонентов, если она имеет определенное тождество с оригиналом моделирования, если ее смысловое наполнение и структурное выражение отличаются схематичностью и логичностью.

Модель сохраняет цельность своей структуры в процессе коммуникации, если она обладает следующими свойствами:

- 1) изоморфизм,
- 2) общность и абстрактность элементов структуры,
- 3) схематизм и логичность.

Таким образом, формальная конструкция, созданная человеком с помощью знаков для познания, описания и созерцания объектов действительности, функционирует в обществе как модель, если она характеризуется общностью и абстрактностью своих компонентов, если она имеет определенное тождество с оригиналом моделирования, если ее смысловое наполнение и структурное выражение отличаются схематичностью и логичностью.

Кроме данных свойств, любая модель как некое множество-схема имеет еще одно качество – необходимое условие функционирования. Модель всегда конструируется по определенному принципу: «Везде ... мы имеем дело не с хаотическим нагромождением ..., но везде тут имеется в виду тот или иной закон получения..., т.е. принцип того или иного ... упорядочения... это умственное представление цельности вместе с точной фиксацией и всех ее частей, но, конечно, не изолированных, не взятых в отрыве от цельного, а именно в свете этого цельного» [5, с. 21].

Модель – это схема, то есть определенное множество условно-абстрактных самостоятельных единиц, связанных между собой единым принципом «упорядочения». У моделей, которые создаются и при первичном созерцании действительности, и при вторичном моделировании, берущем за основу готовые формальные конструкции, ведущую роль играет идейное содержание.

Модель обладает пластичной и устойчивой структурой. Устройство любой конструкции характеризуется определенным набором постоянных элементов, связи между которыми чаще всего не нарушаются. Подобное постоянство и устойчивость обеспечивает «целостность и тождественность» объекта самому себе, то есть «сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях» [8, с. 598]. Даже при вторичном моделировании, то есть при наполнении готовой, функциональной конструкции иным смыслом или при незначительной замене единиц плана выражения, структура модели не разрушается, она сохраняет четко определенную форму, продиктованную единым законом работы модели – ее идеей, задачей функционирования.

Вторичное моделирование, которое интерпретирует содержание и структуру какой-либо функциональной модели, можно рассматривать с позиции знаковости. Например, А.Ф. Лосев результат первичного познания действительности называет структурированием, все дальнейшие операции с данными знаниями – моделью: «...всякая модель есть воплощение определенной структуры на том или ином материале, в том или ином субстрате и ...поэтому всякая модель есть структура ... Результат конструирования по определенной схеме, или по определенному принципу есть пока еще определенная структура. Модель же получится тогда, когда структуру данного субстрата мы перенесем на другой субстрат. Результатом этого перенесения и явится модель» [5, с. 27].

Таким образом, одна модель может стать основой для многих других формальных конструкций; в процессе коммуникации схема всех однотипных моделей не меняется, именно она обеспечивает структурную устойчивость моделей.

Прием моделирования широко используется в искусстве, и в частности в литературе. Представление текста как модели, интерпретация уже готовых формальных конструкций делает художественное произведение не

только сосредоточием эстетической ценности, но и орудием познания окружающей реальности [7], а также способом выражения картины мира автора.

«Автор выбирает свой оригинальный способ описания действительности, благодаря чему формируется своеобразие его художественного мира» [4, с. 184]. В.С. Баевский так охарактеризовал процесс моделирования: «Сложная система всегда обладает бесчисленными особенностями. Модель неизбежно воспроизводит лишь некоторые из них. Нужно иметь в виду, что всякая реальная «машина» характеризуется бесконечным числом переменных, из которых почти все, за исключением немногих, по необходимости приходится игнорировать... Сталкиваясь с этим бесконечным числом переменных, экспериментатор должен выбрать для исследования конечное их число... другими словами, он рассматривает абстрагированную систему. Важно избрать для исследования именно те особенности («переменные»), которые для системы являются определяющими» [2, с. 7]. В роли экспериментатора выступает и сам поэт, художественно воссоздающий в модели действительность, и читатель, ученый, изучающий творчество автора.

Особенностью поэзии А.М. Городницкого является моделирование действительности, создание модели мира, в котором существенную роль играет пространство. В связи с этим, как нам кажется, говоря о произведениях А.М. Городницкого, уместно обратиться к такому понятию, как локус. Ключевыми для русской литературы являются локусы: страна, город, дом. А.М. Городницкий моделирует действительность, используя локусы, т.е. закрытые культурные пространства, дома, города, страны. «Отличительной особенностью локуса является его соотнесенность с конкретным пространственным образом, отсылающим к реально существующей действительности и вызывающим определенные ассоциации» [3, с. 61]. Обратимся к стихотворению А.М. Городницкого «На Маяковской площади в Москве». Стихотворению предшествует эпиграф из стихотворения – посвящения В.В. Маяковского А.С. Пушкину «Юбилейное» (1924): «Нам в веках стоять почти что рядом». В эпиграфе, таким образом, уже обозначено время и пространство.

В самом тексте стихотворения пространство конкретизируется.

На Маяковской площади в Москве,

Что, как и прежде, Триумфальной стала...

Триумфальная площадь – ранее площадь Старых Триумфальных ворот (до 1935 года), затем площадь Маяковского находится на перекрестке Садового кольца и улицы Тверская. Раньше здесь проходила дорога, по которой можно было доехать в Тверь или в Нижний Новгород. В Москве XVI века существовал Земляной город, условная территория, окружённая земляным валом, который возвели для защиты от набегов врагов. Для въезда в город в земляной насыпи были ворота. Через эти ворота в Москву

впоследствии въезжали и выезжали русские цари и царицы, когда столицу перенесли в Петербург. В 1721 в ознаменование победы в Северной войне были поставлены «врата Триумфальные», через которые в Москву торжественно въезжал Пётр I. В 1731 через Триумфальные ворота в Москву въезжала на коронацию Анна Ивановна. В дальнейшем здесь сооружались Триумфальные арки в связи с различными знаменательными событиями: по случаю победы над турками, для въезда на коронацию Павла I и др. Именно ворота для въезда в город повлияли на то, что сегодняшняя Триумфальная площадь стала площадью. Для расширения дороги и подъездных путей некоторые строения и дома рядом с этим местом были снесены. На широком месте на какое-то время образовался рынок. Триумфальная площадь стала главной площадкой по продаже камня для мощения московских улиц. После ликвидации вала и рва в 1820-х гг. площадь приняла очертания, близкие к сегодняшним. Триумфальная площадь с 1930-х годов XX века называлась площадь Маяковского. Идея установки памятника поэту здесь существовала ещё до войны. После войны в Историческом музее прошла выставка проектов памятнику. В 1958 году здесь был установлен памятник Владимиру Маяковскому скульптора А.П. Кибальникова. Впоследствии московские поэты выбрали это место для своих встреч, так называемых мирных собраний по субботам и воскресеньям «у Маяка» с чтением стихов, нередко запрещенных [9].

Отмеченный падением и славой,
На Пушкинской, точнее на Страстной
Безмолвствует сосед его курчавый.

История площади началась в Средние века, с деревянных Тверских ворот в земляном оборонительном валу. В конце XVI века его заменили каменной, побеленной известкой стеной, получившей название Белого города. Воздвиг мощную крепость, окружавшую всю Москву, поражавшую иностранцев неприступностью и размерами, «государев мастер» Федор Иванов, по прозвищу Конь. Через ворота в каменной стене, разборка которой началась при Екатерине II, шла дорога в Тверь и Новгород. На границе с городом это место заполнялось кузницами и лавками.

В 1641 году у Тверских ворот царь Алексей Михайлович, духовенство и народ встречали икону Божьей Матери Одигитрии (в пер. «Предводительница»), написанную, по преданию, в Нижнем Новгороде. Икону эту называют Страстной, потому что у лика Девы Марии с младенцем изображены два ангела с орудиями страстей, мучений Христа. После того как Петр I основал Санкт-Петербург, Тверская дорога стала Питерской. У Тверских ворот по случаю побед русского оружия, коронации Екатерины II и Павла I сооружали Триумфальные арки. А когда разобрали стены Белого города, образовалась Страстная площадь, ставшая в 1918 году площадью Декабрьской революции, а в 1931 году переименованная в Пушкинскую площадь. Тогда же стали задумываться и о переустройстве площади.

В начале 1934 года была снесена церковь Дмитрия Солунского. Постройки упраздненного в 1928 году монастыря были переданы Союзу безбожников СССР под размещение экспозиции Центрального атеистического музея [10].

Стоял Страстной когда-то монастырь

На площади, - его там больше нету.

До середины XVII столетия никакой площади здесь не было, а был просто плацдарм перед воротами Белого города. Там, где произошла встреча иконы Страстной Богоматери, основали Страстной женский монастырь, воздвигли пятиглавый собор. На Страстную площадь выходили Святые ворота монастыря и палаты. Над ними возвышалась надвратная церковь Алексия, основанная Натальей Кирилловной в честь мужа, царя Алексея Михайловича. Через пять лет, в память об этом событии, под крепостной стеной был возведен стройный пятиглавый собор, окруженный двухъярусной арочной галереей. В нем и пребывала Страстная икона, одна из почитаемых святынь Дома Романовых. Чуть позже, в 1654 году, при соборе возник монастырь. Это был очень живописный, необычный комплекс – монастырь с пятиглавым собором и надвратной церковью-колокольней (1692 г.). В ансамбль входила и построенная к 1652 году церковь Рождества Богородицы в Путинках. В 1720 году ворота снесли, а монастырь остался. В 1796 году появился Тверской бульвар, ориентированный на монастырскую колокольню. Западная сторона площади тогда же была застроена кварталом жилых двухэтажных зданий с целым рядом замкнутых внутренних дворов. Другой угол бульвара и Тверской улицы оформила ротонда церкви Дмитрия Солунского. Она возникла из древнего, тогда еще загородного, Киево-Печерского подворья. В 1875 году Страстной монастырь посетил Король Шведский и Норвежский Оскар II. Он любовался Москвой с высокой монастырской колокольни и впоследствии сказал: «Вид изумительный: почти все иностранцы желают видеть эту дивную панораму». В 1880 году здесь был открыт памятник А.С. Пушкину, постановка была символичной: поэт как бы выходил со своего любимого бульвара и задумчиво склонял голову перед монастырскими куполами... Но в 1928 году Владимир Маяковский выступил с предложением снести Страстной монастырь, отмечая невозможность подобного соседства, в том самом стихотворении «Юбилейное»:

Пушкину

требуется

культурное общество,

А ему

подсунули

Страстной монастырь.

В 1937 году поставленный Маяковским вопрос «о куполах» был решен окончательно: монастырь был снесен к 100-летней годовщине гибели Пушкина.

И на образовавшийся пустырь

Переместили памятник поэту.

Памятник А.С. Пушкину в 1950 году был перенесен на место бывшей надвратной церкви Страстного монастыря [11,12].

И думают прохожие с тоской

Об участи, их схожей и опальной,

Когда идут по улице Тверской

От площади Страстной до Триумфальной.

Тверская улица начинается от Манежной площади и заканчивается у Триумфальной. С 1932 по 1990 год она называлась улицей Горького. Имя Максима Горького ей было дано в связи с 40-летием творческой деятельности писателя. На Тверской улице находятся две площади: Тверская и Пушкинская (Страстная). Тверская улица образовалась из большой дороги в Тверь, столицу соседнего княжества и соперницу Москвы. С XV века Тверская дорога соединилась с дорогой на Новгород и значение ее выросло. Начиная с XVII столетия Тверская воспринималась как главная улица города: по ней торжественно въезжали в Москву иностранные послы, цари. После основания Петербурга Тверская стала дорогой в новую столицу. Начиная с царствования Петра Великого, на площадях вдоль Тверской принято было устраивать триумфальные арки по случаю праздников, военных побед или коронаций. Торжественные шествия по Тверской и другим улицам к Кремлю играли большую роль в жизни города [13].

Итак, Тверская улица, Страстная (Пушкинская) площадь, Триумфальная площадь (Маяковского) собирается в единое культурно-историческое пространство, объединенное образами двух поэтов: А.С. Пушкина и В.В. Маяковского. Но моделирование действительности было бы неполным, если бы А.М. Городницкий не указал еще один пространственно-временной маркер:

Поставленным «в веках почти что рядом», -

На двух соседних станциях метро,

В пространстве и во времени одном.

Две соседние станции метро – «Маяковская», открытая 11 сентября 1938 года и названная именем поэта В.В. Маяковского и «Пушкинская» – открытая 17 декабря 1975 года и получившая свое название по одноименной площади. Таким образом, XX век исполнил пророчество В.В. Маяковского «Нам в веках стоять почти что рядом»: памятники поэтам находятся на двух площадях, соединенных Тверской улицей и двумя соседними станциями метро.

Литература

1. Городницкий А.М. На Маяковской площади в Москве// А. Городницкий. Осеннее равенство. СПб., 2016. – с.143.
2. Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. – Языки славянской культуры. М. 2001. – 336 с.
3. Кипнес Л.В. О локусе Москвы в творчестве В.С. Высоцкого (1961-1968 гг.)//Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: статьи и материалы Восьмой международной научной конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков». 24-25 февраля 2016 г. – СПб.: РГГМУ, 2016.-228 с.
4. Кипнес Л.В. Модель мира природы в поэзии В.С. Высоцкого//Мир Высоцкого: исследования и материалы: альманах. Вып. VIII/ науч. Ред. П.П. Ткачева. – М.: ГБУК г. Москвы ГКЦМ В.С. Высоцкого «Дом Высоцкого на Таганке», 2015. – 400 с.: ил., [4 л.] ил.
5. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М.: URSS, 2004 – 296 с.
6. Миниханова, Л.К., Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности. // Вестник Башкирского университета. 2012. Т.17 №3 (I). С. 1626-1627.
7. Родичева А.А., Зайцева Т.А. Роль критического мышления для осознания национально-культурной идентичности обучающихся на занятиях по иностранному языку // Взаимодействие науки и образования в академическом пространстве: Материалы Всероссийского (с международным участием) научно-практического семинара. Отв.ред. Г.З. Торохова. – Череповец, 2019. – С. 158-164.
8. Большая советская энциклопедия. Т. 24 (1). – М.: Советская энциклопедия, 1977.
9. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://forum-msk.info/threads/ploschad-majakovskogo-v-moskve-nyne-triumfalnaja.3505/>
10. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.mk.ru/moscow/article/2012/06/06/712253-strastnaya-ploschad.html?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter
11. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://moscowwalks.ru/2009/10/29/detali-pushkinskaya/>
12. Электронный ресурс. Режим доступа: https://um.mos.ru/houses/pushkinskaya_ploshchad/
13. Электронный ресурс. Режим доступа: https://um.mos.ru/places/tverskaya_ulitsa/

References

1. Gorodnickij A.M. Na Mayakovskoj ploshchadi v Moskve// A. Gorodnickij. Osennee ravnodenstvie. SPb., 2016. – s.143.
2. Baevskij V.S. Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskie i komp'yuternye modeli v istorii i teorii literatury. – YAzyki slavyanskoj kul'tury. M. 2001. – 336 s.
3. Kipnes L.V. O lokuse Moskvy v tvorchestve V.S. Vysockogo (1961-1968 gg.)//Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov: stat'i i materialy Vos'moj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov». 24-25 fevralya 2016 g. – SPb.: RGGMU, 2016. – 228 s.
4. Kipnes L.V. Model' mira prirody v poezii V.S. Vysockogo//Mir Vysockogo: issledovaniya i materialy: al'manah. Vyp. VIII/ nauch. Red. P.P. Tkacheva. – M.: GBUK g. Moskvy GKCM V.S. Vysockogo «Dom Vysockogo na Taganke», 2015. – 400 s.: il., [4 l.] il.
5. Losev A. F. Vvedenie v obshchuyu teoriyu yazykovykh modelej. – M.: URSS, 2004 – 296 s.

6. Minihanova, L.K., Fatkullina F.G. Hudozhestvennaya kartina mira kak osobyj sposob otrazheniya dejstvitel'nosti. // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2012. T.17 №3 (I). S. 1626-1627.
7. Rodicheva A.A., Zajceva T.A. Rol' kriticheskogo myshleniya dlya osoznaniya nacional'no-kul'turnoj identichnosti obuchayushchihsya na zanyatiyah po inostrannomu yazyku // Vzaimodejstvie nauki i obrazovaniya v akademicheskom prostranstve: Materialy Vserossijskogo (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskogo seminar. Otv.red. G.Z. Torohova. – SHerepovec, 2019. – S. 158-164.
8. Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. T. 24 (1). – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1977.
9. Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <https://forum-msk.info/threads/ploschad-majakovskogo-v-moskve-nyne-triumfalnaja.3505/>
10. Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: http://www.mk.ru/moscow/article/2012/06/06/712253-strastnaya-ploschad.html?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter
11. Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <http://moscowwalks.ru/2009/10/29/detali-pushkinskaya/>
12. Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: https://um.mos.ru/houses/pushkinskaya_ploshchad/
13. Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: https://um.mos.ru/places/tverskaya_ulitsa/

УДК 81'23

Е. А. Коновалова

Симферополь, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ НЕОЛОГИЗМА “КРЫМСКИЙ МОСТ”

Аннотация. Предлагается описание неологизма, ассоциативное поле которого находится в стадии формирования. Полученные данные в ходе цепного ассоциативного эксперимента позволяют исследовать языковое сознание и описать национально-культурный фон языковой единицы. Проведенный эксперимент выявляет ментальные образы мира в виде семантической связи слов.

Ключевые слова: цепной ассоциативный эксперимент, ассоциат, языковое сознание, неологизм.

Сведения об авторе: Коновалова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского.

Контактная информация: 295007, Симферополь, пр. Вернадского, 2, каб. 312.
e-mail: lkon55@list.ru.

E. A. Konovalova

Simferopol, Russia

FORMING A LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (ON THE EXAMPLE OF NEOLOGISM “CRIMEAN BRIDGE”

Abstract. The article describes neologism, the associative field of which is at the stage of formation. The data obtained in the course of a chain associative experiment allow us to study linguistic consciousness and describe the national-cultural background of a linguistic unit. The experiment reveals the mental images of the world in the form of a semantic connection of words.

Key words: chain associative experiment, word-association, linguistic awareness, neologism.

About the author: Konovalova Elena Anatolievna, Candidate of Philology, Docent.

Place of employment: Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky.

Изучение языкового сознания в момент протекания формирующих его процессов является целью исследования. Распространено мнение (А.А. Потебня, Е.Ф. Тарасов, В.В. Красных), что языковое сознание может быть исследовано только как продукт прошедшей, бывшей деятельности

[1, с. 114]. Мы считаем, что изучение нового слова, фоновое значение которого находится в стадии формирования, позволит описать процессы, протекающие во время становления части языкового сознания. Под языковым сознанием понимают опосредованный языком образ мира той или иной культуры, то есть совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира [2, с. 162]. Проводимое исследование позволит описать все стадии формирования нового понятия.

Материалом исследования послужил опрос крымских студентов, проведенный в два этапа: первый проходил с февраля по май 2018 года до открытия Крымского моста, второй этап – с июня 2018 по сентябрь 2019. Материал исследования отражает как первоначальное представление о новом объекте, так и после непосредственного знакомства с ним. Полученные данные в ходе цепного ассоциативного эксперимента позволяют в будущем понять механизм формирования национально-культурного фона языковой единицы и исследовать становление картины мира как части менталитета. Цепной ассоциативный эксперимент предлагает реагировать на слово-стимул всеми возможными ассоциациями в определенный отрезок времени. [3, с. 242].

Проанализировано 444 анкеты, опрос продолжается. В результате на слово-стимул «Крымский мост» получено 3624 реакции, из которых 268 повторяются. Так как лексические ассоциации зависят от различных факторов, отдельно были проанализированы анкеты до и после открытия моста. Таким образом, проведенное исследование отражает формирование языкового сознания крымчан по отношению к данному объекту.

В цепном ассоциативном эксперименте испытуемый отвечал на стимул первым пришедшим в голову словом. Этот способ позволяет описать не только значение слова, но и его лексический фон. Метод ассоциативного эксперимента широко используют для изучения языкового сознания [4, 5].

Лексическое значение слова описано на официальном сайте <https://www.most.life/>: Крымский мост - мост через Керченский пролив.

Лексический фон участвует в формировании ассоциативного поля. Самые частотные ассоциации являются частью лексического значения и поэтому легко предсказуемы: *море, дорога, машины*. Первый этап эксперимента: *море - 44,6%, дорога - 44,4%, машины - 29,4%*; второй этап эксперимента показал, что ключевые слова не изменились, но на первый план вышло другое слово-реакция: *дорога - 45, 3%, море - 45%, машины - 28,4%*.

В ассоциативном поле во время проведения первого этапа эксперимента нами выделены следующие векторы (основные направления, по которым происходит ассоциирование слова). Самым многочисленным по количественному признаку оказался вектор, описывающий мост. Можно вы-

делить несколько групп реакций. Это реакции парадигматические, ассоциации, принадлежащие к тому же семантическому полю и являющиеся синонимами: *мост* – 8,2%, *сооружение* – 1,7%, *открытие* – 4,2%.

Реакции, описывающие конструкции моста: *арка* – 4,2%, *сваи* – 2,8%, *опоры* – 1,1%, *балки* – 0,8%. В этой группе синтагматические ассоциации образуют словосочетания: *арка – красивые, две; балки – белые*. Морфологические варианты слова: *арка* – 4,2%, *арки* – 1,1%; *опоры* – 0,6%, *опора* – 0,6%.

Реакции, описывающие материалы строительства: *железо* – 5,9%, *металл* – 12%, *металлоконструкции* – 2,5%, *бетон* – 2,5%.

Реакции, характеризующие мост: *красота* – 12,4%, *большой* – 9,3%, *длинный* – 8,8%, *новый* – 7,9%, *огромный* – 2,8%, *дорогой* – 2,5%, *масштабность* – 2,3%, *долгожданный* – 1,7%, *важный* – 1,4%, *высокий* – 1,4%, *надежный* – 1,1%, *самый* – 0,8%, *грандиозность* – 0,8%, *надежность* – 0,8%, *ожидание* – 0,8%, *широкий* – 0,8%, *крепкий* – 0,6%, *массивный* – 0,6%, *современный* – 0,6%.

Реакции, которые дают характеристики мосту как проекту: *проект* – 5,4%. Синтагматические ассоциации: *огромный, масштабный, грандиозный, большой, не очень удачный, не нужный*.

Реакции, описывающие предыдущее средство передвижения через Керченский пролив: *паром* – 7,1%, *переправа* – 5,1%, *порт* – 1,7%, *очередь* – 1,4%.

Реакции, связанные с мостом: *мост* – 8,2%, *открытие* – 4,2%, *вид* – 2,3%, *технологии* – 1,7%, *сооружение* – 1,7%, *достопримечательность* – 0,8%, *вода* – 6,8%, *кот* – 6,5%.

В этой группе синтагматические ассоциации: *открытие – достойное, необходимое, востребованное; вид – красивый, из окна; технологии – русские, новые, высокие; сооружение – большое, металлическое, в Крыму; достопримечательность – красивая; вода – окружен водой, мост над водой; кот – Мостик, Крымчик, рыжий, милый, знаменитый*.

Реакции, обозначающие эмоциональное отношение к мосту: *удобно* – 5,4%, *долго* – 3,7%, *быстро* – 3,4%, *событие* – 1,7%, *гордость* – 1,7%, *чудо* – 1,1%, *мечты* – 1,1%, *величие* – 0,8%, *комфорт* – 1,1%, *безопасность* – 0,8%, *мощь* – 0,8%, *радость* – 0,8%, *страх* – 0,8%.

К вектору «транспорт» можно отнести реакции, характеризующие виды транспорта: *машины* – 29,4%, *автомобиль* – 6,8%, *транспорт* – 5,6%, *поток* – 4,8%, *автобусы* – 4%, *грузовики* – 2%, *камаз* – 1%.

Синтагматические ассоциации, которые вместе со словом-реакцией образуют словосочетания: *машины – большое количество, много, поток*.

Реакции, имеющие отношение к транспорту: *бензин* – 2%, *грузы* – 0,8%, *транспортировка* – 0,8%, *транспортное сообщение* – 0,8%.

Синтагматические ассоциации: *бензин – дорогой*.

В векторе «дорога» можно выделить два вида: автомобильное сообщение и железнодорожное сообщение. Реакции, описывающие автомобильное сообщение: *дорога – 44,4%, пробки – 10,5%, путь – 7,3%, движение – 4,2%, асфальт – 3,4%, трасса – 2,8%, сообщение – 2%, передвижение – 1,7%, проезд – 1,4%, водители – 0,8%, ездить – 0,8%, загруженность – 0,8%, шоссе – 0,8%, магистраль – 0,8%, въезд – 0,6%, аварии – 0,6%*.

Синтагматические ассоциации характеризуют как с положительной стороны: *дорога – ровная, новая, качественная, хорошая, быстрая, домой, первая нормальная, длинная, к родителям; пробки – сокращения, меньше, без пробок*, так и с отрицательной: *дорога – разбитая, платная; пробки – наличие, на въезде в Симферополь, в городе, на дорогах, из-за стройки*.

Синтагматические ассоциации: *путь – открытый, новый, близкий путь в Россию, на материк; движение – активное, автомобилей; трасса – Таврида, загруженная*.

Вектор «железнодорожное сообщение» включает слова-реакции: *поезд – 9,9%, железная дорога – 5,9%, вокзал – 0,6%*.

Вектор «географические термины и понятия» включает реакции, называющие *материк – 16,4%, полуостров – 5,1%, пролив – 3,7%, страна – 2%, континент – 0,6%*.

Парадигматические отношения ассоциации, принадлежащие тому же семантическому полю и являющиеся синонимами: *материк, материковая часть*. Синтагматические ассоциации: *связь с материком, соединение с материком, путь на материк*.

Ассоциативное поле организовано словами-реакциями, выраженными именами существительными, субстантивированными прилагательными, прилагательными, наречиями, глаголами, числительными, местоимениями, словосочетаниями. Выявлены и невербальные реакции. Составлена классификация понятийных систем, выявлены наиболее актуальные для местных жителей лексико-семантические и субъективно-эмоциональные слова-реакции. Реакции-словоформы преобладают над реакциями-словосочетаниями.

Формальная структура ассоциативного поля представлена именами существительными – 225, именами прилагательными – 16, наречием – 4, глаголами 3, числительными – 2, местоимениями – 1.

Большинство слов-реакций являются нарицательными именами существительными – 207. Из них самые частотные: *море – 44,6%, дорога – 44,4%, машины – 29,4%, материк – 16,4%, туристы – 14,4%, связь – 13,6%, возможности – 13,3%, красота – 12,4%, стройка – 11%, путешествие – 11%, пробки – 10,5%, поезд – 9,9%, строительство – 9,9%, деньги – 9,6%, мост – 8,2%, путь – 7,3%, паром – 7,1%, автомобиль – 6,8%, вода – 6,8%, развитие – 6,8%, кот – 6,5%, железная дорога –*

5,9%, железо – 5,9%, корабли – 5,6%, соединение – 5,6%, транспорт – 5,6%, проект – 5,4 %, будущее – 5,1 %, переправа – 5,1 %, полуостров – 5,1% и др. Наричательные существительные представлены тремя субстантивированными прилагательными: *отдыхающие* – 1,4%, *приезжие* – 0,8%, *выходные* – 0,6%.

Собственные имена представлены в небольшом количестве: *Керчь* – 28,8%, *Россия* – 21,8%, *Крым* – 13,6%, *Путин* – 13,3%, *Краснодар* – 7,6%, *Тамань* – 2%, *Черное море* – 1,4%, *Крымская весна* – 1,4%, *РФ* – 1,4%, *Украина* – 1,4%, *Азовское море* – 1,1%, *Москва* – 1,1%, *Европа* – 1,1%, *Таврида* – 1,1%, *Сочи* – 0,6%.

Наречия отражают синтагматические отношения (эмоционально-оценочного вида): *удобно* - 5,4%, *много* – 4,8%, *долго* – 3,7%, *быстро* – 3,4%.

Имена прилагательные представляют ассоциаты на уровне грамматических отношений (синтагматические ассоциации): *большой* – 9,3%, *длинный* – 8,8%, *новый* – 7,9%, *огромный* – 2,8%, *дорогой* – 2,5%, *долгожданный* – 1,7%, *важный* – 1,4%, *высокий* – 1,4%, *надежный* – 1,1%, *широкий* – 0,8%, *крепкий* – 0,6%, *массивный* – 0,6%, *современный* – 0,6%, *тяжелый* – 0,6%, *голубой* – 0,6%.

Глаголы относятся к синтаксически синтагматическим ассоциациям: *уехать* -1,1%, *ездить* – 0,8%, *ехать* – 0,6%. Числительные: *2018* – 1,7%, *2014* – 0,6%. Местоимение: *самый* – 0,8%.

Второй этап эксперимента отразил изменение в языковом сознании: одни ассоциаты респонденты стали упоминать чаще, другие утратили свою актуальность и больше не упоминались в ответах.

Большинство ассоциатов, выявленные во время проведения первого этапа эксперимента, по-прежнему активны в языковом сознании. В таблице приведены первые тридцать слов-реакции.

Слова-реакции на слово-стимул «Крымский мост»

№ п/п	ассоциаты	Кол-во реакций в 2018 г.	№ п/п	ассоциаты	Кол-во реакций в 2018-2019 гг.
1	море	158	1	дорога	201
2	дорога	157	2	море	200
3	машины	104	3	машины	126
4	Керчь	102	4	Керчь	123
5	Россия	77	5	Россия	105
6	материк	58	6	материк	69
7	туристы	51	7	Крым	65
8	связь	48	8	связь	63
9	Крым	48	9	Путин	56

10	возможности	47	10	туристы	55
11	Путин	47	11	возможности	50
12	красота	44	12	путешествие	50
13	стройка	39	13	красота	49
14	путешествие	39	14	большой	45
15	большой	33	15	стройка	44
16	деньги	34	16	деньги	43
17	пробки	37	17	пробки	41
18	строительство	35	18	строительство	41
19	длинный	31	19	длинный	40
20	мост	29	20	мост	40
21	Краснодар	27	21	Краснодар	34
22	путь	26	22	путь	32
23	кот	23	23	кот	30
24	новый	28	24	новый	29
25	вода	24	25	вода	28
26	соединение	20	26	соединение	27
27	автомобиль	24	27	автомобиль	25
28	будущее	18	28	будущее	25
29	полуостров	18	29	полуостров	24
30	железная дорога	21	30	железная дорога	23

Ни разу не были упомянуты во время второго этапа эксперимента ассоциаты, которые входили в число первых тридцати слов-реакций на первом этапе: *поезд* – 35 (9,9%), *паром* – 25 (7,1%), *развитие* – 24 (6,8%).

Изменились характеристики, которые давали мосту на первом этапе эксперимента: *большой* – 9,3%, *длинный* – 8,8%, *новый* – 7,9%, *огромный* – 2,8%, *дорогой* – 2,5%, *масштабность* – 2,3%, *долгожданный* – 1,7%, *важный* – 1,4%, *высокий* – 1,4%, *чудо* – 1,1%, *надежный* – 1,1%, *самый* – 0,8%, *величие* – 0,8%, *безопасность* – 0,8%, *грандиозность* – 0,8%, *достопримечательность* – 0,8%, *широкий* – 0,8%, *крепкий* – 0,6%, *массивный* – 0,6%, *ненадежность* – 0,6%, *современный* – 0,6%, *тяжелый* – 0,6%. Больше не актуальны, такие характеристики моста, как *дорогой*, *долгожданный*, *высокий*, *надежный*, *современный*, *тяжелый*. Мост по-прежнему *большой*, *длинный*, *новый*, *огромный*, *важный*, *чудо*, *самый*, *величие*.

Изменилось отношение к мосту, на первом этапе выделяли ассоциации: *удобно* – 5,4%, *быстро* – 3,4%, *гордость* – 1,7%, *мечты* – 1,1%, *проблемы* – 1,1%, *конкуренция* – 0,8%, *ожидание* – 0,8%. Второй этап эксперимента показал, что утрачены такие семантические связи, как *удобно*, *быстро*, *мечты*, *проблемы*, *конкуренция*, *ожидание*. Актуальной осталась семантическая связь слова-стимула со словом-реакцией *гордость*.

Первоначально крымчане связывали с мостом такие ожидания: *возможности* – 12,3%, *путешествие* – 11%, *развитие* – 6,8%, *перспективы* – 3,7%, *улучшение* – 2,5%, *надежда* – 2,3%, *инвестиции* – 1,7%, *прогресс* – 1,4%, *цивилизация* – 1,1%, *улучшения* – 1,1%, *рабочие места* – 1,1%, *снижение цен* – 0,8%, *успех* – 0,8%, *перемены* – 0,6%, *понижение цен* – 0,6%, *прибыль* – 0,6%, *процветание* – 0,6%, *стабильность* – 0,6%, *шанс* – 0,6%. Респонденты ни разу не упомянули во время проведения второго этапа эксперимента слова: *развитие, перспективы, улучшение, надежда, инвестиции, цивилизация, улучшения, рабочие места, снижение цен, успех, перемены, понижение цен, стабильность, шанс*. По-прежнему актуальны *возможности, путешествие, прогресс, прибыль и процветание*.

Мы понимаем под концептом, вслед за М.В. Пименовой «совокупность закреплённых признаков, которые используются для описания фрагмента мира или части такого фрагмента» [6, с. 126]. Неологизм *Крымский мост* является концептом. Исследуя формирование ассоциативного поля этого концепта, мы описываем этапы становления фрагмента картины мира. При возникновении концепта *Крымский мост* внутренняя форма слова стала основой ассоциативного ряда. Слова, описывающие лексическое значение слова, продолжают оставаться самыми частотными ассоциатами. По мере освоения в речи слово получает дополнительные смыслы. Дальнейшее исследование поможет выявить ценностно-оценочные, пространственные, темпоральные и символические признаки нового концепта.

Литература

1. Красных В.В. Основы психолингвистики. / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2012. – 333 с.
2. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. / Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
3. Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования / Н.В. Уфимцева. // Вопросы психолингвистики, 2016. – № 1 (27). – С. 238-249.
4. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова // Филология и культура, 2014. – № 4 (38). – С. 193-198.
5. Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике/ С.В. Архипова // Вестник Бурятского университета, 2011. – № 11. – С. 6-9.
6. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность/ М.В. Пименова // Гуманитарный вектор, 2011. № 4 (28). – С. 126-132.

References

1. Krasnykh V.V. Fundamentals of Psycholinguistics. / V.V. Krasnykh. – M.: Gnosis, 2012 – 333 s.
2. Ufimtseva N.V. Linguistic Consciousness: Dynamics and Variability. / N.V. Ufimtseva. – M.: Institute of Linguistics RAS, 2011. – 252 s.
3. Ufimtseva N.V. Language picture of the world: the problem of modeling / N.V. Ufimtseva. // Questions of psycholinguistics, 2016. – № 1 (27). – S. 238-249.
4. Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. Associative lexicography and studies of language consciousness/ N.V. Ufimtseva, G.A. Cherkasova. // Philology and Culture, 2014. – № 4 (38). –

S. 193-198.

5. Arkhipova S.V. Associative Experiment in Psycholinguistics/ S.V. Arkhipova. // Bulletin of the Buryat University, 2011. № 11. – S. 6-9.

6. Pimenova M.V. Conceptual Investigations and National Mentality/ M.V. Pimenova // Humanitarian vector, 2011. – № 4 (28). – S. 126-132.

УДК 81'27

Е.А. Мошина, А.А. Бакирова

Санкт-Петербург, Россия

**ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ОБРАЗОВ ЗВЕЗДЫ И ЗЕМЛИ В
РУССКОЙ ЛИНВОКУЛЬТУРЕ**

Аннотация. Представленные в статье метафорические сочетания, вербализирующие признаки концептов ЗВЕЗДА и ЗЕМЛЯ являются иллюстрацией того, как образные признаки символического концепта актуализируют различные аспекты мифов. Статья является частью исследования призванного выявить архаичные культурных традиций разных народов.

Ключевые слова: концептуальная система языка, образ, символ, миф, символический концепт.

Сведения об авторах: Мошина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО.

Бакирова Айгуль Авазбековна, зам. директора Центра РКИ.

Место работы: Институт иностранных языков

Контактная информация: moshina@inbox.ru, aigulbakirova@inbox.ru

E. A. Moshina, A.A. Bakirova

Saint-Petersburg, Russia

**FEATURES OF CONCEPTUALIZATION OF STAR AND EARTH IMAGES
IN RUSSIAN LINVOCULTURE**

Abstract. The metaphorical combinations presented in the article, which verbalize the features of the concepts STAR and EARTH, illustrate how the figurative features of the symbolic concept actualize various aspects of myths. The article is part of a study designed to identify archaic cultural traditions of different nations.

Key words: Conceptual language system, image, symbol, myth, symbolic concept.

About the author: Moshina Elena Anatolyevna, Associate Professor in the Department of Foreign Languages.

Place of employment: Military Institute (engineering and technical) MA MTS.

Bakirova A.A., deputy director of the Center of RFL

Place of employment: Institute of Foreign languages.

Когнитивная лингвистика сосредоточила свое внимание на описании концептуальной системы языка, на изучении взаимосвязи ментальности и концептуальной системы, на интерпретации мира, представленного в языковых знаках.

Посредством описания концептуальных подсистем возможно выявление особенностей ментальности народа и всей концептуальной системы в целом, поскольку в структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры.

Концептуальная система – это система знаний о мире, представленная в языке. Такое представление происходит в виде концептов и категорий – скрытых (понятийных) и грамматических (закрепленных в формах постоянного выражения соответствующего категориального признака).

Система знаний о мире не совпадает у разных народов, в первую очередь это заметно именно в составе грамматических категорий и безэквивалентных концептов. Часто говорят, что действительность неодинаково отражается в различных языках в силу нетождественных условий материальной и общественной жизни людей. Но не только это влияет на концептуальные системы разных народов. У каждого народа своя мифология, свой путь в донаучном познании мира, т.е. своя культура. Эти знания тоже отображаются на концептуальной системе.

В языке отобразилась способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки, категоризируя тем самым окружающую действительность опираясь на существующую в каждой культуре систему кодов. Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления [3]. Гносеологические операции сравнения и отождествления лежат в основе метафорического мышления, присущего человеку.

Рассматриваемые нами концепты *ЗВЕЗДА* и *ЗЕМЛЯ* можно отнести к типу символических. По словам М.В. Пименовой под символическим понимается «концепт, мотивирующие признаки которого восходят к известному или утраченному мифу; эти признаки разворачиваются в разном объеме в виде образных, понятийных, ценностно-оценочных и собственно символических признаков, но уже в другом объеме по отношению к другим концептам» [4].

ЗВЕЗДА и *ЗЕМЛЯ* объединены одним мифом создания мира, являются его составной частью. Рассмотрим несколько примеров объективации древних символов в образных признаках концептов *ЗВЕЗДА* и *ЗЕМЛЯ*. Материалом исследования послужили поэтические произведения богатые яркими разнообразными образами.

Славянский миф о сотворении мира повествует, что все началось с бога Рода. Прежде, чем родился белый свет, мир был окутан крошечной тьмой. Во тьме находился лишь Род – Прародитель всего сущего. Род в начале был заключен в яйцо, но Род родил Любовь – Ладу, и силою Любви разрушил темницу. Так началось сотворение мира. Мир наполнился Любовью. В начале сотворения мира Он родил царство небесное, а под ним сотворил поднебесное. Радугой разрезал пуповину, а каменной твердью отделил Океан от небесных вод. В небесах Он воздвигнул три свода. Разделил Свет и Тьму. Затем бог Род родил Землю, и погрузилась Земля в темную бездну, в Океан. Из лица Его тогда вышло Солнце, Луна – из Его груди, звезды небесные – из Его очей. Зори ясные появились из бровей Рода, темные ночи – из Его дум, буйные ветры – из Его дыхания, дождь, снег и град – от Его слезы. Голос Рода стал громом с молнией. Родом были рождены для Любви небеса и вся поднебесная. Род – Отец богов, Он – рожден

собой и родится вновь, Он – что было и то, чему быть предстоит, что родилось и то, что родится [2].

Так наиболее яркими признаками концепта *ЗЕМЛЯ* являются признаки «рождение», «плодородие», «мать», т.е. все те атрибуты характерные для творца мира. *А в этот же час, на Земле этой самой Небесную музыку слушают дамы В шелках и напитки небесные тянут Из рюмок... Ответную музыку даме: – За винтиком винтик, шуруп за шурупом, – Скрываем за стиснутыми зубами. Мы, женщины, слышим **рождающую Землю!*** (М. Цветаева. Песня о работнице). *Идет прохожий, взор его нелгуций, Благой, как **плодородная земля*** (К. Д. Бальмонт. Я слышу). *Мать земля – это прежде всего черное, **рождающее лоно земли-кормилицы, матери пахара, как об этом говорит постоянный ее эпитет «мать земля сырая»*** (Игорь Сухих. Однажды была земля).

Согласно мифу, Бог-демиург создает мир из частей своего тела. Например, «...звезды небесные – из Его очей». В структуре концепта *ЗВЕЗДА* соматический (телесный) признак «глаза» является самым актуальным. *Вот вечер, вот и ночь- и небо с видом ласки /Раскрыло ясных звезд серебряные глазки* (Бенедиктов. Молитва природы). *И смотрят с неба пламенные **очи** / Так пристально, что думы в небеса/ Летят невольно, как зарей роса* (Мей. Октавы 6). *Ясные звезды потупили взор - / Слушают звезды ночной разговор* (Полонский, Агбар).

Признак «лицо/ лик» и «голова» также представлены в структурах рассматриваемых концептов и широко вербализованы в языке. *Он снега растопил, и по **лику земли,** / Словно теплые слезы, ручьи потекли.* (О. Н. Чюмина. «Прилетели сюда из цветущей земли...»). *И там, где пустыня с лазурью слилась, / **Звезда ослепительным ликом** зажглась.* (Бальмонт. «Я откроюсь тебе в неожиданный миг...»). *Но где светил погасших **лик** / Остановил для нас течение, / Там бесконечность – только миг, / Дробимый молнией мученья.* (Анненков, ∞). *Уж звезды светлые взошли, /И тяготеющий над нами / Небесный свод приподняли /Своими влажными главами* (Тютчев. Летний вечер). *Земля! / Дай исцелю твою **лысеющую голову** / лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот. / Дымом волос над **пожарами глаз** из олова / дай обовью я впалые **груды** болот* (В. Маяковский. От усталости).

Еще один миф о создании мира демонстрирует представления древних славян о трехчастной модели мироздания, где верхний (мир богов), средний (мир людей), нижний (подземный) миры располагаются на оси земли, обычно ее ассоциировали с мировым деревом – деревом жизни [2]. Такого рода мифологические представления наших предков кристаллизировались в концептуальной картине мира и теперь обнаруживаются в языке в виде метафор жилища (дом, терем). *Горящую стрелой **дом смертных** осветился, И мрак перед тобой исчез* (Сумароков, Гимн о премудрости Божией в солнце). *Дух человеческий властен **земное***

покинуть жилище (А. Блок, Поэма философская). Во мраке туч от взоров скрылись / и звезды, **теремы богов** (Востоков. Светлана и Мстислав).

Хотя звезды обитатели верхнего мира, способы категоризации земного и небесного мира схожи.

Так земля предстает в образе звезды. *Земля, к чему шутить со мною: /Одежды нищенские сбрось /И стань, как ты и есть, звездой, / Огнем пронизанной насквозь!* (Н. С. Гумилев. Природа). И наоборот, звезда описывается в категориях земли «пыль», «поле». *Бессильный ум, к **земной пыли** прикован, / Напрасно призывал нетленную мечту* (В. Сологуб. Восторг души расчетливым обманом...). *И соловьи всю ночь поют из теплы гнезд / в серебряной **пыли туманно-ярких звезд*** (А. Бунин, Холодная весна). *Там, в ночной завывающей стуже, / В **поле** звезд отыскал я кольцо.* (А. Блок. Там, в ночной завывающей стуже...).

Александр Афанасьев, собиратель и исследователь фольклора, писал, что по народным представлениям плоская как тарелка земля якобы соединялась по краям с небом, напоминая огромный сводчатый потолок [1]. В структуре концептов **ЗВЕЗДА** и **ЗЕМЛЯ** мы находим параллели с признаками «чаша» и «круг». ***Чаша земная** полна /Отравленного вина. /Я знаю, знаю давно – /Пить ее нужно до дна... /Пьем, – но где же оно? /Есть ли у чаши дно?* (З. Н. Гиппиус. «Чаша земная полна...»). *Но лишь на миг к моей стране от Вашей / Опущен мост. / Его сожгут мечи. Кресты и **чаши** /**Огромных звезд*** (Гумилев. Стансы). *Но Меонид в **круге мира** / В слове бессмертном живет: / Громкая правдою лира, / Духа печать, – не умрет.* (Г. Р. Державин. «Песней моих Издатель!...»). *О, как тогда с **земного круга** / Душой к бессмертному летим! / Минувшее, как призрак друга, / Прижать к груди своей хотим.* (Тютчев. Проблеск). *Он обымает **круги звездны**, / Он мерит небо, сходит в бездны, / Ему доступны все места* (Кюхельбеккер, К брату).

Представленные в статье примеры являются лишь небольшой иллюстрацией того, что образные признаки символического концепта актуализируют различные аспекты мифов, а также частью начатого нами исследования призванного выявить архаичные, а потому скрытые от современника, мифы культурных традиций разных народов.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Славянская мифология. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. – 1520 с.
2. Мифология древних славян [Электронный ресурс]/ режим доступа: <https://mifrus.jimdo.com>
3. Пименова М.В. Языковая картина мира: учебное пособие. – Изд. 3-е доп. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. – 106с.
4. Пименова М.В. Символические концепты как часть концептуальной системы/ Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сборник статей / отв.

ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2011. – 896 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).

References

1. Afanas'ev A. N. Slavyanskaya mifologiya. – М.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2008. – 1520 s.
2. Mifologiya drevnih slavyan [Elektronnyj resurs]/ rezhim dostupa: <https://mifrus.jimdo.com>
3. Pimenova M.V. Yazykovaya kartina mira: uchebnoe posobie. – Izd. 3-e dop. – Sankt-Peterburg: SPbGU, 2011. – 106s.
4. Pimenova M.V. Simvolicheskie koncepty kak chast' konceptual'noj sistemy/ Kognitivnaya lingvistika: novye paradigmy i novye resheniya: sbornik statej / otv. red. M.V. Pimenova. – Moskva: IYa RAN, 2011. – 896 s. (Seriya «Konceptual'nye issledovaniya». Vyp. 15).

УДК 81'371:811.111'367.622-056.87

А.С. Ососкова

Донецк, Украина

СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ОБРАЗНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НОМИНИРУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА, ОБЛАДАЮЩЕГО ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМИ ЧЕРТАМИ ХАРАКТЕРА

Аннотация. Основной темой статьи является описание семантических особенностей образных существительных-наименований лица в английском языке, которые обозначают человека, обладающего положительными чертами характера. Дано определение термину «характер», установлены семантические признаки, которые объективируют положительные черты характера и составляют ядро образного лексико-семантического поля, рассмотрены случаи сочетания нескольких сем в образном значении слова.

Ключевые слова: образность; образные существительные-наименования лица; лексико-семантический вариант; семантические признаки.

Сведения об авторе: Ососкова Анна Сергеевна, ассистент кафедры английской филологии

Место работы: Донецкий национальный университет.

Контактная информация: 283001, Донецк, ул. Университетская, 24, каб. 905.
e-mail: anna_ososkova@mail.ru

A.S. Ososkova

Donetsk, Ukraine

SEMANTICS OF ENGLISH FIGURATIVE NOUNS DENOTING A PERSON POSSESSING POSITIVE TRAITS OF CHARACTER

Abstract. The main subject of the article is to describe semantic peculiarities of English figurative nouns denoting a person possessing positive traits of character. The term 'character' is defined, the semantic features verbalizing positive traits of character and forming the core of a figurative lexico-semantic field are ascertained, combination of several semes in the figurative word meaning is considered.

Key words: figurativeness; figurative nouns denoting a person; lexico-semantic variant; semantic features.

About the author: Ososkova Anna Sergeevna, Assistant of the English Philology Department

Place of employment: Donetsk National University.

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к изучению лексических единиц, которые содержат в своей семантике характеристику человека. В данной статье затрагивается его внутренний мир или характер, который называют нравственной составляющей. Традиционно под характером понимается совокупность психических и духовных свойств человека [6]. Следует отметить, что положительные черты характера переплетаются с отрицательными и представляют собой дихотомическую пару.

Однако внутренние характеристики взаимосвязаны с внешними, поэтому характер человека находит различные внешние проявления и отражается в его поведении в социуме. Человек имеет свойство концентрировать свое внимание на отклонениях от принятых в данном обществе норм поведения, а положительные черты характера рассматриваются как само собой разумеющееся.

Данная статья посвящена исследованию семантики образных существительных, номинирующих человека, который обладает положительными чертами характера в английском языке. Материал исследования составили 205 лексических единиц, которые были отобраны методом репрезентативной выборки из авторитетного толкового словаря английского языка [10]. В английском языке ядро образного лексико-семантического поля формируют следующие семантические признаки, которые объективируют положительные черты характера: идеальность, добродетель, надежность, упорство, смелость, энергичность.

Ведущей по объему является группа образных наименований лица с семантическим признаком **“идеальность”**. Для англичан идеальный человек – это обладатель множества положительных качеств, лишенный изъянов. Данная группа насчитывает 14 единиц. В 8 случаях образное значение многозначных слов возникает в результате генерализации первого ЛСВ слова, например, *sublimity* ‘величественность’ – 1) the state or quality of being sublime; 2) a sublime person. В 6 случаях образное значение возникает на основе метафорического переноса. Это может быть перенос, основанный на ассоциациях, вызванных сходством характера человека с внешним видом какого-либо предмета, например, *swan* ‘лебедь’ – an immaculate or faultless person. В данном случае активизируется сема ‘белый, беспорочный’.

Сема пола выражена дифференцировано в 2 случаях с помощью эксплицитных слов в толковании (*woman* ‘женщина’, *girl* ‘девочка’): *ripper* ‘взрыватель’ – a person of particular excellence; spec. an attractive young woman. Сема пола взаимодействует с семой возраста и внешности, поскольку в представлении носителей английского языка человек должен быть идеален как снаружи, так и внутри.

Для данной лексической группы характерно мелиоративное направление образной номинации. Отмечено примерно одинаковое соотношение рационального и смешанного типа оценки. Оценка со знаком “+” в суще-

ствительных с рациональным типом оценки эксплицируется в самой дефиниции, например, *star* ‘звезда’, *sublimity* ‘величественность’. В 7 случаях оценка носит смешанный характер, например, *superior* ‘начальник’ – a person of superior quality, character. В дефиниции маркером оценки выступает сема “хороший” в слове *superior* ‘превосходный’.

Значительная часть существительных с эмоциональным типом оценки маркирована пометой *colloq* ‘разг’: *topper* ‘ботворез’, *trimmer* ‘приспособленец’, *peach* ‘персик’. Данные наименования функционируют в разговорной речи, поскольку являются стилистически-сниженными единицами. Другие лексические единицы данной группы закреплены за определенной территорией: *pippin* ‘пепин’ – slang. US an excellent person ‘сленг (США) совершенный человек’. Однако в словарных толкованиях не детализирован оттенок эмоций, поскольку отсутствуют пометы *affectionate* ‘ласкательное’, *approv.* ‘одобрительно’, которые выражают положительные эмоции говорящего к предмету номинации.

Лексико-семантическая группа существительных с семой “добродетель” насчитывает 12 ОСНЛ. В представлении носителей английского языка добродетель определяется волей к исполнению различных заповедей и добрыми поступками. Это служит объяснением того, что в образном значении большинства наименований добродетельного человека сочетаются несколько сем. Например, в слове *angel* ‘ангел’ в образном значении сочетаются семы “поведение + черта характера”. В лексической единице *light* ‘свет’ комбинируются семы “интеллект + черта характера”.

У значительной части полисемантических слов с семой “добродетель” (7 ОСНЛ) образное значение возникает в результате ассоциативного переосмысления понятия, например, *saint* ‘святой’ – 1) a holy person recognized by the Church as living with God in heaven after death and regarded as eligible for veneration by the faithful; 2) colloq. a very good or long-suffering person.

В 5 случаях образность возникает в результате расширения значения семантической парадигмы лексемы, и объект вторичной номинации соотносится с более общим референтом. Образный компонент может развиваться от первого ЛСВ слова: *ruby* ‘рубин’ – 1) a rare and valuable precious stone varying from deep crimson or purple to pale rose-red; 2) a person (esp. a woman) of great worthy or beauty. В единичных случаях образность развивается из третьего и четвертого ЛСВ: *soul* ‘душа’ – 4) intellectual or spiritual power; 7) a person regarded as embodying certain moral, spiritual, or intellectual qualities.

Сема пола представлена дифференцированно в 2 ОСНЛ с помощью опорного слова *woman* ‘женщина’: *rose* ‘роза’, *ruby* ‘рубин’. Отмечено взаимодействие семы пола с семантическим признаком “внешность”, поскольку носители английского языка приписывают добродетельной женщине привлекательную внешность. 2 ОСНЛ данной семантической группы имеют в своем значении интенсифицирующие семы для обозначения необыкновенно добродетельного человека: *great* ‘большой’, *exceptional* ‘исключительный’.

В данной лексической группе семантический сдвиг у образных существительных осуществляется в мелиоративном направлении. В 8 случаях оценка носит рациональный характер. Незначительное количество лексики содержит в своем значении смешанный тип оценки, который эксплицируется в толковании и маркируется пометами *colloq* ‘разг’, *dial* ‘диал’. Такие дефиниции свидетельствуют о связи образности с эмотивным компонентом: *sport* ‘спорт’ – *colloq. a fair-minded, generous person* ‘разг. справедливый, великодушный человек’. Однако в толковом словаре пометы, обозначающие положительную эмоциональную реакцию, отсутствуют, поскольку такие стилистически-сниженные слова уже являются эмоционально окрашенными единицами.

Группа лексических единиц с семой “**надежность**” насчитывает 9 ОСНЛ. В корпусе данной группы зафиксированы наименования надежного человека, в которых сочетаются несколько сем: а) “надежный + волевой + стойкий”, например, *pistol* ‘пистолет’; б) “стойкий + верный + великодушный”, например, *brick* ‘кирпич’; в) “надежный + терпеливый”, например, *trouper* ‘актер’.

В 75% случаев в основе семантической связи между образным ЛСВ и исходным значением наблюдается метафорический перенос: *uncle* ‘дядя’ – 1) the brother of one’s father or mother; 2) a person regarded as having the kindly protective qualities traditionally associated with an uncle. Генерализация базового значения зафиксирована в 2 ОСНЛ (25%): *pillar* ‘столб’ – 1) a detached narrow vertical structure, used to support a superstructure, as a fixed point of attachment; 2) fig. a person who is regarded as a mainstay or support of something. Образный компонент основывается на дифференциальной семе *support* ‘поддерживать’.

Отмечена незначительная дифференциация по признаку пола (*uncle* ‘дядя’). В остальных 7 случаях сема пола представлена недифференцированно. Для данной лексической группы характерно мелиоративное направление образной номинации, например. Отмечено количественное преобладание рационального типа оценки, например, *reliance* ‘опора’. Выявлена связь образности с эмотивным компонентом коннотации в процессе образной номинации надежного человека. Стилистическая сниженность отмечена в пометке *US slang* в значении слова *pistol* ‘пистолет’, которое используется жителями США.

Группа образных существительных-наименований лица с семантическим признаком “**упорство**” насчитывает 6 ОСНЛ. В образном значении большинства лексем данной группы сочетается несколько сем: а) “упорный + смелый”, например, *bulldog* ‘бульдог’; б) целеустремленный + решительный, например, *resolute* ‘платя’; в) решительный + упорный, например, *sticker* ‘заколыщик скота’.

В 3 случаях полисемантические слова приобретают образное значение в результате метафорического переосмысления: *steamboat* ‘пароход’ – fig.

an energetically or stolidly persistent person ‘образ. энергично или невозмутимо упорный человек’. В 3 ОСНЛ образность развивается из первого ЛСВ слова в результате расширения исходного значения: *soldier* ‘солдат’ – 1) a person who serves or has served in an army; 2) fig. a person who fights for a cause. Образ упорного человек во втором ЛСВ слова основывается на ассоциациях с солдатом воинственного характера.

У 5 ОСНЛ оценка носит рациональный характер, например, *steamboat* ‘пароход’, *soldier* ‘солдат’. В единичном случае отмечен смешанный тип оценки. Так, в значении лексической единицы *battler* ‘боец’ присутствует помета *colloq.* ‘разг.’, которая указывает на связь оценочного, образного и эмотивного компонентов коннотации.

Наиболее низкой частотностью характеризуются такие семантические признаки, как **смелость** (5 ОСНЛ) и **энергичность** (4 ОСНЛ). Сочетание в образном значении таких семантических признаков как “физические возможности + характер” зафиксировано в *Trojan* ‘троянец’.

7 ОСНЛ приобретают образное значение в результате метафорического переосмысления, например, *cock* ‘петух’ – 1) a male domestic fowl; 2) a person who fights pluckily ‘1) домашняя птица; 2) человек, который отважно дерется’. В данном примере метафорический перенос осуществляется по сходству между смелым поведением петуха и храбростью человека. В 2 случаях полисемантических слов образность образуется в результате генерализации первого ЛСВ слова: *dynamo* ‘динамо’ – 1) a machine which converts mechanical energy into electric energy by electric induction; 2) fig. & transf. someone very energetic or active. Образный компонент второго ЛСВ слова основывается на дифференциальной семе *energy* ‘энергия’ первого ЛСВ. Все 9 ОСНЛ имеют рациональный тип оценки и положительную эмоциональную окраску, например, *Roland* ‘Роланд’, *lord* ‘лорд’.

Как показывает анализ лексического материала, 12 ОСНЛ (22%) нельзя отнести ни к одной из выделенных семантических групп. Среди существительных данной группы зафиксирована лексема *Quixote* ‘Дон-Кихот’, в образном значении которой сочетается несколько сем: “смелость + романтичность + преданность идеалам”. Существительные данной группы являются многозначными. Образность развивается в результате метафоризации (10 ОСНЛ): *rudder* ‘весло’ – fig. a person who guides or directs” ‘образ. человек, который направляет’ и метонимизации (2 ОСНЛ): например, *aid* ‘помощь’ – a helper ‘помощник’.

Процесс образной номинации данных существительных осуществляется в мелиоративном направлении. Нейтральные лексические единицы приобретают положительную, преимущественно рациональную, оценку: *sparrow* ‘воробей’. 3 ОСНЛ данной лексической группы имеют смешанный тип оценки.

Эмоциональный компонент связан с оценочными переживаниями и эмоциями языкового коллектива к признаку в основе номинации. Напри-

мер, словарная помета *infml.* и *colloq.* указывает на связь образности с эмоциональным и стилистическим компонентом коннотации в лексеме *lamb* ‘ягненок’. Данное слово может употребляться в уменьшительно-ласкательной форме только в неформальной обстановке в разговорной речи. Лексема *riot* ‘мятеж’ отмечена как *theatr.*, что дает основания отнести ее к стилистически-возвышенной лексике.

Таким образом мы видим, что положительное воспринимается как норма, а отрицательное – как отклонение от идеала. Образность выступает частью коннотативного аспекта значения, а ее источником является внутренняя форма слова. Образный компонент служит средством для повышения информативности вербального высказывания, в котором необходимый смысл максимально выражен при минимальном использовании языковых единиц.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 893 с.
2. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 255 с.
3. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: СЛОВО, 2000. – 624 с.
4. Уфимцева, А.А. Лексическое значение / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
5. Юрина Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. – Томск: Том, 2005. – 156 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой, 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981-1984.
7. Barcelona, A. Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective [Text] / A. Barcelona. – Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2000. – 356 p.
8. Brown, L. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical principles [Text] / Lesley Brown. – Oxford : Clarendon Press, 1993. – Volume 1, 2. – 3802 p.
9. Lakoff, G. M. Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, J. Mark. – Chicago : University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
10. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical principles [Text] / Lesley Brown. – Oxford : Clarendon Press, 1993. – Volume 1, 2. – 3802 p.

References

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of man]. / N.D. Arutyunova. – Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. – 893 p.
2. Maslova, V.A. Kognitivnaja lingvistika: Uchebnoe posobie / V.A. Maslova. – Minsk: TetraSystems, 2005. – 255 s.
3. Ter-Minasova, S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija. / S.G. Ter-Minasove. – M.: SLOVO, 2000. – 624 s.
4. Ufimtseva, A.A. Leksicheskoje znachenije / Ufimtseva A.A. – M.: Nauka, 1986. – 240 s.
5. Yurina E.A. Obraznyy stroy yazyka [Imagery structure of language]. / E.A. Yurina. – Tomsk: Tomsk State University Publ., 2005. – 156 p.
6. Evgen'eva A.P. (ed.) Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. [Dictionary of the Russian language: in 4 v.]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981-1984.
7. Barcelona, A. Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective [Text] / A. Barcelona. – Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2000. – 356 p.

8. Brown, L. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical principles [Text] / Lesley Brown. – Oxford : Clarendon Press, 1993. – Volume 1, 2. – 3802 p.
9. Lakoff, G. M. Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, J. Mark. – Chicago : University of Chicago Press, 2003. – 276 p.
10. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical principles [Text] / Lesley Brown. – Oxford : Clarendon Press, 1993. – Volume 1, 2. – 3802 p.

УДК 811.161

Е.С. Пивовар

Витебск, Республика Беларусь

КЛЮЧЕВЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ СУЩНОСТИ В БЕЛОРУССКОЙ И РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОСФЕРАХ

Аннотация. Данная статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу ключевых концептов языковых картин мира белорусов и русских. Рассматриваются следующие ключевые концепты: Родина, язык, воля. Наиважнейшим источником реконструкции концептов послужили художественные тексты классиков русской и белорусской литератур. Актуальность работы обусловлена новизной представленного языкового материала и недостаточностью сравнительно-сопоставительного анализа ключевых концептов различных лингвокультур. Особый интерес в этом плане вызывает языковая картина близкородственных народов: выявление универсального и национально специфического компонентов в структурах ключевых концептов позволило сделать вывод о схожести, но не тождественности ментальности русских и белорусов. В работе использованы общелингвистические методы (описательный, сравнительно-сопоставительный) и методы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (лингвокультурологическая и семантико-когнитивная методики изучения текста).

Ключевые слова: лингвокультурология; когнитивная лингвистика; концептуализация; концепт; ключевые концепты Родина, язык, воля; концептосфера; национальная языковая картина мира; художественный дискурс.

Сведения об авторе: Пивовар Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Место работы: Витебская государствен-

E.S. Pivovar

Vitebsk, Republic of Belarus

THE KEY MENTAL ESSENCE IN BELARUSIAN AND RUSSIAN ART CONCEPTOSPHERES

Abstract. This article is devoted to the comparative analysis of the key concepts of linguistic pictures of the world of Belarusians and Russians. The following key concepts are considered: Motherland, language, will. The artistic texts of the classics of Russian and Belarusian literature served as the most important source for the reconstruction of key concepts. The work is relevant due to the novelty of the presented language material and the insufficiency of the comparative analysis of the key concepts of various linguocultures. Of particular interest in this regard is the linguistic picture of closely related peoples: the identification of universal and nationally specific components in the structures of key concepts led to the conclusion that the mentality of Russians and Belarusians is not the same. The author used general linguistic methods (descriptive, comparative) and methods of linguistic culturology and cognitive linguistics (linguocultural and semantic-cognitive methods of studying the text).

Key words: concept; key concepts Homeland, family, people, language, will; concept sphere; national language picture of the world; linguoculturology; cognitive linguistics; conceptualization; artistic discourse.

About the author: Pivovar Yekaterina Sergeevna PhD, Docent of the Department of Foreign Languages of the Educational Institution «Vitebsk State Academy of Veter-

---

ная ордена “Знак Почета” академия ветеринарной медицины
Республика Беларусь, 210026, Витебск, ул. Доватора, 7/11

inary Medicine» (Vitebsk, Belarus).

Place of employment: Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine
7/11 , Dovatora str., Vitebsk, 210026, Republic of Belarus

Контактная информация: e-mail: eka15580575@yandex.ru

Современная лингвистика изучает различные проблемы концептуального, ментального содержания в языке. На данный момент доказано, что языки отражают культуру и менталитет народов, представляют национальные картины мира, в которых репрезентируются главные моральные и ценностные ориентиры этносов. Нами исследуется национальная картина мира посредством изучения лингвоментальных образований – концептов. Комплексный подход к данной проблеме предопределен антропоцентрической направленностью современного языкознания, которое акцентирует внимание на таких понятиях, как концепт, языковая личность, дискурс, языковое сознание, национальный менталитет, национальная картина мира.

Мы понимаем концепт как “понятие, погруженное в культуру” [1], обладающее эмотивностью, коннотациями, аксиологическое и культурно-специфическое по своей природе образование [6], и определяем его так: это лингвоментальное образование, вербализованный культурный смысл, имеющий имя/имена в языке (номинативное поле), а также ценностный, образный и понятийный компоненты.

Ключевая ментальная сущность – это общекультурное знаковое понятие, особенно важное для отдельно взятой общности. Некоторые ключевые сущности могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры.

При определении ключевых ментальных сущностей в художественной литературе мы руководствовались частотностью и важностью тех или иных тем и мотивов произведений. Стоит отметить, художественный текст – специфический лингвистический объект, форма фиксации национальной культуры. Слово в художественном тексте включает дополнительный смысл, коннотации, ассоциации, и поэтому именно литература часто является источником языкового материала для реконструкции концептуальных картин мира.

На данный момент концептуальные картины белорусов и русских в сравнительном аспекте мало изучены лингвистами. По причине того, что национально-культурная особенность той или иной языковой картины мира особенно заметна при сопоставлении ее с иными, считаем, что исследования нескольких лингвокультур имеют большое значение для развития современных направлений языкознания. Сопоставление содержания ключевых концептов языковых картинах мира русской и

белорусской лингвокультур будет интересным не только лингвистам, но и психологам, этнологам, литературоведам.

Цель нашего исследования – реконструировать ключевые концепты русской и белорусской лингвокультур в сравнительно-сопоставительном аспекте, выявить универсальные и национально-специфические черты в структуре трех ключевых концептов *Родина, язык, воля*.

Представленное исследование проведено на обширном языковом материале белорусского и русского языков (паремиологический и фразеологический фонд, художественный дискурс, лексикографические данные). Методы исследования: описательный; метод компонентного анализа; методы контекстуального анализа лексических единиц и словарных дефиниций; лингвокультурологическая и семантико-когнитивная методики изучения текста; элементы этимологического анализа и количественных подсчетов.

Анализ языковой репрезентации ключевых ментальных сущностей в художественных текстах позволил нам сделать выводы об особенностях ментальности русских и белорусов, нормах поведения и их ценностных ориентациях. Ключевые концепты *Родина, язык, воля* являются наиболее важными для постижения языковой картины мира любой нации. Они в совокупности со связанными с ними реалиями и национальными традициями, представляют собой концепты универсальные, но этнически осмысленные. Названные концепты исторически сформированные, постоянные, т.к. входят в набор концептов современного сознания многих народов.

Концепт *Родина* стал привлекать внимание лингвистов с 90-х гг. XX в., когда стали актуальны проблемы национальной идентичности и их отражения в языке. Анализу данного концепта посвящены работы А. Вежбицкой, В. Н. Телия, а также группы этнолингвистов под руководством Е. Бартминьского в Польше.

Родина для белорусов и русских – великая ценность (рус. яз. – *Родина краше солнца, дорожке золота*; бел. яз. – *У сваім краю, як у раю*), а чужбина противопоставляется родным местам и может иметь негативную коннотацию: (рус. яз. *Родная сторона – мать, а чужая – мачеха*; бел. яз. – *Далёкая старонка без ветру сушыць*). Также отметим сходство образного компонента концепта *Родина* в русской и белорусской языковых картинах мира: Родина представлена как мать, что отображено в паремиологическом фонде обоих языков: рус. яз. *Родина любимая – мать родимая*; рус. яз. *Береги землю родимую, как мать любимую*; бел. яз. *Свая хатка – родная матка, а чужая – мачыха*). Данная “семейная” метафора подкрепляется этимологией, ведь в обоих языках лексема *родина* происходит от корня – *род-*, имеющий значение “кровная связь”.

Анализ языка русской и белорусской художественных литератур свидетельствует, что в обеих литературах существует разделение

пространства на “своё” и “чужое”, причем “своя” – это чаще родной дом, а “чужая” – территория за границами дома, родной деревни (города, страны). Оппозицией *родине* как освоенной территории, в пространственном отношении выступает *чужбина* (бел. яз. – *чужына*). В большинстве художественных текстов она ассоциируется с холодом, отсутствием уюта, одиночеством: бел. яз. *Не мяняй свой куток на прастору чужую, / У прасторы чужой птушка гнёзды не ўе* [перевод на рус. – *Не меняй свой уголок на чужое пространство – в просторе чужом птица гнёзд не вьет*] (Р. Бородулин).

Белорусские писатели отрицают хаотичную миграцию, для белорусов не характерно бесконечное блуждание; стабильный, постоянный элемент преобладает в складе национальной психики и мышления: бел. яз. *Лепш грызці зямлю ў родным кутку, чым каб цябе ліхім ветрам кідала на чужым свеце* [перевод на рус. – *Лучше грызть землю в родном уголке, чем чтобы тебя диким ветром носило по чужим краям*] (К. Чёрный), бел. яз. *Продкі ані мае, ні твае / Сваёй зямлі не мянялі* [перевод на рус. – *Предки ни твои, ни мои Своей земли не меняли*] (Р. Бородулин). Как отмечает В.А. Маслова, “белорусы менее склонны к перемещениям, это достаточно оседлая нация, среди них даже сейчас почти нет эмигрантов. А вынужденная миграция тяжело переживается ими” [6, с. 56].

Также отметим, что в белорусском языке концепт *пространство* нередко вербализуется лексической единицей *куток* (рус. – уголок): бел. яз. *Мой родны кут, як ты мне мілы...* (Я. Колос). В русском художественном и публицистическом дискурсах данная лексема встречается довольно редко.

Мотив восхищения широкими просторами более характерен для русской поэзии, литературы в общем. У белорусов же нет поэтизации безграничных просторов. Н. А. Бердяев, характеризуя менталитет русского народа, отмечает: “Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а поработывает ее... Огромные просторы находятся внутри русской души и имеют над ней огромную власть... Русский человек чувствует себя беспомощным овладеть этими просторами и организовать их” [3, с. 96].

Образный компонент концепта *Родина* в обеих лингвокультурах представлен когнитивными признаками “родной дом”, “семья”, “родная природа”. При этом последний компонент по-разному реконструирован в национальных литературах. В русских художественных текстах чаще воспеваются *степь, широкое поле, лес, река*. Родная природа в белорусской литературе представлена следующими образами: *пуца, лес, озеро, лес, болото*, причем последнее вераблизовано более чем двумя десятками лексем, многие из которых безэквиваленты в переводе на русский язык: бел. яз. *багнішча* – рус. яз. ‘огромная топь’; бел. яз. *імішара* – рус. яз. ‘моховое болото’; бел. яз. *узболатак* – рус. яз. ‘край болота’.

В белорусских художественных текстах *Родина* чаще представлена как *родной дом, семья, природа*, а не государственное образование. Мы полагаем, это связано с продолжительным периодом отсутствия белорусской государственности до начала XX века и сильными семейными традициями. В связи с этим процитируем Н.Б. Мечковскую: “В отличие от “государственного” русского народа, белорусы всегда были и есть более “приватные” люди, обособленные от любого государства” [9, с. 73].

С.Г. Воркачев назвал концепты *Родина* и *народ* телеономными [4, с. 4], т.е. отражающими ценности, для защиты которых человек готов пожертвовать собственной жизнью. Белорусские художественные тексты подтверждают это: бел. яз *Маліся ж, бабулька, да Бога... / Каб за край быў умёрці гатоў*, / *Каб не прагнуў айчызны чужых* [перевод на рус. – *Молись, бабушка, Богу, чтобы за край был умереть готов, чтобы чтобы не желал отчизны чужих*] (Ф. Богушевич). Анализ белорусской литературы при определении языковых средств выражения концепта *Родина* показал, что самым распространенным когнитивным признаком в рассмотренных нами контекстах стал понятийный компонент “возвращение на Родину, невозможность счастливой жизни без Родины”, “Родина – место последнего пристанища”, “пожелание процветания своей Родине”.

Таким образом, ценностный компонент ключевого концепта *Родина* в обеих языковых картинах мира входит в ядро лингвоментального образования. Образный компонент имеет схожие черты: Родина – это семья, мать, родной дом, отличным является образный компонент “родная природа”, что вызвано различием в климатических и географических условиях проживания двух народов.

Язык выступает средством познания мира, формирует самосознание как личности, так и этноса. Человек, который идентифицирует себя с определенной культурой, усваивает ее стереотипы, нормы поведения. В этом плане важным понятием является *родной язык*, который в значительной степени формирует этническое самосознание и выступает одним из его сторон, как символ этнической общности. Ядро концепта *родной язык* в обеих языковых картинах мира формируется следующими когнитивными признаками: “красота”: рус. яз. *Русский язык в умелых руках и в опытных устах – красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен* рус. яз. (К. Чуковский); бел. яз. *Мова! Як сонца маё беларускае, Ты свецішся словам кожным* (Е. Янищиц), “лаконичность”: рус. яз. *Язык чистый, простой, точный, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства* (А.Н. Толстой); бел. яз. *Кожны народ мае хаця б адзін геніяльны твор, і гэты твор – мова* (А. Рязанов); “величие и богатство родного языка”: рус. яз. *Наш русский язык, более всех новых, может быть способен приблизиться к языкам классическим по своему богатству, силе, свободе расположения, обилию форм* (Н. Добролюбов); бел. яз. *Святыня народа, бяссмерце яго, – / Ты выткана,*

дзіўная родная мова (М. Танк). Общей чертой концептуализации понятия “родной язык” у белорусов и русских можно считать то, что центральной лексемой, вербализующей данный концепт, является *слово*: рус. яз. *Молчат гробницы, мумии и кости, – / Лишь слову жизнь дана: / Из древней тьмы, на мировом погосте, / Звучат лишь Письмена* (И. Бунин); бел. яз. *Лёсу майго кірунак, / долі маёй выснова, / як паратунак, – / матчына слова, бацькава слова, / роднае вечнае слова* [перевод на рус. – Судьбы моей направление, доли моей итог, как спасение, мамино слово, отчее слово, родное вечное слово] (П. Макаль).

По свидетельству Г.Н. Миловановой [8, с. 46], концепт родной язык в концептосфере русского языка наиболее близок к концептам *Бог, творчество, человек, мир*. Согласно нашему исследованию, концепт *родная мова* (рус. – родной язык) имеет более тесные связи с концептами *Родина, народ, воля*.

Отметим отличие понятийного содержания концептов *родной язык* и *родная мова*. Если в языковой картине мира русской лингвокультуры подчеркивается величие, лаконичность и исключительность русского языка, то в структуре концепта *родная мова* ядерными понятийными компонентами являются “красота родного языка”, “важность сохранения языка для будущих поколений белорусов”, “язык – условие для существования самостоятельного этноса”, “родной язык приходит в упадок, исчезает”. Таким образом, в структуре концепта отразилась история белорусского языка с периодами упадка и возрождения.

Особенностью языковой реперезентации концептов *язык* и *воля* в белорусском художественном дискурсе являются лексемы *мова* и *воля* в одном синонимическом ряду, т.е. народ, который не может говорить на родном языке, не может считаться свободным. В этом видится глубокая связь названных концептов: язык народа – признак его суверенитета, независимости страны: бел. яз. *Край баіцца размовы пра волю, / Край згубіў сваю мову / I матчынай песні напеў* (В. Короткевич).

Отметим, что в русской лингвокультурологии концепты *воля* и *свобода* рассматриваются как самостоятельные концепты, образуют смысловую пару. Н.М. Катаева отмечает: “Исследования концептуальной пары *воля* и *свобода* позволяют утверждать, что в русском языковом сознании *воля*, будучи связанной со *свободой*, почти всегда ей противопоставляется, в отличие от *свободы* она является особой единицей ментальности русского человека [5, с. 45]. В белорусской языковой картине мира нет таких различий, лексемы *воля* и *свобода* в белорусском языке являются тождественными, поэтому в языковой картине мира белорусов целесообразно выделять один концепт *воля/свобода*.

Паремии как свернутые правила поведения и норм общества выражают ценностные ориентиры современников, а также историческую память народа. Так, в белорусской и русской фразеологии сохранились

сведения об общественных отношениях в период существования крепостного права: рус. яз. *Неволя – боярский двор: ходя наешься, стоя выступишься*; рус. яз. *Барскую просьбу почитай за приказ*; бел. яз. *Бізун ды падаткі – панскія парадкі*; бел. яз. *Вось табе хамут і дуга, а я табе не слуга*; бел. яз. *І ў сваёй хаце не вольна*. Эти исторические обстоятельства еще более усилили ценность свободы в коллективном сознании обоих этносов.

Изучение ключевых концептов отдельных лингвокультур позволяет проникнуть в ментальность народа, понять культурные особенности, нормы и правила поведения в определенной культуре. В ходе исследования нами выделен фрагмент концептосфер белорусов и русских – ключевые ментальные сущности *Родина, язык, воля*. В сравнительно-сопоставительном аспекте представлена их структура: ценностный, образный, понятийный компоненты. На примерах из художественного дискурса, паремиологического фонда, лексикографических данных обоих языков были установлены следующие общие черты:

1) концепты *Родина, родной язык, воля/свобода* имеют тесную взаимосвязь в языковых картинах мира русских и белорусов;

2) данные ключевые концепты обладают большой аксиологической значимостью и в русской, и в белорусой лингвокультурах;

3) общими чертами реконструированных концептов являются тесная связь концепта *Родина* и *родной язык* с концептами *мать, семья, дом*;

4) наличие таких когнитивных признаков концепта *родной язык* как “красота, величие родного языка”, “родной язык – культурное наследие народа” в языковых картинах мира русских и белорусов.

Отметим, что сходство языковых картин мира предопределено наличием в ключевых концептах универсального компонента, характерного для человечества в целом (к примеру, раздел территории на “свою” и “чужую” и позитивная оценка “своей”), так и исторической и генетической общностью. Русские и белорусы являются восточнославянскими народами, имеют близкородственные языки и культуры.

Как отмечалось, в данной статье представлен сравнительно-сопоставительный анализ фрагмента концептуальных картин мира русских и белорусов, дальнейшее исследование ключевых концептов *семья, народ, человек* и др. позволит сделать более точные выводы о схожести и различиях данных концептосфер. Эти знания могут быть применены в других гуманитарных науках – этнологии, психологии, литературоведении.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Беларуская літаратурная спадчына : анталогія. У 2 кн. / уклад. П.М. Лапо [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2011. Кн. 1.

3. Бердяев Н. Судьба России. М. : Русский путь. 2004. 704 с.
4. Воркачев С.Г. *Singularia tantum*: идеологема «народ» в русской лингвокультуре : монография. Волгоград : Парадигма, 2013. 254 с.
5. Катаева Н.М. Воля. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 44–60.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М. : Academia, 2001. 208 с.
7. Маслова В.А. Национальный характер сквозь призму языка : монография. Витебск, Витеб. гос. ун-т., 2011. 76 с.
8. Милованова Г. Н. Родной язык // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 3. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 39–50.
9. Мячкоўская Н. Б. Мовы і культура Беларусі: нарысы. Мінск : Права і эканоміка, 2008. 347 с.
10. Словарь афоризмов русских писателей / А.В. Королькова, А.Г. Ломов; А.Н. Тихонов; под ред. д-ра филологических наук, проф. А.Н. Тихонова. Москва: Рус. яз. Медиа, 2004. 636с.
11. Телия В.Н. Наименование РОДИНА как часть социального концепта «Patria» в русском языке // Языковая категоризация : материалы кругл. стола, посвящ. юбилею Е. С. Кубряковой. М. : Наука, 1997. С. 77–79.

References

1. Arutyunova N. D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Human language and world]. Moscow : *Yazyki russkoj kultury Publ.* (In Russ).
2. *Belaruskaya litaraturnaya spadchyna : antologiya* (2011) U 2 kn. / uklad. P.M. Lapo. [Belarusian literary heritage: an anthology]. Minsk : *Belaruskaya navuka, Publ.* (In Belaruss).
3. Berdyaev N. (2004) *Sudba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow : *Russkij put Publ.* (In Russ).
4. Vorkachev S.G. (2013) *Singularia tantum: ideologema «narod» v russkoj lingvokulture : monografiya* [Singularia tantum: ideology «people» in Russian linguoculture: monograph]. – Volgograd : *Paradigma Publ.* (In Russ).
5. Kataeva N.M. (2005) *Volya* [Will]. *Antologiya konceptov / pod red. V. I. Karasika, I.A. Sternina.* – Volgograd : *Paradigma Publ.* (In Russ).
6. Maslova V. A. (2001) *Lingvokulturologiya : ucheb. posobie* [Linguoculturology: study guide.]. – Moscow : *Academia Publ.* (In Russ).
7. Maslova V.A. (2011) *Nacionalnyj harakter skvoz prizmu yazyka : monografiya* [National character through the prism of language: monograph]. – Vitebsk, Viteb. gos. un-t. Publ. (In Russ).
8. Milovanova G. N. (2006) *Rodnoj yazyk* [Native language]. *Antologiya konceptov pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. Tom 3.* Volgograd: *Paradigma Publ.* (In Russ).
9. Myachkouskaya N. B. (2008) *Movy i kultura Belarusi: narysy* [Languages and cultures of Belarus: essays]. – Minsk : *Prava i ekanomika Publ.* (In Belaruss).
10. *Slovar aforizmov russkih pisatelej* (2004) / A.V. Korolkova, A.G. Lomov; A.N. Tihonov; pod red. d-ra filologicheskikh nauk, prof. A.N. Tihonova. [Dictionary of aphorisms of Russian writers]. Moscow: *Rus. yaz. Media Publ.* (In Russ).
11. Teliya V.N. (1997) *Naimenovanie RODINA kak chast socialnogo koncepta «Patria» v russkom yazyke* [Name Homeland as a part of the social concept of "Patria" in Russian] // *Yazykovaya kategorizaciya : materialy krugl. stola, posvyash. yubileyu E. S. Kubryakovej.* – Moscow : *Nauka Publ.* (In Russ).

А.В. Племяшова

Санкт-Петербург, Россия

МОТИВИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ МЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ *THEATRE* ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация. В статье анализируются мотивирующие признаки концепта *theatre*. Признаки выделяются на основе историко-этимологических словарей английского языка.

Ключевые слова: концепт, мотивирующие признаки, историко-этимологические словари.

Сведения об авторе: Племяшова Алёна Владимировна, студентка.

Место учёбы: Российский Государственный Гидрометеорологический Университет (Институт «Полярная Академия»).

Контактная информация: e-mail: alenka4alenka@mail.ru

A.V. Plemiyashova

Saint Petersburg, Russia

MOTIVATIONAL SIGNS OF THE CONCEPT *THEATRE* ACCORDING TO THE LEXICOGRAPHICAL SOURCES

Abstract. The article analyzes the motivating features of the theatre concept. Signs are allocated on the basis of historical and etymological dictionaries of the English language.

Key words: concept, motivational signs, historical-etymological dictionaries.

About the author: Plemiyashova Alyona Vladimirovna, student.

Place of study: Russian State Hydrometeorological University (Institute "Polar Academy").

Данная статья посвящена «дискретному психическому образованию, которое является базовой единицей мыслительного кода человека, имеет относительно упорядоченную внутреннюю структуру, является результатом познавательной (когнитивной) деятельности индивида и общества и несет в себе комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом объекте или явлении, интерпретацию этой информации общественным сознанием и отношение общественного сознания к данному явлению или объекту»[1]

В статье анализу подвергается концепт *theatre* с позиции детерминации признаков, лежащих в основе формирования его структуры, именуемых научным сообществом мотивирующими.

Обратимся к авторитетным историко-этимологическим словарям английского языка с целью определения мотивирующих признаков исследуемого концепта.

Словари	Дефиниция
1) Online Etymology Dictionary, Douglas Harper (www.etymonline.com)	<u>theater</u> (n.) late 14c., "open air place in ancient times for viewing spectacles and plays," from Old French <i>theatre</i> (12c., Modern French <i>théâtre</i> , improperly accented) and directly from Latin <i>theatrum</i> "play-house, theater; stage; spectators in a theater" (source also of Spanish, Italian <i>teatro</i>), from Greek θέατρον "theater; the people in the theater; a show, a spectacle," literally "place for viewing," from <i>theasthai</i> "to be-

	<p>hold" (related to <i>thea</i> "a view, a seeing; a seat in the theater," <i>theates</i> "spectator") + <i>-tron</i>, suffix denoting place.</p> <p>Meaning "building where plays are shown" is from 1570s in English. Transferred sense of "plays, writing, production, the stage" is from 1660s. Generic sense of "place of action" is from 1580s; especially "region where war is being fought" (1914). Spelling with <i>-re</i> arose late 17c. and prevailed in Britain after c. 1700 by French influence, but American English retained or revived the older spelling in <i>-er</i>.</p>
<p>2) Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language (Ernest Klein)</p>	<p>theater, theatre, n. – ME. <i>thearre</i>, fr. MF. <i>théâtre</i> (F. <i>théâtre</i>), fr. L. <i>thedtrum</i>, fr. Gk. <i>θέατρον</i>, <i>the·ater</i> \ 'thē-ə-tər , 'thēə-, usually in Southern 'thē-, ā- also thē-'ā- \ variants: or <i>theatre</i>.</p> <p>Middle English <i>theatre</i>, from Middle French, from Latin <i>theatrum</i>, from Greek <i>θέατρον</i> <i>theatron</i>, from <i>theasthai</i> to view, from <i>thea</i> act of seeing; akin to Greek <i>thauma</i> miracle.</p>
<p>3) A short etymological dictionary of Modern English, Eric Partridge</p>	<p>Theater (AE) or theatre; theatral, theatric (theatrical)}—whence theatricize (cf the LL <i>thedtrizdre</i>)—theorem; theoretic (now usu theoretical), theory (whence, anl, theorist).—Cf the sep THAUMATURGE, q.v. at the element <i>thau-mato-</i>.</p> <p>1. Theater is the AE spelling of E <i>theatre</i>, adopted from MF-EF (F <i>théâtre</i>), which takes it from L <i>thedtrum</i>, trln of Gr <i>θέατρον</i>, akin to Gr <i>θέα</i>, a sight, and esp to Gr <i>theasthai</i>, to view, itself akin to Gr <i>thauma</i>, a thing compelling the gaze, a wonder, and Gr <i>thedrem</i>, to look at: IE r, *<i>dheu-</i>, var *<i>dhau-</i>, to look at.</p> <p>2. Gr <i>theatron</i> has adj <i>theatrikos</i>, whence LL <i>theatricus</i>, E <i>theatric</i>, with <i>-al</i> extn <i>theatrical</i>; L <i>thedtrum</i> has its native adj <i>theatralis</i>, whence EF-F <i>thédtral</i>, which prob suggested E <i>theatral</i>.</p> <p>3. Gr <i>thedrein</i>, to look at, has derivative <i>thedréma</i>, a seeing, a sight, an object of study, hence a</p>

	<p>speculation, hence a theorem; L théoréma, EF-F théorème and, perh independently, E theorem.</p> <p>4. Gr theorein has another derivative n: theoria, a looking, a seeing, an observing or a contemplation, hence a speculation: LL theoria: late MF-F théorie: E theory. The Gr adj theoricus becomes LL. theoricus, (MF-F théorique and) E theoric (absol); the current E adj theoretical is an -al extn of E theoretic, which, like F théorétique, derives from LL theoreticus, trln of Gr thedrétikos, adj corresp to théoréms Whereas the obsol E theoretician derives from EF-F théoricien (théorie+mathe-maticien), theorist is a native E formation (theory+agential-ist).</p>
<p>4) An etymological dictionary of the English language. Skeat, Walter W. (Walter William), 1835-1912</p>	<p>THEATRE, a place for dramatic representations. (F., L., – Gk.)</p> <p>M. E. theatre, Chaucer, C. T. 1887; spelt theatre, Wyclif, Deeds [Acts] xix. 31. - F. theatre, a theatre; ‘ Cot.- Lat. theatrum.- Gk. θέατρον, a place for seeing shows, &c.; formed with suffix -τρον (Aryan -tar), from thea-orau, I see. Cf. thea, a view, sight, spectacle. B. Allied to Skt. dhyai, to contemplate, meditate on, dayana, religious meditation ; dhyatri, one who meditates; according to Fick, i, 635. But see Curtius, i. 314, where the word is allied to Russ. divo, a wonder, &c.; cf. Gk. theatrua, a wonder. Der. (theatr-ic-al, adj, theatr- ic-al-ly; theatr-ic-al-s, s. pl. amphitheatre. And see theo-dolite, theo-ry.</p>
<p>5) Longman Dictionary of Contemporary English</p>	<p>theatre</p> <p>~ BrE theater AmE n 1 »BUILDING« a building or place with a stage where plays are performed (an open-air theatre) the Mercury Theater) 2 »PLAYS« a) plays as a form of entertainment (I enjoy theater and swimming. (He's really interested in literature and the theatre. good theatre (=effective entertainment)) (Yeats' plays are great poetry but they are not good theatre.) b) the work of acting in, writing, or organizing plays (classes in theater and music </p>

	<p>She's been working in the theatre for over thirty years.) 3 »IN A HOSPITAL« a special room in a hospital where medical operations are done; operating theatre BrE 4 »AREA« a large area where a war is being fought (the Pacific theater during World War II) 5 »PLACE TO SEE A FILM« AmE, AustrE a building where films are shown; cinema (1) BrE; movie theater AmE.</p>
<p>6) Chambers's etymological dictionary of the English language, edited by James Donald, f.r.g.s., &c. editor of chambers's 'English dictionary,' etc.</p>	<p>Theatre, the a-ter,n, a place where public representations, chiefly dramatic or musical, are seen; any place rising by steps like the seats of a theatre : a building adapted for scholastic exercises, anatomical demonstrations, &c. : scene of action. [Gr. theatron-theaomai, to see.]</p>
<p>7) The concise oxford dictionary of English etymology edited by T. F. Hoad.</p>	<p><u>theater</u> (n.)late 14c., "open air place in ancient times for viewing spectacles and plays," from Old French <i>theatre</i> (12c., Modern French <i>théâtre</i>, improperly accented) and directly from Latin <i>theatrum</i>"play-house, theater; stage; spectators in a theater" (source also of Spanish, Italian <i>teatro</i>), from Greek <i>theatron</i> "theater; the people in the theater; a show, a spectacle," literally "place for viewing," from <i>theasthai</i> "to behold" (related to <i>thea</i> "a view, a seeing; a seat in the theater," <i>theates</i> "spectator") + <i>-tron</i>, suffix denoting place.</p> <p>Meaning "building where plays are shown" is from 1570s in English. Transferred sense of "plays, writing, production, the stage" is from 1660s. Generic sense of "place of action" is from 1580s; especially "region where war is being fought" (1914). Spelling with <i>-re</i> arose late 17c. and prevailed in Britain after c. 1700 by French influence, but American English retained or revived the older spelling in <i>-er</i>.</p>
<p>8) Collins' Etymological dictionary</p>	<p>Theatre (the'a-ter) n. a play-house; a place of action or exhibition. [L. theatrum, fr. G. theatron, theatronai, I see.]</p>
<p>9) Online Etymology Dictionary, Meriam-Webster (www.merriam-</p>	<p>Theater \ 'thē-ə-tər , 'thēə-, usually in Southern 'thē-, ā- also thē-'ā- \ variants: or theatre <i>Definition of theater:</i></p>

webster.com)	<p>1a: a building or area for dramatic performances b: a building or area for showing motion pictures c: an outdoor structure for dramatic performances or spectacles in ancient Greece and Rome 2a: dramatic literature : PLAYS b: dramatic representation as an art or profession : DRAMA 3: a place or sphere of enactment of usually significant events or actionthe theater of public life 4a: a place rising by steps or gradationsa woody theater of stateliest view– John Milton b: a room often with rising tiers of seats for assemblies (as for lectures or surgical demonstrations) 5a: dramatic or theatrical quality or effectiveness b: SPECTACLE sense 1a c: entertainment in the form of a dramatic or diverting situation or series of eventstheir public feud made for good theater 6: THEATER OF OPERATIONS</p>
--------------	--

Анализ словарей позволил выделить в структуре концепта Theatre следующие мотивирующие признаки:

Древнегреческое θέατρον (театрон) означает «место для зрелищ, театр». Это слово произошло от глагола θεάομαι (теаомай) – «смотреть, видеть, созерцать». В том числе, «созерцать умом». Этимологически θέατρον близко к слову θεωρία (теория), которое изначально соотносилось с идеей зрения, созерцания; «open air place in ancient times for viewing spectacles and plays»(место под открытым небом в древние времена для просмотра спектаклей и игр), «play-house, theater; stage; spectators in a theater»(спектакльдом, театр; сцена; зрители в театре), «building where plays are shown»(здание, где показывают пьесы), «place of action»(место действия), «a place for dramatic representations»(место для драматических представлений), «a place where public representations, chiefly dramatic or musical, are seen; any place rising by steps like the seats of a theatre : a building adapted for scholastic exercises, anatomical demonstrations»(место, где видны публичные представления, главным образом драматические или музыкальные; любое место, поднимающееся по ступеням, как места в театре: здание, приспособленное для схоластических упражнений, анатомических демонстраций), «a building or place with a stage where plays are performed»(здание или место со сценой, где проводятся спектакли).

Мотивирующие признаки отражают механизм формирования понятия, служат основой для его дальнейшего развития. Театр-один из самых

значимых и многофункциональных концептов, существующих на протяжении всей человеческой истории – от античности до современности, так как именно концепт театр наиболее близок к человеческой личности, для которой важное место в жизни занимает элемент игры, непосредственно присутствующей в театре.

Мотивирующие признаки данного концепта функционируют, сохраняя свою актуальность в современном мире.

Литература

1. Попова З.Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивное направление. Воронежский государственный университет, 2006. С. 24.
2. Пименова М. В. Концепт СЕРДЦЕ: образ, понятие, символ: монография. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
3. Пименова М.В. ТИПЫ КОНЦЕПТОВ И ЭТАПЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. Вестник Кемеровского государственного университета. 2013;(2-2):127-131.

References

1. Popova Z.D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnoe napravlenie. Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2006. S. 24.
2. Pimenova M. V. Koncept SERDCE: obraz, ponjatie, simvol: monografija. – Kemerovo: KemGU, 2007. – 500 s. (Serija «Konceptual'nye issledovanija». Vyp. 9).
3. Pimenova M.V. TIPIY KONCEPTOV I ETAPY KONCEPTUAL'NOGO ISSLEDOVAN- IJA. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013;(2-2):127-131.

УДК 81

Ю. В. Погребняк

Чженчжоу, КНР

ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА «ЛИЦО» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. Предлагается комплексное исследование понятийной, образной и ценностной составляющей концепта «лицо» в русской лингвокультуре на основе анализа словарных статей, пословиц и поговорок, фразеологизмов, анекдотов, афоризмов и цитат, праздничных тостов, а также интернет-статусов о лице.

Ключевые слова: концепт; лингвокультура; паремнологические единицы; ценности культуры; фразеологизмы; анекдоты; интернет-статусы; афоризмы.

Сведения об авторе: Погребняк Юлия Владимировна, доктор филологических наук, преподаватель института иностранных языков Чженчжоуского университета.

Место работы: Чженчжоуский университет, КНР.

Yu. V. Pogrebnyak

Zhengzhou, China

CHARACTERISTIC OF THE CON- CEPT OF "FACE" IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

Abstract. The article offers a comprehensive study of the denotative, figurative and value component of the concept "face" in Russian linguoculture based on the analysis of dictionary entries, proverbs and sayings, phraseological units, anecdotes, aphorisms and quotes, festive toasts, as well as Internet statuses about the face.

Key words: concept; linguoculture; paremiological units; cultural values; phraseological units; anecdotes; Internet statuses; aphorisms..

About the author: PogrebnyakYuliaVladimirovna, doctor of Philology, lecturer at the Institute of foreign languages of the University of Zhengzhou.

Place of employment: Zhengzhou University, China.

Люди всегда проявляли большой интерес к своему физическому облику. Концепт «лицо» занимает важное место в любой лингвокультуре, так как он связан с обозначением важной части человеческого тела, которая отражает в отличие от других частей, внутренний мир человека, его душу. Как известно, концепт «душа» является одним из базовых в русской лингвокультуре.

Вслед за В. И. Карасиком мы считаем, что концепт имеет понятийную, образную и оценочную составляющую [5].

При помощи анализа словарных дефиниций, а также пословиц и поговорок, фразеологизмов, афоризмов, анекдотов, цитат, фраз и тостов рассмотрим эти три составляющих элемента концепта «лицо» в современной русской лингвокультуре.

В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера находим следующее определение слова «лицо»:

лицо́ мн. лица́, укр. лицé, др.-русск., ст.-слав. лице, род. п. личесе или лица прѣсѡлов (Супр.), сербохорв. лице, словен. líce, чеш.,слвц. líce "челюсть, щека", польск. líce "щека, лицо", в.-луж., н. луж. líco "щека". От лик II.

Лик II., род. п. -а "лицо; изображение лица (на иконе)", облик, прилик м., прилика ж. "приличие, манеры", слик "сравнение", (сюда же лицó), укр. лик "изображение, икона", русск.-цслав. ликъ, ст.-слав. лице прѣсѡлов, болг. лик "картина; цвет лица", сербохорв. ли́к, род. п. ли́ка "лицо, форма, образ", словен. lík "фигура, образ, изображение", чеш. líce "щека, лицо", польск. líce "щека, лицо", в.-луж., н.-луж. líco "щека". Родственно ирл. leasa "щека", нов.-ирл. leasa – то же, др.-прусск. Laugnan... [17].

Из приведенной выше словарной статьи становится понятно, что этимологически слово «лицо» восходит к слову «лик» (на иконе), которое семантически связано со словами «облик», «слик (сравнение)», «образ», «изображение».

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова представлены следующие значения слова «лицо»:

ЛИЦО́, -а, мн. лица, лиц, лицам, ср.

1. Передняя часть головы человека. Черты лица. Румяное л. Знакомое л. Измениться в лице. (о резкой перемене в выражении лица). В л. говорить (прямо, открыто). Знать кого-н. в л. (по внешнему виду). Лицом к лицу встретиться (вплотную). Лица нет на ком-н. (испуган, расстроен). На одно л. кто-н. с кем-н. (очень похожи). На лице написано что-н. у кого-н. (1) видно по выражению лица. На лице написано разочарование; 2) сразу понятен, ясен кто-н.). С лица некрасив (внешне; прост.). Лицом в грязь не ударить (удачно сделать что-н., показав себя с лучшей стороны).

2. перен. Индивидуальный облик, отличительные черты. Не иметь своего лица.

3. Человек, личность. Отдельные лица. Подставное л. Действующее л. (в театре: персонаж). В лицах изобразить кого-что-н. (рассказывать живо, как бы непосредственно воспроизводя живую сценку, эпизод). Физическое л. (правоспособный человек; спец.). Доверенное л.

4. Наружная, передняя, верхняя сторона предмета. Л. и изнанка. Товар лицом показать (показать что-н. с лучшей стороны; разг.; первонач. развернуть перед покупателем кусок материи лицевой стороной).

5. В грамматике: категория, показывающая отнесённость к говорящему (первое л.), к собеседнику (второе л.) или к тому, кто не является ни говорящим, ни собеседником (либо к неодушевлённому предмету) (третье л.). Л. глагола (система форм парадигма глагола, показывающих такую отнесённость).

Местоимения первого лица (я, мы), второго лица (ты, вы), третьего лица (он, она, оно, они).

• В лице кого (чего), в знач. предлога с род. (офиц.) в ком-чём-н. как в представителе кого-чего-н., носителя чего-н. В лице Иванова мы получили опытного специалиста. Заказчик в лице завода.

К лицу 1) идёт кому-н., вполне гармонирует с чем-н. Это платье тебе к лицу; 2) прилично, подходит кому-н. Тебе не к лицу сидеть сложа руки.

Лицом к кому (чему) обратившись, направив свою деятельность непосредственно к кому-чему-н.

От лица кого (чего), в знач. предлога с род. от имени кого-чего-н., представляя кого-что-н. Действовать от лица общественности.

Перед (пред) лицом, в знач. предлога с род. (книжн.) 1) кого (чего), обозначает то (того), по отношению к чему (к кому) совершается какое-н. действие, к чему (к кому) обращается какое-н. состояние, перед (в 3 знач.). Все равны перед лицом закона; 2) кого (чего), по сравнению с кем-чем-н., рядом с кем-чем-н. (во 2 знач.). Успех его невелик перед лицом общих достижений; 3) чего, при наличии чего-н., в условиях чего-н. Неустрашим перед лицом опасности. Сознаться пред лицом неопровержимых улик.

С лица земли стереть (смести) кого (что) (высок.) - уничтожить, истребить.

Юридическое лицо (спец.) самостоятельная организация, обладающая имущественными и другими гражданскими правами и обязанностями.

| уменьш. личико, -а, ср. (к 1 знач.).

| прил. лицевой, -ая, -ое (к 1, 3 и 4 знач.) и личной, -ая, -ое (к 1 знач.).

Лицевой мускул. Лицевая сторона материи. Личное полотенце [9].

Слово «лицо» представлено в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова следующим образом:

ЛИЦО́,   лица,   мн.   лица,   ср.

1. Передняя часть головы человека. Лицо круглое, продолговатое, бледное,

румяное, красивое, безобразное. «Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом.» Гоголь. «Ба, знакомые всё лица!» Грибоедов. Черты лица. Невралгия лица. Мускулы лица. Выражение лица. | Эта часть головы, как выражение характера, душевных качеств и состояний. Лицо угрюмое. Веселое лицо. Выразительное лицо.

2. Наружная (передняя, верхняя) сторона предмета; ант. слова– тыл, изнанка".... На одно лицо (*разг.*) - об очень похожих, лишенных индивидуальных отличий предметах, существах. Все дети у них на одно лицо. Не взирая на лица (*книж.*) - поступая без лицепрятия, без угодливости, не смущаясь общественным положением, влиянием кого-нибудь. Критиковать не взирая на лица. Показывать товар лицом. С лица не воду пить (*прост.*) - погов. о том, что нет большойбеды в некрасивой наружности невесты. «Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить» Некрасов. В лицо (с глаголами, обозначающими "говорить") - прямо в глаза, открыто. Выбранить в лицо. Сказать правду в лицо. На лицо (*прост.*) - судя по лицу, лицом. «Как вы молоды на лицо!» А.Островский. Смотреть в лицо чему... Знать в лицо кого - быть в состоянии узнавать, различать кого-нибудь по внешнему виду. Лица нет на ком - о ком-нибудь, у кого от сильных потрясений, сильного волнения резко изменился привычный наружный облик. На нем лица нет от страха. «Чичиков взглянул - на нем не было лица» Гоголь. Измениться или перемениться в лице (*несовер.* меняться) - утратить обычное выражение лица (под влиянием какого-нибудь сильного волнения, потрясения). На лице написано... Лицом в грязь не ударить (*разг.*) - не осрамиться, с честью выйти из затруднений, показать себя с лучшей стороны в каком-нибудь деле. К лицу - **1)** идет кому-нибудь. Эта шляпа вам не к лицу. **2)** перен., пристало, прилично. Мне не к лицу заниматься такими пустяками. Стереть с лица земли (*книж., ритор.*) - уничтожить совсем, истребить. Действующее лицо - **1)** персонаж, художественный образ человека, существа, участвующего в развитии сюжета театральной пьесы, литературного произведения (театр., лит.). Действующие лица в комедии "Горе от ума". **2)** перен., участник какого-нибудь события, дела, преим. имеющего *sauverl'aface*) (*книж.*) - сохранить свой престиж, не уронить свое общественное значение. Пестель, Рылеев, Каховский - главные действующие лица восстания декабристов. Физическое лицо (юр.) - человек, как правоспособный член общества. Юридическое лицо (юр.) - учреждение или коллектив, признаваемые по закону субъектами права, способными обладать правами и нести обязанности. Лицом к кому-чему (повернуться; *книж.*) - перен. сосредоточить (или сосредоточив) главное внимание на ком-чем-нибудь, направить (направив) все силы на решение какой-нибудь очередной общественно-политической задачи. Лицом к деревне. Лицом к производству. «Пора, давно пора повернуться лицом к технике.» Сталин (1931 г). Спасти или сохранить (свое) лицо (перевод фр.) [12].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля представлено следующее определение слова «лицо»:

Лицо

• Лице ср. личико, личишко, личище; в возвышенном знач. лик, в бранном рожа, харя; передняя часть головы человека (редко говор. о животном), от рубежа головных волос, до ушей и нижнего края исподней скулы: лоб, глаза, нос, щеки со скулами, губы и отвесная часть подбородка.

• *Физиономия, лик, облик, обличье, выраженье на лице духовных качеств. Лицо человека представитель высших духовных даров: лоб небесная любовь; глаза разуменье, разумное созерцанье; уши пониманье и послушанье; нос постиженье добра; щеки постиженье духовных истин; рот мысль и ученье; губы духовная хвала; борода внешность ученья и пр.

• Лицо, особа, человек. Это что за лицо? какой человек, кто. Представлять чье лицо, быть подставным, заменять его; представлять его на игрищах.

• Лучшая, передняя, верхняя, казовая сторона предмета, противоположная, изнанка, тыл, зад. Лицо здания, фасад; лицо ткани, верх; лицо монеты, казовая, главная сторона. Сровнять что под лицо, заподлицо, вгладь, в уровень с поверхностью. Продать товар лицом, уметь скрасить его, выказать хорошим. Лицо наковальни, верхняя площадь ее. состоять или быть налицо, в наличности, не по счету, а на деле, на яву. По списку сто человек, налицо девяносто. Денег нет налицо, все в ходу. Я тебя выведу налицо, покажу таким, каков ты есть. Где лицо? где наличное или поличное, что найдено. Стоять или говорить с кем лицом к лицу, с лица на лицо, лично, самолично, не через третьего. Смотреть на лицо, принимать в расчет лицо, отступать от строгой правды, по человеку глядя, по сану и силе, родству его и пр. Оберни сукно лицом, личьюпск. твер. на лицо. Лицо образ Божий. Непригож лицом, да хорош умом. Не гляди на лицо, а гляди на обычай. Волос в волос, лицо в лицо. С лица не воду пить, умела бы пироги печь, жена. За правду Бог лица набавляет, доживая до старости, лысеешь. Имя свое всяк знает, а в лицо себя никто не помнит. На нем лица нет, изменился. Знать по лицу, сколько лет молодцу. Лицом в грязь не ударим. Товар лицом продают. Товар лицом кажут. Умеем перешерститься: в будень изнанкой, в праздник лицом. Не к лицу пироги разбирать, коли и хлеба нет. Некстати печальна, не к лицу (не к добру) весела. Не к лицу румяна. Человек ни с лица, ни с изнанки. Не велики лица, испейте и водицы. Личико беленько, да разуму маленько. Личиком беленок, да душой черненек. Личиком беленок, да умом простенек. С личика яичко, а внутри болтун. Мило не мыло, а беленькое личико [11].

Как видно из приведенных выше словарных дефиниций слово «лицо» имеет следующие основные значения в русском языке:

1. Передняя часть головы человека

2. Наружная (передняя, верхняя) сторона предмета
3. Индивидуальный облик, отличительные черты
4. Человек, личность
5. В грамматике: категория, показывающая отнесённость к говорящему
6. Физиономия, лик, облик, обличье, выраженье на лице духовных качеств.

Гучепшокова С. А, исследуя концепт «лицо» в адыгской, русской, английской и французской лингвокультурах, указывает на то, что он архетипичен, универсален. Лицо во всех этих языках определяется как физическая идентификация человека, индивидуальность и уникальность, как элемент тела, выделяющий человека из животного мира; как отображение психической и моральной сущности его обладателя [4].

Слово «лицо» имеет следующие синонимы в русском языке: лик, физи(ономи)я, физиомордия, моська, рыло, мурло, ряшка, личико, морд(очк)а, рожа, харя, образина; личность, особа, персоне, фигура, субъект, человек; вид; единица; изнанка; чухалка, трюфель, чухло, рыльник, ряшник, хаялка, шмась, дыня, хрюкало, репейник, оригинальность, обличье, облик, стивидор, зрак, физика, циферблат, самостоятельность, своеобразие, репа, мордашка, обличие, шнобель, мордаха, индивидуум, индивидуальность, шайба, телевизор, вывеска, сурло, носопырка, ряха, грызло, мордочка, чемодан, экран, птица, стебайло, табло, мордоплясия, морда, физия, фотография, чича, фронтон, жирант, апатрид, брехало, морда лицом, мурлетка, мордуленция, мордофиля, харьковская область, обличность, мордализация, правая сторона, мордасово, мордень, лицевая сторона, хеджер, фасад, чайник, мордасы, сусалы, чувырла, рубильник, будка, паяльник, картина, шайка, физиономия, жират, сопатка, репье, леонтиазис, рожца, сотский, прототип, индивид, фотокарточка, семафор, сопло, витрина, становщик, харитон, хариус, ценник, суперкарго, забра-ло[8].

Из приведенного выше списка видно, что большинство синонимов слова «лицо» принадлежат к разговорному, стилистически сниженному стилю речи. Некоторые из слов в приведенном списке являются грубыми, например, рыльник, хаялка, хрюкало, брехало и др.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что концепт «лицо» чрезвычайно важен в повседневной жизни, так как на лице отражаются различные эмоции.

В словаре антонимов русского языка отмечается, что лицо противопоставлено спине человека.

ЛИЦО – СПИНА. Пьер несколько раз пересаживался во время игры, то спиной, то лицом к Наташе. (Л. Толстой. Война и мир).

Спиной к Сытному рынку, лицом к парку высится массивное здание с башней, с огромными окнами-аркадами (Шефнер. Имя для птицы) [7].

Чапаева М. А. отмечает, что лицо осмысливается в русской культуре (XI - XIX вв. в оппозиции внутреннего и внешнего человека, как единство внутренней и внешней природы человека, его тела и души).

В русском эстетизме на рубеже XIX - XX веков появилась эстетская игра масками как форма психологической защиты человека, оставляя простор для экспериментов с художественной формой [16].

В русской лингвокультуре существует целое множество паремиологических средств, указывающих на одновременную связь и противопоставление лица как внешней характеристики человека и души как его внутренней сущности.

Лицом хорош, да душою непригож.

В русском фольклоре существуют языковые средства, описывающие красивое лицо.

- *Красна, как маков цвет.*

Но имеется гораздо больше языковых средств, описывающих некрасивое лицо.

- *Такая рожка, что сама на оплеуху напрашивается.*
- *Рожка - хоть репу сей, хоть морковь сажай.*
- *Экой красавец: под носом румянец, во всю щеку лишай.*
- *Нос курнос, а рыло дудкой.*
- *Нос крючком, а борода клочком.*
- *Рот до ушей - хоть лягушку пришей [6].*

Лицо противопоставляется задней части человеческого тела, спине, а в современной лингвокультуре - ягодицам.

Думаешь, что с человеком будешь общаться всегда, а он неожиданно поворачивается к тебе задом и продолжает делать вид, что это лицо [10].

Ценностная составляющая концепта «лицо» в русской лингвокультуре представлена следующими смыслами.

1. Красота лица определяется красотой души.

Никакой макияж не украсит лицо так, как чистота в глазах и искренность в улыбке.

2. Красивое лицо противопоставляется плохому характеру, отсутствию ума и плохим делам человека.

Лицом красавица, а нравом только черту нравится.

Личиком беленок, да умом простенок.

Личиком гладок, да делами гадок.

3. Народная мудрость учит тому, что не надо оценивать человека по его лицу.

С лица воду не пить.

4. Люди не обязательно любят тех, кто лицом красив

Личико беленько, да люблю маленько.

5. По лицу нельзя понять, какой человек.

Умный или дурак, по лицу не определить.

6. По выражению лица человека можно понять, какие чувства он испытывает.

Что в сердце варится – на лице не утаится[6].

7. Люди надевают маски на лица.

Люди так часто меняют маски, что забывают, где истинное лицо

8. Не надо показывать всем людям свои истинные чувства.

Улыбайтесь в лицо тому, кто вам причиняет боль, и он почувствует, какие вы сильные.

9. Люди, особенно женщины, стремятся иметь красивое лицо, так как они думают, что будут более востребованы обществом.

Красивое лицо является безмолвной рекомендацией.

Давайте на чистоту. Без красивого лица и тела никто не захочет узнать, какая у тебя душа.

10. Женщины любят проводить различные манипуляции с лицом для того, чтобы выглядеть красивее.

Солнце, лето, море, пляж – страшное лицо, размытый макияж [15].

Ценностный аспект концепта «лицо» в современной культуре особенно хорошо отражается в интернет-статусах.

1. Имеется большое количество интернет-статусов о том, что важна красота души, а не красота лица.

Если некрасивое лицо, его можно исправить косметикой, фигуру подтянуть в тренажёрном зале, в вот с гнилой душой уже ничего не сделаешь.

2. Для девушки красота важна, но поведение более значимо.

Если девушка следит за своим поведением, она намного красивее той, которая следит только за своим лицом

3. Самое неприятное - это получать удар в лицо.

Если люди делают плохие вещи, они заслуживают удар в лицо.

Некоторым людям просто нужно дать пятачок. В лицо. Стулом только в интернете можно кого-нибудь облить с ног до головы грязью, а потом лечь спокойно спать с целым лицом.

Не могу сказать верю ли я в любовь с первого взгляда. Но я точно знаю, что есть такие люди, которых с первого взгляда хочется ударить, в лицо, ногой.

4. Дела человека отражаются на его лице.

То, во что ты искренне веришь, становится твоим миром. То, что ты делаешь и есть твоё лицо в твоём мире.

После определенного возраста наше лицо становится нашей биографией.

5. Не надо бояться морщин на лице.

Морщин на лице нет только у полного дебила.

6. Любовь приносит улыбку на лицо.

Как бы не злился человек, у него расцветает лицо, если ему говорят, что любят. Любовь дарит нам радость и счастье.

7. Всегда приятно видеть счастливые улыбающиеся лица, особенно лица любимых людей.

Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят.

Ничего не согревает сердце так, как видеть счастливые лица детей и радоваться вместе с ними.

8. Люди надевают маски на лица.

Люди так часто меняют маски, что забывают, где истинное лицо.

9. Говорить правду в лицо трудно.

Есть категория людей, которым правду в лицо говорить особо легко и невообразимо приятно, – это подчинённые.

Не всегда получается высказать человеку прямо в лицо то, что ты о нём думаешь. Иногда приходится высказываться в рожу, а то и в харю.

10. Человек может иметь разные качества в одном лице.

О себе могу сказать, что я – многогранная личность. Я эгоист, жадина и сволочь в одном лице.

Я – женщина и значит я актриса, во мне сто лиц и тысяча ролей.

11. Двумличие осуждается.

У человека, который ведёт двойную жизнь два лица, два голоса и одно каменное сердце.

12. Важно сохранять улыбку на лице.

Самые красивые люди – это те... Которые прошли сложные ситуации... Но до сих пор им удаётся сохранять улыбку на лице...

Я буду сильной и даже сквозь боль вы будете видеть на моём лице улыбку.

13. Надо стараться не ударить в грязь лицом.

Оптимист – это человек, который даже упав лицом в грязь уверен, что она лечебная!

14. Умное выражение лица еще не значит, что человек действительно умен.

На всех уроках, я сижу как политик: ничего не знаю, но делаю умное лицо.

15. Очень трудно перепутать лицо и зад.

Я плевала на то, что говорили обо мне у меня за спиной, пока не поняла, что повернута лицом к этим людям.

До тех пор ты стоишь лицом к своему прошлому, ты стоишь задом к своему будущему!

Думаешь, что с человеком будешь общаться всегда, а он неожиданно поворачивается к тебе задом и продолжает делать вид, что это лицо.

16. Утром в общественном транспорте невозможно увидеть счастливые лица.

Посмотри вокруг себя в общественном транспорте: много ли ты увидишь счастливых лиц? [10].

В русских фразеологизмах со словом «лицо» также представлена понятийная, образная и ценностная составляющая рассматриваемого концепта.

Лицо представлено как передняя часть тела человека, которая открыта обзору других людей и воздействию окружающей среды.

Знать в лицо – не будучи знакомым, знать, помнить кого-либо по внешности, по виду

Сохранить (человеческое) лицо

Показать своё истинное лицо

Лицом к стенке

Слово «лицо» во фразеологизмах также может использоваться в значении «человек»:

(Рассказывать) в лицах

В лице (того-то того-то)

От лица

Физическое лицо

Юридическое лицо

Лицо кавказской национальности

Не взирая на лица (книжн.)

Образность концепта «лицо» связана с понятием о лице как о передней части чего-либо.

Стереть (или снести) с лица земли – уничтожить

Показать товар лицом – показать с лучшей, наиболее выигрышной стороны

Факт на лицо

Ценностная составляющая концепта «лицо» представлена следующим образом во фразеологизмах.

1. В первую очередь люди обращают внимание на лицо, а уже потом на другие части и характеристики.

На лице написано

К лицу – 1 идет, подходит кому-либо {об одежде, причёске и т. п.) 2 подобает кому-либо {по возрасту, положению и т. п.)

(Не) к лицу – 1 (не) идет кому-либо, (не) делает кого-либо привлекательнее по внешности 2 перен. (не) подобает кому-либо, (не) соответствует положению и т. п. кого-либо

2. Если человек смотрит или говорит что-то в лицо другому человеку или событию, то он не боится этого другого человека или это событие.

Лицом к лицу (стоять, встретиться и т. п.) – 1 в непосредственной близости, один против другого 2 непосредственно перед чем-либо

Смотреть (или глядеть) в лицо – не бояться чего-либо, быть мужественным

Перед лицом – 1 непосредственно перед кем-либо 2 непосредственно перед наступлением чего-либо

Смотреть смерти в лицо

Смотреть правде в лицо

Бросать в лицо

3. В русском языке выделяется большая группа фразеологизмов, описывающих лицо под влиянием каких-либо эмоций или физического состояния.

Лица нет – о бледности, исказившихся чертах чье-либо лица

Меняться в лице – о быстрой смене выражения лица под влиянием каких-либо чувств, переживаний и т. п.

Измениться (или перемениться) в лице – приобрести другой вид {побледнеть, похудеть и т. п.} или приобрести другое выражение под влиянием болезни, переживаний

С каким лицом явиться (или показаться) – о смущении, стыде после какого-либо неучтывого поступка, оскорбления и т. п.

Ни кровинки в лице нет

Кровинки в лице не осталось

Сойти с лица

С каменным лицом

Кровь бросилась в лицо

В поте лица своего

Вытянутое лицо

Помятое лицо

С честным лицом

Кислое выражение лица

С недовольным лицом

4. В русской культуре также важно человеку сохранять свое достоинство. Однако нам удалось найти всего четыре фразеологизма о лице, в которых выражена эта идея.

Лицом в грязь не ударить

Терять своё лицо

Лицом в салат

Плевков в лицо

5. В русском языке имеются фразеологизмы, описывающие разные типы лица.

На одно лицо – очень похожи

Кукольное личико[1].

6. Кроме того, в русском языке есть выражения со словом «рожа» и «рыло», также описывающие различные типы личностей и выражений лица.

Протокольная рожка

Разбойничья рожка

Рожка просит кирпича

Строить рожки

Рылом не вышел

Первое лицо чего-то

Звериное лицо

Умер с улыбкой на лице

[14].

В современных русских анекдотах также отражен понятийный, образный и ценностный аспект концепта «лицо».

Лицо противопоставлено задней части тела человека.

– *Доктор, доктор!!! Помогите!!! Что со мной? – Успокойтесь, у вас обычный геморрой. – Как, геморрой на лице? – Хм... лицо, говорите...хм*

Два мужика стоят на пригорке и ждут третьего: – Смотри, по моему это Петрович!? – Хм... не знаю... Мнимый Петрович разворачивается. – Не, не он. – Блин, а когда со спины смотришь, так лицо похоже.

Ценностная составляющая концепта «лицо» особенно ярко представлена в анекдотах.

1. Женщины очень заботятся о красоте лица.

– *Доктор, я хочу, чтобы не было видно моих морщин. – Хорошо, мы сделаем вам подтяжку лица. Это будет стоить пять тысяч долларов. – У меня не таких денег. Можно подешевле? – Хорошо, мы уберем основные морщины за три тысячи долларов. – Доктор, а можно еще дешевле? – Мадам, дешевле – только вуаль!*

2. Трудно говорить правду в лицо.

– *В Интернете все храбрые. А ты бы смог повторить все это, глядя мне в лицо? – Легко! Высылай фото.*

3. Если у человека умное лицо, это не значит, что он действительно умный.

Если вам срочно надо сделать умное лицо, попытайтесь умножить в уме 385 на 294.

4. Иногда очень трудно отличить лица людей.

Пришел к чукчам фотограф. Всех сфоткал, разглядывает фотки, а они все лицами похожи. Он и сделал все фото с одного негатива. Раздал фотки. Один чукча смотрит и говорит: «Лицо моя, а одежда нет».

5. Самое неприятное, получать удар в лицо, но некоторые люди этого заслуживают.

Идет старушка и по улице и видит – несколько человек бьют морду одному, решила заступиться: – Что же вы делаете, живому человеку кулаками по лицу колотите. – Уйди, бабка, мы спамера поймали! – Так что же вы его руками–то? Ногами надо, ногами!

6. На Новый год пьяные люди спят лицом в салате.

Почему вы на Новый год заправляете салат "Оливье" детским кремом? – У гостей от майонеза лицо щиплет.

7. Алкоголь делает лица некрасивыми.

Мужик с похмелья подходит к зеркалу, смотрит на свое заплывшее помятое лицо и про себя так: – И как тут не пить?

– Здорово! А чего это у тебя такое лицо опухшее? – А это мы вчера всю ночь со злом боролись... – Победили? – Нет, еще осталось, будешь?

8. У некоторых людей лицо похоже на кирпич.

Комментарий к фотографии на фоне Кремлёвской стены: – У меня лицо с кирпичами сливается...

9. Алкоголь и вкусная еда делают лицо человека очень довольным.

Роспотребнадзор нашёл в американских винах опасные вещества, которые в сочетании с сыром способны вызвать у россиян нетипично довольное лицо.

10. Долгое «сидение в интернете» делает лицо человека некрасивым.

Выходя, наконец, из интернета вы похожи на российский флаг: лицо белое, глаза красные, задница синяя...

11. Когда человек ест лимон, его выражение лица некрасивое.

Что с лицом? Лимон съел? – Хуже. Тебя увидел.

12. Утром в общественном транспорте у всех людей унылое выражение лица.

Обожая людей в автобусах, сидящих с лицом "сейчас или усну, или умру, я еще не решил" [2].

Праздничные тосты также отражают ценности культуры. Нами были выявлены наиболее частые пожелания за праздничным столом: чтобы улыбка не сходила с лица, чтобы лица светились счастьем и радостью, чтобы лицо было красивым, даже несмотря на возраст.

В этот день 8 Марта

Мы желаем Вам добра,

И цветов охапку,

*И весеннего тепла.
Много радости, здоровья,
Быть красивою всегда,
Чтоб счастливая улыбка
Не сходила с лица!
Желаем быть в жизни цепкой,
Желаем быть здоровьем крепкой,
Лицом красивой, судьбой счастливой.
С днем рождения тебя, дорогая! Желаю, чтобы твои прекрасные глаза
всегда излучали радость сердца и души, а на лице повседневно сияла
счастливая улыбка. Пускай теплота и любовь близких людей окутывают и
согревают тебя даже в самый морозный день, а жизнь будет вечным
праздником, полным приятных сюрпризов!
Твоя «тридцаточка» настала,
А ты, как роза, хороша.
Лицом еще прекрасней стала,
И очень юная душа. Ты в свой тридцатый юбилей,
Не старше стала, а милей [13].*

В афоризмах и цитатах представлены следующие элементы ценностной составляющей концепта «лицо»:

1. Лицо отражает жизненный опыт и душу человека.

Мужчина должен одеваться так, чтобы ничто не отвлекло внимания от его лица. Но для этого нужно это лицо нажить, наработать. (Л. Десятников).

2. Красота лица не важна, а важна красота души.

Красота заключается не в отдельных чертах и линиях, а в общем выражении лица, в том жизненном смысле, который в нем заключается (Н. Добролюбов).

3. Важно сохранять лицо.

Ты же слабая, сводит икры ведь, в сердце острое сверлецо; сколько можно терять, проигрывать и пытаться держать лицо. (В. Полозкова).

4. Часто люди носят маски.

Вообще выражение лица его менялось мгновенно, внезапно до странности, как будто снимались и надевались маски. «Множество масок, но нет лица», – сказал о нём кто-то (Д. С. Мережковский).

5. Получать удар в лицо очень больно и обидно.

Игра была нормальная, дружественная, немножечко пострадал капитанкоманды (футбольной), но это был дружеский удар ногой по лицу (Ю. Лужков).

6. Счастье заключается в видении любимых лиц.

Счастье – это когда ты просыпаешься и видишь живое любимое лицо, а не красивую люстру на потолке (Т. Веденеева).

7. Когда человек представляет лимон, его лицо становится некрасивым.

Когда произносишь «лимон», делаешь поневоле длинное лицо, а когда говоришь «апельсин», – широко улыбаешься (В. Набоков).

8. Если человек имеет умное лицо, это еще не значит, что он действительно умный.

Лицо нередко отличается от головы умением изобразить мыслительный процесс (Г. Е. Малкин) [3].

Анализ показал, что в русском языке понятийная составляющая концепта «лицо» представлена в основном такими значениями, как передняя часть головы человека, которая противопоставляется задней части, спине и ягодицам. Также языковые средства указывают на одновременную связь и противопоставление лица как внешней характеристики человека и души как его внутренней сущности. Лицо определяется как физическая идентификация человека, индивидуальность и уникальность, как отображение психической и моральной сущности его обладателя.

Образная составляющая концепта «лицо» представлена таким значением, как «наружная (передняя, верхняя) сторона», которая выставлена на всеобщее обозрение, которую люди замечают в первую очередь.

Ценностная составляющая концепта «лицо» в русской лингвокультуре представлена следующими значениями.

Красота лица или его некрасивость очень значимы для человека и социума. В русском фольклоре существуют языковые средства, описывающие красивое лицо. Но имеется гораздо больше языковых средств, описывающих некрасивое лицо.

Красота лица определяется красотой души. Красивое лицо противопоставляется плохому характеру, отсутствию ума и плохим делам человека. Народная мудрость учит тому, что не надо оценивать человека по его лицу. Люди не обязательно любят тех, кто лицом красив.

Современные паремиологические средства значительно расширили ценностную составляющую концепта «лицо» и внесли в нее новые значения:

1. Самое неприятное и обидное, это получать удар в лицо. Если люди делают плохие вещи, они заслуживают удар в лицо.

2. Лицо отражает жизненный опыт и душу человека. Поэтому не надо бояться морщин на лице.

3. Любовь приносит улыбку на лицо. Всегда приятно видеть счастливые улыбающиеся лица, особенно лица любимых людей. Наиболее частые пожелания за праздничным столом русских людей таковы: чтобы улыбка не сходила с лица, чтобы лица светились счастьем и радостью, чтобы лицо было красивым, даже несмотря на возраст. Но утром в общественном транспорте невозможно увидеть счастливые лица, так как люди едут на работу, а работа не приносит радости.

4. По лицу нельзя понять, каков человек. Но по выражению лица человека можно понять, какие чувства он испытывает. Люди надевают маски на лица. Умное выражение лица еще не значит, что человек действительно умен. Иногда он просто «делает» умное лицо.

5. Не надо показывать всем людям свои истинные чувства. Важно в любой ситуации сохранять улыбку на лице. Однако, двуличие осуждается. Человек может иметь разные качества в одном лице. Говорить правду в лицо трудно, для этого надо иметь смелость.

6. Надо стараться не ударить в грязь лицом. Однако некоторые люди пренебрегают этим правилом. На Новый год пьяные люди спят за праздничным столом «лицом в салате». Алкоголь делает лица некрасивыми, помятыми, синими.

7. Долгое сидение в интернете также делает лицо человека некрасивым. Когда человек ест лимон, его выражение лица «кислое». Однако в русской лингвокультуре имеются анекдоты о том, что алкоголь и вкусная еда делают лицо человека очень довольным.

8. Для девушки красота важна, но поведение более значимо. Люди, особенно женщины, стремятся иметь красивое лицо, так как они думают, что будут более востребованы обществом. Женщины любят проводить различные манипуляции с лицом для того, чтобы выглядеть красивее.

Как показал проведенный анализ концепта «лицо», в современной русской культуре сохранено религиозное представление о единстве души и тела человека. Об этом свидетельствует тот факт, что этимологически слово «лицо» восходит к слову «лик» - изображение святого на иконе. Душевная красота отражается на лице человека. Однако современной культурой были привнесены новые смыслы в понимание этого единства.

В современном мире не все люди понимают эту связь между красотой души и тела, и иногда люди пытаются придать внешнюю красоту лицу, не заботясь о красоте душевной.

В современной русской лингвокультуре имеется много языковых средств, описывающих удар в лицо. Получить удар в лицо очень больно и неприятно. Удар в лицо равносильен душевному краху.

В русской лингвокультуре считается, что нужно сохранять лицо, так как это основной показатель сущности человека. Люди научились защищать свою душу, надевая «маски» на лицо, сохраняя улыбку на лице в трудные или неприятные моменты. Однако под влиянием алкоголя очень легко потерять лицо.

Литература

1. Znaniya.com [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://znaniya.com/task/3050768#readmore>
2. Анекдотыпролица. Миранекдоты [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.anekdotovmir.ru/anekdoty-pro/anekdoty-prolyudej/anekdoty-pro-lica/samyeshmeshnye-anekdoty-pro-lica/>

3. Афоризмы про лица [Электронный ресурс]. - Режим доступа: © <https://aphorizmy.ru/pro-lica/page/9/>
4. Гучепшокова С. А. Архетипический концепт "лицо/честь/совесть": когнитивный и лингвокультурный аспекты: на материале русского, адыгского, английского и французского языков: дис. ... канд. Филол. наук: 10.02.19. / С. А. Гучепшокова - Краснодар, 2011. - 174 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В. И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2002. – 480 с.
6. Пословицы и поговорки про лицо человека [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.folklor.ru/2016/04/posloviy-pogovorki-lico.html>.
7. Словарь антонимов русского языка [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gufo.me/dict/opposite>
8. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gufo.me/dict/synonyms>
9. Словарь русского языка: 70000 слов / С. И. Ожегов; Под ред. Н. Ю. Шведовой; АН СССР, Ин-т рус. яз. - 23-е изд., испр. - М.: Рус. яз., 1991. – 915 с.
10. Статусы про лица [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://statusy.ru/pro-lica/page/11/>
11. Толковый словарь Даля [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal>
12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
13. Тосты про лица [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://tostza.ru/tosty/t/lico>
14. Фразеологизмы с лицом [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://burido.ru/409-frazeologizmy-pro-lico>
15. Фразы про лица [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://frazy.ru/pro-lica/>.
16. Чапаева, М. В. Феномен лица в русской культуре конца XIX - начала XX веков: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М. В. Чапаева - Екатеринбург, 2012. - 154 с.
17. Этимологический словарь русского языка. /М. Р. Фасмер– М.: Прогресс, 1964–1973.

References

1. Znaniya.com [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://znaniya.com/task/3050768#readmore>
2. Anekdoty pro lica. Mir anekdotov [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://www.anekdotovmir.ru/anekdoty-pro/anekdoty-pro-lyudej/anekdoty-pro-lica/samye-smeshnye-anekdoty-pro-lica/>
3. Aforizmy pro lica [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: © <https://aphorizmy.ru/pro-lica/page/9/>
4. Guchepshokova S. A. Arhetipicheskij koncept "lico/chest'/sovest'": kognitivnyj lingvokul'turnyj aspekt: namaterialerusskogo, adygsckogo, anglijskogo i francuzskogoyazykov: dis. ... kand. Filol. nauk: 10.02.19. / S. A. Guchepshokova - Krasnodar, 2011. - 174 s.
5. Karasik V. I. YAzykovojkруг: lichnost', koncepty, diskurs. / V. I. Karasik – Volgograd: Peremena, 2002. – 480 s.
6. Posloviy i pogovorki pro lico cheloveka [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://www.folklor.ru/2016/04/posloviy-pogovorki-lico.html>.
7. Slovar' antonimov russkogoyazyka [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://gufo.me/dict/opposite>
8. Slovar' sinonimov [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <https://gufo.me/dict/synonyms>
9. Slovar' russkogoyazyka: 70000 slov / S. I. Ozhegov; Pod red. N. YU. SHvedovoj; AN SSSR, In-t rus. yaz. - 23-e izd., ispr. - M.: Rus. yaz., 1991. – 915 s.

10. Statusy pro lica [Elektronnyjresurs]. - Rezhimdostupa: <https://statusy.ru/pro-lica/page/11/>
11. Tolkovyjslovar' Dalya [Elektronnyjresurs]. - Rezhimdostupa: <https://gufo.me/dict/dal>
12. Tolkovyjslovar' russkogoyazyka / Pod red. D.N. Ushakova. – M.: Al'ta-Print, 2005. – 1216 s.
13. Tosty pro lico [Elektronnyjresurs]. - Rezhimdostupa: <http://tostza.ru/tosty/t/lico>
14. Frazeologizmy s lico [Elektronnyjresurs]. - Rezhimdostupa: <http://burido.ru/409-frazeologizmy-pro-litso>
15. Frazy pro lica [Elektronnyjresurs]. - Rezhimdostupa: <https://frazy.ru/pro-lica/>.
16. Chapaeva, M. V. Fenomenlica v russkojkul'turekonca XIX - nachala XX vekov: dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.01. M. V. Chapaeva - Ekaterinburg, 2012. - 154 s.
17. Etimologicheskij slovar' russkogoyazyka. /M. R. Fasmer – M.: Progress, 1964–1973.

УДК 81`27

О.В. Тиунова

Санкт-Петербург, Россия

СИМВОЛИЗМ КОНЦЕПТОВ ДОМ И ДЕТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются примеры воплощения сращенных символов дома и детей. Изучению подвергаются мифопоэтические воззрения русского народа на детство и место детей в доме. Анализ языкового материала состоит в разборе разных культурных смыслов, связанных с детьми и домом. Исследование учитывает следующие факторы: 1) культурно-специфические характеристики городского дома: детская; 2) их комбинирование, в результате чего образуются сложные культурные смыслы; 3) символизм отчего (родительского) дома 'крова.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, символ, когнитивный признак.

Сведения об авторе: Тиунова Ольга Вячеславовна, профессор кафедры иностранных языков.

Место работы: Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва.

Контактная информация: наб. Макарова, 8, Санкт-Петербург, 199034.
e-mail: otiunova66@gmail.com.

O.V. Tiunova

Saint-Petersburg, Russia

SYMBOLISM OF ДОМ (HOUSE) AND ДЕТИ (CHILDREN) CONCEPTS IN RUSSIAN LINGUOCULTURE

Abstract. This study examines examples of the implementation of the combined characteristics of house and children. The mythopoetic views of the Russian people on childhood and the place of children in the house are studied. The analysis of linguistic material consists in the investigation of various cultural meanings associated with children and home. The study takes into account the following factors: 1) culturally-specific characteristics of the house: nursery; 2) their combination, as a result of which complex cultural meanings are formed; 3) the symbolism of the (parent) home.

Key words:

linguoculturology, linguistic picture of the world, concept, symbol, cognitive signs.

About the author: Tiunova Olga Vyacheslavovna, Professor of the Department of Foreign Languages..

Place of employment: Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulyov.

Статья посвящена рассмотрению символики двух ключевых концептов русской лингвокультуры: *дом* и *дети*. Символика в русском языковом сознании связывает неразрывно эти два концепта. Концепт *дом* в разных

аспектах рассматривался в работах У.А. Басовой, Г. Гачева, М.В. Пименовой, О.В. Тиуновой и других исследователей [2; 10].

Термин *концепт*, прочно утвердившийся в современной лингвистике, носит в большей степени лингвокультурологический и коммуникативный характер. Д.С. Лихачёв в статье «Концептосфера русского языка» определяет концепт как результат соединения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Концепты, считает Д.С. Лихачёв, возникают в сознании как отклик на языковой опыт в целом [9, с. 3-9]. Концепты, по мнению Н.Д. Арутюновой, возникают в «...результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [1, с. 10].

В статье рабочим является следующее определение основного термина: *концепт* – это «означенный в языке национальный образ, идея, символ. Концепт имеет сложную структуру представления, реализуемую различными языковыми средствами. Концептуальное значение выражается в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц. Информация о познаваемом объекте (фрагменте мира) может быть получена различными способами восприятия (при помощи зрения, слуха, обоняния, осязания и т.д.). Информация о познаваемом объекте (фрагменте мира) может выражаться в виде вторичной категоризации, что составляет обычно бóльшую часть структуры концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира» [10, с. 6].

Структуру концепта в лингвистических исследованиях представляют в виде поля (А. Вежбицкая), компонентов (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), совокупности слоев (В.А. Маслова), уровней (Ю.С. Степанов). В данной статье принимается мнение, что «в структуре концепта заключаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [10, с. 6]. Структура концепта формируется мотивирующими, образными, понятийными, категориальными и другими признаками [Там же].

В структуры большинства концептов входят символические признаки. *Символические* признаки, по словам М.В. Пименовой, выражают «сложные мифологические, религиозные или иные культурные понятия, закреплённые за словом – репрезентантом концепта. Понятие есть часть концепта; понятийные признаки входят в структуру концепта. Процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны и взаимопереплетены между собой. Эти процессы помогают нам вычленить некий объект – реально или виртуально существующий – из общего фона подобных объектов, наделить его общими с другими и присущими только ему одному признаками» [10, с. 17]. «Символическими называются такие признаки, ко-

торые восходят к существующему или утраченному мифу и могут восприниматься в виде метафоры, аллегории или культурного знака» [10, с. 431].

Профессор В.И. Карасик противопоставляет три типа культурных концептов: *этнокультурные, социокультурные* и *индивидуальные* концепты. Концепты *дом* и *дети* относятся к разрядам этнокультурных и социальных [4, с. 118]. Рассмотрим символику дома и детей в доме в русской лингвокультуре.

Дом считается местом постоянного проживания, дети – символ продолжения рода, молодая часть семьи. Все характеристики указанных концептов выражают особенности ментальности русского народа. «Ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [6, с. 14-15]. Род, семья, обжитое пространство – важные отправные пункты для создания когнитивных признаков изучаемых концептов.

Ассоциативно-образную основу народной концептуализации мира, являющейся способом ее освоения, формируют архетипы. Архетипы, как первичные эмоциональные образы, живущие в нашем языковом сознании, создают языковую картину мира. Языковая картина мира, продукт распрямления действительности, суть иерархически ценностно выстроенная вербализованная понятийная система, базирующаяся на человеческих представлениях о мире [8, с. 23]. Концепты культуры включают в себя понятийную и образную составляющие (см.: [5, с. 30-35]). Апогеем развития понятийных и образных признаков являются признаки символические.

Детство в современной лингвокультуре стереотипно воспринимается как беззаботность и состояние счастья (*Нежный человек, полубольной от хронического недоедания, изнуренный упорными поисками прочной истины, он не знал никаких радостей, кроме чтения книг, и когда ему казалось, что он примирил противоречия двух сильных умов, его милые, темные глаза детски счастливо улыбались*. Горький. Мои университеты). Такое состояние связано с постоянными открытиями в окружающем мире (*Как мало в этой жизни надо Нам, детям, – и тебе и мне. Ведь сердце радоваться радо И самой малой новизне*. Блок. Ты помнишь? В нашей бухте сонной...).

Детские годы – это целая эпоха в жизни человека. Каждый из нас вспоминает эту пору как одну из самых счастливых (*Я сам не рад болтливости своей, Но детских лет люблю воспоминанье*. Пушкин. Сон). Эпитеты детства: *далёкое, ранее* (- *Где-то – за пределами действительного и когда-то в раннем детстве, я испытал некий сильный взрыв души, сла-*

достный трепет ощущения – вернее предчувствие – гармонии, пережил радость, светлейшую солнца на утре, на восходе его. Горький. О первой любви).

Семья тогда становится настоящей семьей, когда в ней рождаются дети (*Вот долдоним: дети – счастье, дети – радость, дети – свет в окошке!* Астафьев. Царь-рыба). Понимание и уверенность друг в друге – важные основы семьи (*Тогда супруг жене был верен, Сестру любил всем сердцем брат, Родитель в детях был уверен, И ближний ближнему был рад. Долгорукий. В последнем вкусе человек).*

Дети малые – устойчивое выражение, символизирующее в русской лингвокультуре наивность, инфантильность, игривость, баловство, несерьезность. Малым детям спускается с рук то, что не позволено делать взрослым (*Хорошо бы всю жизнь сидеть здесь на скамье и сквозь стволы берез смотреть, как внизу под горой клочьями бродит вечерний туман, как далеко-далеко над лесом черным облаком, похожим на вуаль, летят на ночлег грачи, как два послушника – один верхом на пегой лошади, другой пешком – гонят лошадей на ночное и, обрадовавшись свободе, шалят, как малые дети; их молодые голоса звонко раздаются в неподвижном воздухе, и можно разобрать каждое слово. Чехов. Княгиня).*

Русский дом – его составные части, локусы в доме относятся к архаическому слою когнитивных признаков исследуемых концептов. Под «*архаичными понятийными*» понимаются признаки концептов, зафиксированные в исторических и историко-этимологических словарях конкретных языков, но не отмеченные в словарях современных языков, а также признаки, диктуемые языковым материалом, но не зафиксированные в словарях соответствующих периодов. Архаичные признаки выражают наивные, обыденные представления народа на мир, которые не утрачены языком, но уже не осознаются носителями современного языка. Архаичные признаки возможны только у тех концептов, история репрезентантов которых достаточно древняя» [10, с. 358]. К архаичным признакам дома можно отнести восприятие мира – как внешнего, так и внутреннего – как обжитого пространства (*Грустя и радуясь звезде, спадающей тебе на брови, Ты сердце выпеснил избе, Но в сердце дома не построил. Есенин. Теперь любовь моя не та...).*

Русская лингвокультура патриархальна. Для детей дом, где они выросли – *отчий* (*И вновь вернусь я в отчий дом, Чужою радостью утешусь... Есенин. Устал я жить в родном краю...), родительский* (*Всякий и подумал, что ты рада родительский дом оставить. Чехов. Перед свадьбой*). Утрата родителей приводила к утрате отчего дома (*Святая ночь на небосклон взошла, И день отрадный, день любезный, как золотой покров, она свила, Покров, накинутый над бездной. И, как виденье, внешний мир ушел... И человек, как сирота бездомный, Стоит теперь и немощен и гол,*

*Лицом к лицу пред пропастью темной. Тютчев. Святая ночь на небосклон
взошла...).*

*Дом называют кровом. Кров и кровь – однокоренные слова. Дети, как
молодая поросль, вырастают под родительским кровом. Такая вегетативная
метафора до сих пор актуальна для русского языка.*

*Дети под родительским кровом символизируют уют в доме, семей-
ные узы – привязанность (А потом я слышу, как хозяйские дети, брат и
сестра, моют ноги в тазу. И это опять означает что-то большее, чем
боязнь испачкать постель, может быть, означает извечное возвращение
детей под **родительский кров**... А потом я слышу, как они возятся на ку-
шетке, дерутся, и я чувствую в самой этой щенячьей возне какую-то
необходимость, тайный уют, словно это им так нужно – рвануться в
**разные стороны, чтобы больней и слаще почувствовать потом общую
привязь родства.** Искандер. Путь из варяг в греки). Родительский кров
символизирует и достаток, и сытость, и покой, и укрытие (Но всякому, чи-
тавшему повести в журнале «Семья и школа», хорошо известно, что вы-
дающимся людям приходилось в молодости упорно бороться с родителя-
ми за право отдаться своему призванию, часто им даже приходилось по-
кидать родительский кров и голодать. Вересаев. Воспоминания).*

*Дети, которым не удалось достичь поставленных целей в жизни, воз-
вращаются под отчий кров. И такое возвращение напоминает библейскую
притчу о блудном сыне (Первая притча говорит о непослушном сыне. Сын
этот покинул своего отца, долго скитался и все же вернулся домой под
родительский кров. Нечего и говорить о ваших товарищах, которые и
вовсе не искушены в жизненных невзгодах и оставили тайно дом свой, –
нечего и говорить, что плохо придется им на их гибельном пути. И еще
раз убеждаю вас: если кто знает, где они, пусть напишет им, дабы не
убоялись они вернуться, пока есть время, под родительский кров. И
помните, в притче, когда вернулся **блудный сын**, то отец по доброте сво-
ей не стал попрекать его, а одел в лучшие одежды и велел зарезать упи-
танного тельца, как для праздника. Так и родители этих двух заблудившихся
юношей простят им все и примут их с распростертыми объятиями. Гай-
дар. Школа).*

*Присутствие детей в доме озаряет его светом радости. Если в доме
остаются одни старики, дом темнеет, из него уходит внутренний свет. Та-
кими же символами описывается болезнь ([Председатель:] **Дома У нас пе-
чальны** – юность любит радость. Пушкин. Пир во время чумы). Дети –
это и будущее семьи, и её надежды (ср.: *Гадает старость сквозь очки У
гробовой своей доски, Всё потеряв невозвратно; И всё равно: надежда
им Лжет детским лепетом своим.* Пушкин. Евгений Онегин).*

*В городском доме появляется особое пространство в доме: **детская.**
Такого пространства в сельском доме у русских не было. Детей в XX веке
стало рождаться меньше. В России после двух мировых войн каждый че-*

ловек становится ценным. У М.И. Цветаевой в стихотворении «Детская» встречаем: *Наша встреча была – в полумраке беседа Полувзрослого с полудетьми. Хлопья снега за окнами, песни метели... Мы из **детской** уйти не хотели, Вместо сказки не жаждали бреда... Если можешь – пойми!* У взрослых детская вызывает слёзы умиления и воспоминания ([Любовь Андреевна (радостно, сквозь слезы):] *Детская!* Чехов. Вишнёвый сад).

Таким образом, символика дома и детей в доме включает в себе следующие лингвокультурные смыслы: 1. Дети – неотъемлемый и важный атрибут семьи. 2. Дети – свет и радость в доме. 3. Родительский кров – это и надёжное укрытие для детей, и символ достатка и сытости. 4. Городской дом отличает от сельского дома наличие детской: дети в городской культуре получают собственное огороженное пространство в родительском доме, тогда как в сельском доме детям отводится для игр и занятий двор.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Басова У.А., Тиунова О.В. Символы и фольклорная картина мира: аист на крыше и аист с младенцем // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2018, № 2. – С. 131-133.
3. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М.: «Прогресс»–«Культура», 1995. – 480 с.
4. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – 1992. – № 3. – С. 30-35.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – 390 с.
6. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. – Сер. 2. – Вып. 3. – 1992, №16. – С. 30-40.
7. Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск: ПГУ, 1995. – С.13-24.
8. Красавский Н.А. Русская и немецкая концептосферы // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград, 1994. – С. 53-60.
9. Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – 2001. – 38 с.
10. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3-9.
11. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
12. Тиунова О.В., Пименова М.В. Мифопоэтическое восприятие народа: дом и его обитатели в русской лингвокультуре // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. – Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. – 600 с. – С. 165-171.

References

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. – M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. – 896 s.

2. Basova U.A., Tiunova O.V. Simvol'y i fol'klornaya kartina mira: aist na kryshe i aist s mladencem // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018, № 2. – S. 131-133.
3. Gachev G. Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos. – M.: «Progress»–«Kul'tura», 1995. – 480 s.
4. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd, 2002. – 390 s.
5. Kolesov V.V. Koncept kul'tury: obraz – ponyatie – simvol // Vestnik SPbGU. – Ser.2. – Vyp. 3. – 1992, №16. – S. 30-40.
6. Kolesov V.V. Mental'nye harakteristiki russkogo slova v yazyke i v filosofskoj intuicii // Yazyk i etnicheskij mentalitet. – Petrozavodsk: PGU, 1995. – S.13-24.
7. Krasavskij N.A. Russkaya i nemeckaya konceptosfery // Yazykovaya lichnost': problemy lingvokul'turologii i funkcional'noj semantiki: Sb. nauch. tr. – Volgograd, 1994. – S. 53-60.
8. Krasavskij N.A. Dinamika emocional'nyh konceptov v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – 2001. – 38 s.
9. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo yazyka // Izvestiya Rossijskoj Akademii nauk. Ser. lit. i yaz. – M., 1993. – T. 52, № 1. – S. 3-9.
10. Pimenova M.V. Koncept serdce: obraz, ponyatie, simvol. – Kemerovo: KemGU, 2007. – 500 s. (Seriya «Konceptual'nye issledovaniya». Vyp. 9).
11. Tiunova O.V., Pimenova M.V. Mifopoeticheskoe vospriyatие naroda: dom i ego obitateli v russkoj lingvokul'ture // Mif v istorii, politike, kul'ture [Elektronnyj resurs]: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2018 goda, g. Sevastopol') / Pod red. O.A. Gabrielyana, A.V. Stavickogo, V.V. Napaeva, S.V. Yurchenko. – Sevastopol': Filial MGU im. M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2018. – 600 s. – S. 165-171.

УДК 81'27

Тун Даньдань
Санкт-Петербург, Россия
**ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КИ-
ТАЙСКОГО ЯЗЫКА**

***Аннотация.** В данной работе рассматривается система лексики китайского языка, в том числе структура слова, тип слова, правило составления слова, и выявляются особенности типов слова для того, чтобы помочь русским студентам эффективно овладеть китайским языком.*

***Ключевые слова:** система лексики китайского языка, семантика, слово, слог.*

***Сведения об авторе:** Тун Даньдань, аспирант, культурология, кафедры русской философии и культуры института философии Санкт-Петербургского государственного университета.*

***Контактная информация:** Университетская наб., д. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия, e-mail: tun-fengdan@yandex.ru*

Tong Dandan
St. Petersburg, Russia
**LEXICAL SYSTEM OF THE
CHINESE LANGUAGE**

***Abstract.** This paper examines the system of vocabulary of the Chinese language, including the structure of the word, the type of the word, the rule of making the word, and identifies the peculiarity of the types of the word to help the Russians students to effectively master the Chinese language.*

***Key words:** Chinese vocabulary system, semanteme, word, syllable.*

***About the author:** Tong Dandan, graduate student, cultural studies, Department of Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy of St. Petersburg State University.*

Данная статья посвящена системе лексики китайского языка, результат исследования можно представить студентам, изучающим китайский

язык, чтобы улучшить уровень китайского языка, а так же русским исследователям. В качестве методов были использованы структурно-семантический анализ и наблюдение.

Семантема – это наименьшая единица языка со звуком и со значением в лексике китайского языка. Ее можно разделить на два типа, которые выражают значения предметов и явлений, это называется «значения лексики». Если выражаются только функции грамматики, то это называется «значения грамматики». Например, 书 означает книгу и является одной семантемой, тип звука определяем как “shū”, часть речи является именем существительным. 马虎 (по рус. невнимательность) тоже является одной семантемой, тип звука определяем как “mǎhu”, часть речи является именем прилагательным. 吗- тип звука определяем как “ma”, выражается вопросительная интонация. Таким образом, не только с помощью лексики выражаются значения, но и с помощью грамматики, это называется Шийюйсу (по кит. 实语素). Построение фразы только с помощью грамматических свойств называется Сюйюйсу (по кит. 虚语素). Большинство семантем в современном китайском языке являются простыми. Например: 天– небо, 地– земля, 河– река, 土– почва, 吗– интонация вопросительная, 啥– чём (что) и др. Кроме того, семантема может быть двусоставной. Например: 踌躇– нерешительный, 荒唐– абсурдный, 牢骚– ворчать, 参差– неровный, 尼龙– Ни Лун, 维纶– Вей Лунь и др. Встречаются примеры трехсоставных или более сложных семантем. Например: 法西斯– Фашисты, 海洛因– Героин, 迪斯科– Диско, 巧克力– Шоколад, 哈尔滨– Харбин, 乌鲁木齐– Урумчи, 奥林匹克– Олимпиада, 叶卡捷琳堡– Екатеринбург и др. Некоторая часть двусоставных семантем является заимствованной, а трехсоставные или более семантемы - все иноязычные [1, с. 176-189].

Семантема может стать частью разных слов. Например: 蜡烛 (по рус. свеча), 蜡和烛 может совмещаться с другими семантемами. 蜡: 蜡烛 (свеча), 蜡人 (восковая фигура человека), 蜡纸 (восковая бумага), 蜡染 (сделана из воска). 烛: 蜡烛 (свеча), 花烛 (свадебные свечи), 香烛 (свеча фимиама), 火烛 (огнеопасные предметы).

Следовательно, 蜡和烛, это все самостоятельные семантемы. Но нужно обратить внимание на то, что они могут заменяться другими. Например: 蝴蝶, из них 碟 может ставиться с такими словами, как 粉蝶 (репница), 彩蝶 (разноцветная бабочка) и др. А другое слово 蝴 не может образовывать новые слова. Поэтому 蝴蝶 является одной целой семантемой. По другой группе 粉蝶, 彩蝶, из которых 碟 тоже является отдельной семантемой, поэтому 粉蝶 и 彩蝶 все состоят из двусоставных семантем [2, с. 89-95].

Семантемы бывают разных типов. Например, 1) Фразеологические семантемы, которые могут являться самостоятельными словами, как

например: 地(земля), 牛 (бык), 走 (идти), 跑 (бег), 远(далеко), 重 (тяжёлый), 我 (я), 你 (ты), 谁(кто), 不 (нет), 又(снова), 葡萄(виноград), 橄榄 (оливка).

(2) Нефразеологические семантемы, которые не могут самостоятельно образовать слово, их необходимо составлять с другой семантемой, чтобы образовать слово со всей полнотой смысла. Нефразеологические семантемы могут делиться на два вида: первый вид может определять смысл слова полностью или частично, их место в словах обычно произвольное. Например, 民 (обозначает народ, здесь может выражаться полностью мысль слова), 语 (это можно составить только с другой семантемой, чтобы определить полностью смысл слова, например 语文– филология, 语言– лингвистика). Второй вид работает только функцией дополнения. Их место в словах обычно определённое, называется аффиксом. Например, 家 (姑娘家, 孩子家), 儿 (花儿, 鱼儿), 化 (绿化, 现代化) [3, с. 12-20].

Слово состоит из семантем. Слово и семантема являются единицами лексики и единицами грамматики. Слово – это наименьшая единица языка со смыслом и звучанием, которая может независимо использоваться.

Слово и семантема выражаются в письменности иероглифами. Иероглиф является единицей письменности китайского языка. В китайском языке одна семантема равна одному иероглифу. Но бывают исключения. Например, 仿佛 (как будто), 莫斯科 (Москва) являются одной семантемой, однако здесь нужно два или три иероглифа, потому что в китайском языке один иероглиф соответствует только одному слогу.

Между словами, семантемами и иероглифами имеется следующая связь:

Иероглиф	谁	喜	欢	巧	克	力	糖	7 иероглифов
Семантема	谁	喜	欢	巧克力			糖	5 семантем
Слово	谁	喜欢		巧克力糖				3 слова

На основе данной таблицы можно сделать вывод, что предложение 谁喜欢吃巧克力 (по рус. Кому нравится шоколад?) включает в себя 7 иероглифов, 5 семантем, из которых составлены 3 слова. Некоторый иероглиф соответствует только одной семантеме и одному слову, как один иероглиф 谁. Некоторые соответствуют двум семантемам и одному слову, как два иероглифа 喜欢. Еще четыре иероглифа соответствуют только двум

семантемам и одному слову, как 巧克力糖. А некоторые иероглифы не образуют ни слово, ни семантему, а только являются слогом, как 巧, 克, 力.

Поэтому можно сделать вывод, что семантема, иероглиф и слово не всегда соответствуют друг другу.

Структура в китайской лексике включает следующие разделы: простая и составная.

Простое слово включает в себя одну семантему, имеет следующие типы:

1. Ляньмяньцы, который из двух слогов составляет одну семантему, обозначает один смысл слова, имеет такие виды: Шуаншэнцы, Деюньцы и др [4].

(1) Шуаншэнцы, имеющий одинаковую согласную букву, которая состоит из двух слогов. Например: cēncī (参差), fāngfú (仿佛), zhī zhū (蜘蛛).

(2) Деюньцы, где два слога имеют одинаковую гласную букву. Например: lìzhī (蜘蛛), zhāngláng (蟑螂), duōsuo (哆嗦)

(3) Другие, которые имеют разные гласные и согласные буквы из двух слогов. Например, hú dié (蝴蝶), biānfú (蝙蝠), yuānyang (鸳鸯)

2. Деиньцы, где одна семантема состоит из двух слогов звуков. Например: xīngxing (猩猩), lǎolao (姥姥)

3. Заимствованные слова с переводом звука. Например:

葡萄 (виноград), 咖啡(кофе), 的士 (такси), 沙发 (диван), 尼龙(Нилун), 巧克力 (шоколад)

Сложное слово, имеющее много семантем, имеет следующие три типа: Фухэ ши, Пяньчжэнсин и Чжунбусин[5].

1. Фухэ ши состоит из двух или более разных корней слов, включающих в себя пять видов:

(1) Ляньхэсин состоит из двух корней слов, имеющих один, схожий, связанный смысл или обратный. Этот вид можно разделить на три группы: А. 关闭 (по рус. Выключить или выключать), по отдельности 关 обозначает выключать, 闭 - закрывать. 美好 (по рус. прекрасный), по отдельности 美 обозначает красивый, 好- хороший. В. 开关 (по рус. выключатель), если отдельно то, 开 обозначает открыть, а 关 - закрыть, 买卖 (по рус. бизнес), 买- купить или покупать, 卖- продавать. С. 质量 (по рус. качество), по отдельности 质 обозначает свойство или качество, 量- количество, 国家(по рус. страна), из них по отдельности 国 обозначает страну, 家- семья [6].

А группа, два корня слов, по смыслу друг на друга похожие и близкие.

В группа, два корня слов вместе образуют новое значение.

С группа, мы заметим, что смысл только одного корня работает в новом слове. А смысл другого корня слова исчезает.

(2) Пяньчжэнсин, где первый корень слова определяет следующий корень слов. Например:

А. 主流 (主: основной, 流: течение, 主流: основная тенденция)

雪花 (雪: снег, 花: цветы, 雪花: хлопья снега)

В. 笔直 (笔: ручка, 直: прямой, 笔直: прямой как ручка)

火红 (火: огонь, 红: красный, 火红: красный как огонь)

А группа является отношением определения плюс имя существительное или местоимение.

В группа является отношением обстоятельства плюс имени существования или местоимения.

(3) Чжунбусин, где первый корень слова дополняется и объясняется следующим корнем слова. Например: [7]

А. 缩小 (缩: сокращаться, 小: маленький, 缩小: уменьшать)

扩大 (扩: расширять, 大: большой, 扩大: расширение, увеличение)

В. 羊群 (по рус. Стадо овец), (羊-коза, 群-толпа)

马匹 (кони, лошади), (马-лошадь, 匹-штука)

А группа: первый корень слова обозначает поведение, следующий корень слова выражает дополнение и объяснение результата.

В группа: первый иероглиф обозначает предмет, следующий обозначает единицу этого предмета – счетное слово).

(4) Дунбиньсин (глагольно-объектная структура), где первый корень слова как поведение и движение, а следующий корень слова обозначает предмет, которым управляется первый корень слова. Например: [8]

失业 (失: терять, 业: работа, 失业: безработный)

投资 (投 как глагол, 资 как имя существительное, а вместе они обозначают слово инвестиции)

(5) Чжувэйсин (структура подлежащего и сказуемого), где первый корень слова обозначает указанный предмет, а следующий корень слова обозначает и объясняет первый корень слова. Например: [9]

雪崩 (雪: снег, 崩: развалиться, обрушиться, 雪崩: снежный обвал)

气喘 (气: дыша, воздух, 喘: дышать, 气喘: тяжело дышать)

2. Чундесин состоит из повторных семантем корней слов. Например: 姐姐 - старшая сестра, 哥哥 - старший брат, 弟弟 - младший брат, 仅仅 - только

3. Фуцзя ши состоит из корня и суффикса, имеет два вида:

А. Цяньцзя ши (приставка + корень), например: 老-老虎, 老乡. 第: 第一, 第五

В. Хоуцзя ши (корень + суффикс), например:

-子: 刀子, 瓶子, 板子, 滚子, 胖子, 瘦子

-头: 石头, 木头, 年头, 来头, 苦头, 甜头

Кроме того, некоторые слова, состоящие из корня + суффикса с двумя звуками, называются Деиньцы, и являются сложными словами. Например:

红通通(的), 绿油油(的), 干巴巴(的), 笑嘻嘻(的)

Из вышесказанного мы можем заметить, что многие семантемы могут самостоятельно быть словом в китайском языке. Они могут существовать отдельно. Простая семантема может формулировать слова, как 天(небо), 地(земля), 河(река), 人(человек), 海(море) и т.д. А также двухсложная семантема может формулировать слова, как 慷慨(щедрый), 蜘蛛(паук), 蜻蜓(стрекоза), 葫芦(горлянка), 蚯蚓(дождевой червь), 牡丹(пион древовидный) и т.д. Трёхсложная семантема или больше являются заимствованными, как 奥林匹克(олимпиада), 克瓦斯(квас), 特朗普(Трамп) и т.д.

Двухсложное слово имеет преимущество. Есть следующие причины: во-первых, односложное слово в древнем китайском языке имеет абсолютное преимущество. Например: 发, 军, 师, все простые слова. По развитию языка и общества постепенно появилась тенденция к использованию двухсложной семантемы. Старые односложные слова больше заменяются двухсложными словами. Например, 头发– волосы, раньше употреблялось как 发, 军队– армия, раньше употреблялось как 师– учитель, раньше употреблялось как 师. Во-вторых, в современном китайском языке многосложные слова обычно сокращают двухсложные слова. Как 电影明星 сокращает 影星 (звезда фильма), 家用电器- 家电 (домашняя техника). В-третьих, со времени развития появилось много новых созидательных слов. Эти слова больше являются двухсложными словами. Например, 网恋 (Интернет–знакомства), 招标 (торги), 基金 (фонды), 刷夜(не спать на ночь).

Можно комбинировать корни слов для формирования новых. В лексике китайского языка есть суффиксы. Приставки как: 老: 老头, 第: 第一, суффикс как: 子: 胖子, 瘦子. Но эти суффиксы в лексике китайского языка занимают лишь малую часть. И комбинированные слова имеют основные типы.

В заключение необходимо добавить, что теоретическая значимость состоит в том, что анализ системы лексики китайского языка может по-

мочь в исследовании внутренних законов языка. В то же время мы можем лучше понять общее и частное в лексике китайского языка. Результаты исследования могут не только дополнять или пересматривать существующие лингвистические теории, но и служить основой для новых.

Практическая значимость заключается в способствовании изучению онтологии и исследованиям в области методики преподавания лексики китайского языка для русских студентов. Данная работа нацелена на подробное представление лексики китайского языка и помогает упрощению её изучения иностранными студентами. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для улучшения машинного перевода.

Литература

1. Хуан Божун, ЛяоСюдун. Современный китайский язык: учеб. пособие для студ / Хуан Божун; Китай. языковед, Ляо Сюдун; Китай. пед. наук. – Пекин, 2011. – С. 240–260.
2. Практическая фразеология современного китайского языка. Войцехович И. В. – М, 2007. – 412 с.
3. Звегинцев, В. А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий / В. А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. - Вып. 10.– С. 5–32.
4. Ли Жу лун. Китайский язык [Электронный ресурс] / Ли Жу лун. – URL: <http://www.doc88.com/p-9106962160117.html> (дата обращения: 05.11.2017 г.).
5. Ли Мин. ПуТунхуа [Электронный ресурс] / Ли Мин.– URL: <https://wenku.baidu.com/view/c40599a1d5d8d15abe23482fb4daa58da0111c79.html> (дата обращения 05.11.2017 г.).
6. Да Ши. Пиньинь [Электронный ресурс] / Да Ши. – URL: <https://wenku.baidu.com/view/a91c0ecf5ff7ba0d4a7302768e9951e79b8969e1.html> (дата обращения 05.11.2017 г.).
7. Цин Сан. Бай Хуавэнь [Электронный ресурс] /Цин Сан. – URL: <https://wenku.baidu.com/view/cf4c960dbb4cf7ec4bfed04d.html> (дата обращения 05.11.2017 г.).
8. ХаньЦзоли. Китайская словарь [Электронный ресурс] / ХаньЦзоли. URL : <http://xh.5156edu.com/> (дата обращения 05.11.2017 г.).
9. Ци Ши цзыхоусюе. Ли Цзи [Электронный ресурс] / Ци Ши цзыхоусюе. – URL:<https://baike.baidu.com/item/%E7%A4%BC%E8%AE%B0%C2%B7%E7%8E%8B%E5%88%B6> (дата обращения 05.11.2017 г.).

References

1. Huan Bozhun, LjaoSjudun. Sovremennyj kitajskij jazyk: ucheb. posobie dlja stud / Huan Bozhun; Kitaj. jazykoved, LjaoSjudun ; Kitaj. ped. nauk. – Pekin, 2011. – S. 240–260.
2. Praktičeskaja frazeologija sovremennogo kitajskogo jazyka. Vojcehovich I. V. – M, 2007. – 412 s.
3. Zvegincev, V. A. Zarubezhnaja lingvističeskaja semantika poslednih desjatiletij / V. A. Zvegincev // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – M.: Progress, 1981. - Vyp. 10.– S. 5–32.
4. Li Zhu lun. Kitajskij jazyk [Jelektronnyj resurs] / Li Zhu lun. – URL: <http://www.doc88.com/p-9106962160117.html> (data obrashhenija: 05.11.2017 g.).

5. Li Min. PuTunhua [Jelektronnyj resurs] / Li Min.– URL: <https://wenku.baidu.com/view/c40599a1d5d8d15abe23482fb4daa58da0111c79.html> (data obrashhenija 05.11.2017 g.).
6. Da Shi. Pin'in' [Jelektronnyj resurs] / Da Shi. – URL: <https://wenku.baidu.com/view/a91c0ecf5ff7ba0d4a7302768e9951e79b8969e1.html> (data obrashhenija 05.11.2017 g.).
7. Cin San. Baj Huavjen' [Jelektronnyj resurs] /Cin San. – URL: <https://wenku.baidu.com/view/cf4c960dbb4cf7ec4bfed04d.html> (data obrashhenija 05.11.2017 g.).
8. Han'Czoli. Kitajskaja slovar' [Jelektronnyj resurs] / Han'Czoli.URL : <http://xh.5156edu.com/> (data obrashhenija 05.11.2017 g.).
9. Ci Shi czyhousjue. Li Czi [Jelektronnyj resurs] / Ci Shi czyhousjue. – URL:<https://baike.baidu.com/item/%E7%A4%BC%E8%AE%B0%C2%B7%E7%8E%8B%E5%88%B6> (data obrashhenija 05.11.2017 g.).

УДК 811.161.1

**К. Утегенова,
Х. Абдрахманова**
Уральск, Казахстан

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ
«СЫН» И «ДОЧЬ» В КАЗАХСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Аннотация. В работе представлены результаты анализа казахского паремиологического фонда по определению этнокультурных особенностей вербализации концептов «сын» и «дочь».

Ключевые слова: концепт, исследование, паремия, этнокультура, лингвокультура.

Сведения об авторе: Утегенова Карлыга Таскалиевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской филологии.

Абдрахманова Хорлан Жұмабайқызы, магистрант ОП 6М011800 «Русский язык и литература»

Место работы: Западно-Казахстанский государственный университет имени Махамбета Утемисова.

Контактная информация: 090003 Уральск, пр.Достык, 162, каб. 321 e-mail: karlyga@bk.ru.

**K. Utegenova,
H. Abdrakhmanova**
Uralsk, Kazakhstan

**ETHNOCULTURAL FEATURES OF
REPRESENTATION OF CONCEPTS
"SON" AND "DAUGHTER" IN THE
KAZAKH LINGUOCULTURE**

Abstract. The paper presents the results of the analysis of the Kazakh paremiological Fund to determine the ethno-cultural features of verbalization of the concepts "son" and "daughter".

Key words: concept, research, paroimia, ethnic culture, linguistic culture.

About the author: Utegenova Karlyga, candidate of pedagogical Sciences, associate professor of Department of Russian Philology. Abdrakhmanova Horlan, undergraduate EP 6M011800 "Russian language and literature»

Place of employment: West-Kazakhstan State University named after Makhambet Utemisov.

К настоящему времени написано огромное количество работ, в которых анализируются понятия *концепт*, *концептуализация*, *концептосфера* и др. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций. В рамках когнитивной лингвистики под концептами понимаются оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона, отраженные в человеческой психике.

З. Д. Попова, И. А. Стернин определяют концепт как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного сознания, идеальную сущность, которая формируется в сознании человека и непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности, из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами – такие операции могут привести к возникновению новых концептов. Язык, таким образом, является лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека» [1, с. 4].

Современные ученые-лингвисты определяют понятие «концепт» как «квант знания», «единица ментальности данной культуры» и т.д.

В. И. Карасик приводит ряд подходов разных исследователей к концептам: спрессованная история понятия [Степанов, 1997]; личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения [Лихачев, 1977]; абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [Соломоник, 1995]; сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и в символе [Колесов, 2004] и др. Сам В. И. Карасик характеризует концепты как «фрагмент жизненного опыта человека» «переживаемую информацию», «квант переживаемого знания» [2, с. 3, 128, 361].

М. В. Пименова представляет трехчленную классификацию концептов, образующих концептуальную систему, способом актуализации которой, в свою очередь, выступает язык [3, с. 45-46]. «Все концепты, так или иначе объективированные в языке, могут быть распределены по трем понятийным (категориальным) классам:

I. Базовые концепты – те, которые составляют фундамент языка и всей картины мира; среди них: 1. космические концепты; 2. социальные концепты; 3. психические (духовные) концепты.

II. Концепты-дескрипторы, которые квалифицируют базовые концепты; среди них: 1. концепты, под которыми понимаются различного рода изменения (размер, объем, глубина, высота, вес и т.д.); 2. качественные концепты, выражающие качество (тепло-холод, целостность - партитивность, твердость-мягкость); 3. количественные концепты, репрезентирующие количество (один, много, мало, достаточно).

III. Концепты-релятивы, реализующие типы отношений, среди них: 1. концепты-оценки (хорошо-плохо, правильно-неправильно, вредно-полезно, вкусно-невкусно); 2. концепты-позиции (против, вместе, между, впереди-позади (всех), рядом, вверху-внизу, близко-далеко, современный-несовременный); 3. концепты-привативы (свой-чужой, брать-отдавать, владеть-терять, включать-исключать).

По словам М.В.Пименовой, «что человек знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров и есть то, что называется концептом». Исходя из этого утверждения, в данной работе основной ак-

цент ставим на репрезентированном в языке этническом образе, иными словами, о том, как казах представляет фрагмент мира, его этническое восприятие фрагмента мира, которое вербализуется через различные языковые способы.

Следует отметить, что языковые исследования тесно связаны с изучением различных аспектов культуры. Несмотря на то, что тема отражения национальности в языке привлекает внимание многих исследователей, она по-прежнему актуальна, так как предоставляет большой лингвистический и культурный материал, отражающий традиционные духовные ценности.

Понятие «ценность» всегда являлось объектом интереса ученых. По мнению В. Б. Шпарь, ценность является особой формой отражения в сознании людей предметов и явлений, которые способны удовлетворить их потребности и интерес. Ценности выражают такие отношения между индивидами, которые способствуют не разъединению, отчуждению людей друг от друга, а, напротив, объединяют, собирают людей в общности любого уровня: семью, коллектив, народность, нацию, государство, общество в целом [4].

Ценности, как высшие ориентиры культуры, занимают значительное место в структуре языковой личности. Ценности основаны на предпочтениях, которыми языковая личность описывает мир. У каждой нации есть иерархически организованный набор ценностей, которые частично повторяются в других культурах, но в другой конфигурации.

Актуальность нашего исследования определяется малой изученностью родственных отношений в русской и казахской лингвокультуре в сравнительносопоставительном плане. Концепты «сын/ұл бала» и «дочь/қыз бала» являются уникальным объектом исследования, поскольку они являются носителями этнокультурной информации, которая отражает типичные представления об этнической принадлежности относительно аксиологического исследования в области семьи и семейных отношений. Этническую ценность концепта можно увидеть только в сравнении с содержанием этого концепта в другой этнической культуре.

В данной работе остановимся на отдельном аспекте своего исследования – этнокультурной специфике репрезентации концептов «ұл бала» и «қыз бала» в казахской лингвокультуре на примере паремий.

Русские понятия «родство», «родственники» соответствуют в казахском языке таким понятиям, как «ағайын», «тума», «туысқан». Термины родства в русском и казахском языках имеют как общие семантические особенности, так и глубинные различия. Главное отличие состоит в том, что у казахов родственников значительно больше, чем у русских. Это связано с тем, что русские называют родственниками, главным образом, круг своей семьи, а казахи могут называться родственниками даже через несколько поколений. Дело в том, что у казахов считаются родственниками до седьмого поколения. «*Жеті атасын білмеген жетесіз*» - так гласит

народная мудрость, что в переводе означает «Незнание своей родословной до седьмого колена – признак сиротства».

Шежіре или жеті ата – это и есть генеалогическая родословная у казахов. Издавна считалось, что знание шежіре является обязательным для каждого человека. Категорически запрещались браки, если не преодолен барьер «Жеті ата». Об этом говорят пословицы «*Өз руыңнан қыз алма*» – «Не женись на девушке из своего рода», «*Жеті атадан қыз алма*» – «Не бери девушку в жены, если вы еще в родстве семи колен». Так вот принцип «Жеті ата» надежно защищал казахов от кровосмесительных браков, был фундаментом здорового потомства, оберегом от генетических заболеваний.

Следующим отличием является то, что у казахов родственники делятся на *өз жұрты* (родственники со стороны отца), *нағашы жұрты* (родственники со стороны мамы) и *қайын жұрты* (родственники мужа/жены), что не наблюдается у русского народа. Доказательством этого может служить пословица: *Өз жұрттың - күншіл, нағашы жұрттың – сыншыл, қайын жұрттың міншіл келеді.*

Родство у русских можно классифицировать следующим образом: родство кровное, свойство (родство через брак), кумовство (родство через крещение), а также при повторных браках возникают еще некоторые термины родства.

Особое место в системе родственных отношений казахской лингвокультуры занимают концепты «сын» и «дочь».

Были проанализированы 1472 пословицы казахского народа, из них 111 имеют в своем составе концепты сын и дочь, что составило около 8% из общего количества рассмотренных паремий.

Данные пословицы, репрезентированные в казахском паремиологическом фонде, были систематизированы в соответствии с выявленными концептуальными признаками, акцентирующими и раскрывающими отдельные лингвистические значения ядра концепта:

1 Концептуальный признак «Место сына в семье: сын как наследник, продолжатель рода»: *Жақсы еркектің ішінде алтын ерлі ат жатады, жақсы әйелдің ішінде алтын бесікті ұл жатады* - В хорошем мужчине конь с седлом золотым, в хорошей женщине сын в золотой колыбели. *Алты ұл туған ананы – ханым десе болады* - Мать, родившую шестерых сыновей, называй царицей. *Атаның баласы болма, адамның баласы бол* - Можешь не быть сыном своего отца, но будь сыном своего народа. *Уақыты келсе, тұлпардан тай озар, өнері жетсе, әкеден бала озар* - Придет время, и жеребенок обгонит коня, а сын превзойдет отца. *Балаңды жұрт мақтаса, бәрінен де сол сүйгі* - Самая большая радость отцу, когда его сына хвалят. *Атадан жақсы ұл туса, елінің қамын жейді, атадан жаман ұл туса, елінің малын жейді* - Хороший сын за родину переживает, сын плохой богатство родины проедает. *Көн қарттың ішінде бір бала*

жүрсе, дана болар, көп баланың ішінде бір қарт жүрсе, бала болар - Старик меж двух детей в детство впадает, ребенок меж двух стариков мудрость приобретает.

2 Концептуальный признак «Место дочери в семье: дочь как гость в семье, кратковременная радость»: *Ұзын киім ұлыма, қысқа киім қызыма* - Длинная одежда для сына, короткая одежда для дочери. *Қызды ауыл көңілді* – Радостно там, где есть дочери. *Қыз – қонақ* - Дочь в доме лишь гостит. *Теңін тапса, тегін бер* - Если дочь равного себе нашла, без калыма отдавай.

3 Концептуальный признак «Роль матери в жизни сына/дочери»: *Анасын көріп, қызын ал* - Возьми замуж дочь, прежде узнав, кто ее мать. *Бала тәрбиесі – бесіктен* - Воспитание сына начинается с колыбели. *Анаңды Меккеге үш арқалап барсаң да, қарызыңнан құтыла алмайсың* - Даже если трижды мать на себе в Мекку свезешь - с долгом перед ней не считаешься. *Аналы баланың өзі тоқ, анасыз баланың көзі тоқ* – Сын/дочь, у которого есть мать, всегда сыт, у которого нет матери, лишь глазами сыт.

4 Концептуальный признак «Роль отца в жизни сына/дочери»: *Ата балаға сыншы – Сыну/дочери судья отец. Әкесіз жетім – құр жетім, анасыз жетім – түл жетім* - Ребенок без отца – наполовину сирота, ребенок, что матери не имеет – полностью сиротеет. *Ата – асқар тау, ана – бауырындағы бұлақ, бала – жағасындағы құрақ* - Отец – гора, мать – у подножия горы родник, сын – на берегу того ручья тростник. *Жақсы әке жаман балаға қырық жылдық ризық* - Отца доброе имя служит сорок лет непутевому сыну. *Баласы әкесін үйретпес* - Сын не учит отца. *Әке көрген оқ жонар* – Сын, воспитанный отцом, сам смастерит стрелу. *Ата тілін алмаған, аман болып көп жүрмес* - Тот, кто не слушает отца, долго не проживет.

5 Концептуальный признак «Символизирование через образы животных»: *Мал – баласы, жер – анасы* - Скот – сын, земля – мать. *Кішіні мақтап, үлкенді мін* - Маленького жеребенка хвали, на большого коня садись. *Арыстан асқынса, айға шабар, ақымақ асқынса, анасын сабар* - Возгордится лев – на луну кидается, возгордится дурень – на мать свою задирается. *Әркім өз қозысын қошқар қаяды* - Всяк бараном считает ягненка своего. *Тай тулап үйірінен шықпас* - Как жеребенок ни играет, от табуна далеко не убегает. *Ат жаманы таймен ойнар* - Конь дурной с жеребенком играет. *Бір биеден ала да туады, құла да туады* - От кобылы одной может жеребенок быть и хороший, и плохой. *Енесі тепкен қулынның еті ауырмас* - У жеребенка ничего не болит от материнских копыт.

5 Концептуальный признак «Сын/дочь - счастье»: *Бала – жанның гүлі, көздің нұры* – Сын/дочь – цветы души и глаз лучи. *Қыз қылығымен, жігіт өнерімен* - Дочь нарядами украшается, сын делами прославляется. *Есер екі ұлдан есті қыз артық* - Умная дочь всегда ценней двух глу-

пых сыновей. *Ұл тапқан әйелдің ырысы бар* - Мать, родившую сына, счастье ожидает. *Ырыс алды қыз* - Предвестник счастья - дочь. *Мың малың болғанша, бір балаң галым болсын* - Чем овец тысячу иметь, лучше одного сына ученого иметь.

6 Концептуальный признак «Уважение/неуважение»: *Ата-анаңды сыйласаң, көп жасарсың, сыйламасаң жан қинарсың* - Долго будешь жить, если родителей уважаешь, если не уважаешь, то сам страдаешь. *Әкесін сыйламағанды баласы сыйламайды* - Того, кто отца своего не почитает, собственные дети не уважают.

7 Концептуальный признак «Положительное и отрицательное»: *Атадан жақсы ұл туса, елінің қамын жейді, атадан жаман ұл туса, елінің малын жейді* - Добрый сын народными заботами живет, непутевый – народные труды проживет. *Әйелің жаман болса, қонағын кетер, балаң жаман болса, бағың кетер* - Жена плохая – гость убегает, сын плохой – счастье улетает. *Есер баладан ерке бала жаман* - Избалованный сын хуже дурака. *Баланың ұяты – әкеге, қыздың ұяты – шешеге* - Позорный сын – отца позор, позорная дочь – матери позор. *Еркенің көзі кеппес, жорғаның тері кеппес* - На иноходце пот не высыхает, избалованный от слез не просыхает. *Балаң жақсы болса, жердің үсті жақсы, балаң жаман болса, жердің асты жақсы* - Сын хороший – хорошо на земле, сын плохой – хорошо в земле. *Талансыз бала – сонған шала* - Сын, что цели не имеет, как костер без пламени тлеет. *Басына бақ қонатын жігіттің ұлы епті, қызы көрікті болады* – У того, кому удача улыбается, ловок сын, а дочь красавица. *Айдарлым - айбарым, тұлымдым – тұнығым* - Сын мой - мощь и сила моя, дочь моя - сокровище мое. *Кұс балапаны үшін тұзаққа түседі, адам баласы үшін азапқа түседі* - Птица из-за птенцов в сети залетает, родители всегда из-за сына страдают.

Таким образом, на основе анализа паремиологического фонда казахской лингвокультуры можно сделать следующие выводы:

1) В казахской культуре дочь балуют, потому что считается, что она временный член семьи, ее доля – стать продолжателем рода и хранительницей очага другой семьи, поэтому в лингвокультуре эти отношения репрезентованы через большое количество пословиц. Например, когда приходит в семью замужняя дочь, ее сажают на почетное место. Место и роль сына в казахской культуре – другое. Он продолжатель рода и хранитель домашнего очага.

2) Старшие по возрасту родственники всегда были примером для подражания для подрастающих поколений. Казахи считают, что данное отцом воспитание очень важно и что даже сто школ не может дать такое воспитание, которое дает отец. Роль матери в семье всегда строилось на гармонизации отношений с мужем и с детьми, воспитании детей и одаривании близких своей нежностью. В казахском паремиологическом фонде имеется большое количество пословиц и поговорок на тему материнства.

3) Самое главное назначение семьи – это – вырастить и воспитать ребенка, вести по жизни. В пословицах и поговорках казахского народа говорится, что воспитать нужно ребенка еще с колыбели и сделать так, чтобы потом тебе не было стыдно за собственного ребенка.

4) В ходе исследования мы обнаружили большое количество пословиц и поговорок, в которых сыновья и дочери символизируются через образы домашних животных.

Литература

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. - Воронеж, 1999.
2. Карасик В. И. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
3. Пименова М. В. Введение в концептуальные исследования: учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. - Кемерово: КемГУ, 2006. - 178 с.
4. Шпарь, В.Б. Новейший психологический словарь. - Ростов н./Д.: Феникс, 2005. -808 с.

References

1. Popova Z. D., Sternin I. A. Ponjatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovanijah. - Voronezh, 1999.
2. Karasik V. I. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004.
3. Pimenova M. V. Vvedenie v konceptual'nye issledovanija: ucheb. posobie / M. V. Pimenova, O. N. Kondrat'eva. - Kemerovo: KemGU, 2006. - 178 s.
4. Shpar', V.B. Novejshij psihologicheskij slovar'. - Rostov n./D.: Feniks, 2005. -808 s.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЖАНРОВ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

УДК 81.512.111

Л.А. Афанасьева
Стерлитамак, Россия

ОБРАЗ *ЕВЧЁ* «СВАТА» В ЧУВАШСКИХ СВАДЕБНЫХ ПЕСНЯХ

Аннотация. В данной статье рассматривается один из персонажей чувашской свадьбы – *евчё* «сватун». На материале литературных и архивных источников, научной экспедиции раскрывается образ сватуна в чувашских свадебных песнях. Роль данного персонажа встречается в досвадебной обрядности чувашей. В свадебной обрядовой поэзии прослеживается двойственное отношение к сватуну, которое обусловлено его ритуальными действиями.

Ключевые слова: свадебная обрядность чувашей, обряд, сватун, свадьба, ритуал.

Сведения об авторе: Афанасьева Лира Аркадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской и чувашской филологии.

Место работы: Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

Контактная информация: 453103, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49, каб. 319а.
e-mail: afanaseva.lira@mail.ru

L. A. Afanasyeva
Sterlitamak, Russia

THE IMAGE OF *EVCE* "LIGHT" IN THE CHUVASH WEDDING SONGS

Abstract. This article discusses one of the characters in the Chuvash wedding-*evchë* "matchmaker". On the material of literary and archival sources, scientific expedition reveals the image of the matchmaker in the Chuvash wedding songs. The role of this character is mainly found before the wedding ceremony of the Chuvash. In wedding ritual poetry there is an ambivalent attitude to the light of *nu*, which is due to its ritual actions.

Key words: wedding ceremony of the Chuvash, rite, Whistler, wedding, ritual.

About the author: Afanasyeva Lira Arkadyevna, candidate of philological Sciences, associate Professor of Tatar and Chuvash Philology.

Place of work: Sterlitamak branch of Bashkir state University.

Названия свадебных персонажей нашли отражение в исследованиях этнографов и фольклористов. Следует отметить труды В.А. Сбоева, Н.В. Никольского, Д. Месарош, Н.И. Ашмарина, Г.Т. Тимофеева, В.К. Прокопьева и др. Из современных исследований немалый интерес представляют труды Н.И. Егорова, который рассматривает основные функции свадебных персонажей на чувашской свадьбе [14], монография А.А. Осипова, в которой описываются свадебные чины [9]. Из исследователей особое внимание такому персонажу как *евчё* «сватун» уделил этнограф И.Г. Петров в монографии «Одежда в семейных обычаях и обрядах чувашей» [10; 11].

В Словаре Н.И. Ашмарина приведены фонетические варианты термина *евчё*: *евёчё*, *евкёчё*, *евёч* «сваха, сватунья, сводник (-ца)» [1, с. 265-266]; «хёр тупакан хята» «сватун и сватунья» [6, с. 184].

Сватун на чувашской свадьбе играл немаловажную роль. Он был посредником между женихом и невестой. От мастерства сватуна зависела и дальнейшая благополучная жизнь молодых. Ему приходилось порой преуве-

личивать достоинства жениха, чтобы заполучить согласие родителей невесты, о чем свидетельствуют пословицы: «Евчѣ чѣлхи качакана та качча парать» – «Язык сватуна и козу замуж выдаст», «Евчѣ чѣлхине начар ача та улпут нек» – «Устами сватуна и плохой парень как барин» [15, с. 67]. Интерпретация этих пословиц в контексте свадебной обрядности показывает, что сватун должен был обладать даром красноречия, настойчивости.

Роль сватуна выполнял знакомый (пѣлѣш) отца девушки или знакомый (пѣлѣш) жениха. Сватунами могли быть муж с женой, но отдельно сватунами они не могли быть. В Чекмагушевском районе РБ в роли сватуна выступали мужчина и женщина. Мужчина-сватуна узнавал о возможности выделить на приданое для дочери из поголовья скота. Женщина-сватуны интересовалась, есть ли у невесты из домашнего обихода, куда входила самотканая рубашка и штаны для жениха, из постельной принадлежности – подушка, перина, одеяло и пр. [7, с. 78].

В Миякинском районе РБ в роли *евчѣ* «свата» выступает старик или старуха: *Каччй енчен хѣр килне евчѣ пулса калаѣма пѣр карчйк е старик: «Пѣччен килес, парлйн пулса каяс» – тесе килет* – «Со стороны жениха в дом девушки в качестве свата договариваться идет старик или старуха: «Одному(ой) прийти, уйти парно» (Мияк.: Н.-Карам.).

В Федоровском районе сватунами были близкие родственники жениха, чаще женщины. Это прослеживается и в чувашских свадебных песнях:

Евчѣ арйм ланчаика

Ик хут кѣне тѣхйннй.

Кѣкшймѣнчи сѣри пѣтнѣ.

Ана та курмасть ланчаика. –

«Сватуныя плоскогрудая,

В два слоя рубаху одела.

В крынке закончилось пиво,

И его не видит разболтанная» (Фед.: Тен.).

Следует отметить, что в песне образ сватуны описывается словами неодобрения и пренебрежительно: *елпешке* «вялый, нерасторопный; худой; высокий; *перен.* быть «распростерту, разостлану, распущену» [13, с. 62], *ланчаика* «плоскогрудая женщина», *ланчаика* «разболтанная, расшатанная». Напрмер:

Евчѣ арйм елпешке

Часрах пѣсер яшкуна.

Пире яшка нипочем

Тавай пире эреке. –

«Сватуныя распущенная,

Скорей свари похлебку.

Нам похлебка нипочем,

Давай нам водку» (Аург.: Новоф.).

Евчѣ арйм елпешке

*Часрах пёсер яшкуна
Эс елпешке пулман пулсан,
Парас сукчё тавана. –
«Сватунья распущенная,
Скорей свари похлебку.
Если ты не была бы распущенной,
Не отдали бы замуж родню»* (Стерл.: Ишп.).

По этому поводу фольклорист Р.А. Султангареева пишет, что «тоном пренебрежения и словами охаивания (магия дурного слова во имя плодородия) обозначен иронический образ яусы (сватуна – Л.А.) и его поведение. Личность свата и его условные знаки отличия (спущенная штанина, палка в руках, перемещение на лошади, символизирующее обрядовый приход), в жизненном этикете заслуживающие почтительное отношение, в обрядовых речитациях получают намеренно презрительную оценку. Обругивание предполагает применение эпитетов с отрицательной семантикой» [12, с. 109]. В русской свадебной обрядовой поэзии в корильных песнях свата или сваху высмеивали, «корили» за то, что они пытались «похитить» девушку-невесту. Образ свата в таких песнях выстраивается как «без ног», «не оглох ли», «не ослеп ли», «не плещат ли» [8, с. 533-534]. Такое двойственное отношение к сватуну обусловлено его ритуальными действиями. Выбор свата осуществлялся ни самим человеком, а как бы извне, т.е. *евчё* «сват» лишь следовал той стратегии поведения, на которую ему указывала традиция. В таком случае ответственность за выбор перекладывалась на традиционные устои народа. Поэтому столь высоко ценилось распознавать те ориентиры поведения свата, которые “заложены” в нем.

Сват или сватунья о цели своего прихода говорили иносказательно: «*Сирён тына -пушмак пур, тет. Въл вѣкѣр ертсе таврѣннѣ, тет*» – «У вас, говорят, есть телушка. Она за собой бычка привела, говорят» (Фед.: Новосел.). В чувашской этнокультурной традиции, как во многих других, издревле существуют тенденции табуизации свадебной терминологии и замены прямых номинативных единиц эвфемизмами, т.е. устойчивыми иносказательными оборотами. Исходя из этого в иносказательной формуле невеста выражается терминами *тына*, *пушмак* - «телушка», *вѣкѣр* - «жених». Сам процесс сговора представляется как купля-продажа домашней скотины. “Язык” торговли – один из наиболее часто используемых в свадьбе [4, с. 109].

Появление *евчё* могли узнать по нескольким признакам. Одним из которой, является его одежда. И.Г. Петров отмечает, что «у некоторых групп чувашей, существовали особые костюмы свих, по которым родители невесты быстро узнавали о цели ее визита. Это касается, прежде всего, верховых чувашей (вирьял) Чебоксарского, Ядринского и Козмодемьянского уездов Казанской губ. В основе костюма свахи лежал так называемый «*пуç терлĕ шупĕр/пĕштĕрлĕ шупĕр*» или «каптал». Он представлял собой халат из черного сатина, украшенный разноцветными, преимущественно красными

нашивками. Однако нашивками на халате являются поздним явлением, потому что раньше вместо них была вышивка. Поверх халата сваха надевала чересплечное украшение «тевет», ушные подвески «алка», нагрудные украшения «шүлкеме» и «ама». Голову обертывала головным полотенцем «сорпан», а сверху надевала шапку. Этот костюм в данном локусе бытовал вплоть до 20-х гг. XX в» [10, с. 113]. Как показывает полевой материал, собранный на территории Башкортостана, евчë «сватунья» одевала рубаху в несколько слоев, одну наизнанку. В Стерлибашевском районе с. Тятербашево сват надевал на одну ногу чулки белого цвета, а на другую – черную [10, с. 111]. По сведениям информаторов, сватунья и на свадьбе одевала рубаху в 2-3 слоя: *«Туйра ик-виçе хут кёне тәхәннә»* (Фед.: Новосел.).

Евчë арәм ланчаика,

Ик хут кёне тәхәннә.

Шанмасассән уçса пәхәр,

Пёрне кутән тәхәннә. –

«Разболтанная сватунья

Одела в два слоя рубаху.

Если не верите, поднимите –

Один слой наизнанку одет» (Фед.: Тен.).

Евчë «сватун» в дом отца девушки ходил по несколько раз. Если с одного визита не получалось уговаривать родителей девушки или девушку, в следующий раз сватун шел в дом отца невесты без штанов, в одном суконном кафтане «йёлен». *Хёр итлемесен тепре кайнә чух çараха кутна, йёлен кәна тәхәнса каять. Хёр качча каяссине килёшсен çак карчак е старик хёрён ашиё-амәшәпе эрек ёçеçсё. Хәçан килёшме килессине сүтсе яваçсё – «Если девушка не согласна, то в следующий раз сват идет без штанов, в одном кафтане. Если девушка согласна выйти замуж, то старик или старуха распивают водку с родителями девушки. Договариваются, когда приходит сватать»* (Мияк.: Н.- Карам.).

С момента появления сватуна в доме невесты начинается церемония свадебного обряда. Сватун участвовал во всех досвадебных обрядах. Его функция заключалась в таких обрядовых действиях, как «сговор между двумя сватьями о свадьбе», «сватовство», «бросание кнута» [1, с. 264]. Если родители соглашались на свадьбу (это происходило не с первого визита сватуна), обговаривали свадебные растраты со стороны невесты и жениха. В этом отношении сватун был посредником между будущими сватьями, так как о сумме калыма и приданого неприлично было договариваться самим. После всего назначали день сговора «хёр килёшни».

По сведениям информаторов, *евчë* в дом отца девушки шел с кнутом *пушй* или прутиком *юплё хулй*. В Аургазинском районе сват кнут тащил за собой. *«Евчë пушй сётёрсе каять»* (Аург.: Тряп.).

Во время *хёр килёшни* «сговора» *евчë* «сводник» три раза плеткой ударяет девушку и оставляет ее, повесив на крючок. Этот обряд называет-

ся *пушй пйрахни* «бросание кнута». Это означало, что сговор состоялся. Если после этого обряда девушка с парнем рассорятся – будет нарушен сговор, то кнут возвращается сватуну. Разлад дела называется *пушй тавйрнй* «возвращение кнута» [2, с. 64]. Кнут, оставляемый в доме девушки, встречается и в свадебной песне.

Чйвйш-чйвйш чён пушй
Пёлёпёр-ха ут синче.
Тйван кайса йнмасан
Пёлёпёр-ха евчине. –
«Вжик-вжик ременный кнут,
Будем знать на коне.
Замужество родни неудачно будет,
Будем знать сватунью» (Стерл.: Ишп.).

Из контекста песни видно, что нагайкой ударяют коня, что параллельно удару кнутом по спине засватанной девушки. Как было отмечено выше, красноречивый сват мог описать претендента в женихи самым лучшим образом. Однако, если жизнь молодой в замужестве складывалась неблагоприятно, то виноват был сват, который расхваливал жениха и оставлял кнут в доме отца девушки в знак того, что сговор состоялся. Так в свадебных песнях, исполняемых со стороны невесты, в репликах часто можно услышать упрек в адрес свата:

Акй туййан мыскари,
Евчй сўсне лйскар-и?
Кёрў матур пулмасан,
Тата нйкрах лйскар-и? –
«Вот свадьбы маскарад,
Сватунью за волосы потрепем ли?
Зать не красавцем окажется,
Еще сильнее потрепем ли?» (Мияк.: Н.-Карам.)

В некоторых районах Республики Башкортостан вместо кнута использовался прутик. В частности, в Федоровском районе сват как только переступает порог, соблюдая этикет, здороваётся и быстро достает из-под мышки разветвлённый прутик *юплё хулй* и затыкает под матицу со словами: *Ёсём-пусйама кйтартам-ха* – «Свое дело покажу-ка» (Фед.: Новос.). Затем начинает разговор в иносказательной форме о невесте и женихе. Этот обряд назывался *хулй хурса хйварнй* «оставили прутик» (Фед.: Новос.). В Аургазинском районе, когда шли сватать, жених передавал через свата прутик, которым ударял невесту со словами: *«Сак хулйран ан уйрйл»* – «От этого прутика не отделяйся» (Аург.: Тряп.).

В данном случае немаловажное значение имеет *юплё хулй* «разветвлённый прутик». У чувашей Самарской Луки обязательным атрибутом свата был яблоневый сук. Чтобы у новобрачных было много детей, выбирали как можно более ветвистый сук [10, с. 112]. В традиционной культуре

многих народов особое предпочтение отдавали фруктовым деревьям. Например, «особым почитанием у народов Нагорного Дагестана пользовались плодовые деревья – одна из самых характерных черт местных верований в прошлом и существенный компонент культа плодородия в целом. С фруктовыми и ягодными деревьями и их плодами были связаны самые различные обряды, призванные магическим путем способствовать их плодородию» [5, с. 91].

За свою работу евчѣ «сватунья» получала *сурпан* (Куюрг.: Кр.-Ил.). Однако, в песнях, исполняемых со стороны невесты, подчеркивается некая досада свата:

*Евчѣ пулса сүренѣ чух,
Чѣрѣк лартап тенѣччѣ.
Таман кутне ситсессѣн,
Чѣрѣкѣ мар, черкке те сук,
Пире тѣма вырѣн сук. –
«Когда ходила сватуньей,
Три литра поставлю, говорила.
Когда пришло время,
Не то, что три литра, и рюмки нет.
Нам стоять, и места нет»* (Мияк.: Н.-Карам.).

Роль сватуна на этом этапе свадьбы не завершается. Как было сказано, *евчѣ* не должен был состояться в родственных отношениях (за исключением в редких случаях), как со стороны невесты, так и со стороны жениха. Из этого ритуал требует сочетание невесты и жениха в чужом пространстве. Это чужое пространство является *вѣй килли* «дом игрищ», в частности дом *евчѣ* «свата». Здесь невесту переодевали в женский наряд. Это прослеживается в причитаниях невесты:

*Хура кураксем килнѣ иккен,
Укѣлча сине ларнѣ иккен.
Сичѣ ютсем килнѣ иккен,
Евчѣ килне килнѣ иккен.
Мана илме килнѣ иккен. –
«Черные грачи прилетели, оказывается,
На околицу сели, оказывается.
Чужие люди пришли, оказывается,
В дом свата пришли, оказывается.
За мной пришли, оказывается»* (Бел.: Ермол.).

На момент приезда поезда жениха в дом свата невеста с другими девушками находится в «доме игрищ» *вѣй килли*, т.е. в чужом пространстве. Погостив по родственникам невесты, поезд жениха, возвращается в дом тестя. После этого начиналось троекратное хождение свадебных поезжан новобрачной к дому отца невесты, где в это время находился жених. С этой целью невестины подружки *хѣр сүмѣсем* шли в дом отца девушки

«подразнить» жениха свадебными песнями. Затем поезд жениха направлялся в «дом игрищ» *вйй килли*. Здесь происходило состязание жениховой и невестинной стороны в пении песен. После этого жених должен был выкупить выкуп и зайти к невесте. Однако, пользуясь наглостью, сторона жениха могла без выкупа зайти в дом и начать плясать, при этом сильно разозлив *вйй-килли* «должностное лицо со стороны невесты, которое впускает жениховых поезжан» [3, с. 199]. В связи с этим происходили и драки между сторонами жениха и невесты.

*Евчĕ ханхи – карта ханха,
Урлă сиксе каçăпăр.
Евчĕ пурчĕ – çĕрĕк пурт,
Çĕмĕрмесĕр тухмапăр. –
«Свата ворота – изгородь ворота,
Перепрыгнем через него.
Свата дом – ветхий дом,
Не разрушая, не выйдем»* (Мияк.: Н.-Карам.).

Следует отметить, что в свадебной песне дом *евчĕ* описывается с отрицательной семантикой: *Евчĕ ханхи – карта ханха – «Свата ворота – изгородь ворота»*, в то время дом невесты в причитаниях противоположно дому *евчĕ*: *атте сурчĕ хула нек* – «дом отца как город», *асу сурчĕ мĕн шур пурт* – «отцов дом большой белый дом» и т.д.

Таким образом, анализ чувашских свадебных песен и пословиц позволил раскрыть в пределах отдельных текстов и их компонентов более древние тексты или их фрагменты, в которых отражены основные моменты свадебной обрядности, в котором участвовал *евчĕ* «свата или сватунья». Кроме того, изучение чувашских свадебных песен и пословиц в контексте свадебной обрядности показало образ *евчĕ* «сватуньи» как начало зарождения новой жизни, с одной стороны, с другой – обрядовое обручивание имело магический характер, так как сват считался извне как для рода невесты, так и для рода жениха.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Т.IV. – Чебоксары, 1999
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Т.X. – Чебоксары, 1999
3. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Т. V. – Чебоксары, 1999
4. Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/4expseminar/Bajburin_Ritual.pdf (Дата обращения: 26.09.19).
5. Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. – М.: Наука, 1991. – 181 с.
6. Золотницкий Н.И. Избранные труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / сост. В.Г. Родионов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 528 с.

7. История села Юмашево Чекмагушевского района Башкирской АССР 1812-1978. Рукопись Г. Андреева. Хранится в МАОУ СОШ с. Юмашево Чекмагушевского района Республики Башкортостан.
8. Обрядовая поэзия / сост. И.В. Жекулина, А.Н. Розов; Худож. Т. М. Чиркова. – М.: Современник, 1989. – 735 с.
9. Осипов А.А. Чувашская свадьба: обряд и музыка свадьбы вирьял. –Чебоксары, 2007. – 206 с.
10. Петров И.Г. Одежда в семейных обычаях и обрядах чувашей. – Уфа: «Башкирская энциклопедия», 2018. – 295 с.
11. Петров И.Г. Основные функции старшего дружки на чувашской свадьбе и особенности его костюма (вторая половина XIX – начала XX в.) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* –2018. – № 1. – С. 177-185.
12. Султангареева, Р.А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов. – Уфа: Гилем, 2006. – 344 с.
13. Учебно-справочные материалы по чувашской диалектологии и диалектологический словарь приуральских говоров чувашского языка / сост. Л.В. Власова, Н.И. Егоров: в 2-х частях. – Стерлитамак: Стерлитамакская государственная педагогическая академия, 2004. – 1 часть А-Р. – 200 с.
14. Чувашская свадьба. Подарок молодоженам / ред. Э.И. Патмар. – Кугеси, 1996. – 35 с.
15. Чувашское устное народное творчество. Т. V. Малые жанры /сост. Е.С. Сидорова, В.А. Ендеров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. – 352 с.

References

1. Ashmarin N. I. Dictionary of the Chuvash language. Vol. – Cheboksary, 1999
2. Ashmarin N. I. Dictionary of the Chuvash language. T. X.-Cheboksary, 1999
3. Ashmarin N. I. Dictionary of the Chuvash language. T. V.-Cheboksary, 1999
4. Baiburin A. K. Ritual in traditional culture Structural and semantic analysis of East Slavic rites. SPb.: Science, 1993. https://ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/4expseminar/Bajburin_Ritual.pdf (date accessed: 26.09.19).
5. Gadzhiev G. A. the pre-Islamic beliefs and ceremonies of the peoples of mountainous Dagestan. – Moscow: Nauka, 1991. - 181 p.
6. Zolotnitsky N. I. Selected works: articles, linguistic studies, dictionaries, letters, reports, various documents / comp. V. G. Rodionov. – Cheboksary: Chuvash publishing House. UNTA, 2007. – 528 S.
7. The history of the village Umasheva chekmagushevskogo area Bashkir ASSR 1812-1978. Manuscript G. Andreev. Stored in MAOU SOSH S. Umasheva chekmagushevsky district in the Republic of Bashkortostan.
8. Ritual poetry / comp. Gemelina I. V., A. N. Pink; Artist. T. M. Chirkova. – Moscow: Sovremennik, 1989. – 735 p.
9. Osipov A. A. Chuvash wedding ceremony music wedding viral. - Cheboksary, 2007. – 206 p.
10. Petrov I. G. Clothes in family customs and rituals of the Chuvash. – Ufa: "Bashkir encyclopedia", 2018. – 295 p.
11. Petrov I. G. The main functions of senior friends at the Chuvash wedding and features of his costume (the second half of the XIX-early XX century.) // *Magistra Vitae: electronic journal of historical Sciences and archaeology.* – 2018. –No. 1. Pp. 177-185.

12. Sultangareeva, R. A. human Life in a rite: a folklore-ethnographic study of Bashkir family rites . - Ufa: Gilem, 2006. - 344 p.
13. Educational and reference materials on Chuvash dialectology and dialect dictionary of Uralic dialects of the Chuvash language / comp. L. V. Vlasova, N. I. Egorov: in 2 parts. Sterlitamak: Sterlitamak state pedagogical Academy, 2004. – 1 part A-R. – 200 p.
14. Chuvash wedding. Gift to the newlyweds / ed. E. I. Patmar. Kugesi, 1996. - 35 p.
15. Chuvash oral folk art. T. V. Small genres / comp. E. S. Sidorova, V. A. Ingerov. – Cheboksary: Chuvash. kN. ed., 1984. – 352 p.

Информаторы

1. РБ, Аургазинский район, с. Новофедоровка, Степанова В.А. (1940 г.р.), записала Степанова Н.О. в 2008 г.
2. РБ, Аургазинский район, с.Тряпино, Глухова А.И. (1945 г.р.), Ямщикова М. П. (1932 г.р.), запись автора в 2019 г.
3. РБ, Белебеевский район, с. Ермолкино, Сидорова М. // Урал сасси. – 2008. – № 24. – 3 с.
4. РБ, Бижбулякский район, с. Базлык, Афанасьева Е.В. (1903 г.р.), записал Егоров В.И. в 1975 г. ЧГИГН, Отд. III-2856, ед.хр № 9295.
5. РБ, Ермекеевский район, д. Суккулово, Гуслина Н.Б. (1937 г.р.), запись автора в 2019 г.
6. РБ, Куюргазинский район, с. Кривля-Илюшкино, Петрова В.П. (1928 г.р.), Егорова Е.А. (1932 г.р.), запись автора в 2019 г.
7. РБ, Миякинский район, д. Суккул-Михайловка, Власова О.Н. (1930 г.р.), Алексеева Т.Н. (1932 г.р.) записала Власова Т.В. в 1999 г.
8. РБ, Миякинский район, с. Новые Карамалы, Петров В., Петрова В, записал Тарасов в 1965 г. Научный архив ЧГИГН, отд. III-2857.
9. РБ, Стерлитамакский район, с. Ишпарсово, Григорьева В.А. (1939 г.р.), запись автора в 2015 г.
10. РБ, Федоровский район, с. Новоселка, Караськина Н.С. (1938 г.р.), Петрова Т.Н. (1939 г.р.), записала Храмова Е.В. в 2017 г., запись автора в 2019 г.
11. РБ, Федоровский район, с. Новоселка, Никифорова З. А. (1953 г.р.), Антонова Л.Т. (1938 г.р.), Данилова Л. В. (1955 г.р.), Петрова М. П. (1934 г.р.), запись автора в 2019 г.
12. РБ, Федоровский район, с.Теняево, Сементеева Н.К. (1941 г.р.), запись автора в 2019 г.

Список условных сокращений

Бел.: Ермол. – РБ, Белебеевский район, с. Ермолкино
 Мияк.: Н.-Карам. – РБ, Миякинский район, с. Новые Карамалы
 Фед.: Тен. – РБ, Федоровский район, с. Теняево
 Фед.: Новосел. – РБ, Федоровский район, с. Новоселка
 Аург.: Новоф. – РБ, Аургазинский район, с. Новофедоровка
 Куюрг.: Кр.-Ил. – РБ, Куюргазинский район, с. Кривля-Илюшкино
 Стерл.: Ишп. – РБ, Стерлитамакский район, с. Ишпарсово
 ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (проект № 19-012-00498\1

У.А. Басова
 Санкт-Петербург, Россия
**ДЕТИ, РОДИТЕЛИ И ДИНАСТИЙ-
 НОСТЬ В РУССКИХ НАРОДНЫХ
 СКАЗКАХ**

U.A. Basova
 Saint-Petersburg, Russia
**CHILDREN, PARENTS AND DYNAS-
 TIES IN RUSSIAN FAIRY-TALES**

Аннотация. В статье исследуются типы детко-родительского статуса в русских народных сказках. Автор выявляет идею династичности в русских сказках.

Abstract. The article analyzes concept *dynasty* in the aspect of cognitive signs. The author outlines the cases of dynasties in Russian fairy-tales.

Ключевые слова: дети, династия русская сказка.

Key words: children, dynasty, Russian fairy-tale.

Сведения об авторе: Басова Ульяна Анатольевна.

About the author: Basova Ulyana Anatolievna.

Контактная информация: 191123, г. Санкт-Петербург, e-mail: uliana.basova@hotmail.com.

В науке не прекращается интерес к проблеме сказки. Русская сказка - эмпирический базис многих исследований. История изучения сказки довольно богата: А. Афанасьев, Ф. Буслаев, А. Веселовский - русские исследователи сказочного наследия. Велика роль А. Пушкина, М. Ломоносова и многих других творческих людей и деятелей культуры [3].

В XVII веке Р. Декарт лаконично и ёмко обосновал роль и назначение сказки как оптимизирующего начала субъективного бытия. И. Гердер в XVIII веке высказал идею о народном фольклоре как важнейшем проявлении народного духа, а о фольклорной сказке - как части народной мудрости. Ф. Шиллер определял сказку как игру словами, которая восстанавливает целостность человеческого существования, расколотого на реальное и желаемое. Великий психолог и философ Карл Юнг говорил: «...сказка — это кодовый язык, шифр нации. И если она глупит, то нарочно, потому что должна быть общедоступной» [4].

Рассмотрим, как в русских сказках проводится идея родительско-детских отношений и династичности.

Одним из интересных примеров является Сказка о репке, известная всем с самого раннего детства. В изначальном славянском варианте данная сказка указывает на взаимоотношение поколений, а также указывает на взаимодействие временных структур, форм жизни и форм существования. В современном варианте этой сказки не хватает еще двух элементов, существовавших изначальное, - Отца и Матери, без которых получается семь элементов, так как семеричная система восприятия появилась позже, в отличие от девятирочной славянской системы.

В изначальной сказке было девять элементов, в каждом из которых был свой скрытый образ:

Репка - достояние и мудрость Рода, его корни. Она как бы объединяет земное, подземное и надземное; Дед - Древняя Мудрость; Бабка - традиции дома, хозяйственность; Отец - защита и опора; Мать - любовь и забота; Внучка - дети, внуки; Жучка - достаток в Роду, охрана и защита семьи; Кошка - благостная обстановка в Роду, так как является олицетворением лада и покоя в доме; Мышка - благосостояние семьи, материальная база; где нечего есть - и мыши не водятся [5].

Изначально смысл сказки заключался в следующем: иметь связь с Родом и Родовой Памятью, жить в гармонии с родными и иметь Счастье в семье. Исследователи не выяснили точно, по каким причинам из цепочки выпали Отец и Мать и расходятся в мнениях.

В сюжетах русских сказок часто присутствуют различные типы близкородственных отношений. Часто это отец и сыновья, причем, как правило, сыновья наследуют ремесло или занятие отца, что еще является примером династичности, преемственности. Так как «династия - род, ряд поколений, семья, поколение монархов, поколения, передающие ремесло, профессию, наследники» [2].

Так, часто сказка начинается словами: «В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына...». Родственный статус главных героев обычно указывается в начале сказки. Сыновья, несомненно, являются наследниками престола, царевичами.

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Федором, второго Василием, а младшего Иваном. Царь очень устарел и глазами обнищал, а слышал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой... Сказка о молодильных яблоках и живой воде.

В некотором царстве, в некотором государстве жил - был царь, у него был сын Иван - царевич - и красивый, и умный, и славный; об нем песни пели, об нем сказки сказывали, он красным девушкам во сне снился. Пришло ему желанье поглядеть на белый свет; берет он у царя - отца благословенье и позволение и едет ...Во лбу солнце, на затылке месяц, по бокам звезды.

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Федором, второго Василием, а младшего Иваном. Елена Премудрая.

Предположу, что в русской сказке три сына – олицетворение полноты исполненности мужчиной своей «мужской миссии» на земле. Поэтому нередко сказки описывают сюжеты, когда отец уже умирает и

оставляет сыновьям наказ, завещание, наследство. Часто дети решают проблемы, которые «навалились» на царство.

Жил - был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный, росла в том саду яблоня с золотыми яблоками. Стал кто - то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Иван - царевич и серый волк.

Три сына могут быть не только у царя, но и у бедняка.

У бедного старика было три сына. Посылает отец старшего: — Поди наймись в батраки, все чего-нибудь заработаешь. Умный работник.

У крестьянина сын наследует его ремесло – работу на земле и зовется крестьянским сыном.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь...Наконец доложили царю, что у такого-то нищего старичка есть сын Иван, который может сон растолковать и коня достать. Царь приказал призвать его. Призвали Ивана. Иван крестьянский сын.

У царя могут быть сыновья и дочери.

Жил-был царь Светозар. У него, у царя, было два сына и красавица дочь. Двадцать лет жила она в светлом тереме; любовались на нее царь с царицею... Сказка О Василисе, золотой косе, непокрытой красе, и об Иване Горохе.

Жили-были себе царь и царица, у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой. Вот царь с царицею померли, остались дети одни и пошли странствовать по белу свету. Сказка о молодильных яблоках и живой воде.

Могут быть только дочери или дочь.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и была у него дочка. Говорит она как-то раз отцу: - Прикажи, батюшка, кликнуть клич: пусть к нам едут со всех сторон молодцы. Они будут загадки загадывать, а я буду отгадывать. Чьи загадки отгадаю, тому голову рубить. Чьи не отгадаю, за того пойду замуж, пускай хоть последним пастухом будет! Как Иванушка царскую дочку наказал.

Жил купец пребогатый; у него одна дочь была хороша-расхороша! Развозит этот купец товар по разным губерням, и приехал он в некое царство к царю... Купеческая дочь.

Интерес вызывают сказки, начинающиеся с констатации того, что сын или дочь были у старика со старухой. Не совсем понятно, были ли это поздние дети, и их родители действительно были в преклонных годах, или люди в прежние времена старели и изнашивались от труда так рано, что выглядели стариками в зрелом возрасте.

Жил-был старик. У его было три сына: двое умных, третий - дурачок Емеля. Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет. По щучьему велению.

Жили-были старик и старуха. Было у них три дочери. Старшая и средняя дочери - нарядницы, затейницы, а третья - молчаливая скромница. Серебряное блюдечко и наливное яблочко. В некотором царстве, в некотором государстве жили - были старик и старуха, и было у них три сына. Младшего звали Иванушка. Жили они - не ленились, с утра до ночи трудились: пашиню пахали да хлеб. Сестрица Алёнушка и братец Иванушка.

Был-жил старик со старухой; у них было три сына: двое умные, третий - Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил. В одно время наварила. Иванушка-дурачок.

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой и был у них сын Мартынка. Всю жизнь свою занимался старик охотой, бил зверя и птицу, тем и сам кормился, и семью корми... Волшебное колечко.

Если мать умирала, у детей наступала тяжелая жизнь.

Жил старик со старухой, и была у него дочь. Вот старуха-то померла, а старик обождал немного и женился на вдове, у которой была своя дочка. Плохое житье настало стариковой дочери. Дочь и падчерица.

У старика была дочь-красавица, жил он с нею тихо и мирно, пока не женился на другой бабе, а та баба была злая ведьма. Не взлюбила она падчерицу, пристала к старику: - Прогони ее из дому. Арысь-поле.

Порой в сказках встречаются сюжеты, когда супруги, дожив да преклонных лет, так и не стали родителями и дитя приходит к ним в дом каким-то чудесным образом. Отсутствие детей воспринималось как тяжесть, одиночество, печаль.

Жил - был старик да старуха; детей у них не было. Уж чего они ни делали, как ни молились богу, а старуха все не рожала. Раз пошел старик в лес за грибами; попадаетея ему дорогою старый дед... Баба-яга и Заморышек.

Жили-были старик да старуха. Не было у них детей. Старуха и говорит:

— *Старик, вылепи из глины паренька, будто и сын будет. Старик вылепил из глины паренька. Глиняный парень.*

Жили-были старик со старухой. Жили ладно, дружно. Все бы хорошо, да одно горе — детей у них не было. Вот пришла зима снежная, намело сугробов до пояса, высыпали ребятишки на улицу поиграть, а старик со старухой на них из окна глядят да про свое горе думают. — А что,

старуха, — говорит старик, — давай мы себе из снега дочку сделаем. Снегурочка.

Частой в русских сказках является ситуация, когда живут дедушка, бабушка, а с ними внучка или внук. Родители в таких сказках не фигурируют вовсе.

Жили-были дедушка да бабушка. Была у них внучка Машенька. Собрались раз подружки в лес по грибы да по ягоды. Пришли звать с собой и Машеньку. Маша и медведь.

Жили были дед да баба да внученька Маша. Не было у них ни коровки, ни свинки, никакой скотинки - одна коза. Коза-дереза.

Рассуждая о русской народной сказке, отметим, что она содержит в себе древнейшие мифы, но эти мифы потеряли уже смысл в поздних поколениях, обновленных различными историческими влияниями, поэтому сказка относительно позднего образа мыслей иногда кажется нелепостью, а не былью. Нашей задачей сегодня выступает сохранить и донести их забытых смыслов, не утратить связи с корнями своего народа, сохранить единство человека со своим Родом. В этом смысле рассмотрение идеи династийности и детско-родительских отношений кажется нам важным.

Литература:

1. Археология русского образа сознания [Сайт]. <http://alexfl.ru/index.html>
2. Басова У.А. Новые в понятийные признаки концепта *династия*. - Лингвистика XXI века: традиции и инновации. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – С. 66-74. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 23).
3. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре. Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. - 936 с.
4. Костина А.В. Национальная культура. Этническая культура. Массовая культура. «Баланс интересов» в современном обществе. М.: Либроком, 2009. – 216 с.
5. Мазалова Н.Е. Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX - начало XXI в.). СПб.: Петербургское Востоковеденье, 2011. 320 с.
6. Налепин А.Л. Два века русского фольклора. М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 504 с.
6. Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки: монография — М. : ИНФРА-М, 2018. – 355 с. – (Научная мысль).
7. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. М.: Дрофа, 2001. – 376 с.

References:

1. Arheologiya russkogo obraza soznaniya [Sajt]. <http://alexfl.ru/index.html>
2. Basova U.A. Novye v ponyatijnye priznaki koncepta dinastiya. - Lingvistika НКХI века: tradicii i innovacii. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGEU, 2019. – S. 66-74. (Seriya «Konceptual'nyj i lingval'nyj miry». Vyp. 23).
3. Gura A.V. Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture. Semantika i simvolika. M.: Indrik, 2012. – 936 s.
4. Kostina A.V. Nacional'naya kul'tura. Etnicheskaya kul'tura. Massovaya kul'tura. «Balans interesov» v sovremennom obshchestve. M.: Librokom, 2009. - 216 s.
5. Mazalova N.E. Etnograficheskie aspekty izucheniya lichnosti «znayushchego» (XIX - nachalo XXI v.). SPb.: Peterburgskoe Vostokoveden'e, 2011. – 320 s.

- Nalepin A.L. Dva veka russkogo fol'klora. M.: IMLI RAN, 2009. 5 – 04 s.
6. Pimenova M.V. Etnogermenevtika russkoj skazki : monografiya — M. : INFRA-M, 2018. – 355 s. – (Nauchnaya mysl').
7. Razumova I.A. Potaennoe znanie sovremennoj russkoj sem'i. M.: Drofa, 2001. – 376 s.

УДК 811.111'1

О.И. Осташова
Донецк, Украина
**ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ
ОЦЕНОЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Аннотация. Данная статья посвящена изучению структуры оценочных высказываний, функционирующих в англоязычном художественном дискурсе XX веков. Вступительные замечания содержат короткий обзор истории изучения оценки, определение оценочного высказывания, а также информацию об актуальности и материале исследования. В статье структура оценочного высказывания представлена в виде модальной рамки, выделены и описаны особенности выражения структурных компонентов оценочных высказываний языковыми средствами.

Ключевые слова: оценка, художественный дискурс, оценочное высказывание, субъект оценки, объект оценки, оценочный предикат

Сведения об авторе: Осташова Оксана Игоревна, преподаватель

Место работы: Донецкий национальный университет.

Контактная информация: 83001, Донецк, Университетская, 24.
e-mail: oksanaostashova@yandex.ru.

O. I. Ostashova
Donets, Ukrain
**LINGUISTIC MEANS OF EXPRESS-
ING THE STRUCTURE COMPO-
NENTS OF EVALUATIVE UTTER-
ANCES**

Abstract. The article deals with the analysis of the structure of evaluative utterances functioning in the English-speaking fictional discourse of the 20th centuries. Introductory notes provides a brief review of the history of the evaluation studies, the definition of an evaluative utterance, the information on the topicality and language data studied. In the article the structure of evaluative utterances is presented in the form of a modal frame, the peculiarities of the structural components expression by language means are outlined.

Key words: evaluation, fictional discourse, evaluative utterance, evaluative subject, evaluative object, evaluative predicate

About the author: Ostashova Oksana Igorevna, teacher.

Place of employment: Donetsk National University.

1. Вступительные замечания

В статье описана структура оценочных высказываний, как одного из способов реализации оценочного значения в реальном контексте его функционирования, а именно в художественном англоязычном дискурсе. Корпус языкового материала исследования составляют оценочные высказывания, отобранные методом сплошной выборки из англоязычных художественных текстов XIX-XX веков, типа *You are a ripping swimmer (F. Scott Fitzgerald Tender is the Night: 10)* ‘Ты – первоклассный пловец’. Такие оценочные высказывания представляет собой часть монологической или диалогической речи персонажей художественных

произведений, а ингерентным компонентом предиката таких высказываний является оценочная сема.

Под оценочным высказыванием (далее ОВ) мы понимаем интенционально обусловленное, грамматически, семантически и интонационно организованное речевое образование, с помощью которого субъект (лицо или группа лиц) выражает свое оценочное отношение к объекту действительности в определенной коммуникативной ситуации.

Необходимо различать ОВ и внешне похожие на них дескриптивные высказывания (далее ДВ). ОВ и ДВ отличаются своей природой и целью, которую они реализуют в конкретной коммуникативной ситуации. ДВ сообщают только про объективные признаки и качества объекта, в то время как ОВ – о субъективном отношении говорящего к объекту оценки на основе совокупности качеств или одного признака этого объекта [1; 3].

В современном языкознании наблюдается стойкий интерес к изучению категории оценки, что говорит о важности этого многоаспектного явления [2; 4]. В большинстве лингвистических исследований, посвященных категории оценки, описываются виды оценочных значений и способы их выражения (Н. Д. Арутюнова, О. Л. Бессонова, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, А. В. Кунин, В. М. Кирилова, Г. Г. Кошель, Т. В. Маркелова, А. И. Приходько, В. М. Телия, В. И. Шаховский и др.), рассматривается связь оценки с модальностью (Е. М. Вольф, В. Н. Телия и др.), особенности функционирования оценки в разных типах текста (В. И. Васильев, С. Н. Колесник, Н. Н. Миронова, Т. С. Шумейко и др.).

Несмотря на то что, категория оценки как текстовая категория изучалась многими учеными-лингвистами, недостаточно исследованными остаются такие аспекты оценки, как прагмасемантический механизм ее образования в художественных текстах и специфика функционирования прагмарелевантных средств ее выражения в художественном дискурсе разных периодов.

В связи с этим **актуальность** предложенного исследования обусловлена комплексным изучением прагмарелевантных средств реализации категории оценки в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX веков. Такой ракурс исследования раскрывает роль оценочных высказываний в реконструкции фрагментов англоязычной ценностной картины мира исследуемых периодов, репрезентуемой через призму речевой деятельности говорящих.

Целью данного исследования является изучение особенностей структурных компонентов ОВ и разработка методики их описания.

2. Базовые компоненты оценочного высказывания

Любое ОВ включает в себя не только описание определенного объекта, но и его субъективную оценку. Исходя из этого, считаем воз-

можным исследование оценки как одного из видов модальности, которая накладывается на дескриптивный смысл языкового выражения и отражает отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение высказывания к действительности. В основе такой трактовки категории оценки лежит теория Е. М. Вольф [3].

В. Н. Телия также отмечает, что оценочное отношение принято рассматривать как один из видов модальности, сопровождающий языковое выражение. По мнению лингвиста, оценочная модальность – это связь, установленная между ценностной ориентацией говорящего / слушающего и обозначенной реалией, которая оценивается позитивно или негативно на каком-то основании согласно стандарту положения вещей или действий в определенной картине мира, лежащей в основе норм оценки [5].

Таким образом, ОВ характеризуется особой структурой, которую можно представить как модальную рамку, которая накладывается на высказывание в целом.

Рассмотрим структуру ОВ более детально. Одной из важных особенностей ОВ является взаимодействие и взаимозависимое функционирование субъективного и объективного факторов в нем. Субъективный компонент ОВ допускает позитивное или негативное отношение СО к объекту, в то время как объективный компонент ОВ ориентируется на те качества предмета, человека или явления, на основе которых делается оценка.

Инвариантными компонентами любого ОВ являются субъект оценки (СО), объект (ОО) и оценочный предикат (ОП). СО – это лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка. Субъект дает оценку на основании имеющейся в его картине мира шкалы и соответствующих стереотипов. ОО можно определить как лицо, предмет, явление, событие или положение вещей, к которым относится оценка. Оценка, по сути, направлена не на сам объект познания, а на его позитивную (+), негативную (-) или нейтральную (0) характеристику на основании существующих ценностей. Взаимодействие субъективного и объективного факторов оценочного высказывания основано на существовании оценочного отношения, которое имеет значение «хорошо» (+) или «плохо» (-) и выражается оценочным предикатом (ОП).

Структура ОВ допускает как имплицитное присутствие, так и эксплицитное выражение его структурных элементов.

3. Способы выражения субъекта в ОВ

СО может быть представлен эксплицитно в структуре оценочного высказывания и выражаться отдельным словом, но чаще, он постулируется в контексте, в котором функционирует оценочное высказывание.

Иллюстрацией ОВ, в котором СО эксплицируется непосредственно в высказывании может служить пример (1): *I think that woman's beautiful. [J. Galsworthy To Let; pp.20-21]* “Я считаю, что эта женщина красивая”, где *I* – эксплицитный СО; *that woman* – эксплицитный ОО; *think* – аксиологический предикат «мнения»; *is beautiful* – собственно ОП, выраженный аффективным прилагательным в сочетании с глаголом-связкой.

Необходимо отметить, что аксиологический предикат, в данном примере, вводит в высказывание эксплицитную субъективность, указывая на присутствие СО и представляющую оценку как относящуюся к его концептуальному миру.

В примере (2): *He is quite a gentleman. – Julia smiled. [W. Somerset Maugham; Theatre, p. 3]* “Он такой джентльмен. – Джулия улыбнулась” СО является имплицитным и устанавливается из контекста, в котором он функционирует. В данном ОВ можно выделить следующие структурные элементы: *He* – эксплицитный ОО; *is quite a gentleman* – ПО, выраженный существительным, которое сочетается с глаголом-связкой. Использование градуатора *quite*, в контексте (2) соотносит качества ОО с субъективным пониманием нормы, существующей в представлении говорящего. Из контекста ОВ понятно, что СО является *Julia*. Это указывает на то, что оценка принадлежит конкретному индивиду, а не социуму, и отражает его личные стереотипы и взгляды на ситуацию в целом.

Однако иногда оценка может быть высказана от «общего мнения», то есть от совокупности лиц, образующих некий социум с общими стереотипами. Например, контекст (3): *He seems an unusually intelligent young man.* [W. Somerset Maugham *The Painted Veil*; p.12] “Этот парень кажется необыкновенно умным”.

4. Соотношение типов ОО со способами их выражения в ОВ

ОО может быть эксплицироваться в структуре ОВ, так и подразумеваться (имплицитно постулироваться) в ОВ. Анализ языкового материала свидетельствует о том, что ОО высказывания может быть лицо, предмет, действие и ситуация.

Если субъекта оценивает конкретное лицо, то ОО может быть обозначен отдельным языковым компонентом в структуре ОВ, или быть имплицитно представленным в модальной рамке высказывания. На наш взгляд, это зависит от степени спонтанности/обдуманности ситуации оценивания, а также от коммуникативной цели высказывания. Например:

(4) *He's a good chap in his way. [Graham Green The Quite American; p. 9]* “Он по-своему хороший парень.”

(5) *“What is she like?” ... “Oh, quite a nice thing. Actressy” [W. Somerset Maugham *The Painted Veil*: 38-39]* “Как она тебе? ... Очень милая. Так себе актриска”

В примере (4) оценка воспринимается как более взвешенная и обоснованная, так как базируется на заранее сформированном мнении субъекта про ОО, в то время как в примере (5) оценка спровоцирована сиюминутным чувством и не может быть расценена как рациональное суждение.

Когда оценка направлена на предмет окружающего мира, то ОО эксплицируется, как правило, в реме оценочного высказывания и выступает частью сложного именного сказуемого. Примером служит контекст (6):

(6) *‘That’s a great picture,’ said Collis. ‘I’ve seen it four times.’ [F. Scott Fitzgerald *The Tender is the Night*; p.105]* “Это великолепный фильм. Я видел его уже четыре раза”

Если субъект дает оценку событию или ситуации, то объект такого ОВ зачастую имплицитный (то есть прямо не называется) и выражается указательными местоимениями *this, that*, а также личным или безличным местоимением *it*, которые являются ссылкой на конкретный объект оценки, описанный в данном контексте. Это объясняется, по нашему мнению, тем, что оценочные высказывания выполняют холистическую функцию и служат способом подведения аксиологического итога. Примером ОВ, в которых ОО является событие или ситуация, служат контексты (7) и (8) соответственно.

(7) *Holly's young half-brother is coming to live with us while he learns farming. He's there already. "Oh!" said Winifred. "That is a gaff! [J. Galsworthy *To Let*; pp.56-57]* “«К нам приезжает младший брат Холли, чтобы жить у нас и изучать сельское хозяйство. Он уже, наверное, приехал,» – сказал Винфред. «Как же это не уместно!»”

(8) *... when they dined at Government House the Governor took her in as a bride; but she had understood quickly that as the wife of the Government bacteriologist she was of no particular consequence. It made her angry. "It's too absurd," she told her husband. [W. Somerset Maugham *The Painted Veil*; p.12]* “Когда их пригласили поужинать к губернатору, то он провожал ее к столу как молодую жену; но она очень быстро поняла, что она, будучи женой рядового бактериолога, ценится не очень высоко. Это ее очень рассердило. «Какое идиотство,» – заявила она своему мужу.”

5. Синтаксические модели ОП

ОП, как уже было указано в статье, выражает оценочное отношение, со значением «хорошо» или «плохо», направленное на совокупность признаков или на один из признаков оцениваемого объекта, с позиции субъекта оценки.

ОП в высказываниях, составляющих корпус языкового материала исследования, имеет форму сложного именного сказуемого, то есть, представлен глаголом-связкой и именной частью, причем, собственно оценочная сема представлена зафиксирована в именной части оценочного предиката.

Можно выделить следующие синтаксические модели ОП:

а) Глагол-связка + Существительное (с оценочной семой)

(9) *You're a bully, said McKisco. [F. Scott Fitzgerald; p.67]* “«Ты – задира», сказал МакКиско.”

б) Глагол-связка + Прилагательное (с оценочной семой)

(10) *'Well, you're pretty high-handed,' Violet came back. [F. Scott Fitzgerald; pp. 66-67]* “«Ты такой высокомерный,» – сказала в ответ Виолетта.”

в) Глагол-связка + Номинативное словосочетание

(11) *Ah!" said Soames; "he's a sleepy chap." [J. Galsworthy To Let; p.28]* “«Ах! Он такой скользкий тип,» - сказал Сомс.”

Иногда ОП может иметь и усеченную модель, в которой будет отсутствовать глагол-связка. Например, контекст (12): *A perfect fool! [W. Somerset Maugham; The Painted Veil, p.43]* “Настоящий дурак!”

Отсутствие глагола связки объясняется тем, что в контексте (12) речь идет об эмоциональной оценке, которая является ситуативной и спонтанной, то есть основывается на сиюминутном чувстве, вызванном непосредственными переживаниями объекта оценки.

Любая синтаксическая модель ОП может усложняться использованием слов-интенсификаторов и слов-деинтенсификаторов, которые усиливают или ослабляют степень заинтересованности субъекта в ОО.

5. Выводы

В ходе исследования были сделаны следующие выводы:

1. Оценочное значение противопоставляется дескриптивному, которое лишь фиксирует признаки объективного мира, воспринимаемые человеком, и предопределенные качества предмета в той мере, в которой оно ими обусловлено.

2. Оценочными являются не только те высказывания, в структуру которых входят оценочные слова «хороший» и «плохой», но и многочисленные языковые выражения (отдельные слова и словосочетания), одним элементом значения которых является оценочная сема.

3. Одним из важных свойств ОВ является непрерывное взаимодействие и взаимосвязь объективного и субъективного факторов, влияющих на признаки и способы выражения ОП.

4. Исходя из того, что ОВ всегда характеризуется той ли иной степенью субъективности, то есть выражает мнение СО в отношении определенных качеств ОО, считаем возможным представление структуры ОВ в виде модальной рамки. К структурным компонентам ОВ от-

носим: субъект, объект и оценочный предикат, каждый из которых может быть эксплицироваться либо имплицитно постулироваться в структуре ОВ.

5. Семантические и структурные особенности ОВ предопределяются влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Это определяют набор эксплицитных и имплицитных структурных элементов модальной рамки ОВ и обуславливает характер оценочных смыслов.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти / О. Л. Бессонова. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 362 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – [2-е изд.]. – М.: УРСС, 2002. – 247 с.
4. Кошель Г. Г. Оценочные предикатные номинации в современном английском языке (на материале дерогативных наименований лица): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филолог. наук: спец. 10.02.04. “Германские языки” / Г. Г. Кошель. – М., 1980. – 27 с.
5. Телия В. Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / В. Н. Телия. – М.: “Наука”, 1991. – 205 с.

References

1. Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt / N. D. Arutyunova. – M.: Nauka, 1988. – 341 s.
2. Bessonova O. L. Ocinnij tezaurus anglijs'koї movi: kognitivno-genderni aspekti / O. L. Bessonova. – Donec'k: DonNU, 2002. – 362 s.
3. Vol'f E. M. Funkcional'naya semantika ocenki / E. M. Vol'f. – [2-e izd.]. – M.: URSS, 2002. – 247 s.
4. Koshel' G. G. Ochenochnye predikatnye nominacii v sovremennom anglijskom yazyke (na materiale derogativnykh naimenovanij lica): avtoref. dis. na soiskanie uch. stepeni kand. filolog. nauk: spec. 10.02.04. “Germanskije yazyki” / G. G. Koshel'. – M., 1980. – 27 s.
5. Teliya V. N. SChelovecheskij faktor v yazyke. YAzykovye mekhanizmy ekspressivnosti / V. N. Teliya. – M.: “Nauka”, 1991. –

УДК 802

**В.К. Сабирова,
Т. Ибраимов, Н. Имарова**
Ош, Кыргызстан

**ВОПРОС ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ В
ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА**

Аннотация. Человечество всегда стремилось разгадать загадку появления человека на свет. Материалистически настроенная наука дает нам ответ в

**V.K. Sabirova,
T. Ibraimov, N. Imarova**
Osh, Kyrgyzstan

**THE ISSUE OF IDENTITY IN
THE WORK OF WRITERS OF THE
TWENTIETH CENTURY**

Abstract. The Mankind always tried to solve the riddle of the appearance of the person on light. Materialistic adjusted science gives us answer in Durbin's

дарвинистских традициях, современная социология утверждает равнозначность трех позиций по данному вопросу: природно-эволюционной (путь от амебы до человекообразных обезьян), фантастически-космической (заброшенный инопланетянами десант) и религиозно-идеалистической (Боже Всевышний по своему образу и подобию создал лучшее из творений - человека). Эта проблема интересно представлена в произведениях литературы.

Ключевые слова: литература, идентичность, автор, герой, XX век.

Сведения об авторе: Сабирова В.К., д.ф.н., проф., завкаф. иностранных языков и межкультурных коммуникаций, Ибраимов Т., Имарова Н. - магистранты ОшГУ.

Место работы: Ошский государственный университет.

Контактная информация: 723500, Ош, ул. Масалиева, 91а, 225, e-mail: sabirova_venera@mail.

tradition, modern sociology confirms equivalence three positions on given question: natural-evolution (the way from ameba before anthropomorphous apes), fantastic-cosmic (the abandoned another planet decant) and religious-idealistic (the Gosh Almighty god on its image and resemblance created best from creations - a person). This problem is interesting presented in works of literature.

Key words: literature, identity, author, hero, twentieth century.

About the author: Sabirova V.K., Doctor of Philosophy, Professor, Zavkaf. foreign languages and intercultural communications, Ibraimov T., Imarova N. - undergraduates of Osh State University.

Place of work: Osh State University

Все совсем не так просто в расширяющейся Вселенной: «Если свести воедино многочисленные разнообразные индикаторы (критерии, показатели) современного общества, то получится интересная картина скрытого до времени, но очень существенного разлома нашего метаобщества (человечества) на качественно различающиеся составные части» [1].

Создатели художественных произведений в XX веке также не остались в стороне при освещении данной проблемы. Люди обретают иную (этническую, психологическую, культурную, социальную) идентичность при самых разных обстоятельствах своей жизни. Рассмотрим их в хронологическом порядке: роман Е.И.Замятина «Мы» написан в 1923 году, повесть М.А.Булгакова «Собачье сердце» - в 1926 году, роман Олдоса Хаксли «Дивный новый мир» - в 1932 году, роман Салмана Рушди «Сатанинские стихи» - в 1988 году и роман Ч.Т.Айтматова «Тавро Кассандры» - в 1994 году.

В антиутопии Е.Замятина «Мы» главным героем явился Д-503, строитель Интеграла - мощной машины, имеющей целью совершить революцию во всем мире. Все жители Единого государства («нумера») ежедневно маршируют при отправке на работу после исполнения гимна о Благодетеле. За Зеленой стеной существует хаос и беспорядок, а в этом едином пролетарском доме все нумера имеют строгий распорядок дня, четко выполняя все инструкции. Им не надо думать о том, как жить, разум давно вытеснил сферу чувств, эмоциональные порывы чреватые для безопасности жизнедеятельности. Роман

Е.Замятина «Мы» возник как закономерное продолжение уже существующей литературной традиции и как отклик на конкретные исторические события (политика военного коммунизма, попытки предсказать будущее общества членами группы литераторов РАПП). Этот роман стал значительным явлением в литературной жизни 20-х годов, а также одной из форм борьбы, в которую включились писатели. Антиутопия Е.Замятина необычайно остро ставит проблему единого счастья, всеобщей уравниловки, проблему, затрагивавшую одну из основных идей большевизма - о мировой революции. И все это идет вразрез с личным счастьем (такого понятия здесь просто нет!), поскольку распределенная партнерша главного героя О-90 вытесняется соперницей I-113 из Древнего дома. Заканчивается фантастический трактат казнью последней и прославлением разума, единственно имеющего право быть, иначе - разрушится культурно-идеологическая идентичность. Читатели 80-90гг. увидели в нем многие реальные процессы и детали быта 1930-50-х годов, эпохи сталинщины.

Сатирическая повесть-антиутопия М.А.Булгакова «Собачье сердце» была заявлена в 1926 году, а описываются события «недалекого будущего» - 1928 года. Главный герой стал жертвой эксперимента по созданию человека нового поколения, который «отвечать за отцов» не должен. Преображенный из тела собаки и гипофиза человека бывший Шарик, ныне - господин и товарищ Шариков, служащий из конторы по очистке города от кошек. «Европейское светило», профессор Филипп Филиппович Преображенский предрекает скорую гибель государства, где вначале в сортирах будет непорядок, «лопнут трубы», а потом цепная реакция разрушения перейдет на все остальное. Люди теряют идентичность, что уж говорить о собаке, которой пересадили мозг уголовника и пьяницы Клима Чугункина. Закономерен финал повести - Шариков вновь обращен в собаку, а вывод писателя красноречив: насилие над человечеством жестоко и бессмысленно. Неправильная была установка на социально-политическую идентичность, эксперименты с животными с целью создания нового человека при новом строе - тупиковый по сути замысел.

Сатирический роман Олдоса Хаксли «Дивный новый мир» появился в 1932 году, и сразу обрел скандальную известность как памфлет на упорядоченное «идеальное» общество Утопии. Научный контроль за интеллектом и эмоциями человека обусловил создание контролируемого властями населения. Граждане создаются и выращиваются в Инкубаторе и Воспитательном центре для занятия ими определенной социальной ниши. Причем для тяжелой физической работы предназначены «гамма», «дельта» и «ипсилон», в их пробирках добавлено наибольшее количество спирта. «Альфы» и

«беты» выращиваются для административной работы, здесь нет обычных семей, слова «отец» и «мать» стали бранными. Жители дивного нового мира свободны от тревог, боли, несчастья, старости и смерти, поскольку все решается с помощью щедрых доз сомы - действенного наркотика без побочных эффектов. После 60 лет они в наркотической дреме сжигаются в крематориях. Неудачник-«альфа» Бернард Маркс пытается устроить жизнь дикаря Джона из нецивилизованной резервации, сохраненной для научных исследований. Избегая домогательств Ленины Краун, чья мораль ему отвратительна, Джон находит выход из дивного нового мира в самоубийстве [2]. Нельзя человека лишать его психологической идентичности, он должен испытывать чувства и саму жизнь по-настоящему.

Феноменальный роман «Сатанинские стихи» Салмана Рушди появился в 1988 году, после чего духовный лидер Ирана аятолла Рухолла Хомейни обвинил книгу в богохульстве, приговорив автора к казни. Сложность сюрреализма и вызывающе-изобразительная смесь вымышленного и реального выражена в действии, происходящем в Лондоне и Бомбее, во второй повести - в индийской деревушке, а в третьей - в Аравии VII века. Автор исследует темы миграции, смены привычной среды, природы добра и зла, сомнения и потери религиозной веры. Сам автор писал о романе: Это взгляд на мир глазами мигранта. Он написан на основе опыта отрыва от корней, разъединения, метаморфозы (медленной или быстрой, болезненной или приятной), условий миграции, из которых, как мне кажется, можно извлечь метафору для всего человечества» [3]. Канву повествования составляют приключения двух ходячих символов добра и зла, переродившихся после чудесного возвращения жизни после авиакатастрофы. Индийские актеры Джибраил Фаришта, женолюб, ставший из-за нимба подобием архангела Гавриила, и Саладин Чамча, англофил-горожанин, ставший из-за рогов, копыт и хвоста подобием Сатаны.

Сон-фильм Джибраила Фаришты об исторических корнях ислама показан через факты, связанные с природой и последствиями откровения и веры, воплощаясь через историю Махунда (уничжительное от имени Мухаммед, означает «дьявол», «лжепророк»), пророка Города песка - Джахилии (букв.: «невежество», «тьма»). В третьей истории, также приснившейся Фариште, показана гибель правоверных паломников из индийской деревушки в Мекку, поскольку воды Аравийского моря перед ними не расступаются. Безусловно провокационны сновидения Джибраила о добавлении строк в Коран о трех богинях -политеистов под давлением Махунда или Сатаны, писца Салмана о неверном им переписывании текста книги,

фантазия о публичном доме под названием «Занавес» (дословно: «хиджаб», покрывало-одежда мусульманок) в Джахилии. Здесь залогом прогресса стало принятие 12 проститутками обличья 12 жен Пророка, а городские мужчины были очень заинтересованы в сокрытии тайны, поскольку эта новая услуга им была лестна. В конце романа Саладин Чамча вновь вливается в индийское общество, процесс перерождения через любовь и смерть им завершается у своих корней. Джибраил Фаришта не выдерживает груза эпических видений, теряет веру, сойдя с ума от своих внутренних демонов, кончает жизнь самоубийством.

Массовые запреты и публичные сожжения книги во многих мусульманских странах вынудили автора скрываться и выступить со словами о том, что «Сатанинские стихи» - не антирелигиозное произведение: «Это попытка рассуждать об эмиграции, о стрессах и жизненных изменениях, связанных с нею, с точки зрения тех, кто эмигрирует с индийского субконтинента в Британию. Для меня самая горькая ирония заключается в том, что, после того как я проработал пять лет, дабы облечь в художественную плоть и наделить голосом иммигрантскую культуру, частью которой я сам являюсь, книгу мою сжигают не читая те самые люди, для которых и о которых она написана, люди, которые на страницах этой книги нашли бы для себя немало интересного и многое могли бы узнать». Он пытался объяснить, что дело не в исламе, а в кризисной гибели человеческой души, потерявшей веру в Бога. Скандальная слава обеспечила коммерческий успех книги, хотя из-за нее погибло много людей, смысл же романа - в потере личностной идентичности.

Третий роман Ч.Т.Айтматова «Тавро Кассандры» был напечатан в 1994 г. Главный герой ученый-генетик Андрей Крыльцов становится космическим монахом Филофеем. Он не в силах нести бремя знания о тавре Кассандры - мерцающего пятна на лбу беременных женщин, повторяющих судьбы зэчек-инкуб. Многолюдные протестные акции во всем мире против нового научного открытия, массовые выбросы китов на берега океана, растерзанное толпой тело футуролога Роберта Борка, мрачные тени тиранов прошлого, бушующая магма человеческой ярости от энергии зла - это не модный блокбастер и триллер, а самая настоящая современная реальность. Гибель Руны Лопатиной ведет Крыльцова к осознанию преступности замысла вырастить новое поколение людей, тех самых манкуртов, не помнящих родства. Преступление советского КГБ против человечества в «Женском времени» показал и Эдуард Тополь.

Разрушение культурно-этической, социально-личностной и экономико-политической идентичности человека во всех этих произведениях разных писателей и разных национальных культур губительно и бесперспективно.

Литература

1. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. - Москва: Гардарики, 1999. – С. 153.
2. 100 запрещенных книг: цензурная история мировой литературы. Николас Дж.Карсидес, Маргарет Балл, Дон Б.Соуве, Алек.Евстратов. – Екат., 2008, 638 с. – С.534-537.
3. Rushdie S. Imaginary Homelands: Essays and Criticism. New York: Penguin Books, 1991.

References

4. Volkov Yu.G., Mostovaya I.V. Sociology. - Moscow: Gardariki, 1999 . – S. 153.
5. 100 banned books: the censorship history of world literature. Nicholas J. Carcides, Margaret Ball, Don B. Sowe, Alec Evstratov. – Ekat., 2008, 638 p. - S.534-537.
6. Rushdie S. Imaginary Homelands: Essays and Criticism. New York: Penguin Books, 1991.

References

1. Volkov Ju.G., Mostovaja I.V. Sociologija. - Moskva: Gardariki, 1999. - S. 153.
2. 100 zapreshhennyh knig: cenzurnaja istorija mirovoj literatury. Nikolas Dzh.Karsides, Margaret Ball, Don B.Souve, Alek.Evstratov. - Ekat., 2008, 638 s. – S.534-537.
3. Rushdie S. Imaginary Homelands: Essays and Criticism. New York: Penguin Books, 1991.

References

4. Volkov Yu.G., Mostovaya I.V. Sociology. - Moscow: Gardariki, 1999 . – S. 153.
5. 100 banned books: the censorship history of world literature. Nicholas J. Carcides, Margaret Ball, Don B. Sowe, Alec Evstratov. – Ekat., 2008, 638 p. – S.534-537.
6. Rushdie S. Imaginary Homelands: Essays and Criticism. New York: Penguin Books, 1991.

УДК 81'27

**С. А. Сергеев, Е. П. Бондарева,
Г. Т. Молдосултанова**
Пекин, Китай
Агры, Турция

**S. A. Sergeev, E. P. Bondareva,
G. T. Moldosultanova**
Beijing, China
Agri, Turkey

ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ НАРОДА В СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ (СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОБ- РАЗОВ РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ СКАЗОК)

REFLECTION OF MENTALITY IN TALES ABOUT ANIMALS (COMPARATIVE RESEARCH OF CHARACTERS IN RUSSIAN AND TURKISH FAIRY TALES)

Аннотация. В статье проводится исследование некоторых элементов лингвокультуры, нашедших отражение в текстах русских и турецких народных сказок. Рассматривается система персонажей сказок о животных и проводится сравнительный анализ образов главных героев, их модели поведения и характеры. Обозначены универсальные элементы и образы фольклора различных культур, а также отличительные черты и нацио-

Abstract. The article contains a research of some elements of linguistic culture reflected in the texts of Russian and Turkish fairy-tales. The system of characters of fairy-tales about animals is considered and the comparative analysis of images of the main characters, their models of behavior and characters is carried out. Universal elements and images of folklore of different cultures, as well as distinctive features

нальная специфика.

Ключевые слова: Лингвокультурология, ментальность, сказка, персонаж сказки, сказки о животных.

Сведения об авторе: Сергеев Сергей Александрович, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка.

Место работы: Пекинский спортивный университет.

Контактная информация: e-mail: sergeevsa@mail.ru

and national specifics are designated.

Key words: Linguoculturology, mentality, fairy-tale, fairy-tale character, tales about animals.

About the author: Sergeev Sergey Alexandrovich, Candidate of Philological Sciences, Russian language teacher

Place of employment: Beijing Sport University.

Сведения об авторе: Бондарева Евгения Петровна, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель русского языка.

Место работы: Пекинский университет языка и культуры.

Контактная информация: e-mail: bondarevaep@list.ru

About the author: Bondareva Evgeniya Petrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian language teacher.

Place of employment: Beijing Language and Culture University

Сведения об авторе: Молдосултанова Гулмира Таланбековна, старший преподаватель.

Место работы: Агрыйский университет имени Ибрагима Чечена.

Контактная информация: г. Агры, Агрыйский университет имени Ибрагима Чечена, e-mail: gulbael2010@gmail.com

About the author: Moldosultanova Gulmira Talanbekovna, Senior Teacher.

Place of employment: Agri Ibrahim Chechen University.

Сказка, являясь одним из самых ранних способов отражений об устройстве мира, обладает национальной спецификой. «В языке фиксируются не только новые знания, но и знания, когда-то существовавшие у носителей языка. Язык хранит в себе первичные знания о природе, человеке и его месте в этом мире» [3, с. 20]. Исследование текстов сказок позволяет обратиться как к архетипам мировой культуры, так и рассмотреть специфическое в менталитете, особенностях мировосприятия отдельных народов.

В классификации сказок традиционно выделяют сказки о животных, то есть такие сказки, в которых животное является основным объектом или субъектом повествования. Эти сказки являются самыми древними, в основе их появления лежат древние тотемические приращения, животные в них антропоморфны. Постепенно мир животных в сказке стал восприниматься как иносказательное изображение мира людей. В сказках появились элементы сатиры, за каждым из героев закрепились характерные черты, особенности поведения, а также способы их изображения и номинации.

Цель данного исследования – сравнить образы основных персонажей-животных в русских и турецких народных сказках для выявления сходных и отличительных черт различных культур.

В ходе исследования были рассмотрены 39 русских народных сказок из сборника В.П. Аникина и 19 турецких народных сказок, взятых из различных сборников. Наиболее часто героями русских сказок являются лиса (количество упоминаний - 18), медведь (12), волк (10), заяц (7) и петух (8). Такой же результат можно найти и в работе Ю. Мариничевой, где автор на материале 350 сказок представила частотность «присутствия» персонажей в русских сказках о животных. Так, на первом месте оказалась лиса – этот персонаж встречается почти в 50% сказок. Волк упоминается в 42%, медведь – 28%, заяц – 25% и петух – 18%. Классифицируя героев сказок о животных, автор называет эту пятёрку «главными» героями, а всех остальных – «второстепенными». [2, с. 225]. Любопытным оказывается тот факт, что первое место занимают дикие животные и одна домашняя птица.

В турецких сказках первое место занимает лиса (8 упоминаний), на втором месте – лев (7 упоминаний) и волк (7 упоминаний). Заяц встречается в четырёх сказках. Таким образом, в турецких сказках о животных наиболее частыми персонажами так же, как и в русских оказываются именно дикие животные, первое место из которых занимают хищники. Стоит отметить, что в турецких сказках домашние животные почти не представлены. Среди них лишь собака, баран и коза с козлятами. Домашние животные в русских сказках представлены более разнообразно: кот, собака, коза с козлятами, козел, баран, бык, свинья и овца. Как уже отмечали, одним из «главных» героев русских сказок является петух. Кроме него в сказках есть и другие домашние птицы: курица и гусь. Сказки только про домашних животных практически отсутствуют, домашние животные, как правило, появляются в соединении с лесными, а не как самостоятельные персонажи. В то время как дикие животные самостоятельно функционируют в большинстве сказок без своих домашних собратьев.

Из диких птиц героем турецких сказок стали аист и сова. В русских сказках мы встречаем журавля, тетерева, цаплю, дрозда, ворону и птичку-синичку. Помимо этого в ряде русских сказок в качестве героев фигурируют насекомые (паук) и рыбы (ёрш, щука, сом, карась, окунь, рак). В турецких же сказках такие персонажи нам не встретились.

Лиса. В общемировой мифопоэтической традиции среди многочисленных образов самых различных представителей животного мира сложился достаточно своеобразный, хорошо узнаваемый образ лисы, наполненный устойчивыми символическими значениями, почти неизменными у многих народов. В русских сказках о животных лиса самый популярный персонаж. В первую очередь она символизирует отрицательные характеристики: обман, лицемерие, коварство, хитрость. В то же время лиса наделена изрядным интеллектом, она хорошо разбирается в особенностях характера других персонажей. Так петушка лиса за-

влекает ласковой песенкой и предлагает выглянуть на улицу («Петушок-золотой гребешок»); в сказке «Лисичка-сестричка и волк» она притворяется мертвой, чтобы старик положил её на сани, где она смогла бы съесть всю рыбу и т.д.

Когда лиса оказывается в сложной ситуации, она всегда найдёт способ извернуться и остаться живой. «*Отдыхаю, голубчик, там, наверху, жарко, так я сюда забралась. Уже как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой – сколько хочешь!*» - так лиса заманивает козла в колодец, чтобы с его помощью самой выбраться наружу («Лиса и козёл»). Чтобы добиться цели, лиса способна не только льстить и хитрить, иногда она прибегает к угрозам. В сказке «Лиса и заяц» она угрожает расправой даже крупным зверям – быку, собаке, медведю: «*Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!*»

Лиса способна обхитрить различных героев: людей, домашних и диких животных. Главными врагами, которых лиса по-настоящему боится и против которых она не может применить свою хитрость – это собаки. Собаки же в сказках обычно представлены как безликие существа, они не разговаривают, у них нет имен. Еще одним антагонистом лисы является петух с косой, единственный персонаж, который обладает оружием.

В русской культуре лисой называют хитрого человека: *хитрый как лиса; ух, ты, лиса*. Как отмечают исследователи, именно поэтому в сказках лиса – это не просто лиса, это Лисичка, Лисичка-сестричка, Лиса-кумушка, Лисичка, Лисонька, Лиса-матушка. «Все эти имена призваны ввести в заблуждение, притупить бдительность наивного простака (зайца, петуха, утки) или расположить к себе конкурента (волка, медведя)» [4, с. 100].

Случается, что лиса попадает впросак, ведет себя глупо и недалечно, вызывает насмешку. «Как лиса училась летать», «Лиса и кувшин». Несмотря на свои способности, лиса в конце сказки часто оказывается наказанной. Как правило, более «слабые герои» побеждают её не силой, а смекалкой: «Лиса и рак», «Петушок-золотой гребешок» и др.

В некоторых сказках лиса всё же предстает добрым и заботливым персонажем. В сказке «Снегурушка и лиса» именно ей доверяется Снегурушка, отказав волку и медведю. Лиса помогает девушке, указывает её дорогу из леса домой. Из рассмотренных нами сказок это единственный случай, где лиса предстает в качестве полностью положительного персонажа, помощника.

В турецкой и русской культурах восприятие лисы довольно схожи. «После принятия ислама в тюркской культуре лиса стала известна своей трусостью, хитростью и одиночеством» [1, с. 123]. В турецком фольклоре лиса – это символ хитрости, несмотря на это, конкурентам часто удается победить лису и преподать ей хороший урок. В сказке

«Волк и Лиса» они вместе украли мед и спрятали его. Лиса тайно съела мед. Когда волк это обнаружил, он положил в банку свои нечистоты, и лиса, не заметив, съела это.

Во время опасности лисе удается спастись благодаря своему уму. В сказке «Лев Волк и Лиса» лев предложил волку разделить еду. «*Бык твой, коза для меня и кролик для лисы*», - решил волк. Льву это не понравилось, и он убил волка. Потом лев попросил лису разделить еду. Хитрая лиса отвечала: «*Кролик – вам на завтрак, бык – на обед, коза – на ужин*». Льву понравился такой ответ, и он разделил добычу с лисой. Лев спросил лису, как она научилась так делить. На что лиса ответила, что её научил волк, которого вы убили.

Иногда лиса проявляет и положительные качества, но только после излеченного урока. В сказке «Лиса, которая поняла свою ошибку» лиса и медведь были соседями. Медведь всегда разговаривал с лисой, но та никогда не обращала на него внимания. Однажды, когда на дом лисы упали брёвна, медведь пришёл ей на помощь. Тогда лиса поняла, что была несправедлива к своему соседу, раскаялась, и они стали жить дружно.

Таким образом, лиса в русских и турецких сказках наделена одинаковыми чертами – хитростью, лукавством, коварством, сообразительностью. Она способна обманывать диких и домашних животных, человека. Она всегда знает, как получить выгоду и остаться живой. Но иногда и она оказывается в проигрыше. В русских сказках о животных нам удалось найти и положительный образ лисы. В сказке «Снегурушка» Лиса предстает как помощница и защитница. В турецких сказках Лиса в таком амплуа не представлена.

Волк. Волк в русских сказках – это, пожалуй, главный хищник и враг домашних животных. Он злой, голодный и опасный. В то же время часто он предстаёт как глупый и очень доверчивый зверь. Его обманывают как домашние животные, на которых он охотиться, так и его «сестрица» лиса. Домашние животные всегда побеждают волка не силой, а хитростью. В сказке «Хитрый козёл» козёл встречая на пути волка, говорит, что идёт драться с другими волками. Волк сперва пугается, но потом предлагает побороться с ним. Тогда козёл говорит, что ему надо хорошо разбежаться. Волк соглашается, а козёл просто убегает домой.

Пожалуй, чаще, чем другие животные простодушием волка пользуется лиса. В сказке «Овца, лиса и волк», лиса, желая забрать себе овцу, предлагает волку поцеловать клятву и заставляет его опустить морду в капкан. Волк страдает от собственной доверчивости, и поэтому читателю даже становится его жалко. В сказке «Лисичка-сестричка и волк» Лиса дважды обманывает волка. Сначала предлагает ему ловить рыбу с помощью хвоста в замерзающей проруби. Волку приходится

убегать от деревенских баб, оставив свой хвост во льду. Побитый волк снова встречается лису, на голове у которой тесто. Лиса же говорит, что её так били, что мозги вылезли, и просит, чтобы волк её подвёз. Волк соглашается. Лиса же едет на волке и приговаривает: *«Битый небитого везёт»*.

В турецкой культуре волк имеет особое значение. Существует поверье, что турки являются потомками волков. Это животное считается священным и удачливым. Волк знаком всем как спасатель, путеводитель, помощник героев, ласковое, храброе, доброжелательное животное. [5, с.140]. Исследователи отмечают, что волк в турецкой мифологии связан с небом и является символом света, а также может менять обличье. [1, с. 122]. Однако в турецких сказках волк чаще представлен как злой, жадный и страшный хищник. При этом он не обладает умом в той степени, каким наделена лиса, и из-за этого всегда терпит поражение. В сказке «Волк и Баран» баран отбил от стада овец и повстречал волка. Волк спросил: *«Почему ты гуляешь в горах? Все горы мои. Я тебя съем»*. На что Баран ответил ему: *«Я не верю, что эти горы все твои. Сперва ты должен поклясться на святом угоднике, потом можешь съесть меня»*. Волк согласился. Святым угодником оказалась собака. Она бросилась на волка, а баран остался нетронутым. Похожую ситуацию мы видим и в сказке «Волк и Барашек».

Волк может проявлять хитрость и находчивость, но в конце сказки он всегда бывает наказан за свои злодеяния. В турецком фольклоре существует сказка с тем же сюжетом, что и в русском – «Волк и семеро козлят», в которой мама-коза наказывает волка, который съел её козлят.

Таким образом, мы видим, что волк в сказках обеих культур описан одинаково. С одной стороны, это хищный зверь, голодный и опасный, с другой – он глупый, наивный, часто становится жертвой обмана и всегда проигрывает.

Заяц. Заяц в русском фольклоре символизирует незащищенность, безобидность, робость и трусливость. Он все время попадает в беду. В сказке «Лиса и заяц» лиса выгоняет его из собственного дома. В сказке «Звери в яме» его съедают одним из первых, потому что он не может за себя постоять. В сказке «Зайцы и лягушки» зайцы вообще решают покончить с жизнью из-за того, что их все всегда обижают и хотят съесть: *«Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь: – И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться, давайте утопимся!»*

Положение зайца как маленького и незащищенного существа подчеркивает и его именование – «зайчик». В отличие от лисы, медведя, волка, его никто никогда не называет братом, кумом или по имени-отчеству. Как правило, это слабый герой, на помощь которому прихо-

дят разные животные: петух, собака, медведь. Именно заяц выражает народную мудрость о том, что младшим и слабым нужно помогать.

Однако и заяц может быть полезным и прийти на помощь в трудную минуту. В сказке «Заяц-хваста» заяц уводит в сторону собак и тем самым спасает ворону. *«Раз сидела ворона на заборе, собаки ее подхватили и давай мять, а заяц это увидел. «Как бы вороне помочь?» Выскочил на горочку и сел. Собаки увидели зайца, бросили ворону – да за ним, а ворона опять на забор. А заяц от собак ушел».*

Еще один из стереотипов, который закрепился за зайцем – это хвастовство. Не обладая выдающимся умом, силой или храбростью, заяц хвастается своими способностями. *«У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи – я никого не боюсь».*

В тюркских поверьях заяц является символом достатка, хитрости и везения. У турков-шиитов же считается невезучим животным. [6, с. 179]. В турецких сказках заяц немного наивный, но иногда показан как довольно умный герой. В сказке «Конец зла» заяц с сыном пошёл на базар. По дороге они встретили шакала, который к ним присоединился. Потом они встретили тигра, льва, змею. Сын зайца очень боялся, но заяц сказал ему, чтобы тот не боялся, потому что концом зла является добро. Пока они шли, тигр убил шакала, за то, что тот не принес воды. Затем лев убил тигра, змея льва. Когда змея осталась единственной угрозой, заяц сказал ей: *«Люди не разрешают тебе проходить через мост. Но я могу помочь, заползай в горшок и я перенесу тебя».* Змея заползла в горшок, заяц закрыл его и выкинул в воду.

В сказке «Конец ленивого зайца» этот персонаж показан как очень ленивый персонаж. Однажды в лесу закончилась вода. Чтобы найти воду, звери по велению льва начали копать землю, только один заяц не работал, а спал. Когда же звери нашли воду, то принесли попить и зайцу, который к тому времени уже проснулся. Заяц понял, что вёл себя неправильно, и раскаялся.

В описании образа зайца мы также находим общие черты, как в русском, так и турецком фольклоре. Это незащитное слабое существо, которого постоянно пытаются съесть дикие животные. Он добрый, дружелюбный, честный, наивный. В русских сказках зайцу приписывают хвастовство, а в турецких – лень. В сказках обеих культур Заяц – это символ трусости.

Медведь. Одной из отличительных черт сказок о животных русского и турецкого фольклора проявляется в наличии таких персонажей как лев и медведь. В турецких сказках лев является одним из популярных персонажей, а медведь никак не представлен. В русских сказках наоборот – лев представлен только в одной сказке «Лев и щука», которая по своей структуре более тяготеет к басне. В то же время Медведь – один из известных персонажей. Мы решили сравнить эти образы на

том основании, что оба они являются самыми крупными животными, хозяевами леса, главными зверями в иерархии животного мира.

Медведь в русском фольклоре играет роль грубого, глупого, неуклюжего героя, который думает, что силой можно решить все проблемы («Терем мышки»). Медведь проявляет черты бесхарактерного персонажа, идущего легко на поводу у других и не имеющего своего мнения. Так же, как и волк, он часто становится жертвой обмана лисы. В сказке «Медведь и лиса» лиса не только съедает весь мёд, но и заставляет медведя думать, что это он всё съел.

В русских сказках медведь, волк и лиса составляют «дружескую» компанию. Однако когда речь заходит о жизни и смерти или о разделе добычи, то лиса всегда становится сама по себе и обманывает доверчивых собратьев. В сказке «Звери в яме» эта троица сначала съедает всех «слабых» животных. Когда же в яме остаются только волк и лиса, лиса заставляет медведя подумать, что она ест свои внутренности. Наивный хищник решает последовать её примеру.

Медведь – хозяин леса, и обращение к нему животных почти-тельное, его так и называют – Михайло Иванович. Уважительно к медведю относятся и люди. Но и они, пользуются его доверчивостью и обманывают. В сказке «Мужик и медведь» мужик дважды обманывает медведя, подменив ему вершки и корешки.

С другой стороны, медведь добрый, сильный, и способен защищать слабых. В сказке «Медведь и собака» медведь спасает изгнанную из дома собаку от голодной смерти, а та потом помогает медведю.

Медведь бывает достаточно трусливым. В сказке «Лиса и заяц» медведь пытается помочь зайцу, которого лиса выгнала из дома, но, как и другие звери, боится угроз лисы и убегает прочь. В сказке «Кот и лиса» медведь испугался кота, который взобрался на дерево, где сидел медведь. *«Ну, – думает медведь, – увидел он меня!» Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева об землю, все печенки отбил, вскочил – да наутек».*

Лев. Лев – царь зверей. Именно в этой роли он предстаёт и в турецком фольклоре. Он сильный, большой, мужественный. В сказке «Лев, Волк и Лис» отчетливо проявляются его качества. Льва все уважают и боятся за его силу и лидерство. Лев может наказать и отблагодарить по своему решению. В то же время лев наделён мудростью, которую он использует в свою пользу. Так он наказал волка, который хотел разделить всю добычу поровну, и отблагодарил лису, которая предложила разделить мясо в пользу Льва.

Ко льву, как к лидеру, животные обращаются в случае беды. В сказке «Конец Ленивого Кролика» звери остались без воды и пришли за помощью ко льву. С решением льва никто не спорит. Хотя лев является хищником, у него доброе сердце, он помогает слабым. Лев – носи-

тель мудрости. Он помогает не только силой, но и полезными советами. В сказке «Страдания Волчицы» волчица думает, что если она родит много волчат, то будет очень сильная. Она смогла родить только четверых и очень сильно расстроилась. На что лев сказал ей: «Важно не родить много волчат, а хорошо воспитать их. Если ты хорошо воспитаешь их, они будут сильные, а значит, и их мать тоже».

Образы льва и медведя в сказках обеих культур во многом схожи – они обладают силой, пользуются уважением как среди животных, так и среди людей. В то же время эти «правители» наделены разными чертами: Лев – это правитель, к которому обращаются в случае беды, он обладает мудростью и всегда знает, как поступать. Он сильный и грациозный, пользуется непререкаемым авторитетом. Медведь же, наоборот, неуклюжий, сам часто попадает в смешные и неловкие ситуации. Он немного глуповат, доверчив и даже иногда труслив.

Сравнив персонажей русских и турецких сказок, можем заключить, что в сказках обеих культур фигурируют следующие животные: волк, лиса, заяц, медведь, баран, коза, собака, мышь. К уникальным героям турецких сказок относятся: лев, тигр, слон, шакал, белка, олень, змей, аист, сова. К уникальным героям русской сказки относятся: петух, кот, лягушка, бык, свинья, козёл, овца, тетерев, цапля, журавль, птичка-синичка, курица, петух, а также насекомые и рыбы. Безусловно, такое различие связано, прежде всего, с теми природными условиями, в которых жил человек. Представители той или иной культуры всегда отражают в фольклоре те явления, которые его окружают и волнуют.

Сказки только про домашних животных практически отсутствуют. Домашние животные, как правило, появляются в соединении с лесными, а не как самостоятельные персонажи. По сравнению с турецкими сказками русский фольклор дает нам более разнообразную картину домашних животных.

Центральными персонажами в русских сказках являются, лиса, медведь, волк заяц и петух. В турецких – лиса, волк, лев и заяц. То есть первое место в фольклоре обеих культур занимают дикие животные, преимущественно – хищники. Из сказки в сказку они проявляют схожие черты характера. Эти животные отражают существующие в национальной традиции стратегии поведения. Они являются не только персонажами, но и типажам, носящими имя лисы, волка и т.д. Сравнительный анализ главных героев русских и турецких сказок о животных позволяет сделать выводы, что персонажи во многом выписаны одинаково, отражают схожие модели поведения и характеры, закреплённые за одинаковыми героями. В то же время им присущи некоторые особенности, свойственные мировоззрению того или иного народа.

Литература

1. Баштабак, А.Ш. Отражение названий животных во фразеологизмах русского и турецкого языков / Баштабак, А.Ш. // Международный научный журнал «Символ науки» – №3/2016. – С. 120–125.
2. Мариничева, Ю. Русские сказки о животных: система персонажей / Мариничева Ю. // Антропологический форум. – № 15, 2011. – С. 216–233.
3. Пименова, М.В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) / Пименова М.В. // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12, № 5. – С.11–20.
4. Чой Кен Нам. Лиса и заяц в русских и корейских народных сказках / Чой Кен Нам. // Русская речь – 6/2007 – С. 99 – 101.
5. Bayram Erdoğan. Sorularla Türk Mitolojisi. Pozitif Yayınları – 2007.
6. Çoruhlu, Yaşar, Türk Mitolojisinin ABC'si, Kabalcı Y. – İstanbul – 1999.

References

1. Bashtabak, A.SH. Otrazhenie nazvanij zhivotnyh vo frazeologizmah russkogo i tureckogo yazykov / Bashtabak, A.SH. // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Simvol nauki» – №3/2016. – S. 120–125.
2. Marinicheva, YU. Russkie skazki o zhivotnyh: sistema personazhej / Marinicheva YU. // Antropologicheskij forum. – № 15, 2011. – S. 216–233.
3. Pimenova, M.V. Konceptologiya na sovremennom etape (sposoby issledovaniya konceptual'nyh struktur) / Pimenova M.V. // Gumanitarnyj vektor. – 2017. – T. 12, № 5. – S.11–20.
4. Choj Ken Nam. Lisa i zayac v russkih i korejskih narodnyh skazkah / Choj Ken Nam. // Russkaya rech' – 6/2007 – S. 99 – 101.
5. Bayram Erdoğan. Sorularla Türk Mitolojisi. Pozitif Yayınları – 2007.
6. Çoruhlu, Yaşar, Türk Mitolojisinin ABC'si, Kabalcı Y. – İstanbul – 1999.

УДК 82'282

К. Т. Утегенова, А. Амангалиева
Уральск, Казахстан

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ КОММИКСОВ)

***Аннотация.** В статье рассматриваются мифологические образы и мотивы в современной литературе. Авторы приходят к выводу, что характерной чертой современной культуры является тенденция обращения к прошлому; трансформация мифологии привела к возникновению фэнтези, а в основе комиксов содержатся элементы и мифологии, и фэнтези.*

***Ключевые слова:** мифология, мифологический мотив, комикс, прототип.*

***Сведения об авторе:** Утегенова Карлыга Таскалиевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской филологии. Амангалиева Айнур, магистрант.*

K. T. Utegenova, A. Amangalieva
Uralsk, Kazakhstan

MYTHOLOGICAL IMAGES AND MOTIFS IN MODERN LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF COMIXES)

***Abstract.** The article deals with mythological images and motifs in modern literature on the example of comics. The authors conclude that a characteristic feature of modern culture is the tendency to turn to the past; the transformation of mythology led to the emergence of fantasy, and the basis of comics contains elements of mythology and fantasy.*

***Key words:** mythology, mythological motive, image, comic, prototype.*

***About the author:** Utegenova Karlyga Taskalievna, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of Russian Philology. Amangalieva*

Известно, что современная литература содержит мифологические образы и мотивы. Новое прочтение мифологии на основе современного литературного материала сегодня становится особенно актуальным. Классический миф в современных условиях функционирует в виде образов и мотивов.

Современный человек не может представить свое существование без средств массовой коммуникации. Они заполнили общество в начале XX в. и осуществили переход от вербальной культуры к визуальной. Мир и его технологии продолжают развиваться и с каждым появляются все новые средства коммуникации. Изменяется подача информации, ее усвоение и восприятие, а также влияние на аудиторию. В связи с этим особую популярность в настоящее время приобрел комикс и визуально-текстовый способ общения.

Комиксы (букв. – «комичный», «смешной») появились в конце XIX в. и получили широкое распространение в середине XX в. Современные исследователи суть комикса сводят к тому, что это серия рисунков, повествующая определенную историю и несущую в себе объединенные понятия повествования и визуального действия.

По словам Д. Злотницкого, история появления комиксов начинается с XVI-XVII вв. с Валенсии и Барселоны, где впервые продавались рассказы в картинках о жизни святых, напечатанные на цветной бумаге. Подобные истории получили название «аллилуйя». Они достаточно быстро распространились по Европе, в том числе во Франции и Германии [1, с. 7].

В XIX в. комиксы стали неотъемлемой частью жизни людей. Они выпускаются издательствами многомиллионными тиражами, по ним снимаются фильмы. Они часть молодежной субкультуры. В них поднимаются религиозные, политические и психологические проблемы, что волнуют каждого члена общества.

В. С. Захаров анализирует мифологические истоки мотивов и образов в современных комиксах, выявляя значимые сходства и различия. Все эти миры в комиксах, по его мнению, являются творческой переработкой образов, созданных в античных мифах [2, с. 38-41].

В наше время главные герои комиксов – это борцы за справедливость, четность и добро, хоть и первоначально такой задумки не предполагалось.

Анализ научной литературы позволили сделать вывод о том, что мифология неизменно присутствует в современной литературе. Мифо-

логии свойственно образное формообразование, в котором, сменяя друг друга, непрерывно струятся потоки мифологических образов [3, с. 58-59].

В постоянном взаимодействии находились и не перестают находиться мифология и литература. Это взаимодействие протекает в двух формах: непосредственно, в виде проникновения мифа в литературу, и опосредованно – через изобразительное искусство, ритуалы, народные празднества, религиозные мистерии, а также через эстетические и философские учения и фольклор [4, с. 58].

Известно, что для современного общества существуют следующие формы мышления: религиозные, художественные, философские и научные. Они построены на аспектах мифологического мышления, и она является прародителем мифологии. В свою очередь, мифология лежит в основе такого жанра современной литературы как фэнтези. Д. Лопухов писал о том, что фэнтези представляет выдуманную реальность как настоящую, а преобразованный порядок вещей так, как будто бы так положено [5, с. 3-4]. Такая же реальность прослеживается и в комиксах. События комиксов происходят в настоящее время в настоящих городах с реальными людьми. Правдоподобность всех этих событий не дает человеку усомниться в их реальности.

Анализ теоретической литературы позволяет выделить несколько жанровых особенностей мифологии и фэнтези, которые присущи современным комиксам. Это такие черты как космогонизм, реалистичность и правдоподобность, противостояние добра и зла, цикличность, эсхатология и т.д.

Реалистичность и правдоподобность комиксам придают несколько особенностей: сюжет, рисунок, реалистичность персонажей комиксов, текст и звукоподражание.

Также прототипами некоторых героев комиксов являются образы мифологии. Возьмем, к примеру, образ Бога Грома Тора, который является одним из важнейших супергероев Вселенной Marvel. Он впервые появился в комиксе «Journey into Mystery #83». По характеру супергерою из комиксов – благородный, храбрый и смелый, но в нем были и такие качества, как эгоизм, заносчивость и тщеславие. Художники Marvel Comics сделали супергероя мускулистым голубоглазым блондином, который появлялся в красном плаще, специальном шлеме с крыльями и защитной экипировке. Помимо прочего, сын Одина умеет парить в воздухе, регенерирует полученные раны, обладает бессмертием, острым зрением, божественным чутьем и другими качествами [6].

Нами сделана попытка сравнительно-сопоставительной характеристики образа Тора в мифологии и комиксах (табл. 1).

Таблица 1 – Образ Тора в мифологии и комиксах

ТОР	МИФ	КОМИКС
Происхождение	1)Один из асов (первопредок всех богов) 2)Сын Всеотца Одина	Сын царя Одина
Сила	скорость, выносливость, ловкость, стойкость, неуязвимость, регенерация, перерождение (реинкарнация), удлинённый период жизни, замедленное старение, контроль над погодой, полёт, способность призывать молнии, иммунитет ко всем ядам, болезням, токсинам	
Личные качества	простодушный, благородный, храбрый, смелый, эгоистичный, заносчивый	
Атрибуты	молот Мьёлльнир, пояс силы, железные рукавицы, колесница с двумя козлами	молот Мьёлльнир, пояс Мегингёрд, багровая рука
Внешний вид	рыжие волосы	блондин
	в красном плаще, специальном шлеме с крыльями и защитной экипировке	

Итак, мы видим некоторые отличия образа Тора в мифологии и комиксах. Образ героя и его способности заимствованы из германоскандинавской мифологии с некоторыми изменениями. Мы видим, что происхождение бога в мифологии рассказывается по-разному. Сила и личные качества образа в комиксах не имеют различий с образом из мифологии. В комиксах у Тора не имеются железных рукавиц и колесницы с козлами, как в мифологии. Имеются также некоторые отличия во внешнем виде героя.

Таким образом, мы не можем не согласиться, что характерной чертой культуры является тенденция обращения к прошлому. Мифы, накопленные культурой многих народов на протяжении столетий, дали мощный толчок развитию комиксов, в основу композиции которых легли мифологические образы из наследия прошлого. Миф как специфическая форма повествования на протяжении истории культуры подвергся значительной трансформации, которая происходила на основании выделения и сложного взаимодействия творческого мышления из мышления мифологического. Так в современности возник такой жанр литературы как фэнтези. Комиксы, в свою очередь, объединили в себе элементы и мифологии, и фэнтези.

Литература

1. Злотницкий Д. Врата Миров: Фантастические комиксы / Мир фантастики. 2007, № 45. – 12 с.
2. Захаров В. С. Мифологические мотивы и образы в комиксах / Челябинский гуманитарий – 2013, № 4 (25). – С. 38-41.
3. Найдыш В. М. Мифология. – М.: Издательство «КноРус», 2015. – 432 с.
4. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 155.
5. Лопухов Д. Что такое фэнтези? [Электронный ресурс] / Д. Лопухов. – Режим доступа: http://mars-x.ru/san/1/17_1.shtml. (Дата обращения: 14.02.2019).
6. Путешествие в тайну #83. Самый захватывающий супергерой всех времён / Сценарий: Стэн Ли; художник: Джек Кирби; редактор: Арти Симек. – Нью-Йорк: Marvel Comics, июль 1952. – 14 с.

References

1. Zlotnickij D. Vrata Mirov: Fantasticheskie komiksy / Mir fantastiki. 2007, # 45. – 12 с.
2. Zaharov V. S. Mifologicheskie motivy i obrazy v komiksah / Cheljabinskij gumanitarij – 2013, # 4 (25). – S. 38-41.
3. Najdysh V. M. Mifologija. – M.: Izdatel'stvo «KnoRus», 2015. – 432 s.
4. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe. – M.: «Progress» – «Kul'tura», 1995. – S. 155.
5. Lopuhov D. Chto takoe fjentezi? [Jelektronnyj resurs] / D. Lopuhov. – Rezhim dostupa: http://mars-x.ru/san/1/17_1.shtml. (Data obrashhenija: 14.02.2019).
6. Puteshestvie v tajnu #83. Samyj zahvatyvajushhij supergeroj vseh vremjon / Scenarij: Stjen Li; hudozhnik: Dzhek Kirbi; redaktor: Arti Simek. – N'ju-Jork: Marvel Comics, ijul' 1952. – 14 s.

УДК 81'27

К. Т. Утегенова, С. Илекеева

Уральск, Казахстан

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОВТОРОВ КАК СИНТАКСИЧЕСКОГО СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ КАЗАХСТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

Аннотация. В данной работе на конкретных примерах рассматривается употребление в публичной речи казахстанских политиков некоторых видов повторов как одного из самых распространенных синтаксических средств интенсификации высказывания и средства усиления экспрессивности политического дискурса. Авторы уделяют внимание повтору-градации и повтору контрастирующего содержания.

Ключевые слова: политический дискурс, публичная речь, повтор, экспрессивный синтаксис.

К. Т. Utegenova, S. Pekeyeva

Uralsk, Kazakhstan

THE USE OF REPETITIONS AS A SYNTACTIC MEANS OF ENHANCING THE EXPRESSIVENESS OF PUBLIC SPEECH OF KAZAKH POLITICIANS

Abstract. In this paper, the use of certain types of repetitions in the public speech of Kazakh politicians is considered as one of the most common syntactic means of intensification of statements and means of strengthening the expressiveness of political discourse. The authors pay attention to the repeat-gradation and repeat contrasting content.

Key words: political discourse, public speech, repetition, expressive syntax.

Сведения об авторе: Утегенова Карлыга

About the author: Utegenova Karlyga

Таскалиевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русской филологии. Илекее-
ва Сабина, магистрант.

Место работы: Западно-Казахстанский
государственный университет имени
М. Утемисова.

Контактная информация: 090000 г. Уральск, пр. Нур-Султан, 162, каб. 231
e-mail: karlyga@bk.ru.

Taskalievna, candidate of pedagogical Sci-
ences, associate Professor of the Depart-
ment of Russian Philology.

Ilekeyeva Sabina, undergraduate.

Place of work: West Kazakhstan state
University named After M. Utemisov.

Активное исследование политического дискурса в современной лингвистике началось с конца XX века, на это повлияло бурное развитие демократических процессов в постсоветском пространстве, вследствие чего социум проявил внимание к политической речи и новым процессам в общественно-политической жизни.

Политический дискурс (ПД) включает в себя всю многогранность этого понятия, поэтому в научных лингвистических исследованиях он рассматривается достаточно широко и многогранно.

Существует несколько подходов к классификации функций ПД. Изучение литературы показывает, что они имеют различные наименования, однако являются совпадающими по своей сути или взаимодополняющими. Так, А. П. Чудинов выделяет семь функций языка политического дискурса: коммуникативную, побудительную, метаязыковую, фатическую, эмотивную, когнитивную и эстетическую [1, с. 81-88].

Иную типологию функций ПД предлагает Е. И. Шейгал, вычленив функции ориентации, интеграции и атональности. По ее мнению, данные функции приобретают для политического дискурса особое значение в силу того, что реализация данных функций сопряжено с употреблением знаков, формирующих семиотическую базу ПД [2].

Особенно интересным представляется нам изучение применения экспрессивных синтаксических конструкций (ЭСК) в политическом дискурсе.

В последние годы наблюдается повышенный интерес российских и зарубежных ученых к экспрессивной функции языка отмечается и в исследовательских работах зарубежных лингвистов. Прежде всего, требуется выяснение вопроса, что представляет собой экспрессивность.

ЭСК как средство выражения лингвистических категорий эмотивности, экспрессивности, оценочности, интенсивности находят отражение ПД из-за своей тематики и информативности. Информационный повод, которым в настоящем исследовании являются события политической жизни Казахстана, благоприятствует актуализации воздействующей функции ПД.

Анализ трудов В. Н. Телия [3], Л. К. Жаналиной [4], В. И. Шаховского [5], Е. И. Шейгал [2], посвященных разным аспектам

экспрессивности, дает возможность прийти к некоторым выводам: 1) экспрессивность относится к прагматической области, которая оказывает воздействие на силу высказывания; 2) стимул экспрессивности – комплексное употребление таких элементов значения, как эмоциональность, образность, интенсивность и оценочность; 3) эмоциональная и оценочная функции свойственны языковым единицам с адекватными значениями, а экспрессивная – ответная рефлексия на них в ситуации речевой деятельности; 4) экспрессивность учитывает позицию и интересы адресанта и рассчитана на реакцию адресата, в этом случае она однонаправленна.

Рассмотрим на конкретных примерах употребление в публичной речи казахстанских политиков некоторые виды повторов, который является одним из самых распространенных синтаксических средств интенсификации высказывания и средством усиления экспрессивности ПД.

Повтор-градация – один из наиболее употребительных в художественной речи, но недостаточно изученных приемов экспрессивного синтаксиса. В лингвистике нет единого понимания сущности этого приема, отсутствует полная общепризнанная классификация градационных рядов, не выявлены все функции градации в ПД.

Наблюдаем использование повтора-градации в казахстанском ПД: «*Голосуя за курс стабильности и процветания, каждый казахстанец голосовал за свое будущее и будущее своей семьи, за страну, за Родину!*» - здесь отмечаем восходящую градацию, когда последующий повтор усиливает предыдущий - (из выступления на церемонии вступления в должность Президента РК 08.04.2011 Назарбаева - <http://today.kz/news/kazakhstan/2011-04-08/129667-news/>).

Повтор лексемы «будущее» усиливает экспрессию предложения, будучи использованным по возрастанию экспрессии, вначале автор текста говорит о будущем каждого конкретного казахстанца, затем усиливает экспрессию, говоря о том, что своим выбором они думали и о своем будущем, и о будущем семьи, страны, Родины. Такой вид градации является одним из распространенных в экспрессивном синтаксисе.

В речи других политических деятелей также встречается повтор-градация: «*В нужное время нам нужны в нужном месте нужные люди с нужными навыками*» (нисходящая градация), «*Эффективность образования - это во многом эффективность экономики*» (восходящая градация), «*Конкурентоспособность кадров - конкурентоспособность экономики и страны в целом*» (восходящая градация), «*И это проблема не только у нас в Казахстане, это проблема практически всех стран постсоветского пространства*» (восходящая градация), «*Это сейчас зависит от нас с вами, от нашей работы, от нашего подхода*»

к делу» (восходящая градация), *«Можно просто наблюдать за происходящим и плыть по течению, ничего не привнося в происходящее, а можно "грести веслами"!»* (восходящая градация) - (09.10.2018 Время требует развития экономики знаний: интервью с Крымбеком Кушербаевым https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kryimbek-kusherbaev-vremya-trebuets-razvitiya-ekonomiki-355197/).

Таким образом, градация понимается как стилистическая фигура, состоящая в таком расположении частей высказывания (слов, отрезков предложения), при котором каждая заключает в себе усиливающееся (реже уменьшающееся) смысловое или эмоционально-экспрессивное значение, благодаря чему создается нарастание (реже ослабление) производимого ими впечатления.

Повтор контрастирующего содержания. Исследование казахстанского ПД показало, что повторы могут употребляться и в функции противопоставления. Наш анализ показывает, что больше всего в контрастивной функции используются лексические средства, которые имеют антонимичную семантику (собственно антонимы, контекстуальные антонимы и отрицательные частицы) и служат для создания семантики противопоставления во всем предложении. Употребление лексических средств в контрастивной функции влияют на экспрессивность синтаксиса.

Например: *«Мое трехдневное пребывание в ауле Кулыкол были насыщенными на события. Встретился с жителями, пообщался с аксакалами аула. Они рассказали о жизни самого отдаленного села нашего региона. Несмотря на то, что Кулыкол считается «глубинкой», здесь кипит жизнь. Почти все жители занимаются животноводством, в каждом дворе как минимум 15-20 голов КРС. Скот пасут на мотоциклах», - написал аким. По его информации, сейчас в селе проживает 800 человек. Последние годы население не уменьшается, наоборот молодежь возвращается в родное село. Практически нет пустующих домов...»* (новости политики от 2019-04-04 - Аким СКО рассказал, как три дня жил в ауле - <https://politics.nur.kz/1786932-akim-sko-rasskazal-kak-tri-dna-zil-v-aule.html>).

Данный пример является иллюстрацией к такому понятию, как «моральный долг». Адресант путем употребления контрастирующих повторов призывает к жизни в самом отдаленном селе региона (повтор через употребление лексемы «глубинка»), в которой кипит «жизнь». Следующий контрастирующий повтор мы усматриваем в употреблении слова «животноводство» (повтор через синонимичные лексемы «КРС», «скот») и его антонимичной пары в данном контексте «мотоцикл», понимаемой нами следующим образом: не обязательно скакать на «неудобной» лошади, чтобы пасти скот, можно данный процесс сделать цивилизованным – пасти скотину, катаясь на мотоцикле.

Призывность данной публичной речи однозначна, адресант в контексте апеллирует к адресату через обращение к его менталитету, традиционализму, генетическим корням, так как издревле степь (казанов) кормило не земледелие, а животноводство, наличие которого считалось (и считается по сей день) основой материального благосостояния аула как основы государства. Эта призывность к возвращению к своим истокам репрезентируется через ЭСК путем употребления приема контрастирующего повтора: *население не уменьшается (синонимичный повтор «нет пустующих домов»), наоборот молодежь возвращается в родное село*. Как видим, противопоставление достигается и за счет противоположного семантического значения слов, и через синонимичный повтор.

В данной работе сделана попытка рассмотрения повтора как одного из наиболее распространенных ЭСК, употребляемых с целью интенсификации высказывания. Приоритетной задачей каждого адресанта ПД является воздействие на читателя через презентацию своей идеи, своей картины мира, своей идеологии. Для этого авторы часто обращаются к различным приемам и средствам, одним из которых является использование повторов.

Подводя некоторый итог сказанному, необходимо отметить, что сделанные выводы не претендуют на полноту изложения материала и могут быть представлены как перспектива дальнейшего развития темы.

Литература

1. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. Пособие/ - М.: Флинта, Наук». 2006. – 254 с.
2. Шейгал Е. А. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
3. Телия В. Н. Коннотация // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.
4. Жаналина Л. К. Интегративное словообразование: монография. - Алматы: КазНПУ им. Абая, 2011. - 492 с.
5. Шаховский В. И. Эмоции в коммуникативной лингвистике // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М.: Языки славянских культур, 2009.

Reference

1. Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika: Ucheb. Posobie/ - M.: Flinta, Nauk». 2006. – 254 s.
2. Shejgal E. A. Semiotika politicheskogo diskursa. – M.: Gnozis, 2004. – 326 s.
3. Telija V. N. Konnotacija // Russkij jazyk: Jenciklopedija. – M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija; Drofa, 1997. 4. Zhanalina L. K. Integrativnoe slovoobrazovanie: monografija. - Almaty: KazNPU im. Abaja, 2011. - 492 s.
5. Shahovskij V. I. Jemocii v kommunikativnoj lingvistike // Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo. – M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009.

Н.В. Шестеркина
Саранск, Россия

**МАГИЯ ОРЕШНИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ НАРОДНЫХ РУС-
СКИХ ЗАГАДОК)**

Аннотация. В статье подробно анализируются народные загадки об орешнике и орехах, которые использовались для магических целей, в виде оберегов. Орех имеет и эротические коннотации.

Ключевые слова: Орешник, орех, загадки, магия, эротика

Сведения об авторе: Шестеркина Наталья Викторовна, доктор филологических наук; доцент; профессор кафедры теории речи и перевода.

Место работы: НИУ Мордовский государственный университет.

Контактная информация: 430005, г. Саранск, РМ, ул. Большевикская, д.68, ауд. 655. nvshest@mail.ru

• N.V. Shesterkina
• Saransk, Russia

• **MAGIC OF A NUTWOOD
• (BASED UPON RUSSIAN
FOLK RIDDLES)**

Abstract. In the article folk riddles about nutwood and nuts that were used for magic goals and as amulets are analyzed. A nut also has erotic connotations.

Key words: Nutwood, nut, riddles, magic, erotics

About the author: Shesterkina Natalya Viktorovna, doctor of philological sciences; associate professor; professor of the Department of Theory of speech and Translation.

Place of work: The Mordovian State University.

Орех (лещина) – дикорастущий кустарник, приносящий плоды, употребляемые в пищу, что определяет орешник к сфере природы и культуры. Орешник (лещина) – единственный орех среди «орехов», король всех ореховых суеверий, одно из наиболее часто использовавшихся европейцами в магических целях священных деревьев. Богами, связанными с орешником, были у германских народов Один, у кельтов – Луг, у славян – Велес, у греков – Гермес, у римлян – Меркурий. Это дерево является одним из наиболее тесно связанных с волшебством как таковым, с магией. Этот орешник плодоносит орехами мудрости (орехами знания).

Отведавший этих орехов, или хотя бы съевший животное, питавшееся ими, сам получает магическую мудрость и дар предвиденья.

Во время цветения орешника самих цветов не видно, т. к. женские соцветия лещины спрятаны внутри особых почек и состоят из очень мелких плотно расположенных цветков. Это явление было уже зафиксировано и в народных загадках:

(1774 М) *Цветет, а никто цвета не видит.*

Для анализа загадок в качестве основного источника мы использовали словарь В. В. Митрофановой [1968, М], а в качестве дополнительных – словари М. А. Рыбниковой [1932] и Д. Садовникова [1901] (сокращенно [Р] и [С]).

Орешник в древности использовался для защиты от молний, поскольку считалось, что в него никогда «не бьет гром». Веточки и крестики из лещины размещали в домах и на полях, считая, что защищены

ные орешником места гроза обойдет стороной. Орешник применялся, например, в виде оберегов, для защиты от того, что в народе именуется нечистой силой. Именно ореховым прутом славяне очерчивали вокруг себя магический круг. (И. Абрамов <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/8177>).

Орешник служил местом совершения обрядовых действий, он – один из наиболее часто использовавшихся для магических целей кустарник. В рязанских вариантах сказки-легенды о Петре и Февронии Муромских упоминается куст лесного ореха, под которым, якобы, молилась Феврония, которая была самой святостью. Она прославилась и своего мужа, хотя в народе ее считали дурочкой. У восточных славян есть этиологические легенды, восходящие к эпизоду бегства Святого семейства в Египет. В них орешник, вместе с елью и березой, оказался среди «помощников». Она опустила ветки и укрыла Богородицу с Младенцем от преследователей и обеспечила им покой и отдых [Агапкина 2019: 134].

Лещинные орехи очень популярны в народе, люди с удовольствием ели и едят эти полезные и очень вкусные орешки (для некоторых не совсем понятных слов даются объяснения):

(1797 М) *В лесу на поляне Стоит кудрявый Ваня в зеленом кафтане. Богач не велик, а орешками наделит;*

(1775 М) *Вишу высоко, падаю низко, снаружи горько, а внутри сладко* (монолог самого ореха);

(1781 М) *Росло-повыросло, из куста повылезло, по рукам покатилося, на зубах очутилось;*

(1783 М) *Росло-повыросло, с листьев повылезло, кончик закрутился, каждому полюбился;*

(1782 М) *На кусте родился, под куст скатился, на руках очутился;*

(1784 М) *На дереве выросло, из коробки вылезло;*

(508 Р) *Маленькая дежечка, Вкусненькое тестечко.*

(*Дежа, дежечка* – хлебное тесто (квашня), а также деревянная кадушечка для его приготовления. В традиционной культуре восточных славян – символ достатка и благополучия);

(509 Р) *Горшочек маленький – кашка сладенька;*

(512 Р) *Чем дальше ем, тем больше остается.*

Лесные орехи считаются символом удачи. Если в одной скорлупке находится два ореха, нужно было съесть один из них, а второй кинуть через левое плечо и загадать желание – оно непременно сбудется:

(1792 М) *Висело, висело, висело – расшиблось, стало два корытца.*

Далее дадим более подробную информацию об орехах:

(1793 М) *Нет ни окон, ни дверей, посредине – архирей.*

(*Архи(е)рей* – (греч. *archiereus*), или епископ (греч. *episkopos*), – в православной церкви лицо, принадлежащее к высшему чину священнослужителей). *Архиреем* назван сам *орех* как один из самых лучших.

(1794 М) *Кто лежит в костяной коже?*

(1795 М) *Маленький мужичок – костяная шубка.*

(1796 М) *Мальчик в луже; – хвостик наруже.*

В загадке бывает много двусмысленности. Часто в них эвфемистически изображаются действия сексуального характера, при этом в загадке бывает нейтральный денотат, не имеющий ничего общего ни с эротикой, ни тем более с сексом [Фролова 2017: 245]. Однако это не случай с загадками об орехах. По С. Я. Сендеровичу, народная загадка принадлежит особой культуре веселой ритуализованной игры, где обретается жизненно необходимое знание. Она проводит испытуемого между смешным и постыдным. Личная вовлеченность обеспечена в этой игре поддразниванием, а выход обеспечен коллективной мудростью. Веселье здесь оправдывает затруднения и испытания, которым подвергается участник в процессе обучения. При этом смех может выполнять три функции: 1) подбадривания в процессе загадывания загадки; 2) подтверждения преодоленной трудности (совместный смех загадывающих и испытуемого) и 3) насмешки над провалившимся [Сендерович 2008: 193].

Этот же автор пишет, что древняя классическая загадка должна отвечать следующим признакам: 1) быть причастной к табуированному сексуальному содержанию в его архетипических гротескных конфигурациях; 2) выражать его в форме фигуры сокрытия с двойной разгадкой, произносимой и непроизносимой; 3) соединять в своем описании метафорическое и буквальное изображения; 4) использовать рекуррентные мотивы устной традиции; 5) называть в декларируемой разгадке предмет, пародийно сходный с латентным предметом и тем самым завершать гротеск... [Сендерович 2008: 194].

Однако Т. А. Агапкина думает об этом в загадках об орехах немного по-другому, интерпретируя перечисленные ниже загадки как описание полового акта, что не имеет никакой двусмысленности. Ветка орешника выступает инструментом чудодейственной и колдовской магии. Она связывалась с обретением счастья, успеха, удачи. Цвет лещины в рождественскую ночь помогает парням и девушкам получить желанного брачного партнера. Способность лещины открывать землю и клады говорит о ее причастности к нижнему миру. Хтонические связи лещины помогают с помощью любовно-брачной символики молодежной игре «Ящер». Эротические коннотации лесного ореха были весьма продуктивны на славянской почве. Популярный в русском фольклоре мотив *дарения орехов* свидетельствовал о сексуально-брачных намерениях дарителя. Связь ореха с любовной темой выражена в запрете ру-

бить кусты орешника потому, что от этого якобы «парней девки не будут любить, а бабы мужиков» [Завойко 1914: 163]. В русских эротических песнях этот процесс совершался в кустах орешника [Агапкина 2019: 145].

Русские загадки об орешнике имеют откровенный смысл в описании орехового куста и самих орехов в терминах женского тела, а собирание орехов (влезание на куст и его нагибание) и их раскусывание – метафорику коитуса:

(1776 М) *Стоит дерево мохнато, в мохнатом-то гладко, в гладком-то сладко.*

(1777 М) *Стоит дерево мохнато, в мохнатом-то гладко, в гладком-то сладко, про эту сладсть и у нас есть снасть.*

(*Снасть* – совокупность орудий, приборов, инструментов для выполнения какой-либо работы).

(1778 М) *Гни меня, ломи меня, полезай на меня: На мне есть мохнатка, в мохнатке гладко, в гладкой сладко.*

(*Мохнатка* – маленькая часть тела, покрытая мохнатыми волосиками.)

(1779 М) *Не гни меня, не ломай меня, а нагни меня или влезь на меня и нахрустайся.* (глагол от слова «хруст»).

(1780 М) *Есть на мне, есть во мне, нагни меня, ломи меня, сломишь – гладко, расколешь – сладко.*

(1785 М) *Стоит рогатка, на рогатке мохнатка, в мохнатке сладко.* (*Рогатка* – это небольшая деревянная развилина с привязанной к концам резинкой для метания, стрельбы. Рогатка также – несколько крестообразно сколоченных кольев, преграждающих путь, проход).

(1786 М) *Махоточка маленька, да кашка сладенька.*

(*Махотка* – глиняный горшок).

(1787 М) *Пекшик маленек, каша сладенька.*

(*Пекшик* – с современной точки зрения, это багет с начинкой из сыра и колбасы – простое и сытное лакомство, которое отлично впишется в любое меню).

(1788 М) *Маленький горшочек, да кашка вкусна.*

(1789 М) *В маленьком горшочке сладкая опарка.*

(*Опара* – это, по сути, «подготовительное» тесто, первый этап в приготовлении сдобы или хлебных изделий. В это тесто входят только мука, дрожжи и молоко / вода, или другие жидкие ингредиенты (по рецепту).

(1791 М) *Горшочек маленький, опарочка сладенька, Горшочка не разбить – и опарочки не добыть.*

(1790 М) *В маленьком горшочке маленько, сладенько.*

(1798 М) *Не ломай меня, а влезь на меня, так начумкаешься.*

(*Начумкаться.* (шутл.) – наестся (Онеж.).

(506 Р) *Есть ладка, А в ладке гладко, А в гладком сладко.*

(*Лáдка* – 1. устар., регион. глиняная или медная посуда для приготовления еды (блюдо, тарелка, миска, сковородка и т. п.).

(1366 (б) С) *Есть у меня мохнатенько, Косматенько, Въ середкѢ сладенько.*

(1355 (в) С) *Есть у меня косматенькій, Мохнатенькій, По краямъ гладкий, А въ середкѢ сладкій.* – В этой загадке, судя по контексту, речь идет о парне или мужчине.

(1367 С) *Стоитъ туго, Виситъ слабо, Кругомъ гладко; Въ середкѢ – сласть, На эту сласть У всЕхъ есть снасть.* (Орех и зубы)

(1367 (а) С) *Около гладко, Въ срединѢ сладко; На эту сласть Надо хорошую снасть.*

(1367 (е) С) *По краямѢ гладко, Въ середкѢ сладко.*

(1367 (ж) С) *Сверху гладко, Въ середкѢ сладко.*

(1369 С) *Въ лесу росло повыросло; Станетъ залупаться – Красны девки будутъ любоваться.*

(*Залупаться* – это устар., о тонком слое чего-либо задирается; надорвавшись, заворачиваться. Также задраться, надорвавшись, завернуться (о коже, краске, о чем-н. наклеенном и т. п.). *Залупилась* на пальце кожа).

(1369 (а) С) *С кончика залупилось. Краснымъ девкамъ полюбилось; Хоть грехъ, хоть два, а хочется.*

(1370 С) *Росло повыросло, Из портокъ (куста) повылезло...*

(1371 С) *Маленько, Кругленько, Въ середке беленько, И горько, и сладко, И маслянисто.*

(1371 (в) С) *В маленькомъ горшечке Уха сладка.*

Итак, загадка является большой неисследованной областью, изучение традиций которой необходимо изучать в разных культурах. Поэтическая природа народной загадки должна рассматриваться в широком культурном плане. Народная загадка при внимательном рассмотрении оказывается сложным явлением. Классика загадки – ее архаика, утраченная древность, «пора цветения», загадка проливает свет на самые корни культуры.

Литература

1. Абрамов И. [Электронный ресурс]. URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/8177>
2. Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции Очерки: 2019. М. : Индрик, 2019. С. 130–151.
3. Завойко К. В. В костромских лесах. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской недели // ЭО.1914. № 3/4. С. 163.
4. Митрофанова В. В. Загадки. Л.: Наука, 1968.
5. Рыбникова М. А. Загадки. М.-Л.: Academia, 1932.

6. Садовников Д. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб, 1876.
7. Сендерович С. Я. Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008. 208 с.
8. Фролова О. Е. Загадка как территория карнавала // Карнавал в языке и коммуникации: коллект. монография. М., РГГУ, 2016. С. 241–250.
9. Шестеркина Н.В. Антропоцентризм и антропоморфизм *Березы* // VIII Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: ренессанс базовых ценностей?»: сб. мат-лов междунар. научн. конф. Челябинск, 27-28.02.18. В 2-х ч. Часть 1. С. 66–68.
10. Шестеркина Н. В. БЕРЕЗА как фольклорный концепт (на материале русских народных загадок) // Когнитивные исследования языка. 2018, вып. 34, научн. журнал. Cognition и communicatio в современном глобальном мире. Отв. ред. Л. А. Манерко. М.: ИЯ РАН: МГУ. С. 245–249.

References

1. Abramov I. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://shkolazhizni.ru/culture/articles/8177>)
2. Agapkina T. A. Derev`ya v slavyanskoj narodnoj tradicii Oчерки: 2019. М. : Indrik, 2019. S. 130–151.
3. Zavojko K. V. V kostromskix lesax. Verovaniya, obryady` i oby`chai velikorossov Vladimirskej nedeli // E`O.1914. № 3/4. S. 163.
4. Mitrofanova V. V. Zagadki. L.: Nauka, 1968.
5. Ry`bnikova M. A. Zagadki. M.-L.: Academia, 1932.
6. Sadovnikov D. Zagadki russkago naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach. SPb, 1876.
7. Senderovich S. Ya. Morfologiya zagadki. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2008.-208 s.
8. Frolova O. E. Zagadka kak territoriya karnavala // Karnaval v yazy`ke i kommunikacii: kollekt. monografiya. M., RGGU, 2016. S. 241–250.
9. Shesterkina N.V. Antropocentrizm i antropomorfizm Berezy` // VIII Lazarevskie chteniya «Liki tradicionnoj kul`tury` v sovremennom kul`turnom prostranstve: renessans bazovy`x cennostej?»: sb. mat-lov mezhdunar. nauchn. konf. Chelyabinsk, 27-28.02.18. V 2-x ch. Chast` 1. S. 66–68.
10. Shesterkina N. V. BEREZA kak fol`klorny`j koncept (na materiale russkix narodny`x zagadok) // Kognitivny`e issledovaniya yazy`ka. 2018, vy`p. 34, nauchn. zhurnal. Cognition i communicatio v sovremennom global`nom mire. Otv. red. L. A. Manerko. M.: IYa RAN: MGU. S. 245–249.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

УДК 81

С.А. Алаева

Бишкек, Кыргызстан

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КЫРГЫЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные феномены кыргызской лингвокультуры, репрезентованные в заголовках газетных текстов.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентный случай, прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентное имя.

Сведения об авторе: Сагынбубу Адамалиева Алаева, старший преподаватель.

Место работы: Кыргызско-Турецкий Университет МАНАС.

S. A. Alayeva

Bishkek, Kyrgyzstan

PRECEDENT PHENOMENA OF KYR- GYZ LINGUOCULTURE IN NEWSPA- PER HEADLINES

Abstract. The article discusses the precedent phenomena of Kyrgyz linguistic culture, represented in the headlines of newspaper texts.

Key words: precedent, precedent case, precedent name, precedent statement, precedent name.

About the author: Sagynbubu Agamalieva Alayeva, senior lecturer.

Place of employment: Kyrgyz-Turkish University MANAS

Термины прецедент и прецедентность, традиционно применяемые в юриспруденции в контексте «было-не было», сегодня находят свое широкое применение в современной лингвистике, как «наличие в текстах элементов предшествующих текстов», [1, с. 7]. Согласно Толковому словарю Ушакова прецедент (от лат. praecedens означает «идуший впереди»). Случай, поступок в прошлом, служащий примером или оправданием для последующих поступков того же рода. [2, с. 678].

Считается, что термин «прецедент» (по отношению к текстам) в научный обиход лингвистов впервые был введен Ю.Н. Карауловым в 1986 году (доклад «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы), где под прецедентными текстами автор понимает «значимые для той или иной личности в познавательных-эмоциональных отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 264]. Определяющим признаком прецедентных текстов по Ю.Н. Караулову являются их «хрестоматийность и общеизвестность», «эмоциональная и познавательная ценность», а также их «репрезентируемость» в других текстах и дискурсах. [4, с. 64].

В данной статье мы рассматриваем вопрос о том, как представлены ПФ кыргызской лингвокультуры в газетных заголовках.

В качестве объекта исследования взяты методом случайной подборки газеты «Эркин Тоо», «Де-Факто», «Ордо», «Фабула».

В основу изучения вопроса ПФ в кыргызской лингвокультуре легли теоретические положения и способы изучения единиц ПФ, предложенных В.В. Красных.

Рассматривая классическое понимание прецедентных феноменов и отмечая его «сверхличностный характер», т.е. известный любому представителю того или иного лингвокультурного сообщества»; «инвариантность восприятия», «возобновляемость» в дискурсе, В.В.Красных расширяет дифференциальные признаки, характерные и обязательные для прецедентных феноменов. Так, наряду с «внешними сторонами» характера ПФ, В.В.Красных отмечает «эмотивность», «оценочность», «аксиологичность» и «образность» как сущностные характеристики ПФ. Называя ПФ как «эмоционально-образную свертку», «сложный образ, включающий в себя в том числе оценки, предопределяемые иерархией ценностей культуры», В.В.Красных вместе с тем пишет, «что в основе ПФ служит «единичный, единственный, уникальный феномен», отличающий прецедентный феномен от других классов ментефактов» [5, с. 226]. По В.В. Красных прямое значение прецедентных феноменов связаны со знаниями (если называется феномен-источник), а не прямое значение с представлениями говорящего.

В научной литературе различают 4 типа прецедентных феноменов:

- прецедентные ситуации
- прецедентный текст
- прецедентное имя
- прецедентное высказывание

Под **прецедентными ситуациями** в теоретических положениях В.В. Красных понимается «коллективное достояние, обусловленное культурой результат эмоционально-образного восприятия уникальной ситуации, имевшей место в истории или вымышленный в процессе творческой деятельности» [там же, что и 5. с 249].

Уникальным событием в ближайшей истории Кыргызстана являются трагические события, имевшие место в г.Бишкек 7-апреля 2010 года, которые нашли свое отражение в заголовках газет: “7-апрель Элдик революциянын 5 жылдыгы” – “7-апреля - 5-летие Народной революции” (“Газета “Эркин Тоо, 3.04.2015); “7-апрельдин наркы жана баркы” – “Цена и вес 7-апреля” (Газета “Жаңы Агым. 2.04. 2015); в газете “Ордо” от 3 апреля 2015 года в рубрике “Апта соболу” (“Вопросы недели”) был поставлен вопрос “Кандуу 7-апрель окуясына быйыл 5-жылдын жүзү болду. Деги эле ушу 7-апрель окуясы мамлекеттик бийликте курал менен басып алуубу же революциябы? Ошол күнү бийликке каршы чыккан элдин мүдөөсү аткарылды деп ишенесизби?”(В этом году исполняется 5 лет кровавым событиям. 7-апреля, по- вашему, это вооруженный захват государственной власти

или революция? Как вы думаете, достиг ли цели народ, который вышел против власти?”); Как видно из примера ПС 7-апреля воспринимается как “вооруженный захват власти”, “как революция”, “как борьба народа против власти” . Данная ПС отражена так же в многочисленных выступлениях политиков с экранов ТВ, радио, газет-журналов, в социальных сетях, а также названии улицы г. Бишкек 7 – апреля (бывшая Алма-Атинская);

Прецедентный текст “есть являющийся коллективным достоянием обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия уникального текста” [там же, что и 5. с 261].

По определению И.Р. Гальперина текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, произведение, состоящее из названия (заголовков) и ряда особых единиц, объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связей, имеющее определенную целенаправленную и прагматическую установку [6. с. 144]. Тексты “создаются знаками разных семиотических систем” – вербальными, визуальными, аудиальными.

В качестве примера вербальных способов обращения к прецедентным текстам В.В.Красных относит упоминание название текста; указание его автора, персонажей текста, упоминание его атрибутов, указание на них; “пересказ” текста; воспроизведение текста целиком. Посмотрим это на примерах, встречаемых в газетных заголовках.

В первой части заголовке статьи Адиля Турдукулова “*Кайран элди качан ойлойбуз*” (Когда мы будем думать о бедном народе?”) использовано название фильма известного кыргызского режиссера Дооронбека Садырбаева “Кайран эл” о трагических *событиях 1916 года* (историческое событие, известное под названием “*Үркүн*” (“Исход”) имеет инвариант восприятия, который связан со значением *многострадальный*; также “Кайран эл” - название политической партии, созданный Дооронбеком Садырбаевым; статья Күмөндөр Усуптегина, г. Нарын под заголовком «Кайран Эл» аракечтерин неге жашарууда? [7.]. (Многострадальный народ, почему пьющие (алкоголь) молодеют?”).

Прецедентные тексты по В.В.Красных “имеет лингвокогнитивную природу и предстает как фрейм-структура сознания” . В данном случае, мы имеем картину “о ситуации-событии в связи с ПТ: инвариантную часть коллективного представления о тексте, источником которого являются многочисленные тексты о событиях 1916 года. Так, например, поэма “Кайран эл” Ысака Шайбекова (род.1880 г), свидетеля трагических событий 1916 года. [8.]. Анализ данного ПТ из различных источников указывает на наличие ядерного поля (1916 год, Уркун) и периферийной зоны (кайран эл) в которую

входят такие атрибуты как зима, холод, снег, перевал, голод, страдания, смерть.

Прецедентное имя “есть обладающее фиксированной формой (изначально именем собственным), являющийся коллективным достоянием обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия уникального лица-персонажа”. Уникальным лицом может быть историческое лицо. Так, например, заголовок статьи Т. Мамбеталиева “Сталинге кат” (“Письмо Сталину”) (Газета “Фабула” от 17.05.2016). Из контекста письма *“Эгер сиз болбосоңуз 9-майды майрамдайт белек, же немис болуп калат белек, кудай өзү билет... бизге чет өлкөнүн демократия деген шүмшүгү келип... канкорлор пайда болуп, жеги олигархтар, сүткор коррупционерлерди багып атып Ата журтубуз болуп көрбөгөндөй арыктады”* (“Бог знает, если бы вас не было, могли ли бы мы праздновать 9-мая, или стали бы немцами ... пришла заграничная демократия, появились кровопийцы олигархи и коррупционеры. Родина истоцилась, кормя этих казнокрадов”) имеем сл. инвариант восприятия: ПИ Сталин есть “человек, который обеспечил порядок”, “твердый”; и подтекстовая модусная составляющая “вернуть железный порядок”.

Паритетность отношений через упоминание ПИ можно проиллюстрировать примерами из следующих заголовков «Шекспир менен Айтматовдун деңгээлинен түшкүм келбейт» (“Не хочу быть ниже уровня Шекспира и Айтматова”) (Газета “Фабула” от 9.09.2011) – интервью выпускника ГИТИСа, заслуженный артист КР Турусбека Жумалиева. Упоминание о феноменах в таком ряду как *Шекспир* и *Айтматов* определяет равенство или тождественность степени мастерства выражения мысли; в заголовке статьи “Кыргыздын Андерсени Сулайман Рыспаев” -“Кыргызский Андерсен Сулайман Рыспаев” (Газета “Жаңы Агым”, 13.05 2016) для характеристики объекта речи (Сулаймана Рыспаева) по роду деятельности (как детского писателя) используется апелляция к другому ПФ имени Андерсена, знаменитого датского сказочника.

Прецедентное высказывание “есть являющийся коллективным достоянием обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия уникального высказывания, который обладает фиксированной языковой формой” [там же, что и 5. с 294]. Исследователи отмечают поликодовый характер ПВ и их способность иметь трансформы. Последнее отражается в следующих примерах: фотоколлаж с изображением экс-председателя государственной службы финансовой полиции КР Экринна Болокбаева в образе студента со скрытой рацией с заголовком “Экзамен мен үчүн ар дайым майрам эле. Бул жолу кашайдым да, кашайдым... (“Экзамен для меня всегда был праздник. На этот раз сплеховал... (Газета “Фабула” от 9.09.2011),

источником-феноменом которого служит цитата из фильма Л.Гайдая “Операция Ы и другие приключения Шурика”; “Мавр өз ишин жасады” (“Мавр сделал свое дело”), (Газета “Фабула” от 17.05.2016) ироническая статья о громкой отставке государственных чиновников в чьих услугах больше не нуждаются - феномен-источник высказывания В.С.Гроссман “Жизнь и судьба.

Таким образом, прецедентные единицы в заголовках кыргызских газет представлены историческими именами политиков, творческих личностей: Сталин, Шекспир, Айтматов, Андерсен; заглавиями кинотекстов (Кайран эл); цитатами из кинофильмов (“Экзамен мен үчүн ар дайым майрам”-“Экзамен для меня всегда праздник”). Прецедентные феномены используются для формирования нового смысла в зависимости от модальной целеустановки автора-производителя текста.

Литература

1. Слышкин Г.Г., Ефремова Г.М. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа / Г.Г., Слышкин, Г.М. Ефремова. М.: – 2004, – 7 с.
2. Толковый словарь русского языка: /под ред. Д.Н. Ушакова. – М.:Астрель:АСТ, 2010 – 678
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. / Ю.Н. Караулов. Наука, 1987, с 264).
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 6-издание, М., 2007.
5. Красных В.В. «Словарь и грамматика лингвокультуры» -М., Гнозис, 2016, с 226.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. – 144 с.
7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://oipikir.turmush.kg/unews/un_post:3120
8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.azattyk.org/a/kyrgyzstan_urkun_poema_ysak_shaibekov/27544571.html

References

1. Slyshkin G.G., Efremova G.M. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza / G.G., Slyshkin, G.M. Efremova M.: – 2004, - 7 s.
2. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: /pod red. D.N.Ushakova.-M.:Astrel': AST, 2010 – 678
3. Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. / YU.N. Karaulov. Nauka, 1987, s 264).
4. Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' (Tekst). 6-izdanie, M., – 2007
5. Krasnyh V.V. «Slovar' i grammatika lingvokul'tury» -M., Gnozis, 2016, s 226.
6. Gal'perin I.R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. Izd. 4-e, stereotipnoe. M: KomKniga, 2006. – 144 s.
7. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://oipikir.turmush.kg/unews/un_post:3120
8. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.azattyk.org/a/kyrgyzstan_urkun_poema_ysak_shaibekov/27544571.html

А.С. Алексеева, О. В. Ломтатидзе,
Э.В. Булатова

Екатеринбург, Россия

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ НОВОСТНЫХ ПРЕДВЫБОРНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности визуального восприятия новостных предвыборных медиатекстов. Использование окулографического метода (айтрекинга) позволило выявить зоны интереса читателя, определить характер прочтения (внимательное / беглое ознакомительное). Саккады и фиксации взгляда являются психофизиологическими индикаторами личностного восприятия текстов различной направленности.

Ключевые слова: медиатекст, восприятие, окулография, айтрекинг, саккады, PR-информация.

Сведения об авторе: Алексеева Анна Симховна, старший преподаватель департамента психологии Уральского федерального университета.

Ломтатидзе Ольга Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент департамента биологии и фундаментальной медицины Уральского федерального университета.

Булатова Элина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета.

Место работы: Уральский федеральный университет.

Контактная информация: 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
e-mail: nurochka_k@mail.ru, olya.l@mail.ru, elina2824@yandex.ru

A.S. Alekseeva, O.V. Lomtatidze,
E.V. Bulatova

Yekaterinburg, Russia

FEATURES OF VISUAL PERCEPTION OF ELECTORAL CAMPAIGN NEWS POLYCODE TEXTS

Abstract. This research work is devoted to some features of visual perception of news campaign polycode texts. The use of the oculographic method (eye-tracking) allowed to identify areas of interest of the reader, to determine the character of reading (attentive/runaway study). Saccades and view fixation are psychophysiological indicators of personal perception of texts of different orientation.

Key words: polycode text, perception, oculography, eye-tracking, saccades, PR-information.

About the author: Alekseeva Anna, senior lecturer.

Lomtatidze Olga, associate professor.

Bulatova Elina Valerievna, PhD in Philology, associate Professor of the Department of Russian Language and Stylistics.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Новостные предвыборные публикации относятся к группе PR-текстов, информационным поводом для создания которых «обычно служит значимое событие в жизни базисного субъекта PR (например, факт участия организации в общественном мероприятии – выставке, конференции, дне открытых дверей и др.)» [3, с. 239]. Значительное количество предвыборных сообщений приводит к снижению интереса аудитории к PR-информации (включению своеобразного PR-фильтра, аналога рекламного фильтра – отказа читателей воспринимать рекламную информацию). Ситуация осложняется тем, что, как отмечает Т. А.

Новикова, русское электоральное поле лишено единой системы базовых общественных ценностей, «сознание русского человека постперестроечной эпохи, его ментальное пространство противоречиво и неустроенно, <...> одно понятие, или концепт, получает неадекватные смысловые интерпретации вследствие нетождественности социального опыта» [4]. В этой связи важным представляется анализ особенностей восприятия предвыборных сообщений.

Восприятие – это «форма чувственного отражения действительности в сознании, способность обнаруживать, принимать, различать и усваивать явления внешнего мира и формировать их образ» [5, с. 99]. Существуют разные виды восприятия: визуальное, аудиальное, тактильное и др. При анализе печатных медиатекстов важную роль играет учет специфики движения глаз при чтении.

Движение глаз или окуломоторная активность имеет большое функциональное значение в физической и психической активности человека: от ориентировки и адаптации до коммуникации, личностного отношения и познания. Окуломоторика отражает биодинамические процессы нервной деятельности, характеризуется множеством видов [1].

В нашем исследовании интерес для анализа представляют саккады и фиксации взора. Саккады – скачкообразные движения глаз длительностью 10-80 мс. Они сопровождают и фиксацию взора на каком-либо объекте, и слежение за объектом, и рассматривание изображения. Амплитуда саккад может быть очень небольшой – всего несколько угловых минут, но может достигать более 90°. Согласно последним исследованиям амплитуда прогрессивных и регрессивных саккад при чтении может характеризовать степень задействованности когнитивных процессов при восприятии и осмыслении текста [2].

При рассматривании изображения происходит фиксация взора на наиболее информативных элементах – на контуре предмета, особенно на точках, где контур меняет направление, при рассматривании лица – на глазах и губах и т.д. Периоды фиксации сменяются саккадами. Иерархия выбора точек фиксации зависит от индивидуального опыта, мотивации и т.п. При поражениях лобных долей, где находятся центры планирования движений, наблюдаются хаотичные фиксации [6].

Анализ движений глаз и фиксаций помогает интерпретировать связь работы нервной системы с психическими процессами, такими как внимание, восприятие. Удобным аппаратурным средством для анализа саккад и фиксаций является айтрекер.

Особенности восприятия новостных предвыборных медиатекстов покажем на примере PR-заметки «Школа XXI века в округе Александра Иванова» [7], повествующей об участии депутата Ключевской городской Думы Александра Иванова в церемонии открытия после ре-

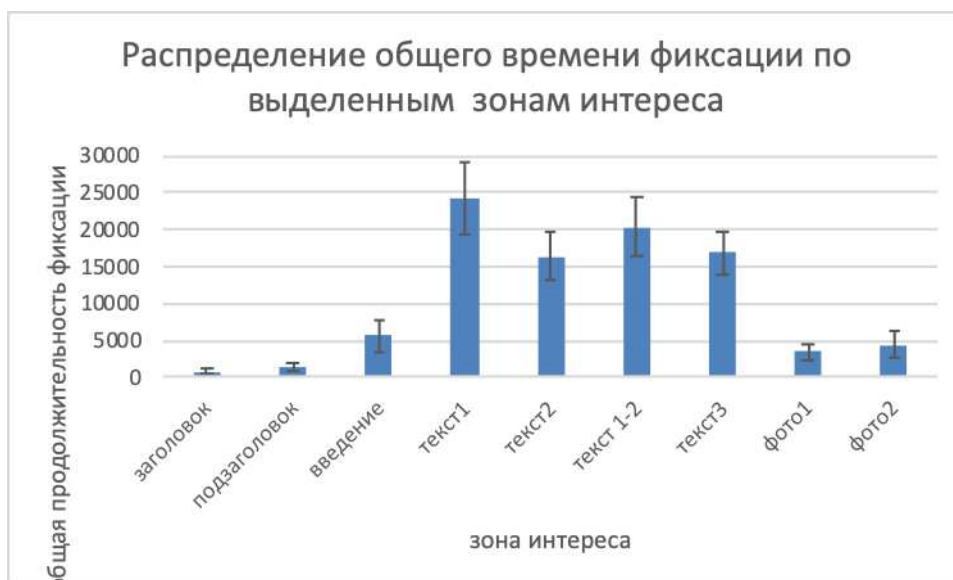
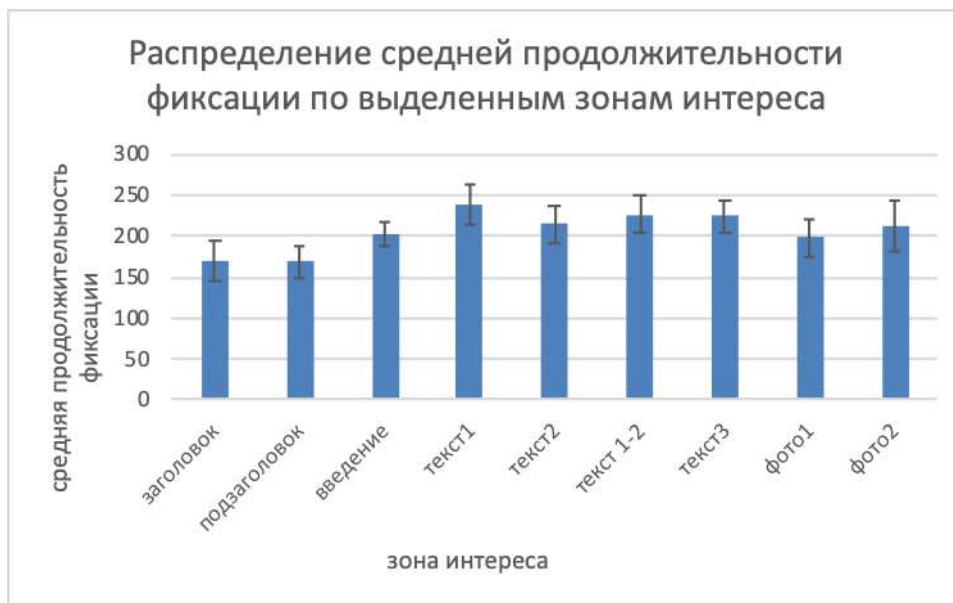
конструкции гимназии № 32 (имена собственные изменены). В тексте описаны положительные изменения, которые произошли в школе в связи с реконструкцией. В финальной части А. Иванов делится воспоминаниями о своих школьных годах, подчеркивая разницу между прежним и новым обликом школы, и говорит о необходимости модернизировать другие образовательные учреждения города. Вербальный текст сопровождается двумя фотографиями, представляющими А. Иванова на крыльце школы и в классе.

В работе использовалась система трекинга глаз SMIREД 500. Программные продукты: для создания протокола предъявления стимулов и последующего предъявления материала применялся программный модуль ExperimentalCenter 2.x., для анализа данных – ВеGaze 2.x., при этом рассчитывались среднее время фиксации, общая продолжительность фиксации, средняя амплитуда саккад, относительное количество саккад к единице текста по выделенным зонам интереса: заголовок (title), подзаголовок (title2), введение (abstract), текст 1 (первая колонка публикации, содержащая информацию о реконструкции школы), текст 2 (вторая колонка, в которой также повествуется о реконструкции учебного заведения), текст 3 (третья колонка, в которой приводится комментарий А. Иванова), фотография А. Иванова на крыльце школы (фото 1), фотография А. Иванова в классе (фото 2).

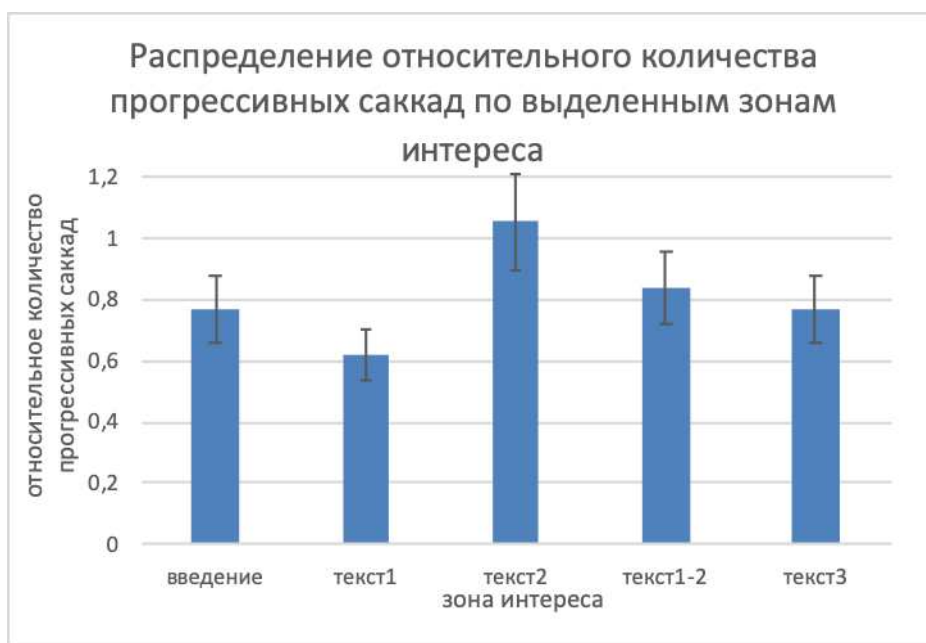
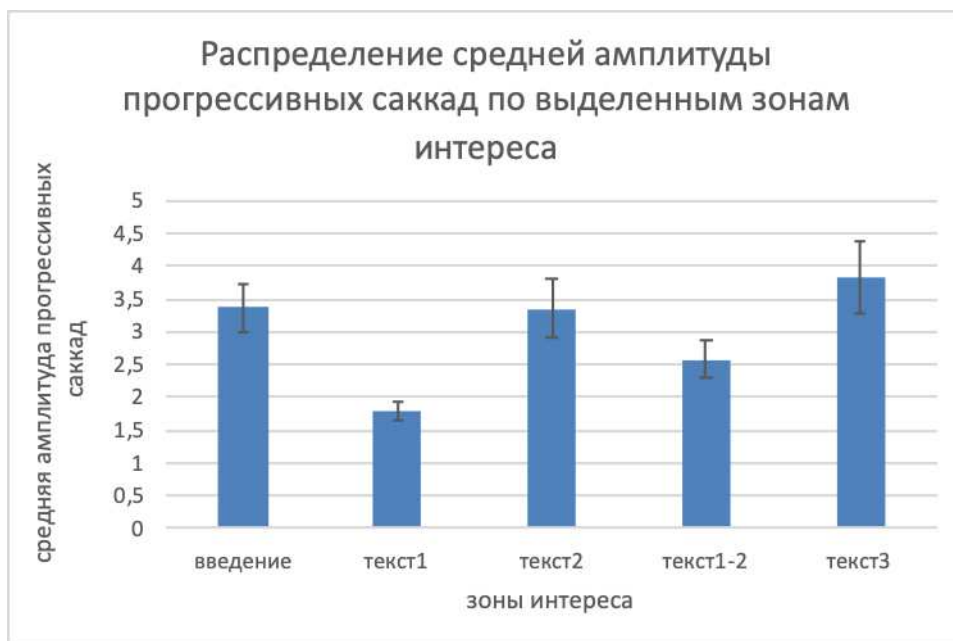
В эмпирическом исследовании приняло участие 30 человек в возрасте от 18 до 25 лет. В ходе анализа получены следующие **результаты**.

Наибольшее внимание испытуемых привлекает текстовая часть, содержащая информацию об истории школы (текст 1). Об этом свидетельствует достоверно ($F > F_{кр}$, $p < 0.05$) большая средняя продолжительность фиксации и общее время фиксации на данной зоне интереса (рис. 1, 2). Кроме того, восприятие текста в целом доминирует над восприятием изображений, что может быть связано как с большим объемом данной части, как в случае с общим временем фиксации, так и с большей информационной насыщенностью в случае со средней продолжительностью фиксации.

Заметим, что текст 3 не привлек особого внимания испытуемых по сравнению с остальными текстовыми разделами.

Анализ прогрессивных саккад испытуемых при восприятии предложенного медиатекста свидетельствует о том, что наиболее вдумчиво и системно читался текст 1 (рис. 3, 4). Для его чтения использовались четко выделенные саккады небольшого размера, идущие вдоль текста и последовательно сменяющие друг друга. Усредненная длительность саккад по зонам текст 1 и текст 2 достоверно ниже, чем по тексту 3, который, таким образом, просматривался испытуемыми лишь вскользь и довольно хаотично.

На основании проведенного анализа мы можем прийти к выводу, что изучение визуального восприятия медиатекстов методом айтрекинга позволяет выявить некоторые стратегии чтения: фиксации взора показывают зоны интереса читателя, саккады дают возможность определить характер прочтения (полное / фрагментарное, внимательное / беглое ознакомительное). При ознакомлении с новостными предвыборными медиатекстами основной интерес аудитории сосредоточен на вербальной части сообщения, при этом в первую очередь читатели обращают внимание на факты, уделяя комментарию меньше внимания.

Литература

1. Барабанщиков В.А., Жегалло А.В. Айтрекинг: Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. – Москва: Когито-Центр, 2014. - 128 с.
2. Безруких М.М., Иванов В.В. Движения глаз в процессе чтения как показатель сформированности навыка // Физиология человека. Т. 39. № 1. 2013. - С. 83-93.
3. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. - СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. - 288 с.
4. Новикова Т. А. Восприятие политического дискурса как лингвистическая проблема // Омский научный вестник. 2000. С. 6-7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-politicheskogo-diskursa-kak-lingvisticheskaya-problema> (дата обращения 15.11 2019).
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва: Азбуковник, 1997. – 944 с.
6. Фонсова Н. А., Дубынин В. А. Физиология сенсорных систем. – Москва: Изд-во Московского экономико-лингвистического института, 2017. - 59 с.
7. Школа XXI века в округе Александра Иванова // На смену! Информационный бюллетень кандидата в губернаторы Кировградской области Александра Иванова. 31.08.2017. - С. 2.

References

1. Barabanshchikov V.A., ZHegallo A.V. Ajtreking: Metody registracii dvizhenij glaz v psihologicheskikh issledovaniyah i praktike. – Moskva: Kogito-Centr, 2014. - 128 s.
2. Bezrukih M.M., Ivanov V.V. Dvizheniya glaz v processe chteniya kak pokazatel' sformirovannosti navyka // Fiziologiya cheloveka. T. 39. № 1. 2013. - S. 83-93.
3. Krivonosov A. D. PR-tekst v sisteme publichnyh kommunikacij. - SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2002. - 288 s.
4. Novikova T. A. Vospriyatie politicheskogo diskursa kak lingvisticheskaya problema // Omskij nauchnyj vestnik. 2000. S. 6-7. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-politicheskogo-diskursa-kak-lingvisticheskaya-problema> (data obrashcheniya 15.11 2019).
5. Ozhegov S. I., SHvedova N. YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – Moskva: Azbukovnik, 1997. – 944 s.
6. Fonsova N. A., Dubynin V. A. Fiziologiya sensoryh sistem. – Moskva: Izd-vo Moskovskogo ekonomiko-lingvisticheskogo instituta, 2017. - 59 s.
7. Shkola XXI veka v okruge Aleksandra Ivanova // Na smenu! Informacionnyj byulleten' kandidata v gubernatory Kirovgradskoj oblasti Aleksandra Ivanova. 31.08.2017. - S. 2.

УДК 811.111:81'42

Е.В. Гордиенко
Донецк

ОСВЕЩЕНИЕ ТЕМЫ КОНФЛИКТА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу медиатекстов освещающих тему конфликта, отобранных из британских и американских качественных и популярных изданий. В работе фокусируется внимание на изучении различных интерпретаций меж-

E. V. Gordiienko
Donetsk

CONFLICT COVERAGE IN THE ENGLISH-SPEAKING MEDIA TEXTS

Abstract. The research is devoted to the study of the media texts devoted to the topic of burning worldwide conflict issues as exemplified in the UK and the US quality and popular press. The clarification of the interdisciplinary term 'conflict' employed in this

дисциплинарного понятия «конфликт», приводятся лексемы-репрезентанты и номинанты понятия «конфликт», а также делается акцент на важности оппозиции «свой-чужой» при описании того или иного конфликта.

Ключевые слова: конфликт; медиадискурс; медиатекст; оппозиция; свой; чужой.

Сведения об авторе: Гордиенко Елена Витальевна, аспирант кафедры английской филологии.

Место работы: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Контактная информация: 283001, Донецк, ул. Университетская, 24.
e-mail: elena.gord2407@gmail.com.

study is provided. Moreover, the importance of the opposition 'we-they' while describing any conflict is underlined.

Key words: conflict; discourse of media; media text; opposition; we; they.

About the author: Gordiienko Elena Vitalyevna, Post-Graduate Student at the English Philology Department.

Place of employment: Donetsk National University.

1. Вводные замечания

На современном этапе развития общества значение средств массовой информации для формирования, корректировки и управления общественным мнением трудно переоценить. Являясь одним из инструментов ведения информационной войны, медиа могут изменять отношение общества к сторонам спора, разжигать конфликт внутри государства, а также способствовать примирению сторон.

Целью настоящей статьи является определение особенностей освещения темы конфликта в медиатекстах различных жанров.

Понятийно-терминологический аппарат исследования включает в себя следующие понятия: медиадискурс, медиатекст, конфликт.

В данной работе медиадискурс рассматривается как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [4, 2008: 152].

Под медиатекстом подразумевается текст, созданный и распространяемый средствами массовой информации, как традиционными – печать, радио, ТВ, так и новыми – Интернет-СМИ [5, 2015: 11].

Конфликт является яркой и неизбежной формой проявления природы человека и его отношений с окружающим миром, поэтому невозможно полноценно изучать понятие «конфликт» в отрыве от человека, его языка. Конфликт изначально антропоцентричен: он рождается, движем и разрешаем человеком [2, 2009].

Конфликт как социально-психологическое явление понимается в значении «столкновения противоположных интересов, острого противоречия, серьезного разногласия, которое находит выход в действиях, в том числе речевых. Конфликт составляет неотъемлемую часть личных и общественных отношений, которая не должна приветствоваться, как

не должна и полностью отрицаться: полная бесконфликтность невозможна и вредна, как и повышенная конфликтность» [7, 2010:160-161].

В словаре Shorter Oxford English Dictionary дается следующее определение понятия «конфликт»:

1. a fight, a battle, a (prolonged) struggle between opposing forces (lit. & fig.); fighting, strife; the clashing or variance of opposed principles, beliefs, etc.

2. collision (of physical bodies), dashing together [13, 2002].

В словаре Longman Dictionary of Contemporary English приводятся следующие определения понятия «конфликт»:

1. a state of disagreement or argument between people, groups, countries, etc.

2. fighting or a war: armed, military, violent

3. a situation in which you have to choose between two or more opposite needs, influences, etc. [11, 2003].

Словарь Ожегова включает следующую словарную дефиницию конфликта – столкновение, серьезное разногласие (семейный, вооруженный) [8, 2011].

По мнению Н. В. Гришиной, под «конфликтом» в широком смысле понимается широкий круг явлений – от вооруженных противостояний до семейных разногласий, то есть в качестве конфликта могут выступать военные действия, семейные ссоры, политические неурядицы, межнациональная рознь, экономические проблемы и др. [3, 2008: 15].

Как правило, содержание понятия «конфликт» раскрывается через следующие значения: состояние открытой, часто затяжной борьбы; сражение или война; наивысшая степень противоречия в отношениях между людьми, идеями или интересами; столкновение противоположностей; психическая борьба, возникающая как результат одновременного функционирования взаимно исключаящих импульсов, желаний или тенденций; противостояние характеров или сил в литературном или сценическом произведении, в особенности, главная оппозиция, на которой строится сюжет [9, 2004].

Современная политическая мысль предлагает множество классификаций конфликтов, в основе каждой из которых лежит ряд критериев и оснований: причины возникновения конфликта; природа и характер противоречий, лежащих в его основе; политические цели; пространственно-временные масштабы, его длительность; применяемые средства; особенности доктрин участников; цивилизационно-культурологические особенности; интересы субъектов; характер динамики развития; социально-психологические факторы конфликта [6, 2012].

С точки зрения политического содержания конфликтов, освещаемых в медиадискурсе можно предложить следующую классификацию [10, 2005]:

1) конфликты разных социально-политических систем, целью которых является ослабление и уничтожение противоположной системы. Этот тип конфликта носит преимущественно идеологический характер;

2) конфликты как одной, так и различных социально-политических систем, с целью политического и экономического господства в мире, в том или ином регионе;

3) межнациональные конфликты, имеющие своей целью национальное порабощение или национальное освобождение;

4) конфликты, основанные на территориальных противоречиях, с целью захвата чужих территорий или освобождение территорий, ранее захваченных противоборствующей стороной;

5) конфликты религиозных конфессий. Эти конфликты в большей мере присущи внутривнутриполитическим отношениям, однако немало их и среди международных конфликтов.

2. Результаты исследования

В фокусе настоящего исследования находятся актуальные конфликты, которые освещаются в медиатекстах, опубликованных в электронных версиях англоязычных газет, в частности, влиятельных и популярных британских («The Guardian», «The Independent», «The Daily Telegraph», «Daily Express», «Daily Mirror») и американских («The NY Times», «The Wall Street Journal», «The NY Post», «NY Daily News») изданий.

2.1. Особенности номинации понятия «конфликт»

Понятие конфликта в английском языке может реализовываться различными лексемами. Так, по данным тезауруса Роже (Roget's Thesaurus) [12], основными номинантами понятия «конфликт» являются: *counteraction* 'act against (something) in order to reduce its force or neutralize it'; *discord* 'disagreement between people'; *opposition* 'resistance or dissent, expressed in action or argument'; *enmity* 'a state or feeling of active opposition or hostility'. Данный факт подтверждается в медиатекстах, опубликованных в современных британских и американских изданиях:

(1) *He (Dmitry Peskov) told the Tass news agency: 'On the contrary, these expansionist steps, certainly, result in counteractions of the Russian side to balance the parity which is violated every time this way'* (The Daily Telegraph, 30.05.2018)

(2) *Trump administration officials cite Cuba's constant pushing of anti-American propaganda into neighbouring South American territories as a wider issue and said President Trump is seeking to sow discord between both Cuba and Venezuela in an attempt to cause a 'collapse of the regimes'* (Daily Express, 31.01.2019)

(3) *France has reiterated its **opposition** to Britain being granted any further Brexit extension if it does not have a concrete plan with clear support in the House of Commons, saying that without that Britain must be deemed to have chosen to leave the EU without a deal* (The Guardian, 05.04.2019)

(4) *When we met, he had come to the capital, Islamabad, for a hearing at the Supreme Court, which would soon take up his case and start the chain of events that led to the arrest and prosecution of some of the alleged killers, at the same time aggravating tribal **enmities** against him. He said he was worried about being followed and attacked, but he was poised and resolute* (The Independent, 31.03.2019)

2.2. Особенности номинации участников конфликта

Стоит отметить, что в зависимости от того, в чью пользу заангажировано издание, роль того или иного медиа-ресурса при освещении событий конфликта сводится к одной из двух целей:

- способствование развитию конфликта и его эскалация;
- смягчение и сдерживание конфликта.

Поэтому, основным номинантом конфликта можно выделить лексему *enemy* ‘a person who is actively opposed or hostile to someone or something, a hostile nation or its armed forces, especially in time of war’:

(5) *Russian military can use ‘psychic techniques to read the minds of **enemy** soldiers’* (Daily Mirror, 04.04.2019).

Однако, список участников конфликта чаще всего составляют следующие лексемы: *opponents*, *antagonist* ‘an opponent in any kind of contest or conflict’ = *antipathist*, *duelist*, *duellist* ‘1. a person engaged in a duel. 2. A person skilled at dueling’; *fighter*, *feudist* ‘a person who participates in a feud or other conflict’, etc. [1, 2009]. Примерами имплементации вышеупомянутых лексем в контексте служат следующие отрывки медиатекстов:

(6) *Saudi Arabia has detained at least eight more people, including two U.S. citizens, who pressed for women’s rights in the highly conservative kingdom, deepening a crackdown on political **opponents** despite international criticism* (The Wall Street Journal, 05.04.2019)

(7) *Colonel Mohamed Gnounou, a spokesman for pro-government forces, ...said operation "Volcano of Anger" was aimed at "purging all Libyan cities of aggressor and illegitimate forces", in reference to Haftar **fighters*** (The Daily Telegraph, 07.04.2019).

(8) *When Megyn Kelly, who sealed her fame by clashing with Trump, left Fox in early 2017, Murdoch opted not to replace her with another Trump **antagonist*** (New York Times, 03.04.2019).

2.3 Тематическая направленность медиатекстов, посвященных конфликтам

В данной статье за основу взята классификация конфликта по характеру противоречий [6, 2012]. Так, с точки зрения тематической направленности конфликт может быть:

– вооруженный:

(9) *Pentagon: Turkey's Syria operations not helpful* The Pentagon says Turkey's military operations in the Syrian Kurdish enclave of Afrin are not helpful and threaten to damage the ongoing fight against Islamic State militants in Syria (NY Daily News, 25.01.2018)

– политический:

(10) *Chile protests: President to sack entire cabinet after more than one million people take to streets.* Chile's president Sebastian Pinera has asked all his cabinet members to resign and promised reforms as he attempts to restore control after a wave of mass protests (The Independent, 27.10.2019)

– экономический:

(11) *North Korea calls Pompeo 'poisonous plant' for promoting sanctions.* North Korea's top diplomat on Friday called Secretary of State Mike Pompeo a "poisonous plant of American diplomacy" for promoting sanctions that could hinder denuclearisation talks with the United States (The NY Post, 23.08.2019)

– религиозный:

(12) *Russian-backed Orthodox Church faces pressure from Kiev and splits within.* Two developments – the momentous decision of Constantinople last month to grant autocephaly (independence) to the Ukrainian Orthodox Church, and the subsequent resolution of the Russian Orthodox Church to break with Constantinople – have made the monastery a religious battleground that mirrors the secular tensions between Russia and Ukraine (The Independent, 17.11.2018)

Исходя из приведенной классификации конфликт можно условно разделить на две группы: политические и неполитические [6, 2012].

3. Выводы

В ходе анализа установлено, что освещение конфликта в современном медиадискурсе является неразрывно связанным с актуализацией лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой». Отмечается, что именно данная дихотомия является провоцирующим конфликт явлением (конфликтогеном), который лежит в основе конфликтов различного типа и масштаба.

Отмечаем, что в эпоху так называемой «ответственной журналистики» репортеры зачастую стремятся создавать медиа события, отодвигая на второй план объективную и в той или иной степени нейтральную передачу фактов. Таким образом, для достижения желаемого результата журналисты прибегают к оценочным суждениям, преувеличивая или преуменьшая описываемые события.

Литература

1. Арустамян, Л.В. Средства выражения когнитивного фрейма «conflict» / Л.В. Арустамян // Университетские вести ПГУ, 2009. – Ч. 05. [электронный журнал].
2. Бараева, О.Г. Концептуализация понятия «конфликт» в русской национальной картине мира второй половины XX в.-начала XXI в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.Г. Бараева. – Краснодар, 2009. – 27 с.
3. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
4. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т.Г. Добросклонская. – М.: Наука, 2008. – 264 с.
5. Колосова, А.А. О полифункциональности журналистского медиатекста / А.А. Колосова, Н.В. Поплавская // Научные ведомости: Гуманитарные науки, 2015. – № 18 (215). – Вып. 27. – С. 10-13.
6. Кудояр, Л.М. Межгосударственные конфликты / Л.М. Кудояр, А.П. Хоменко // Соціально-гуманітарні аспекти розвитку сучасного суспільства: матеріали Всеукраїнської наукової конференції викладачів, аспірантів, співробітників та студентів фак-ту іноземної філології та соціальних комунікацій. – Суми: СумДУ, 2012. – Ч.2. – С. 76-78.
7. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Оникс: Мир и образование, 2011. – 736 с.
9. Самошонков, К.Н. Религиозный конфликт как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. Наук / К.Н. Самошонков. – М., 2004. – 28 с.
10. Юсупов, Ш.Р. Особенности межгосударственных политических конфликтов / Ш.Р. Юсупов // Вестник Казанского технологического университета, 2005. – №2. – С. 303-309.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. 4th ed. Harlow. 2003. 1950 p. [LDCE].
12. Roget's Thesaurus. Available at: <http://www.roget.org/> (accessed 15.02.2019).
13. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford University Press, 2002. Vol. 1-2. 3809 p. [SOED].

References

1. Arustamjan, L.V. Sredstva vyrazhenija kognitivnogo frejma «conflict» / L.V. Arustamjan // Universitetskie vesti PGU, 2009. – Ch. 05. [jelektronnyj zhurnal].
2. Baraeva, O.G. Konceptualizacija ponjatija «konflikt» v russkoj nacional'noj kartine mira vtoroj poloviny XX v.-nachala XXI v.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / O.G. Baraeva. – Krasnodar, 2009. – 27 s.
3. Grishina, N.V. Psihologija konflikta / N.V. Grishina. – 2-e izd. – SPb.: Piter, 2008. – 544 s.
4. Dobrosklonskaja, T.G. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediarech' / T.G. Dobrosklonskaja. – M.: Nauka, 2008. – 264 s.
5. Kolosova, A.A. O polifunkcional'nosti zhurnalistskogo mediateksta / A.A. Kolosova, N.V. Poplavskaja // Nauchnye vedomosti: Gumanitarnye nauki, 2015. – № 18 (215). – Вып. 27. – С. 10-13.

6. Kudojar, L.M. Mezghosudarstvennye konflikty / L.M. Kudojar, A.P. Homenko // Social'no-gumanitarni aspekti rozvitku suchasnogo suspil'stva : materiali Vseukrains'koi naukovoï konferencii vkladachiv, aspirantiv, spivrobotnikiv ta studentiv fak-tu inozemnoi filologii ta social'nih komunikacij. – Sumi : SumDU, 2012. – Ch.2. – S. 76-78.
7. Matveeva, T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskih terminov / T.V. Matveeva. – Rostov n/D : Feniks, 2010. – 562 s.
8. Ozhegov, S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / S.I. Ozhegov; pod red. L.I. Skvorcova. – 27-e izd., ispr. – Moskva: Oniks: Mir i obrazovanie, 2011. – 736 s.
9. Samoshonkov, K.N. Religioznyj konflikt kak ob'ekt social'no-filosofskogo analiza: avtoref. dis. ... kand. filos. Nauk / K.N. Samoshonkov. – M., 2004. – 28 s.
10. Jusupov, Sh.R. Osobennosti mezghosudarstvennyh politicheskikh konfliktov / Sh.R. Jusupov // Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta, 2005. – №2. – S. 303-309.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. 4th ed. Harlow. 2003. 1950 p. [LDCE].
12. Roget's Thesaurus. Available at: <http://www.roget.org/> (accessed 15.02.2019).
13. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford University Press, 2002. Vol. 1-2. 3809 p. [SOED].

УДК 808.1

Е.В. Горина

Екатеринбург, Россия

**УРОКИ ОТ «ДЯДИ ВАНИ»: КАК
РЕКЛАМИРОВАТЬ ОГУРЦЫ ЧЕРЕЗ
ПРОБЛЕМУ ЭКОЛОГИИ**

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос построения амбивалентной рекламы, основанной на приеме когнитивного столкновения. Объясняется, как реклама с приемом когнитивного столкновения, отличается от обычной рекламы Product placement. Выявляется эффективность когнитивного столкновения для продвижения продукта при скрытом характере рекламирования.*

***Ключевые слова:** когнитивное взаимодействие, амбивалентная реклама, влияние рекламного текста, Product placement, жанр рекламного текста.*

***Сведения об авторе:** Горина Евгения Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики уральского гуманитарного института.*

Место работы: Уральский федеральный университет им. Б.Н.Ельцина.

***Контактная информация:** 620027, г. Екатеринбург, ул. Свердлова, 66-8.
e-mail: gorina9@yandex.ru.*

E.V. Gorina

Ekaterinburg, Russia

**LESSONS LEARNED 'DYADYA VAN-
YA': HOW TO ADVERTISE CUCUM-
BERS WHEN WRITING ABOUT EN-
VIRONMENTAL ISSUES**

***Abstract.** The article deals with the problem of constructing ambivalent advertising based on the cognitive collision technique. It explains how advertising with the cognitive collision technique differs from the usual product placement advertising. The effectiveness of cognitive FROMinteraction for the promotion of an product with the hidden nature of advertising is revealed.*

***Key words:** cognitive interaction, ambivalent advertising, influence of advertising text, Product placement, genre of advertising text.*

***About the author:** Gorina Evgeniya Vladimirovna, doctor of Philology, professor of the Department of Russian language and stylistics of the faculty of journalism of the Ural humanitarian Institute.*

Place of employment: Ural Federal University named after. B. N. Yeltsin.

Современный рекламный текст – это особая форма взаимодействия людей. Особая, потому что реклама создает текстовую реальность, которая необходима человеку так же, как реальность настоящая. Рекламный текст оказывает влияние на аудиторию, демонстрирует допустимые культурные, этические, поведенческие, речевые и другие стандарты. Исследователи давно назвали требования, которым должен соответствовать рекламный текст: оригинальность, привлекательность, оценочность, понятность, лаконичность и т.п. Выделены и типы рекламного продукта: социальный, коммерческий, гендерный, напоминающий, политический, совместное продвижение нескольких брендов [2]. Среди прочих существует Product placement [3,4]. Product placement (PP) – это вид скрытой рекламы, когда продвижение товара не должно бросаться в глаза и раздражать аудиторию. Ведь давно известно, что реклама чаще всего напряженно воспринимается аудиторией. PP – это такое особое построение рекламы, которое должно подавать продукт или услугу завуалированно. Всем известны фильмы, книги в которых герои пользуются товарами известных брендов, время от времени акцентируя на том или ином бренде внимание читателя или зрителя. Самым, пожалуй, известным кино, в котором рекламировались модные бренды одежды, алкоголя, марки авто и т.д., стала сага о Джеймсе Бонде. Однако каждый из нас может вспомнить примеры такой в большей или меньшей степени увиденной в подтекст рекламы и в отечественных фильмах, и в современной литературе. Все это Product placement, в данной работе мы покажем, как строится PP на когнитивном столкновении (КС). Мы обратимся к КС, потому что с читаем, что с его помощью PP приобретает новые черты, куда более широкие, чем просто сокрытие истинной цели – продвижения товара или услуги.

Сначала объясним суть когнитивного столкновения. КС – это прием, подразумевающий соположение разных дискурсов, их совмещение, которое приводит к тому, что один дискурс прикрывается другим, прячется за него. Адресат в итоге получает двойную информацию: смысл эксплицитного дискурса и содержание имплицитного [1]. Благодаря тому, как взаимодействуют различные дискурсы в рекламном тексте, построенном на КС, реклама получает возможность уйти от цели прямого продвижения товара или услуги. Такую рекламу мы считаем амбивалентной, поскольку ее цели раздваиваются: продвинуть некую идею (социальную, политическую, культурную и т.п.) и определенный товар или услугу, чтобы получить прибыль.

На наш взгляд, смыслом рекламы, построенной на КС, становится, в первую очередь, продвижение актуальной, социально-значимой идеи, а уже потом – демонстрация конкретного товара. КС помогает рекламе вписаться в контекст актуальных для аудитории дискурсов,

сделать так, чтобы внедренный в иные дискурсы рекламный продукт, стал ассоциироваться с решением сложной социальной проблемы, трудной задачи, стал частью решения острых и, возможно, болезненных для аудитории вопросов, а не просто предложением: купи конкретный товар или воспользуйся такой-то услугой. Рассмотрим пример.

Российская компания пищевой промышленности, производитель овощных консервов «Дядя Ваня» выступает в качестве продюсера фильмов в компании Red Pepper Film. С помощью «Дяди Вани» был создан цикл короткометражек «Иваны, помнящие родство», в который вошли фильмы «Москва-Владивосток», «Интервью», «Огоньки» и другие. Обратимся к последней выпущенной короткометражке «Урок экологии». Вот так анонсируют фильм его создатели из компании Red Pepper Film: *««Урок экологии» – это история учителя биологии, который приучает своих учеников к тому, чтобы беречь природу. Начинает он с раздельного сбора мусора, а потом выступает против строительства торгового центра в парке и пытается всеми силами его спасти. В главных ролях: Дмитрий Лысенков и Ирина Пегова. Автор сценария и режиссер: Иван Соснин. Саундтрек от Виктор Цой, группа "Кино". «Урок экологии» – первая история из второго сезона цикла «Иваны, помнящие родство» от продюсера «Дядя Ваня». Приятного просмотра!»* Таким образом, присутствие коммерческого интереса не отрицается, наличие рекламного подтекста заявляется уже в анонсе фильма. То есть реклама в фильме не должна стать для зрителя неожиданностью, как в случае с Джеймсом Бондом, например. Однако при этом, как мы увидим по содержанию кино, реклама уходит на дальний план повествования, хотя и не пропадет бесследно.

Чуть расширим изложение содержания фильма. Молодой учитель биологии, заменивший ушедшую в декретный отпуск преподавательницу, активно выступает в защиту окружающей среды. Во всех кабинетах он поставил по три ведра для мусора, чтобы разделять органические, пластиковые и бумажные отходы. За разделением мусора учитель строго следит, не давая спуску ни коллегам, ни ученикам. Активность педагога возмущает коллег, которые убеждены, что сортировка отходов не имеет смысла, коллеги жалуются на биолога директору и друг другу: «Везде его ведра! Сапоги поставить некуда». Однажды учитель-активист читает в газете, что парк, где он проводил открытые уроки, будет уничтожен, а на его месте построят новый ТЦ. Учитель возмущен и, не найдя поддержки среди коллег, разбивает в парке палатку, которую подписывает «Кабинет биологии». Отныне уроки учитель проводит в парке, бойкотируя стройку. Директор не может отговорить биолога от этой затеи, и в течение месяца дети занимаются на природе. За это время в школе становится грязно: за мусором никто не следит, уборщица с работой не справляется, и даже цветы во всех кабинетах

вянут. Учителя задумываются о том, что их молодой коллега, возможно, в чем-то прав. На следующий день биолог обнаруживает в парке коллег: учитель труда развешивает с учениками кормушки, учитель рисования вывел школьников на пленэр, физкультурой дети тоже занимаются на природе. Все понимают, что забота об окружающей среде – общая и важная проблема: «Начинать надо с себя. Природу никто, кроме нас, беречь не будет». Дети и учителя организуют пикник и митинг в защиту парка, биолог выступает перед журналистами, в итоге стройку переносят в другое место, и дети благодарят учителя за то, что он помог всему городу спасти парк: «Учитель биологии победил застройщика!»

Итак, перед нами фильм, в котором центральными дискурсами выступают «экология» и «образование», также задействованы дискурсы «борьба» и «городская среда». Эти дискурсы актуализируют у зрителя высокие эмоции, связанные с чувством долга, понятиями человечности, ответственности, взаимопонимания, помощи, дружбы. Где же тут реклама? Консервированный продукт бренда «Дядя Ваня» появляются в фильме не больше трех раз: учителя в фильме едят огурцы во время педсоветов, дети в парке едят этот же продукт во время пикника. Банку с огурцами видно хорошо, но долго на ней камера не задерживается. Так, реклама в фильме есть, но она крайне не навязчивая. Кроме того, бренд «Дядя Ваня» показан в начале и конце фильма – в центре экрана появляется узнаваемый цветной логотип предприятия, повторимся: никто рекламный подтекст не скрывает.

В чем же разница между часами Джеймса Бонда и банкой огурцов в фильме «Урок экологии». С одной стороны, разница невелика. Мы знаем, что Бонд носит определенные часы, а в киношной школе едят огурцы конкретной фирмы. Но с другой стороны, разница есть. Она в том, что в фильме про шпиона может появиться какой угодно продукт, и это никак не повлияет на фильм, не будет связано с его замыслом. Часы «Омега» не связаны с идеей шпионажа и героизма. Бонд может показать часы, машину, костюм, может выпить любой из напитков – ничто из этих товаров не повлияет на содержание и идею «бондианы». А вот огурцы «Дядя Ваня» стали не просто причиной появления фильма об экологии (учтем, что предприятие по консервации выступает в роли продюсера), они стали ассоциироваться с вопросами защиты окружающей среды. «Дядя Ваня» выступил в роли соавтора, борца за социально значимую идею. И то, что рекламной дискурс в короткометражном фильме уходит за дискурсы «экология», «образование», «борьба», зритель тоже оценил. В то время, как в фильмах про Бонда реклама внезапна и очевидна, она является раздражителем для многих зрителей и часто высмеивается критиками.

Прием КС позволяет рекламному дискурсу расширить свои границы. Если раньше рекламу мы ассоциировали только с продвижением товара или услуги, то амбивалентную рекламу, построенную на КС, мы воспринимаем как часть ряда не рекламных проблем, не коммерческих вопросов. Выступая в роли спонсора социально актуальных проектов, коммерческие предприятия усиливают влияние своей рекламы, поскольку формируют новый вид рекламного продукта, который учит аудиторию не только ценить конкретный товар или услугу, но и думать, чувствовать, узнавать что-то о мире, о чем, возможно, без амбивалентной рекламы человек подумал бы вскользь, поверхностно, уделил бы актуальным проблемам меньше внимания.

На наш взгляд, благодаря КС реклама также расширяет границы свои жанров. Например, формат заметки, интервью, рецензии, статьи – это хорошо освоенные рекламой жанры. А более крупные формы (крупные и по замыслу, и по сложности сюжета, и по объему) становятся доступны для рекламы благодаря КС. Кроме того, КС позволяет рекламе получить более широкое обсуждение. Оказаться на тех площадках и перед глазами той аудитории, куда обычное рекламное объявление не могло бы попасть. Кто бы из нас стал постить на своей странице в соцсети (без дополнительного вознаграждения) рекламу огурцов? Но очень многие разместили на своих страницах короткометражку «Урок экологии». Только в одном Facebook сделано более 1,5 тысяч репостов за первую неделю выхода фильма в сеть. Привлекательность и актуальность ролика доказывают и комментарии под этими постами.

Реакции зрителей на фильм так же подтверждают, что огурцы фирмы «Дядя Ваня» оцениваются положительно аудиторией, посмотревшей «Урок экологии». Чтобы выяснить, насколько реклама в фильме заметна и эффективна, мы обратились к респондентам, которые находятся в одной возрастной категории с героями фильма. Мы опросили учеников трех восьмых классов (школьники гимназии города Екатеринбург, всего 76 подростков 14-15 лет). Дети отвечали на два вопроса после просмотра короткометражки об учителе биологии: 1) Заметили ли вы, что в фильме присутствует реклама? 2) Будете ли вы вспоминать этот фильм, если увидите в магазине продукты фирмы «Дядя Ваня»? 3) Вы считаете проблему экологии важной? Заметим, что вопросы были озвучены детям поочередно. То есть, отвечая на один вопрос, школьники не знали, какой вопрос будет следующим. Приведем результаты опроса и примеры некоторых ответов.

На первый вопрос был получен 71 положительный ответ: *«Да, там были огурцы», «Рекламировали фирму «Дядя Ваня»»*. Пять респондентов рекламу в фильме не заметили. На второй вопрос было получено 74 положительных ответа: *«Да, фильм крутой, огурцы молод-*

цы!», «Мы едим другие огурцы, но попрошу маму купить «Дяди Ванины»». Четыре ответа были отрицательными: «Скорее всего нет, фильм буду помнить, а огурцы, наверное, забуду». На третий вопрос мы получили 73 положительных ответа. При этом, признавая актуальность вопроса экологии, школьники отмечали и другие важные для страны проблемы: «Согласен, что экологией надо заниматься, но есть и другие. Например, у нас нет нормальных приютов для животных, некуда пойти даже бездомным людям»; «Кроме этой важной темы, борьбы за природу, есть еще. Очень трудно жить людям, которые больны, например, болезнью Дауна. Общество не хочет принимать таких особых людей. Инвалидам трудно в России», «В нашей стране сложно заработать деньги, поэтому вопросы про экологию еще не скоро будут решаться». Три человека на последний вопрос ответили неоднозначно: «Экология – не самая страшная проблема. Люди и без нее друг друга сгрызут», «Лишь бы не было войны», «В этом парке хозяева собак за ними не убирают, думаю, никто не пойдет в настоящей жизни парк спасать».

Сделаем небольшой вывод. На наш взгляд, прием КС усиливает выразительность рекламного текста, помогает сделать рекламный текст более оригинальным, привлекательным для аудитории. Кроме того, расширяет его жанровые возможности, способствует увеличению аудитории, обсуждению, то есть становится в определенном смысле гарантом эффективности рекламного выступления. Зритель, читатель ценит то ощущение, которое создается с помощью приема КС, будто создатель такой рекламы не сосредоточен только на получении прибыли, заботится не только о своей коммерческой выгоде, но и о чем-то более важном. Так прием КС позволяет сблизить рекламный продукт и его потенциального покупателя.

Литература

1. Лазарева Э.А., Горина Е.В. Использование приема когнитивного столкновения в политическом дискурсе сми // Лингвистика т. 11- Екатеринбург, 2003 - с. 103-112.
2. Мирошниченко Г.А. Типология современной рекламы // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-sovremennoy-reklamy> (дата обращения: 08.11.2019).
3. Полетаева О.Б. Скрытая реклама (product placement) в современной художественной массовой литературе: авторская стратегия или редакторская правка // Теория и практика общественного развития. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skrytaya-reklama-product-placement-v-sovremennoy-hudozhestvennoy-massovoy-literature-avtorskaya-strategiya-ili-redaktorskaya-pravka> (дата обращения: 08.11.2019).
4. Тисенкова О.А., Мельникова С.А. Product Placement: технология скрытой рекламы // Проблемы экономики и менеджмента. 2016. №5 (57). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/product-placement-tehnologiya-skrytoy-reklamy> (дата обращения: 08.11.2019).

References

1. Lazareva E.A., Gorina E.V. Ispolzovanie priema cognitivnogo stolknovenia v politicheskom diskurse SMI // Lingvistika т. 11- Ekaterindurg, 2003 - s. 103-112.
2. Miroshnichenko G.A. Tipologiya sovremennoj reklamy // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-sovremennoj-reklamy> (data obrashcheniya: 08.11.2019).
3. Poletaeva O.B. Skrytaya reklama (product placement) v sovremennoj hudozhestvennoj massovoj literature: avtorskaya strategiya ili redaktorskaya pravka // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skrytaya-reklama-product-placement-v-sovremennoj-hudozhestvennoj-massovoy-literature-avtorskaya-strategiya-ili-redaktorskaya-pravka> (data obrashcheniya: 08.11.2019).
4. Tisenkova O.A., Mel'nikova S.A. Product Placement: tekhnologiya skrytoj reklamy // Problemy ekonomiki i menedzhmenta. 2016. №5 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/product-placement-tehnologiya-skrytoy-reklamy> (data obrashcheniya: 08.11.2019).

УДК 81'27

В.А. Каменева

Л.И. Федянина

Кемерово, Россия

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ А. МЕРКЕЛЬ (ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

***Аннотация.** В исследовании предлагается комплексный анализ слов, сокращений и словосочетаний на английском языке, употребляемых немецкоязычным политиком в профессиональном дискурсе с лингвоперсоналогических позиций. Материалом исследования послужили выступления А. Меркель – федерального канцлера Германии. В статье уделяется внимание функциональному потенциалу английских слов, сокращений и словосочетаний в политическом дискурсе А. Меркель. В работе выделены основные темы выступлений политика, в которых используется англоязычная лексика.*

***Ключевые слова:** лингвоперсоналогия; английский язык; политический дискурс; адресант политического дискурса.*

V.A. Kameneva

L.I. Fedyanina

Kemerovo, Russia

THE ENGLISH LANGUAGE IN A. MERKEL'S POLITICAL DISCOURSE (LINGUOPERSONOLOGICAL APPROACH)

***Abstract.** The study offers a comprehensive analysis of words, abbreviations and phrases in the English language used by a German-speaking politician in the professional discourse from the linguopersonological perspective. The material of the research is the speeches of A. Merkel, German Federal Chancellor. The article focuses on the functional potential of English words, abbreviations and phrases in A. Merkel's political discourse. The work highlights the main topics of speeches of the politician, where the English language is used.*

***Key words:** linguopersonology; the English language; political discourse; addressee of political discourse.*

Сведения об авторе: Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Сведения об авторе: Федянина Любовь Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650000, Кемерово, ул. Красная, 6, каб. 5409.

e-mail: fedianina@inbox.ru.

«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсоналогический аспект»

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00522 «Legitimization Problem in Political Discourse: linguopolitical personology»

Как известно, иноязычная лексика представляет собой неоднородную группу в лексическом составе языка. В лингвистическом энциклопедическом словаре иноязычное заимствование толкуется как «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [8: 158]. Как видно из приведенного определения, заимствованными из языка-источника в язык-рецептор могут быть отдельные звуки, морфемы, слова и словосочетания. Л. П. Крысин предлагает делить иноязычную лексику на две группы. В первую группу ученый предлагает включать слова и словосочетания, которые «имеют интернациональный характер и могут быть употреблены в текстах любого культурного языка». Ко второй группе Л. П. Крысин предлагает относить «те иноязычные элементы, которые не могут быть названы устойчивыми или интернациональными» [7].

Причин заимствований лексем из других языков множество. Приведем некоторые из них:

- 1) принятие и адаптация в культуре новых понятий влечет заимствование с ними и их иностранных наименований;
- 2) появление новых экспортных товаров обуславливает заимствование и их наименований;
- 3) языковая экономия порождает заимствование иноязычных лексем, передающих смысл высказывания с помощью меньшего количества лексем или лексем с меньшим количеством слогов;
- 4) желание акцентировать какой-то конкретный аспект понятия,

явления или объекта при помощи иноязычной лексики;

5) необходимость использования эвфемистичного наименования вместо лексики родного языка с закрепившимися негативными коннотациями;

6) дань моде [2; 6; 7; 10; 12; 13; 15].

Несмотря на то, что проблеме иноязычных заимствований посвящено достаточное количество исследований, она до сих пор остается актуальной из-за действия двух противоборствующих процессов: процесса глобализации и процесса локализации. С одной стороны, страны проводят жесткую языковую политику, борясь за чистоту своего языка и ограничивая сферы употребления заимствованных слов. С другой стороны, тесная глобальная интеграция политических, экономических и культурных процессов приводит к необходимости употребления иноязычных слов.

Как правило, ученые обращаются к теме иноязычной лексики на последнем этапе, когда она прошла линво-культурную адаптацию, прочно вошла в обиход пользователей и получила фиксацию в словарях [1; 4; 5; 9; 14]. В данном исследовании основное внимание уделено анализу английских слов и словосочетаний в речах немецкого политика, которые не вошли в состав языка, но активно используются в профессиональном дискурсе. Это позволяет говорить о новизне предпринятого исследования.

Цель данной работы заключается в исследовании англоязычных слов, употребляемых канцлером Германии А. Меркель в ее профессиональном дискурсе. Основные задачи исследования: проанализировать англоязычные слова в профессиональном дискурсе А. Меркель; составить тематическую классификацию англоязычных слов, используемых политиком; установить функциональный потенциал английских слов в профессиональном дискурсе политика. В данной работе единицей анализа выступают англоязычные слова, словосочетания и сокращения, используемые А. Меркель в политическом дискурсе. Для проведения исследования приемом сплошной выборки были собраны 100 немецкоязычных политических текстов.

Анализ англоязычных слов, используемых А. Меркель в ее выступлениях, позволил установить следующее.

А. Меркель употребляет слова английского языка при обсуждении ряда тем. Центральными темами можно считать цифровизацию, современные средства коммуникации, мировую политику и экономику.

Обсуждая вопросы, связанные с цифровизацией большинства сфер жизни и деятельности своей страны и других стран мира, политик часто прибегает к помощи англоязычных слов. Это, по нашему мнению, позволяет сделать акцент на том, что Германия идет в ногу с мировыми тенденциями по глобальной цифровизации, где английский

язык, как известно, является основным средством кодирования информации [3; 11; 13].

Рассмотрим ряд примеров. Рассуждая о глобальной цифровизации во всех сферах жизни, канцлер Германии вместо привычного для немецкого этноса слова «Fläche» использует номинацию, заимствованную из английского языка «**Terrain**», что и отмечено в следующем примере: «Jedenfalls ist es aber in gewisser Weise noch nicht durchschrittenes **Terrain**» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 4.12.2018).

А. Меркель, употребляя англоязычную лексему „**disruptiv**“, доказывает необходимость внедрения новых цифровых технологий, позволяющих повысить показатели в экономическом развитии страны для улучшения благосостояния граждан Германии. Примечательно, что для термина «цифровизация» в данном контексте имеется немецкий эквивалент «**Digitalisierung**». Например: «Das Ganze ist im Grunde eine revolutionäre Phase. Wir alle haben uns ja auch angewöhnt, das Wort „**disruptiv**“ relativ flüssig über unsere Lippen zu bringen. Diese **disruptive** Phase bedeutet natürlich Erschütterungen. Ich stimme Ihnen völlig zu, Herr Berg, dass vieles, was wir heute an gesellschaftlichen Phänomenen, an Diskussionskultur und auch an Sorgen und Ängsten erleben, indirekt mit dem rasanten technologischen Wandel zu tun hat und dass es, um das Ganze nicht in eine Diskussion abgleiten zu lassen, in der ein Teil der Gesellschaft als Elite bezeichnet wird und ein anderer als zurückgelassen, uns darauf ankommen muss, dass das eine Erfolgsgeschichte wird, wie es im Grunde auch die Soziale Marktwirtschaft ist. Wohlstand für alle – das muss auch die Zukunftsmelodie im Zeitalter **der Digitalisierung** sein» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 4.12.2018).

Являясь политиком высшего ранга и представляя интересы своей страны на международной арене, А. Меркель активно употребляет в своих выступлениях английские «интернет-номинации», необходимые для коммуникации в современном мире, в том числе при обсуждении стратегических вопросов межгосударственного уровня. Например: «Wir haben heute auf unseren **BPA-Twitteraccount** oder, besser gesagt, auf den seibertschen **Twitteraccount**, also den des Regierungssprechers – ich mache jetzt einen kleinen Werbeblock –, ein kleines Stück gestellt, das sich auch mit Künstlicher Intelligenz befasst. Darin sagt das Mitglied des Digitalrates, Herr Boos, dass wir durch Künstliche Intelligenz vor allen Dingen Lebenszeit einsparen, nämlich Zeit für stupide oder sich wiederholende Algorithmen, und dass wir damit mehr Zeit für Kreativität haben; also eine gute Nachricht, jedenfalls für alle, die nicht denkfaul sind» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 4.12.2018).

Как указывалось, мировая политика и экономика являются основным контекстом употребления англоязычных слов и выражений А. Меркель. Использование слов английского языка дает возможность по-

литическому деятелю подчеркивать, что номинируемые таким способом политические вопросы являются мировой проблемой, что их решение не зависит от одной страны, а требуется внимание многих стран. Например, «Deutschland ist ein verlässlicher Partner in der Europäischen Union umso mehr, als wir heute im Kampf gegen die Nuklearisierung des Iran, im Kampf gegen Terrorismus, im Kampf gegen **ISIS** im Irak, in Syrien, im Kampf gegen den Terrorismus in Afghanistan oder auch in Afrika dringend aufeinander angewiesen sind» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 27.04.2018).

Использование англоязычных слов в контексте обсуждения вопросов мировой или общеевропейской экономики позволяет политику подчеркивать выгодность предлагаемых Германией решений для других игроков глобального рынка сбыта товаров и услуг и рынка труда. Например: «Deutschland ist ein Land, das darauf setzt, dass der freie Handel eine **Win-win-Situation** für alle ist» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 7.05.2018).

Успехи, которых добилась Германия в экономическом секторе, номинируются в речах А. Меркель англицизмами «**Champions**» и «**Trendsetter**». Например: «Hierbei sind wir, denke ich, in einigen Bereichen sehr, sehr gut. Wir haben weltweite **Champions**» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 4.12.2018). Man kann selbst in Asien und anderswo von Industrie 4.0 hören. Hier sind wir also durchaus **Trendsetter** (<https://www.bundeskanzlerin.de> 4.12.2018).

Анализ англоязычных слов с позиции грамматики, используемых А. Меркель в ее выступлениях, позволил установить, что канцлер использует англоязычные словосочетания и сокращения на английском языке.

Также было отмечено использование составных немецко-английских наименований. Приведем несколько примеров. «Wir haben uns dann mit einem weiteren Projekt beschäftigt, das beide Länder tangiert: Das ist **Nord Stream 2**» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 12.04.2018). Как представляется, подобная номинация позволяет политику подчеркнуть взаимосвязь интересов Германии и других стран при обсуждении вопросов строительства магистрального газопровода из России в Германию через Данию, Финляндию и Швецию.

В своей приветственной речи к участникам форума по вопросам цифровизации, А. Меркель использует номинацию «**Digital-Gipfel**», первый компонент которой заимствован из английского языка и означает «цифровой», а второй представляет собой метафоризацию лексемы «вершина». Таким образом, полученное слово следует переводить как «встречу на высшем уровне по вопросам цифровизации». Данная номинация используется довольно часто в выступлениях канцлера Германии. Например, «...ich freue mich, dass ich auch dieses Jahr wieder

beim **Digital-Gipfel** dabei sein kann und dass Sie alle dabei sind» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 4.12.2018). «Wir hatten eben ein Mittagessen, bei dem wir Revue haben passieren lassen, was zwischen zwei **Digital-Gipfeln** geleistet worden ist und welche Art von Arbeit stattgefunden hat» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 4.12.2018).

Чаще всего А. Меркель использует словосочетания и сокращения на английском языке, ссылаясь на международные группы, созданные для урегулирования определенных глобальных политических вопросов.

Приведем несколько примеров. «Zum Beispiel ist Deutschland jetzt zum ersten Mal auch in der „**Small Group**“ dabei, die sich mit Syrien befasst und jetzt in Paris getagt hat zusammen mit den Vereinigten Staaten von Amerika, mit Großbritannien, mit Saudi-Arabien, und wir wollen da unseren Beitrag einsetzen» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 27.04.2018).

«Als Antwort gab es Treffen der Staats- und Regierungschefs **der G20**, in der Argentinien in diesem Jahr die Präsidentschaft hat» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 24.01.2018). Как следует из приведенного примера, используемые в речи А. Меркель сокращения, к примеру, G20 («Большая двадцатка», которой именуют участников правительств 20 стран с хорошо развитой экономикой), призваны создавать у адресатов впечатление не господствующей элиты, а рабочей группы, которой поручено решать вопросы глобального масштаба, в том числе и развивающихся стран.

Приведем еще один пример. «Selbstverständlich kann es im **N4-Format** auch wieder ein Treffen auf der Ebene der Staats- und Regierungschefs geben» (<https://www.bundeskanzlerin.de> 18.05.2018).

Вывод. Как показал анализ материала, А. Меркель, в основном, использует лексику английского языка только тогда, когда затрагивает вопросы, значимые для большинства стран мира. Основные темы выступлений, в которых политик прибегает к иноязычной лексике: цифровизация, современные средства коммуникации, мировая политика и экономика.

Функции англоязычной лексики в речах А. Меркель в рамках выделенных доминантных тем следующие: показать следование Германии новейшим мировым тенденциями и обозначить вовлеченность Германии в решение проблем мировой политики и экономики.

С позиции грамматики, в выступлениях политика встречаются номинации из одной лексемы на английском языке, словосочетания на английском языке, англо-немецкие словосочетания и сокращения на английском языке.

В перспективе возможно сопоставление обращений к английскому языку политических лидеров других стран для выявления этнокультурной специфики.

Литература

1. Афанасьева, Е. В. Орфографическая адаптация согласных в англицизмах испанского языка / Е. В. Афанасьева // Альманах современной науки и образования. – 2017. – № 4-5 (118). – С. 14-16.
2. Басиева, Э. А. Причины заимствования иноязычной лексики на рубеже XX-XXI веков / Э. А. Басиева, Р. З. Комаева // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 3-5. – С. 584-585.
3. Баско, Н. В. Иноязычное заимствование – одна из основных тенденций развития русского языка в эпоху глобализации / Н. В. Баско // Русистика без границ. – 2017. – Т. 1. – № 2. – С. 15-21.
4. Емельянова, Е. И. Лингвосоциологический эксперимент использования иноязычных заимствований немецкого языка в аспекте словообразования / Е. И. Емельянова // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2017. – № 4 (60). – С. 34-37.
5. Заварзина, Г. А. Структурно-семантические особенности новых иноязычных заимствований и их производных в лексико-семантической подсистеме "Красота и здоровье" / Г. А. Заварзина, А. С. Смольянова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2 (283). – С. 224-227.
6. Крысин, Л. П. О причинах лексического заимствования / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 1965. – № 3. – С. 1-15.
7. Крысин, Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – М.: Знак, – 2008. – 320 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
9. Минова, М. В. Морфологическая ассимиляция англицизмов в процессе их интеграции в современный французский язык / М. В. Минова // Филология: научные исследования. – 2019. – № 1. – С. 129-143.
10. Мистюк, Т. Л. Проблема иноязычных заимствований в социолингвистическом аспекте / Т. Л. Мистюк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (28). – С. 121-124.
11. Можикова, А. Н. Современные аспекты исследования английской заимствованной лексики / А. Н. Можикова // Научные горизонты. – 2019. – № 2 (18). – С. 80-86.
12. Муллагаянова, Г.С. Иноязычные заимствования в контексте экономики / Г. С. Муллагаянова, А. Е. Кривцова // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2017. – № 1 (5). – С. 46-49.
13. Павлова, Д. А. Англицизмы в русскоязычном политическом дискурсе (на материале электронных гипертекстов российских политических партий) / Д. А. Павлова, В. А. Каменева // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых и литературоведческих курсов: сборник научных трудов [Электронный ресурс]. научн. ред. Л. А. Араева. – Кемерово. – 2017. – С. 212-218.
14. Парфиненко, А. А. Заимствование иноязычных элементов как фактор развития языковой вариантности (на материале английского и французского языков) / А. А. Парфиненко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 6. – С. 95-100.
15. Шарафутдинова, Н. С. Англоязычные заимствования в немецкой авиационной терминосистеме / Н. С. Шарафутдинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3-2 (57). – С. 179-182.

References

1. Afanas'eva, E. V. Orfograficheskaya adaptaciya soglasnyh v anglicizmah ispanskogo yazyka / E. V. Afanas'eva // *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. – 2017. – № 4-5 (118). – S. 14-16.
2. Basieva, E. A Prichiny zaimstvovaniya inoyazychnoj leksiki na rubezhe XX-XXI vekov / E. A. Basieva, R. Z. Komaeva // *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. – 2015. – № 3-5. – S. 584-585.
3. Basko, N. V. Inoyazychnoe zaimstvovanie – odna iz osnovnyh tendencij razvitiya russkogo yazyka v epohu globalizacii / N. V. Basko // *Rusistika bez granic*. – 2017. – T. 1. – № 2. – S. 15-21.
4. Emel'yanova, E. I. Lingvosociologicheskij eksperiment ispol'zovaniya inoyazychnyh zaimstvovanij nemeckogo yazyka v aspekte slovoobrazovaniya / E. I. Emel'yanova // *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologij upravleniya i ekonomiki*. – 2017. – № 4 (60). – S. 34-37.
5. Zavarzina, G. A. Strukturno-semanticheskie osobennosti novyh inoyazychnyh zaimstvovanij i ih proizvodnyh v leksiko-semanticheskoj podсистeme "Krastota i zdorov'e" / G. A. Zavarzina, A. S. Smol'yanova // *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2019. – № 2 (283). – S. 224-227.
6. Krysin, L. P. O prichinah leksicheskogo zaimstvovaniya / L. P. Krysin // *Russkij yazyk v shkole*. – 1965. – № 3. – S. 1-15.
7. Krysin, L. P. Slovo v sovremennyh tekstah i slovaryah: Oчерki o russkoj leksike i leksikografii / L. P. Krysin. – M.: Znak, – 2008. – 320 s.
8. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* / gl. red. V.N. YArceva. – 2-e izd., dop. – M.: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 2002. – 709 s.
9. Minova, M. V. Morfologicheskaya assimilyaciya anglicizmov v processe ih integracii v sovremennyj francuzskij yazyk / M. V. Minova // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. – 2019. – № 1. – S. 129-143.
10. Mistyuk, T. L. Problema inoyazychnyh zaimstvovanij v sociolingvisticheskom aspekte / T. L. Mistyuk // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2013. – № 10 (28). – S. 121-124.
11. Mozhikova, A. N. Sovremennye aspekty issledovaniya anglijskoj zaimstvovanoj leksiki / A. N. Mozhikova // *Nauchnye gorizonty*. – 2019. – № 2 (18). – S. 80-86.
12. Mullagayanova, G.S. Inoyazychnye zaimstvovaniya v kontekste ekonomiki / G. S. Mullagayanova, A. E. Krivcova // *Sankt-Peterburgskij obrazovatel'nyj vestnik*. – 2017. – № 1 (5). – S. 46-49.
13. Pavlova, D. A. Anglicizmy v russkojazychnom politicheskom diskurse (na materiale elektronnyh gipertekstov rossijskih politicheskikh partij) / D. A. Pavlova, V. A. Kameneva // *Problemy sovremennoj lingvistiki i metodiki prepodavaniya yazykovykh i literaturovedcheskih kursov: sbornik nauchnyh trudov [Elektronnyj resurs]*. nauchn. red. L. A. Araeva. – Kemerovo. – 2017. – S. 212-218.
14. Parfinenko, A. A. Zaimstvovanie inoyazychnyh elementov kak faktor razvitiya yazykovoj variantnosti (na materiale anglijskogo i francuzskogo yazykov) / A. A. Parfinenko // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. – 2016. – № 6. – S. 95-100.
15. SHarafutdinova, N. S. Angloyazychnye zaimstvovaniya v nemeckoj aviacionnoj terminosisteme / N. S. SHarafutdinova // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2016. – № 3-2 (57). – S. 179-182.

С. В. Марчук

Санкт-Петербург, Россия

**ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНО-
ЛОГИИ: ПЕРСОНАЛЬНЫЙ САЙТ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ**

S. V. Marchuk

Saint-Petersburg, Russia

**INFORMATION AND COMMUNI-
CATION TECHNOLOGIES: PER-
SONAL WEBSITE OF THE TEACH-
ER**

Аннотация. В научно-исследовательской работе представлена методология исследования в области использования информационно-коммуникативной технологии в образовании. Представлен учебный сайт как эффективный инструмент обеспечения качества образовательного процесса. Автор методично доказывает необходимость использования веб-сайта. Описаны аудиовизуальные приёмы, используемые посредством веб-сайта преподавателя. Автор уверен, что этот вид мультимедиа является одним из актуальных методов обучения русскому языку как иностранному на любом этапе обучения.

Ключевые слова: мультимедиа; информационные и коммуникационные технологии; учебный сайт; компетентность

Сведения об авторе: Марчук Светлана Владимировна

Место работы: аспирант кафедры педагогики и психологии ЛГУ им. А.С. Пушкина, преподаватель РКИ "ВУНЦ ВМФ "Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова"

Контактная информация: lanaimage21@gmail.com

Abstract. In the research work, a research methodology is presented in the field of the use of information and communication technology in education. The educational site is presented as an effective tool for ensuring the quality of the educational process. The author methodically proves the need to use a website. The audiovisual techniques used through the teacher's website are described. The author is sure that this type of multimedia is one of the relevant methods of teaching Russian as a foreign language at any stage of training.

Key words: multimedia; information and communication technologies; training website; competence.

About the author postgraduate student general pedagogy, history of pedagogy and education; teacher of Russian language for foreign students

Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg, Russian Federation); The Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsov (Saint Petersburg, Russian Federation)

На начальном этапе исследования нас интересовало, как на сегодняшний день используются информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) в процессе обучения высшей школой. Одним из приёмов в сфере ИКТ предлагается использование персонального веб-сайта преподавателя.

В ходе исследования выяснилось, что Россия имеет низкий рейтинг в информационном мировом сообществе. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, созданного 15 мая 2018 года указом Президента Российской Федерации

№215 на базе Министерства связи и массовых коммуникаций РФ, согласно *Индексу* развития ИКТ Россия занимает 45 место. Одной из причин можно назвать некомпетентность преподавателей, но «это не столько недостаток учителей, сколько результат сложившейся у нас системы организации учреждений образования». [2, 83] Значит, новизна и проблема данной темы может считаться актуальной.

Качество общего и профессионального образования зависит от поиска и внедрения эффективных технологий, средств, форм организации и оценки результата. По данному направлению привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования работы педагогов-новаторов разных специальностей.

И.В. Роберт в монографии осветила решения основных проблем информатизации образования на концептуальном уровне, где исследуются возможности средств новых информационных технологий, их педагогическая целесообразность в использовании, психолого-педагогические требования, предъявляемые к ним и оптимальные условия их применения. [7] Был создан толковый словарь терминов понятийного аппарата информатизации образования. [8]

Л. Г. Жук [3] в своей диссертации в 2006 году выдвинула гипотезу о повышении эффективности организации самостоятельной работы студентов и оптимизации деятельности преподавателя иностранного языка как координатора их самостоятельной работы в случае внедрения интернет-технологий. Э. Г. Азимов разработал методическое руководство по использованию дистанционных технологий при обучении русскому языку как иностранному.

Имеется ряд работ, касающихся исследования зарубежного опыта применения информационно-коммуникативных технологий в целях повышения учебной мотивации [6] С.В. Буцык [2] анализирует программы развития ИКТ в Сингапуре, проводя некоторые аналогии с российскими проектами. Обстоятельно представлены основные требования при использовании мультимедийных средств обучения Д.А. Махотиным и С.М. Лесиным [4]. Несомненная важность этих работ состоит в том, что все они доказательно подтверждают необходимость использования ИКТ в сфере образования.

Необходимо чётко определить понятия и терминологию информационно-коммуникативных средств обучения.

«К мультимедийным средствам обучения относят комплекс аппаратных и программных средств, позволяющих пользователю общаться с компьютером, используя самые разные среды: графику, гипертекст, звук, анимацию, видео» [5, с. 204].

Мультимедийная революция дополнила словарь новой терминологией, знание которой подтверждает компетентностный подход к образовательному процессу. Смена парадигмы несомненна, но недоста-

точно теоретического осмысления, стиль мышления возможно изменить при системном подходе, то есть при рассмотрении мультимедийных технологий как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Например, для использования современных информационных технологий используются такие термины, как «сервер», «дисплей», «удалённый доступ», «резервное копирование», «операционная система», «скриншот», «медиа», «хостинг», «провайдер», «веб-сайт» и другие, знания которых является продуктивным в случае умения пользоваться ими на практике, а значит включить в систему образовательного процесса. Образование должно воплощать гносеологию в этой области, используя как индуктивный, так и дедуктивные методы.

«Традиционная дидактика в основном предлагает иллюстративно-объяснительные методы обучения с незначительной по объёму самостоятельной работой обучаемых, выполняемой в рамках различных теорий обучения». [7,121]

Педагогическая наука в условиях информатизации образования носит *лонгирующий характер*, направленный на достижение образовательных целей, соответствующих современным условиям жизни.

«Развивающая. Развивает личность обучаемого, подготавливая к разноплановой жизни в современном обществе. Это развитие мышления, коммуникативных способностей; формирование навыка принимать оптимальное решение; привитие эстетики; мотивирование к экспериментально-исследовательской деятельности; воспитание информационной культуры.

Интенсифицирующая. Интенсифицирует процесс обучения, то есть делает его более интенсивным и эффективным. Это повышение эффективности и качества за счёт возможностей средств новых информационных технологий; обеспечение мотивов, активирующих познавательную деятельность; углубление межпредметных связей.

Реализующая. Реализует социальный заказ, обусловленный информатизацией современного общества. Это подготовка специалистов в области информатики и вычислительной техники; подготовка пользователя средствами новых информационных технологий».[7, 12-13]

Основная цель информационной системы – организация хранения и передачи информации [5,14]

Возможности средств новых информационных технологий (СНИТ) И.В. Роберт считает уникальными в области образования и при компетентностном подходе возможно «создание методик, ориентированных на развитие личности обучаемого.»[7]

Информационно-коммуникативные технологии не имеют строгой научной дефиниции, так как неотъемлем творческий вклад педагога, имеющий научно-прикладную основу, где дидактические требования

научности, доступности, систематичности и последовательности, сознательности и самостоятельности обучаемого, прочности усвоения информации, развития интеллектуального потенциала, обратной связи при работе с программным обеспечением должны выполняться в образовании.

Собственные наблюдения и специальные исследования в этом плане показали, что мультимедийные средства при обучении русскому языку как иностранному на подготовительном этапе являются эффективными при смешанной форме обучения.

Термин «мультимедиа» (англ. *Multimedia: multum* – много, *media, medium* – средство, соединение, сочетание.) Соединение многообразия инструментальных средств, которые позволяют представлять разные информационные модели реального мира, создавая наиболее полный эффект для восприятия человеком. [4,8]

Одним из продуктов является персональный веб-сайт как средство персонального взаимодействия.

Задачи применения персонального сайта преподавателя в образовательном процессе при обучении русскому языку как иностранному на подготовительном курсе:

- повысить мотивацию познавательной деятельности;
- стимулировать когнитивные процессы, влияющие на восприятие и осознание нового учебного материала;
- обеспечить доступ к учебным материалам;
- использовать обратную связь для персонального взаимодействия “преподаватель-ученик”;
- уменьшить противоречия между возросшим потоком информации и ограниченным временем на её изучение;
- разнообразить формы обучения (смешанная, дистанционная, онлайн).

Использование персонального веб-сайта является серьёзным инструментом в экстремальной ситуации, когда иностранные студенты подготовительного курса должны овладеть базовым уровнем знания русского языка как иностранного за исключительно короткий промежуток времени.

В частном случае благодаря веб-сайту, послужившему эффективным средством при обучении, были достигнуты высокие результаты. Использование веб-сайта может сопровождаться и социальными сетями, посредством которых каждому обучаемому отправляется ссылка на нужную страницу сайта.

Например, алгоритм подготовки задания выглядит таким образом:

1. Подготовить рабочий материал.
2. Проставить ударение в тексте.
3. Сделать перевод новых слов на двух языках (английский обяза-

тельно). 4. Выставить задание на странице сайта. 5. Проинформировать о задании. (ссылка на сайт, страницу)

Полный текст смотреть на сайте www.russian-teacher.ru

Российская Федерация – самая большая страна в мире. Её площадь 17 миллионов квадратных километров. Россия расположена в Европе и в Азии. Граница между Европой и Азией проходит по Уральским горам. Россия граничит с 18 (восемнадцатью) государствами.	расположена	located	situé
	граница	Border	frontière
	Уральские горы	Ural Mountains	montagnes de l'Oural
	суша	land	terre

Задание для самостоятельного изучения:

1. Прислушаться и прочитать текст «Российская Федерация», размещённый на сайте. 2. Составить вопросы по тексту и прислать через обратную связь на проверку.

Обучающиеся имеют возможность выполнять полученное задание в удобное для них время, готовиться самостоятельно, прослушивать аудио запись текста нужное количество раз. Для дополнительного удобства обучающиеся получили текст на бумажном носителе.

Результаты выполнения задания:

Обучающиеся, следовавшие предложенному алгоритму, справились с заданием на «хорошо» и «отлично». Для лучшего и быстрого усвоения был размещён перевод отдельных слов и выражений рядом с текстом. Вопросы по тексту было предложено прислать через обратную связь сайта, что ускорило процесс изучения. Качество выполненных заданий было достигнуто эффективным способом.

Одной из проблем в обучении русскому языку иностранцев на начальном этапе является письмо. Замена букв, не воспринимаемая на слух фонетика, отсутствие минимального лексического запаса слов приводит к сложности в обучении.

Цель предложенного задания в качестве эксперимента, научить грамотному письму под диктовку после самостоятельного прослушивания текста и его прочтения. Средством служит учебный сайт преподавателя. На сайте размещён текст и аудио запись.

1. Он, там, дом, тут, ты, мы, вы, это, фото, мама, папа, лампа, Анна, Алла, луна, Иван, Антон, она, вода. Это Иван. Это он. Это мама. Это она. Это папа. Это дом. Это лампа.

2. Ваш? Ваш журнал? Это ваш журнал? Наш? Наш автобус? Это наш автобус? Наша? Наша остановка? Ваша Наша остановка?

Это? Ваша страна? Это ваша страна? Ваше? Ваше фото? Это ваше фото?

3. Это мой стол, а это твой стол. Это моя шапка, а это твоя шапка. Это моё яблоко, а это твоё яблоко. Шкаф тут, а стол там. Кот там, а собака тут. Иван дома, Антон тоже дома.

Приведённый приём подготовки к диктанту показал положительные результаты. Были допущены незначительные ошибки и опiski, что резко отличалось от результатов написания диктанта без соответствующей подготовки, а значит, не имело продуктивности как в техническом, так и психологическом аспектах.

В результате взаимодействия через учебный сайт восприятие новых букв усваивается быстрее, так как обучаемый имеет возможность слышать аудио запись и воспринимать её визуально в удобное для него время и прослушивать необходимое количество раз.

"Веб-сайт это – набор web-страниц, составляющих единое целое, как правило, размещённых на одном и том же *сервере*, имеющих одно и то же *доменное имя* и связанных между собой *перекрёстными ссылками*.

Сервер – это специализированное аппаратное устройство с программным обеспечением. Именно на сервере хранятся веб-сайты в том числе.

Доменное имя – уникальное имя сайта,. »[8]

Перекрёстные ссылки обеспечивают связь внутри своего файла, их надо отличать от гиперссылок, создающих связь с внешними документами.

Одной из проблем для внедрения и использования личных веб-сайтов (web-site) может быть некомпетентность преподавателей, что противоречит духу времени, так как умение владеть электронными ресурсами – это обязательный критерий современного преподавателя.

Рассмотрим понятие *компетентности* в том смысле, в каком оно противопоставляется способности. Способность определяет знания (теоретические и практические), обнаруживаемые через выполнение во время контрольного испытания, предварительно изученного материала. «Компетентность относится к особым сочетаниям знаний и ноу-хау, которые проявляют оригинальную, нестереотипную адаптацию к беспрецедентным ситуациям» [9,3].

Таким образом, мы определяем медийную грамотность как навык, необходимый для формирования компетентности преподавателя на каждом образовательном уровне. «Иностранный язык – это крепость, которую нужно штурмовать со всех сторон одновременно: чтением газет, слушанием радио, просмотром недублированных фильмов, посещением лекций на иностранном языке, проработкой учебника, пе-

репиской, встречами и беседами с друзьями – носителями языка». – писала Ломб Като, владеющая несколькими иностранными языками.

Литература

1. Азимов Э.Г. Методика организации дистанционного обучения русскому языку как иностранному. – М.: Русский язык, 2006. – 150 с.
2. Буцык С.В. Программы развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сфере образования Сингапура. – Открытое образование. – 2012. – №1 – с. 78-84
3. Жук Л.Г. Интернет-технологии как средство организации самостоятельной работы студентов технических вузов: на материале обучения иностранному языку. – диссертация. – СПб., 2006. – 265 с.
4. Махотин А., С. М. Лесин Технические и мультимедийные средства обучения в образовательном процессе. – Педагогическая мастерская. Всё для учителя. – 2015. – № 12 (48)
5. Пащенко О.И. Информационные технологии в образовании: Учебно-методическое пособие. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт.гос. ун-та, 2013. – 227 с.
6. Прудникова Т.А, Посакалова Т.А. Зарубежный опыт применения информационно-коммуникационных технологий в целях повышения учебной мотивации Современная зарубежная психология 2019. Том 8. № 2. С. 67-82.
7. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования. – М.: ИИО РАО, 2007 – 140 с.
8. Толковый словарь терминов понятийного аппарата информатизации образования. – М.: ИИО РАО, 2009. – 96 с.
9. Fastrez, Pierre ; De Smedt, Thierry. Les compétences en littératie médiatique. De la définition aux nouveaux enjeux éducatifs.. In: Mediadoc , Vol. 1, no.11, p. 2-8 (2013)

References

1. Azimov E.G. Metodika organizatsii distantsionnogo obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu. – М.: Russkiy yazyk, 2006. – 150 s.
2. Butsyk S.V. Programmy razvitiya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy (IKT) v sfere obrazovaniya Singapura. – Otkrytoye obrazovaniye. – 2012. – №1 – s. 78-84
3. Zhuk L.G. Internet-tekhnologii kak sredstvo organizatsii samostoyatel'noy raboty studentov tekhnicheskikh vuzov : na materiale obucheniya inostrannomu yazyku. – dissertatsiya. – SPb., 2006. – 265 s.
4. Makhotin A., S. M. Lesin Tekhnicheskiye i mul'timediiŭnyye sredstva obucheniya v obrazovatel'nom protsesse. – Pedagogicheskaya masterskaya. Vsë dlya uchitelya. – 2015. – № 12 (48)
5. Pashchenko O.I. Informatsionnyye tekhnologii v obrazovanii: Uchebno-metodicheskoye posobiye. – Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart.gos. un-ta, 2013. – 227 s.
6. Prudnikova T.A, Posakalova T.A. Zarubezhnyy opyt primeneniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v tselyakh povysheniya uchebnoy motivatsii Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya 2019. Tom 8. № 2. S. 67-82.
7. Robert I.V. Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii v obrazovanii: didakticheskiye problemy; perspektivy ispol'zovaniya. – М.: ИО РАО, 2007 – 140 s.

8. Tolkovyy slovar' terminov ponyatiynogo apparata informatizatsii obrazovani. – M.: PO RAO, 2009. – 96 c.

9. Fastrez, Pierre ; De Smedt, Thierry. Les compétences en littératie médiatique. De la définition aux nouveaux enjeux éducatifs.. In: Mediadoc , Vol. 1, no.11, p. 2-8 (2013)

УДК 81'27

И.В. Фатьянова
Донецк, ДНР

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ МИКРОКОНЦЕПТОСФЕРЫ WAR В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XXI ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокогнитивные, семантические, структурные и стилистические особенности фразеологических единиц, представляющих микроконцептосферу WAR в англоязычном политическом дискурсе 21 века. Номинативное пространство микроконцептосферы WAR, сформированное по принципу полевой организации лексики, представляет собой один из обширных фрагментов современной англо-американской картины мира, отличающейся своей целостностью и структурированностью. Результаты анализа фразеологической вербализации микроконцептосферы WAR позволяют проследить специфику репрезентации микроконцептосферы как фрагмента английской картины мира и выявить универсальные и национально-маркированные особенности актуализации понятий и ассоциаций, связанных с войной в англо-американском сообществе.

Ключевые слова: политический дискурс, концепт, микроконцептосфера, фразеологическая единица, номинативное пространство.

Сведения об авторе: Фатьянова Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии.

Место работы: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донец-

I.V. Fatyanova
Donetsk, DPR

PHRASEOLOGICAL ACTUALIZATION OF THE MICRO CONCEPTUAL SPHERE OF WAR IN ENGLISH-SPEAKING POLITICAL DISCOURSE OF THE XXI-ST CENTURY

Abstract. The article analyzes cognitive, semantic, structural and stylistic peculiarities of phraseological units verbalizing the micro conceptual sphere WAR in present-day Anglo-American political discourse. The study defines the principles of lexical-semantic organization of the nominative space denoting the concept WAR and highlights the cognitive basis of the micro conceptual sphere WAR verbal representation. It also works out the qualitative-referential pattern of the concept. Fragments of this pattern find their reflection in the semantics of present-day English designation units. The associative space of the concept WAR has been established in the conceptual and language pictures of the world. Being a cross-discursive phenomenon, war has a micro conceptual sphere which can be determined as a part of a large Anglo-American conceptual sphere with a special structural organization possessing specific features when used in political discourse..

Key words: political discourse, concept, micro conceptual sphere, phraseological unit, nominative space .

About the author: Fatyanova Irene Valeryevna, Candidate of Philology, Associate Professor and Doctoral Student of the Department of English Philology.

Place of employment: Donetsk National University

Данная статья посвящена определению лингвокогнитивных, семантических, структурных и стилистических особенностей лексических единиц, которые представляют микроконцептосферу WAR в англоязычном политическом дискурсе 21 века. Единицы разных лексикограмматических классов, которые определяют феномен «война», создают целостное номинативное пространство, которое структурируется по полевому принципу организации лексики. В современной лингвистике номинативное пространство понимают, как отражение реалий и их лексическую интерпретацию [3; 5; 6; 8].

Описание номинативного пространства микроконцептосферы WAR дает возможность глубже выявить общие механизмы и принципы вербального выражения феномена «война».

Цель работы – выявление и описание фразеологических средств выражения концепта WAR в современном англоязычном политическом дискурсе.

Необходимость проведения анализа реализации концептов в рамках различных дискурсов для изучения человеческого сознания через языковые репрезентации и особенностей формирования представления у человека об окружающем мире в целом или его отдельном фрагменте в условиях изменяющейся ситуации является одной из наиболее актуальных задач когнитивной лингвистики [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Данное обстоятельство обусловило актуальность исследования, которое состоит в необходимости изучения динамических модификаций концепта в политическом дискурсе как реакции на изменения конкретной ситуации или ее отдельных обстоятельств. Актуальность работы определяется также тем фактом, что исследование функционирования концептуальных единиц в политическом дискурсе дает ключ к овладению национальной политической концептосферой изучаемого языка и пониманию предпосылок и условий, лежащих в основе ее динамики.

Материалом исследования послужили 900 фразеологических единиц (ФЕ) английского языка, отобранных методом сплошной выборки, из 46 лексикографических источников, а также из 50 авторитетных британских и американских СМИ.

С точки зрения когнитивных позиций определяем войну как микроконцептосферу (МК) – когнитивный конструкт, образованный на почве взаимодействия концептов, который соотносится с соответствующим участком языковой семантики как части концептосферы, реализованной с помощью языковых знаков. Представления, понятия о войне формируются под воздействием разнообразных факторов, среди

которых важную роль играет лингвальное воплощение концептов, в частности их лексическое выражение.

МК WAR как фрагмент концептуальной картины мира (ККМ) англичан и американцев, ее репрезентация в языковой картине мира (ЯКМ) выступает как когнитивно-дискурсивное образование, которое рождается в процессе продуцирования смыслов в дискурсивном пространстве и вмещает, с одной стороны, индивидуальный опыт человека, основанный на собственной теории и практике, а с другой – коллективное знание, ценности, нормы и правила, регулирующие его поведение как члена социума, а также как члена среди социальной группы (отдельной ячейки общества) [9].

МК WAR – иерархически организованная открытая группировка концептов, которая воспроизводит политическую и социальную сферу бытия социума в конкретный отрезок исторической реальности, получает свое воплощение в семантическом пространстве национального языка. Анализируемая МК, ее структурные единицы – домены выступают базой для воплощения и интерпретации отдельных концептов, которые стоят за физическим телом языковых знаков, используемых в коммуникации [9].

Концепт WAR, под которым понимаем сложную, динамическую структурно-смысловую, этнически и культурно обусловленную ментальную единицу человеческого сознания, которая выступает способом и результатом категоризации знания и имеет вербальное выражение, является дискурсообразующим концептом МК WAR, вокруг которого группируются другие концепты, представляющие разнообразные виды и направления деятельности, связанной с политикой во всех ее проявлениях и представлениях и, в свою очередь, формирующие собственные микроконцептосферы [7; 8; 9].

Основой для рассмотрения вербальной репрезентации МК WAR в исследовании является признак войны. Лексическая единица (ЛЕ) *war* включает различные коннотации в современном англоязычном дискурсе. С одной стороны, она выступает как мера для укрепления порядка, с другой стороны – как пустая трата средств и гибель многих людей.

В структуре МКWAR в англоязычном политическом дискурсе 21 столетия можно выделить пять доминирующих концептов: WAR, TERRORISM, VIOLENCE, STRUGGLE, BATTLE, PATRIOTISM.

МК WAR реализуется в языке благодаря универсальным бинарным оппозициям, которые представлены лексемами: “we-they” (свой-чужой), “war-peace” (война-мир), “death-life” (смерть-жизнь), “evil-good” (добро-зло).

Дискурсообразующий концепт WAR, домены, субконцепты, как составные части английской концептуальной картины мира находят

свое отражение в единицах языковой картины мира, объединенных в лексико-семантическое поле (ЛСП) *war*.

ЛСП – это определенная модель реальной картины мира, и, следовательно, языковая репрезентация концептосферы. ЛСП относятся к целостным номинативным пространствам языковой системы, выступая способом упорядочения лексических единиц в их пределах. Номинативное пространство рассматривается как результат лексической интерпретации реалий мира. Конститутивными элементами ЛСП *war* являются парцеллы – небольшие тематические группировки лексических единиц, которые представляют отдельные субфреймы вербализованного концепта [5; 6].

Поскольку организация поля задается существительными, проиллюстрируем на их примере прототипическое строение ЛСП *war*.

Принадлежность единицы к определенной зоне ЛСП обуславливается количеством признаков, закрепленных в ее семантической структуре; граница между зонами является нечеткой и размытой. В современном английском языке единицы ЛСП *war* группируются вокруг лексемы *war*, которая выступает главным представителем их интегрального прототипического значения и составляет ядро ЛСП.

На лексическом уровне реализация МК WAR в лексикографических источниках и современном англоязычном политическом дискурсе представлена большим количеством фразеологических единиц с лексемой *war*, ее производных слов, синонимов и антонимов, зафиксированных в словарях и актуализируемых в современном англоязычном политическом дискурсе 21 в.:

1. наименования войн: *First / Second / Cold War, War of Independence, fourth / fifth generation warfare, asymmetric conflict / warfare, cyber-jihad, digital warfare, germ warfare, information warfare, network-centric warfare, technocentric warfare, war on terrorism, etc.*;
2. люди / страны / политические режимы / движения, связанные с войной / участники войны: *big brass, war-horse, anthrax terrorist, arch-terrorist, axis of evil, biological Unabomber, brother in arms, blue coat, anti-terror / counterterrorism / cybersecurity / homeland-security czar, cyber terrorist, defensive pessimist, dirty bomber, ecological terrorist, genocide / homicide bomber, guerrilla gardener, homicide / genocide bomber, jihad / terror cell, millennium / shoe bomber, network-centric military, nuke squad, pre-attack security probe, rogue regime / nation, serial bomber, sleeper agent, sleeper cell, smallpox martyr, special interest detainee, suicide bomber, suicide car bomber / driver, shoeicide bomber, terror cell, terrorist underworld, vampire state, war mongers, war*

hawks, one man's bomber-pilot is another's terror-flier, one man's freedom fighter another's terrorist;

3. военные действия: *art of war, battle line, bad blood, baptism of fire, battle of wits, come to bat, dirty chemical attack, fly to arms, jihad job, martyrdom operation, stand in the breach, be at close quarters, be in the van, spike one's guns, take somebody for an airing, be on the alert, red alert, draw the first blood, fight a losing battle, blow the coals, fight one's battles, give battle, join battle, cut one's cable, be on call, a clarion call, a close call, be in different camps, the squaw campaign, hold a candle to somebody, be on the war-path, up in arms, keep somebody in the air, change one's battery, mask one's battery, turn one's battery against himself, be on the front line, fight like Kilkenny cats ;*
4. поле битвы: *the bath on blood, field / theatre of jihad, ground zero,*
5. стратегии и тактики ведения войны: *the armaments race / arms race, acoustic terrorism, aggressive profiling, agricultural bioterrorism, asymmetric threat, bio event, collateral mail, decapitation strategy, dual use, franchise terrorism, fire into the brown, get the bulge on somebody; give somebody a bone to pick, have at bay, domestic terrorism, entrepreneurial terrorism, homicide bombing, nuclear terrorism, postal terrorism, radiological terrorism, sit on the fence, a war of attrition, a war of nerves, phony war, hot war, press-button war, private war, a war of words, bad blood, war blog, a war to the death, put the boot in, booted and spurred, don't ask, don't tell policy, sow the seeds of discontent, attack is the best method of defence;*
6. инструменты войны: *baby nuke, baricthermal / thermobaric bomb, biological weapons, briefcase nuke / suitcase bomb, car-bomb factory, cold arms, daisy-cutter bomb, dark biology, dirty bomb / nuke, human bomb / suicide belt, improvised explosive device, microwave bomb, ethnic bomb, Jihad Encyclopedia, Massive Ordnance Air Burst, radiological dispersal device, rucksack bomb, suicide car, suicide car bomb, suicide truck, suitcase nuke, unconventional weapons, weaponized anthrax, weapons-grade anthrax, weapons of mass effect, weapons of mass destruction;*
7. жертвы войны: *asylum shopper, post-9/11, post-traumatic job-switcher, September 10, soft target, threat fatigue;*
8. трагические события, связанные с войной: *9-11 (nine-one-one, nine-eleven), pre-Sept.11, September 11 (Sept.11);*
9. угрозы: *soft threats, a threatened blow is seldom given, every bullet has its billet, forewarned, forearmed;*

10. противодействие войне: *backscatter machine, color-coded terror alert system, defensive pessimism, DNA fingerprint, hit / nuke squad, homeland security, homeland-security contract, Multistate Anti-Terrorism Information Exchange, no-fly list, nuclear detection office, Not under my back yard, pre-attack security probe, special collection program, terror management, USA PATRIOT Act*;
11. неудача, крах, поражение: *lay down one's arms, fight a losing battle, the bell tolls for somebody, leave somebody in possession of the field, to meet one's Waterloo, to lose the day, to draw a blank, to come off second best, to fail through, to lose ground, to hit the buffers, kick the beam, Butcher's bill*;
12. победа в войне: *beat hollow, beat the air, the olive branch, a pipe of peace, to bury the hatchet, trump one's act, carry one's bat, get the best of, carry the day, save the day*.

Таким образом, делаем вывод о том, что фразеология микроконцептосферы WAR охватывает совокупность фразеологизмов, тем или иным образом, отсылающих к ситуации войны и способов ее ведения в современном мире. Фразеосемантическая группа обозначений войны во всех ее воплощениях включает фразеологические единства субстантивного, адъективного, адвербиального, предложного и глагольного типа, в которых преобладают фразеологические единства, сращения и сочетания спора, ссоры, борьбы, терроризма, патриотизма, в которых основные имена концепта WAR являются фразеобразующими доминантами.

Литература

11. Вердиева, З.Н. Семантические поля в современном английском языке: Учеб. пособие / Земфира Надировна Вердиева. – М.: Высшая школа, 1986. – 120 с.
12. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / Владимир Ильич Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002б. – 477с.
13. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
14. Краткий словарь когнитивных терминов / [сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрат, Л.Г. Лузина]. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245с.
15. Левицкий, А.Э. Функциональные изменения в системе номинативных единиц современного английского языка: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04 / Левицкий Андрей Эдуардович – К., 1999. – 396 с.
16. Левицкий, А.Э. Коммуникативно-когнитивные аспекты номинативной деятельности индивида / А.Э. Левицкий // Композиционная семантика: мат-лы III –го междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18–20 сент. 2002 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; ред. кол. : Е.С. Кубрякова, Е.М. Позднякова, В.Б. Гольдберг и др. : В 2 ч. – Ч. 2. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 13-15.
17. Приходько, А.М. Языковое картирование мира в паттерне "Концептосфера – Концептополе – Концептосистема" / А.М. Приходько // Нова філологія. – № 1 (21). – Запоріжжя: ЗНУ, 2005. – С. 94-104.

18. Селіванова, О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: підручник / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с.
19. Фат'янова, І.В. Мікроконцептосфера TERRORISM у сучасному англо-американському політичному дискурсі: дис. ... кандидата філол. наук: 10.02.04 / Фат'янова Ірина Валеріївна. – Одеса, 2013. – 275 с.

References

1. Verdieva, Z.N. Semanticheskie polya v sovremennom angliiskom yazyke: Ucheb. posobie / Zemfira Nadirovna Verdieva. – M.: Vysshaya shkola, 1986. – 120 s.
2. Zatsnii, Yu.A., Yankov A.V. Innovatsii u slovnikovomu skladi angliis'koï movi pochatku KhKhI stolittya: anglo-ukraïns'kii slovník / Yu.A. Zatsnii, A.V. Yankov. – Vinnytsya: Nova Kniga, 2008. – 360s.
3. Karasik, V.I. Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs. / Vladimir Il'ich Karasik. – Volgograd: Peremena, 2002b. – 477s.
4. Kognitivnaya lingvistika / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. – 314 s.
5. Kratkii slovar' kognitivnykh terminov / [sost. E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yankov, Yu.G. Pankrat, L.G. Luzina]. – M.: Izd-vo MGU, 1996. – 245s.
6. Levitskii, A.E. Funktsional'nye izmeneniya v sisteme nominativnykh edynits sovremennogo angliiskogo yazyka: dis. ... doktora filol. nauk: 10.02.04 / Levitskii Andrei Eduardovich – K., 1999. – 396 s.
7. Levitskii, A.E. Kommunikativno-kognitivnye aspekty nominativnoi deyatel'nosti individa / A.E. Levitskii // Kompozitsionnaya semantika: mat-ly III –go mezhdunar. shkoly-seminara po kognitivnoi lingvistike, 18-20 sent. 2002 g. / Otv. red. N.N. Boldyrev; red. kol. : E.S. Kubryakova, E.M. Pozdnyakova, V.B. Gol'dberg i dr. : V 2 ch. – Ch. 2. – Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2002. – S. 13-15.
8. Prikhod'ko, A.M. Yazykovoie kartirovanie mira v patterne "Kontseptosfera – Kontseptopole – Kontseptosistema" / A.M. Prikhod'ko // Nova filologiya. – № 1 (21). – Zaporizhzhya: ZNU, 2005. – S. 94-104.
9. Selivanova, O.O. Suchasna lingvistika: napryami ta problemi: pidruchnik / Olena Oleksandrivna Selivanova. – Poltava: Dovkillya-K, 2008. – 712 s.
10. Fat'yanova, I.V. Mikrokontseptosfera TERRORISM u suchasnomu anglo-amerikans'komu politichnomu diskursi: dis. ... kandidata filol. nauk: 10.02.04 / Fat'yanova Irina Valeriïvna. – Odessa, 2013. – 275 s.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТОЛОГИИ

УДК 81'38

Ч.З. Абдуллина, Ф.К. Сагдеева
Казань, Россия

Ch.Z. Abdullina, F.K. Sagdeeva
Kazan, Russia

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ НОРМЫ

TO THE QUESTION OF THE WAYS OF DEVELOPMENT AND STUDY OF STYLISTIC NORMS

Аннотация. В статье рассматривается понятие стилистической (или стилиевой) нормы как сосредоточия всех функционально-стилевых требований к речи. Предпочтительность использования различных средств языка определяются применительно к конкретным типам, формам, стилям и жанрам речи, которые реализуются в конкретных условиях общения. Отсюда понятно, почему в любом языке особое место занимают стилистические нормы.

Abstract. The article deals with the concept of stylistic (or stylistic) norms as the concentration of all functional and stylistic requirements to speech. The preference for the use of different means of language is determined in relation to specific types, forms, styles and genres of speech, which are implemented in specific conditions of communication. Hence it is clear why in any language a special place is occupied by stylistic norms.

Ключевые слова: стиль, норма, стилистическая норма, стилистика, культура речи.

Key words: style, norm, stylistic norm, stylistics, culture of speech.

Сведения об авторах: Абдуллина Чулпан Зуфаровна, аспирант Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

About the authors: Abdullina Chulpan Zufarovna, a post graduate student, Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences.

Сагдеева Фаузия Кабировна, кандидат филологических наук, в.н.с. отдела общей лингвистики.

Sagdeeva Fauzia Kabirovna, Candidate of Philological Sciences, senior research scientist of the Department of General Linguistics.

Место работы: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Place of work: Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences.

Контактная информация: 420111, Казань, ул. К. Маркса, 12.
e-mail: chulpan_markiz@mail.ru, fauzija.sagdeewa@yandex.ru.

Вопрос о стилистической норме тесно связан с вопросом соотношения культуры речи и стилистики, т.к. именно первая область исследований имеет дело, прежде всего, с понятием языковой нормы. Границы этих норм, по утверждению Л.И. Скворцова, не определены достаточно ясно. Он пишет, что «Если предметом культуры речи считать не только правильность, но и в известном смысле искусство речи, то стилистика включается в культуру речи» [10, с. 49].

А.Н. Васильева считает, что между стилистикой и культурой речи существует тесная взаимосвязь. Однако, по её мнению, культура речи шире и глубже стилистики: культура речи «включает в себя стилистику, но:

во-первых, в аксиологическом аспекте, в плане удовлетворения той или иной речью речестилистических критериев;

во-вторых, оценивает саму стилистическую «правильность», внешнюю речестилистическую целесообразность с позиции оценки качества содержания данного речевого произведения (поступка) и качества коммуникативных намерений участников общения;

в-третьих, её предмет шире; она включает речевые виды и разновидности, рассмотрение которых непосредственно не входит в сферу стилистики или входит лишь частично, например: культурно-речевые типы и критерии в ситуациях критики и самокритики, деловая характеристика речевой деятельности (взаимодействия) в ситуациях обиходно-деловой жизни и др.» [3, с. 9-10].

В работах некоторых исследователей дается понятие о стилевых и стилистических нормах в ряду других литературных норм на других языковых уровнях и во взаимоотношении с нормами общезыковыми. Они акцентируют свое внимание на функциональной природе нормы.

Так, например, В.Д. Бондалетов стилистическую норму относит к общезыковой, как частное к общему. Каждый стиль реализует, прежде всего, общезыковые, или межстилевые нормы – орфоэпические, орфографические, лексико-грамматические. Стилистическая норма связана со всеми. Тем не менее, каждому стилю присущи свои функционально-стилевые нормы, которые, с одной стороны, конкретизируют общезыковые нормы, а с другой – расширяют и обогащают их. Каждый из стилей имеет свои критерии хорошей речи. Таким образом, «норма стиля – это средоточие всех функционально-стилистических требований к речи» [2, с. 375].

Применительно к функциональной стилистике стилистические нормы, по мнению М.Н. Кожиной, – «это исторически сложившиеся и вместе с тем закономерно развивающиеся общепринятые реализации заложенных в языке стилистических возможностей, обусловленные целями, задачами и содержанием речи определенной сферы общения; это правила, наиболее целесообразные в каждой сфере общения, реализации принципов отбора и сочетания языковых средств, создающих определенную стилистико-речевую организацию» [5, с. 96].

При изучении функционирования языка в его конкретных многообразных проявлениях речь должна оцениваться с функциональной стороны. «А это в свою очередь означает, что и в употреблении средств, и в оценке стиля главным будет фактор коммуникативной целесообразности в конкретной сфере общения, речевой ситуации, с учетом целей и задач общения, содержания высказывания, его жанра и т.д.» [5, с. 96]. Таким образом, с функциональной точки зрения не будет нарушением стилистической нормы использование в речи сочета-

ния генетически разнотильных средств, «если только такая речевая организация коммуникативно целесообразна» [5, с. 97].

«Язык и письменность – те основы, которые создают русский мир», - пишут М.В. Пименова и Т.В. Титаренко [7, с. 236].

Развитые функциональные стили в современном состоянии складываются в сформировавшемся национальном языке. Однако истоки становления этих стилей или же ряда их основных специфических стилистико-функциональных черт относятся к значительно более раннему времени. Так, например, некоторые татарские специфические черты научного, официально-делового и др. стилей и функциональная соотносительность с ними отдельных языковых средств начинают формироваться ещё в старотатарском языке. Вот что по этому поводу пишет Ф.М. Хисамова, которая исследовала язык деловой письменности и его место в функциональной парадигме татарского языка XVII-XVIII веков: «Несмотря на сложившуюся весьма неблагоприятную для татарского народа социально-политическую и историко-культурную ситуацию в XVI-XVIII вв. (отсутствие организующих центров, национальный и социальный гнет), мы имеем довольно большое количество письменно-литературных памятников, что позволяет утверждать о бытовании разветвленной функционально-стилистической системы регионального татарского литературного языка (старотатарского литературного языка). В частности, татарский письменно-литературный язык этого периода представлен следующими источниками: татарская классическая поэзия XVI-XVIII вв. (Мухаммедьяр, Мухаммед Амин, Мавля Кулай, Утыз Имяни, Габди, Габдессалам и др.); художественная проза («Калила и Димна», «Маджмугуль-Хикаят» и др.), исторические памятники («Сборник летописей Кадыр Гали-Бека», «Дафтар-и Чингизнаме» анонимного автора, «Таварих-и Булгария» Хисаметдина Муслими татарские генеалогические записи и др.; деловая татарская письменность с ее множеством разнообразных как по форме, так и по содержанию источников и т.д.)» [14, с. 66].

По мнению татарских языковедов, наиболее последовательно и полно представленным компонентом в общей системе старотатарского литературного языка является канцелярско-деловой стиль. Этот стиль относится к одним из ранних по времени формирования. Считается, что канцелярско-деловой стиль имеет непрерывную традицию в старотатарском языке. Самыми ранними образцами деловой письменности являются ярлыки и битики периода Золотой Орды.

Также в старотатарском языке начинают складываться стилевые черты и функционально-стилевые значения языковых средств, свойственные научной сфере общения. В период Казанского ханства были созданы научные труды по философии, истории, астрономии, математике, географии и т.п. Так, например, арифметический трактат

«Межмегыль-кавагыд» (Сборник правил), составленный в XVI веке, близок к старотатарскому литературному языку. По мнению В.Х. Хакова, в этой работе сохранен традиционно классический письменно-литературный стиль, свойственный научным произведениям [13]. Сам трактат написан на древнетюркском языке, основные арифметические понятия в данном трактате выражены арабско-персидскими лексическими единицами [11, с. 8].

Язык художественной литературы оказывает существенное влияние на развитие национального литературного языка в целом. Начало становления лексических, грамматических, фонетических и стилистических норм, присущих старотатарскому литературному языку, наблюдается в языке художественных произведений XIII века. Такая специфическая черта художественной литературы, как его художественно-образная конкретизация, уже известна в поэме «Кысса-и-Юсуф» Кул Гали. По мысли В.Х. Хакова, в этой поэме применены разнообразные художественно-изобразительные приемы, дающие право считать, что художественная татарская литература берет свое начало именно с этого периода [12, с. 14].

Таким образом, старотатарский язык является истоком, дающим начало формированию различных стилей в современном языке.

Ученые отмечают, что принцип речевой системности (иначе – функциональной) является одним из основных принципов изучения функционально-стилистической системы языка и её норм в различных функциональных стилях (как в синхроническом, так и в диахроническом плане). При этом необходимо выявить не отдельные стилистические изменения, а динамику «целостного комплекса» с учетом взаимосвязи языковых средств в той или иной функциональной разновидности, взаимосвязи, составляющей специфику данного стиля, определяемую его экстралингвистической основой», – пишет М.Н. Кожина [5, с. 11].

Характеристика того или иного функционального стиля должна производиться в единстве лингвистического и экстралингвистического факторов, т.к. функциональный стиль обусловлен не только стилистическими возможностями языка, уровнем его развития, но и характером коммуникативных задач и степенью развития общества, его культуры. Современный татарский язык существует в двух основных разновидностях речи: письменной и устной. Они представляют две равноправные формы литературного языка.

Как уже было сказано, типичной сферой проявления устной речи является сфера бытовых отношений. Однако, по мнению некоторых исследователей, и общению в профессиональной сфере (но только, как правило, устному, неподготовленному, неофициальному) также свойственны особенности данной функциональной разновидности литера-

турного языка. Все это находит отражение в составе употребляемых в этой сфере языковых единиц и особенностях их функционирования.

Из письменной разновидности татарского литературного языка наиболее развитым выступает язык художественной литературы. Несмотря на то, что именно на национальной основе развивается публицистический стиль татарского языка, именно он наиболее подвержен повседневному иноязычным влияниям. В последние годы заметно оживление татарского научного стиля (Хаков, Баширова, Сафиуллина), но применяется главным образом в области филологии. Официально-деловой стиль, который находит своё отражение в юридической литературе, постановлениях, протоколах и т.д., является результатом перевода с русского. М.З. Закиев пишет, что «стили литературного языка отличаются друг от друга иногда и специфическим употреблением некоторых грамматических средств. Поэтому описание тех или иных грамматических явлений татарского языка нередко сопровождается указаниями их стилистической, жанровой и функциональной прикреплённости» [4, с. 273].

Из вышеизложенного становится ясным, что функционально-стилистический аспект является существенным как для владения нормами языка, так и при его изучении. Поэтому не случайно появление в последние годы в татарском языкознании работ, рассматривающих проблемы татарского языка в данном аспекте (Закиев, Юсупов, Хаков, Курбатов, Фасеев, Баширова, Хисамова, Байрамова, Сафиуллина и др.). В настоящее время стилистические нормы татарского языка и их развитие изучаются как на уровне описания стилистических ресурсов или стилистических окрасок и значений, так и в аспекте функциональных стилей [1, с. 39-44].

«Проходит некоторое время, накапливается информация и наступает пора обновлять научный аппарат, подводить итоги в рамках тех знаний, которые требуют обобщений», – пишет М.В. Пименова [8, с. 42].

Если рассматривать этот вопрос с позиций теории двуязычия и взаимодействия языков, то, на наш взгляд, дальнейшим этапом исследований могло быть изучение татарскими языковедами развития стилистических норм татарского и русского языков в сопоставительном плане [9, с. 33].

Сопоставительная стилистика, как в отечественной, так и зарубежной филологии до сих пор развивается на романо-германо-русском материале. Что же касается других языков, то они являются объектом «сопоставительно-стилистического исследования лишь спорадически, и то или отдельными своими уровнями, или только частными лексико-фразеологическими и грамматическими явлениями» [6, с. 31]. Следует

отметить, что татарский и русский языки в подобные исследования почти не вовлечены.

Как известно, сопоставительное исследование стилистики проходит два этапа. На первом этапе сопоставительно-стилистического исследования в основном решаются сугубо лингвистические задачи: задачи контрастивного описания стилистических ресурсов сравниваемых языков. Второй этап определяется как функционально-стилистический. Целью второго этапа сопоставительно-стилистического исследования является обнаружение сходных и различных черт в организации средств выражения в речи на родном и русском языках на фоне конкретных функциональных задач речевой деятельности, т.е. с учетом целей и сферы общения.

Вероятно, для изучения функционально-стилистических систем татарского и русского языков следует проанализировать как язык художественной литературы, так и различные речевые произведения официально-делового, публицистического, научного и других функциональных стилей речи. Сопоставительно-стилистическое изучение татарского и русского языков позволит определить как общие закономерности в их развитии, так и специфику каждого из них. Также оно позволит выявить конкретные формы и способы их взаимодействия, решить многие вопросы перевода как с татарского на русский, так и с русского на татарский языки (а связь сопоставительной стилистики с теорией перевода несомненна), определить, какие языковые средства используются в конкретной функциональной сфере общения. Думается, исследования такого типа в настоящее время особенно необходимы ещё и потому, что они связаны и с задачами преподавания татарского языка русскоязычным.

Литература

1. Баширова, И.Б. Хэзерге татар стилистикасының уңышлары һәм бурычлары // Актуальные вопросы грамматики и стилистики татарского языка / И.Б. Баширова. – Казань, 1981. – С. 39-46.
2. Бондалетов, В.Д. Стилистика русского языка / В.Д. Бондалетов, С.С. Вартапетова, Э.Н. Кушлина, Н.А. Леонова. – Л., 1989. – С. 37.
3. Васильева, А.Н. Основа культуры речи / А.Н. Васильева. – М., 1990. – 390 с.
4. Закиев, М.З. Татары: проблемы истории и языка / М.З. Закиев. – Казань, 1995. – 464 с.
5. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М., 1983. – 223 с.
6. Михайлов, М.М. Двужычие и вопросы сопоставительной стилистики / М.М. Михайлов. – Чебоксары, 1984. – 84 с.
7. Пименова, М.В., Титаренко, Т.В. Русский мир в аспекте лингвокультуры // Этнос и лингвокультура: сборник научных статей / Под ред. М.В. Пименова. – СПб., 2018. – 319 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 15).
8. Пименова, М.В. К вопросу о компонентах концептуальных структур (на примере концепта сын) // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сборник научных

статей / Под общей ред. М.В. Пименова. – СПб., 2019. – 479 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып.23).

9. Сагдеева, Ф.К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия / Ф.К. Сагдеева. – Казань, 2003. – 160 с.

10. Скворцов, Л.И. Современные отечественные и зарубежные исследования в области культуры речи (в нормальном и коммуникативном аспектах) // Культура русской речи и эффективность общения / Л.И. Скворцов. – М.: Наука, 1996. – С. 40-65.

11. Хайруллина, А.Г. Формирование и развитие математических терминов в татарском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.Г. Хайруллина. – Казань, 1996. – 22 с.

12. Хаков, В.Х. Развитие татарского национального литературного языка и его стилей (вторая половина XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук / В.Х. Хаков. – Алма-Ата, 1971. – 59 с.

13. Хаков, В.Х. Татар әдәби тел тарихы / В.Х. Хаков. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993. – 325 б.

14. Хисамова, Ф.М. Язык деловой письменности и его место в Функциональной парадигме татарского языка XVII-XVIII веков // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты / Ф.М. Хисамова. – Казань, 1991. – С. 60-80.

References

1. Bashirova, I.B. Hәzerge tatar stilistikasynunң uңyshlary һәм burychlary // Aktual'nye voprosy grammatiki i stilistiki tatarskogo yazyka / I.B. Bashirova. – Kazan', 1981. – S. 39-46.

2. Bondaletov, V.D. Stilistika russkogo yazyka / V.D. Bondaletov, S.S. Vartapetova, E.N. Kushlina, N.A. Leonova. – L., 1989. – S. 37.

3. Vasil'eva, A.N. Osnova kul'tury rechi / A.N. Vasil'eva. – M., 1990. – 390 s.

4. Zakiev, M.Z. Tatory: problemy istorii i yazyka / M.Z. Zakiev. – Kazan', 1995. – 464 s.

5. Kozhina, M.N. Stilistika russkogo yazyka / M.N. Kozhina. – M., 1983. – 223 s.

6. Mihajlov, M.M. Dvuyazychie i voprosy sopostavitel'noj stilistiki / M.M. Mihajlov. – Cheboksary, 1984. – 84 s.

7. Pimenova, M.V., Titarenko, T.V. Russkij mir v aspekte lingvokul'tury // Etnos i lingvokul'tura: sbornik nauchnyh statej / Pod red. M.V. Pimenova. – SPb., 2018. – 319 s. (Seriya «Konceptual'nyj i lingval'nyj miry». Vyp.15).

8. Pimenova, M.V. K voprosu o komponentah konceptual'nyh struktur (na primere koncepta syn) // Lingvistika HKHI veka: tradicii i innovacii: sbornik nauchnyh statej / Pod obshchej. red. M.V. Pimenova. – SPb., 2019. – 479 s. (Seriya «Konceptual'nye issledovaniya». Vyp.23).

9. Sagdeeva, F.K. Problemy kul'tury tatarskoj rechi v usloviyah aktivnogo dvuyazychiya / F.K. Sagdeeva. – Kazan', 2003. – 160 s.

10. Skvorcov, L.I. Sovremennye otechestvennye i zarubezhnye issledovaniya v oblasti kul'tury rechi (v normal'nom i kommunikativnom aspektah) // Kul'tura russkoj rechi i effektivnost' obshcheniya / L.I. Skvorcov. – M.: Nauka, 1996. – S. 40-65.

11. Hajrullina, A.G. Formirovanie i razvitie matematicheskikh terminov v tatarskom yazyke: Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk / A.G. Hajrullina. – Kazan', 1996. – 22 s.

12. Hakov, V.H. Razvitie tatarskogo nacional'nogo literaturnogo yazyka i ego stilej (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): Avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk / V.H. Hakov. – Alma-Ata, 1971. – 59 s.

13. Hakov, V.H. Tatar әдәби тел тарихы / V.H. Hakov. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993. – 325 б.

14. Hisamova, F.M. YAzyk delovoj pis'mennosti i ego mesto v Funkcional'noj paradigme tatarskogo yazyka XVII-XVIII vekov // Starotatarskij literaturnyj yazyk: issledovaniya i teksty / F.M. Hisamova. – Kazan', 1991. – S. 60-80.

УДК 81'27

Ю.А. Брунева, С. Ф. Галкина
Санкт-Петербург, Россия

**ЯЗЫК СПЕЦИАЛЬНОСТИ ДЛЯ ИНО-
СТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕ-
СКОГО ВУЗА (ЛЕКСИКО-
МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

***Аннотация.** Создание и развитие инновационных проектов в российском образовании в первую очередь необходимо с точки зрения обеспечения конкурентоспособности вузов в долгосрочной перспективе, решения региональных социально-экономических проблем, завоевания новых рынков и получения прибыли за счёт более высокой окупаемости вложений. В первую очередь в вузах это связано с ускорением научно-технического прогресса, индивидуализацией потребительского спроса, с разработкой новых, более современных и качественных стратегий в обучении квалифицированных специалистов, обладающих высокой коммуникативной компетенцией.*

***Ключевые слова:** обучение инженерно-технической терминологии, язык специальности, метаязык.*

***Сведения об авторе:** Брунева Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент.*

Галкина Светлана Федоровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель.

Место работы: Военный институт (инженерно-технический) материально-технического обеспечения.

Y. A. Brunea, S. F. Galkina
Saint-Petersburg, Russia

**LANGUAGE OF THE SPECIALTY
FOR FOREIGN STUDENTS OF
TECHNICAL UNIVERSITY (LEX-
ICAL AND MORPHOLOGICAL
ASPECT)**

***Abstract.** The creation and development of innovative projects in Russian education is primarily necessary from the point of view of ensuring the competitiveness of universities in the long term, solving regional socio-economic problems, conquering new markets and making a profit due to a higher return on investment. First of all, in universities, this is due to the acceleration of scientific and technological progress, individualization of consumer demand, with the development of new, more modern and high-quality strategies for training qualified specialists with high communicative competence.*

***Key words:** teaching engineering terminology, the language of the specialty, the metalanguage.*

***About the author:** Brunea Yuliya Anatol'evna, Candidate of Philological Sciences, associate professor.*

Galkina Svetlana Fedorovna, Candidate of Philological Sciences, associate professor.

Place of employment: Military Institute (engineering and technical) of logistics.

Приоритетное значение языка специальности для граждан иностранных государств, обучающихся в российских инженерно-технических вузах обуславливается практическими целями обучения. Соответственно, изучение общенаучной лексики начинается еще на подготовительном этапе обучения и продолжается в течение всего периода курса

русского языка. При обучении русскому языку иностранных студентов следует выделить язык как средство повседневного общения, язык специальности и метаязык обучения, в рамках изучения, которого тоже изучается специальная лексика. Преподаватели, преподающие РКИ, считают принципиально важной необходимость их разграничения обучающихся во избежания коммуникативных сбоев. Разграничение языка общения и языка специальности заложено системой обучения: по научному стилю речи издаются отдельные пособия, на практике эти занятия иногда ведут другие преподаватели, что представляется целесообразным в структуре обучения подготовительного факультета. Позже, когда студенты начинают посещать занятия по специальным дисциплинам, это облегчает их восприятие терминологизированной речи преподавателей физики, математики, химии и т. д. Как отмечает А.С. Иванова, «задача методики обучения языку специальности состоит в том, чтобы научить студентов владеть специфическими языковыми средствами, обслуживающими язык науки отдельной специальности, декодировать коммуникативную программу автора информации, уметь извлечь ее, интерпретировать и выразить в устной или письменной форме» [3]. Эти умения извлечь и интерпретировать информацию в научном тексте базируются не только на знании отдельных терминов, но и на приобретенной метаязыковой компетенции. Именно она дает возможность существенно расширить лексический запас посредством анализа словообразовательных моделей и обращения к словарному гнезду того или иного термина. Изучение аффиксов при этом помогает как в процессе декодирования текстов по специальности, так и в их вторичном изложении, поскольку оно, по сути, является деривационным изменением исходного текста и должно быть адекватным ему.

Программы обучения языку специальности иностранных студентов / курсантов включают несколько аспектов, относящихся к владению языком как средством коммуникации в профессиональной сфере. Эти аспекты также можно представить в качестве конкретных задач курса.

1. Обеспечение адекватного понимания технических терминов. Л.С. Бархударов определяет перевод «как процесс замены речевого произведения (текста) на одном языке речевым произведением (текстом) на другом языке при сохранении неизменного плана содержания» [1: 5]. Для иностранных студентов сложность этой задачи удваивается, поскольку действует двойной механизм при интериоризации термина – перевод с изучаемого языка и его толкование на родном языке. Очень часто обучающиеся поступают в технические вузы на базе полного среднего образования. В этом случае обращение к техническим словарям не всегда помогает им понять план содержания того или иного термина.

2. Умение привести краткое толкование или описание обозначаемых терминами понятий. Правильное понимание термина в частности и текста по специальности в общем также включает выражение понятия средствами языка обучения. Точное использование термина в речи – профессиональный коммуникативный навык, необходимый обучающемуся для экспликации знаний.

3. Умение правильно писать и произносить соответствующие термины языка специальности. Это сугубо практический навык, который, в соответствии с программой, должен сформироваться еще на элементарном уровне. Но, как показывает опыт, у представителей отдельных национальностей его приходится продолжать формировать на младших курсах. Это связано чаще всего со значительными различиями фонетического и интонационного строя родного и русского языка.

4. Знание основных морфологических сведений о технических терминах и (опционально) их этимологии. Решение этой задачи позволяет обучающимся с одной стороны, грамотно использовать термины, в другой – правильно их понимать в контексте.

Таким образом, обучение языку специальности в инженерно-техническом вузе включает несколько задач уже на самых начальных этапах обучения.

В данной статье мы рассмотрим частный, лексико-морфологический аспект, который связан с изучением группы абстрактных существительных в русском языке, входящей в состав общенаучной, а также специальной инженерно-технической лексики.

Данный аспект обучения требует обращения к словообразовательным нормам русского языка, составу слова в русском языке. При преподавании именно этого аспекта словообразования целесообразно остановиться на суффиксальном способе образования, уделив часть времени чередованию гласных в корнях и суффиксах (нр: водить – вождение, кричать – крик и т.п.).

Важной особенностью обучения на продвинутом этапе является незнание студентом соответствующего эквивалентного термина в родном языке, поскольку обучение на родном языке чаще всего закончилось на этапе школы. В силу этого мы полагаем, что при преподавании данной темы целесообразно обращаться не к межъязыковой интерференции, а к уже формирующейся внутриязыковой. Именно этот принцип позволит активировать имеющиеся знания о лексических единицах и сформировать новые языковые компетенции, актуальные при обучении на неродном языке.

Поскольку мы исходим именно из лексико-морфологического принципа в преподавании абстрактных существительных, то группируем суффиксы в соответствии со значением:

1) суффиксы со значением опредмеченного действия / состояния

Суффиксы м.р.	Суффиксы ж.р.	Суффиксы с.р.
-ок: скачок, бросок	-ба: служба -ка: чистка, заливка, браковка -ация / -яция / -фикация: активация, теплофикация -мость / -есть: сопротивляемость	-ние: строение, сцепление -тие: развитие -ство: авторство

2) Суффиксы со значение определённого признака

Суффиксы ж.р.	Суффиксы с.р.
-ость / -ность: новость ота: высота ина: ширина, длина -изна: белизна	-ство: мужество, удобство -ье: здоровье -ие: известие, равноправие

3) суффиксы со значением научного направления, отрасли науки, техники, сферы знаний, деятельности

Суффиксы м.р.	Суффиксы ж.р.
-изм: идеализм	-ика: физика, -ия: химия, теория -ура: архитектура, скульптура

4) суффикс **-аж** используется при образовании слов для названия действия (монтаж, инструктаж), количества (метраж, тоннаж), а также при образовании слов с собирательным значением (картонаж); он выделяется преимущественно в словах иноязычного происхождения; для русского языка наиболее характерным является использование этого суффикса при образовании существительных, обозначающих количество чего-либо (листаж), причем подобные слова чаще всего употребляются в производственно-технической речи [см. подробнее 2, 4].

Последовательность заданий определяется общими принципами преподавания методики РКИ. Сначала анализируются отдельные лексемы, затем, с опорой на выделенные лексические единицы, следует предъявление / презентация словообразовательных схем. После этого предъявляется текст, в котором необходимо выделить и проанализировать абстрактные существительные.

Основная цель предтекстовых и послетекстовых упражнений при изучении этой темы – обращение к словообразовательному гнезду. В качестве заданий предлагается подборка слов по изучаемой / изученной теме. В эту группу включаются однокоренные слова различных частей речи с дифференциальными семантическими оттенками, которые необходимо сгруппировать, после чего сформулировать их значение. В данном случае мы обращаемся именно к однокоренным словам, что позво-

ляет сразу вычленить ядерную морфему и использовать ее при толковании. Далее следуют задания, содержащие обратный материал: лексические единицы с одинаковыми аффиксами. При их анализе обучающиеся вычлениают оттенки значений аффиксов, разбирают единичные и нестандартные случаи употребления (например, с суффиксом -ние: *сжигание, употребление, обозначение, явление, измерение, падение, регулирование, преобразование, изображение, соединение*).

Развивая словообразовательную речевую компетенцию, следуют задания на образование абстрактных существительных, при этом на подготовительном курсе предлагается словообразовательная схема (суффикс и глаголы, от которых при помощи этого суффикса следует образовать слова). Это связано с тем, что на начальном и среднем этапе обучающиеся не могут самостоятельно выбрать суффикс из синонимичного ряда. Если данная тема преподается на первом курсе, это позволяет активизировать интерактивную деятельность, поскольку обучающиеся уже знают некоторое количество подобных слов благодаря изучению различных предметов по специальности, что предполагает использование не только схем, но и активизацию связи метаязыка с языком специальности, обращение к языковому опыту обучающихся.

Последним этапом изучения суффиксов абстрактных существительных является их узнавание в научно-учебных текстах по специальности, взятых из учебной литературы. Это позволяет выстроить логическую взаимосвязь грамматики русского языка и метаязыка специальности.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (теория и практика перевода). – М.: Издательство "Международные отношения", 1975. – 240 с.
2. Валгина, Н. С., Розенталь, Д. Е., Фомина, М. И. Современный русский язык. Учебник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-067.htm>
3. Иванова А. С. Роль и место прагматического подхода при обучении языку специальности на первом сертификационном уровне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ruslang.edu.ru
4. Шелякин, М. А. Справочник по русской грамматике. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2003. – 344с.

References

1. Barhudarov L. S. YAzyk i perevod (teoriya i praktika perevoda). – M.: Izdatel'stvo "Mezhdunarodnye otnosheniya", 1975. – 240 s.
2. Valgina, N. S., Rozental', D. E., Fomina, M. I. Sovremennyj russkij yazyk. Uchebnik [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-067.htm>
3. Ivanova A. S. Rol' i mesto pragmaticheskogo podhoda pri obuchenii yazyku special'nosti na pervom sertifikacionnom urovne [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: ruslang.edu.ru

4. Shelyakin, M. A. Spravochnik po ruskoj grammatike. – 3-e izd., stereotip. – M.: Rus. yaz., 2003.–344s.

Вместо послесловия

О ПРОСТОМ И ВАЖНОМ

Есть притча о том, что, стоя перед пропастью, один видит бездну, другой – мост, который можно через бездну перекинуть. Марина Владимировна Пименова – одна из тех редких личностей, которых не пугает пропасть неизвестного, непонятного, в ней всегда горит позитивный настрой ко всему. Это светлый человек, к которому люди тянутся душой, общение с которым доставляет радость.

Человек рождён, чтобы жить, а как он это делает – зависит от него. Он может дышать, есть, продолжать стареть, но это не жизнь. Это постепенное умирание. Жизнь должна быть не просто старением. Она должна быть выростанием. Жизнь должна быть поиском, исследованием; не претензией быть тем или этим, а поиском ответа на вопрос: «Кто я такой?». Знакомство и дружба с Мариной Пименовой на протяжении ряда лет позволили мне наблюдать за ее духовным ростом. В ней скрыты такие резервы душевной щедрости, которые кажутся неисчерпаемыми; порой этому удивляешься, порой потихоньку завидуешь, но неизменно радуешься своей сопричастности к ее внутреннему миру.

Вызывает удивление и восхищение, что у совершенно разных людей (здесь можно отметить и менталитет, и характер, и профессию, и возраст) Марина вызывает одинаковые чувства. Она врачует души людей и является духовным пьедесталом, которому хочется подражать, дотянуться и просто постоять рядом, очищаясь от налета повседневной шелухи.

Думаю, что истоки ее интеллекта, интеллигентности, интереса к самой жизни и ко всем ее проявлениям кроются где-то глубоко - на генетическом уровне. *Марк Туллий Цицерон говорил, что есть в наших душах врожденные семена добродетелей, и, если дать им развиваться, природа сама поведет нас к счастью.* Так и дорога Марины Пименовой к счастью построена на тех семенах добродетели, которые были заложены еще в детстве.

В юности она почувствовала, что мысль может быть не праздной, занятие филологией и историей мысли – отнюдь не суетой. Именно в эти годы в ней проявились такие, казалось бы, противоречивые качества как стабильность и непредсказуемость, нежность и авантюризм, ранимость и способность рисковать.

Сама Марина Владимировна никогда не останавливается в росте. Каждый ее день наполнен познанием нового. Она постоянно остаётся в поиске, она остаётся исследователем, обучающимся, она никогда не становится обучившимся. Я вижу в этом глубинный смысл, думаю, что оставаться обучающимся безмерно прекрасно, в этом благодать, ибо это есть жизнь сама по себе.

Ее верный супруг – Евгений Александрович Пименов, декан факультета романо-германской филологии, заведующий кафедрой немецкой филологии Кемеровского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент САН ВШ, член Санкт-Петербургского союза ученых – безвременно ушел из жизни. Сейчас Марина Владимировна окружена любовью дочери, зятя и двух принцесс – очаровательных внучек.

Марина - чистый человек, а чистота лежит в основе нравственности. Она странный человек: и земной, и небесный одновременно. Она увлеченный и творческий человек. Она всегда остается самой собой, в любой ситуации. И это прекрасно, ведь если человек остается самим собой, то это делает его жизнь наполненной и важной, и только это может породить взрыв радости от жизни.

Я желала бы, как Марина Владимировна, быть солнцем для других. Смотреть на жизнь без злобы и удивления, без омерзения и ропота, без слез и смеха – это завидная доля. Но не всякому дан такой дар.

Марина, «все лучшее в тебе осталось»! И в день твоего юбилея твои друзья и коллеги, твои родные и все, с кем ты встречаешься случайно, желают тебе, чтобы жизнь твоя была яркой, чтобы рябило в глазах от ее ослепительного сияния. И пусть в ней будут яростные снегопады, огромные сугробы и снежные заносы. Но чтобы ты слетала с обрыва, врывалась в эту снежную бурю и летела впереди нее, а за тобой – пурга. А в ушах – музыка, а в душе – счастье, а впереди – бесконечность...

Карлыга УТЕГЕНОВА (Уральск, Казахстан)

СОДЕРЖАНИЕ

Бакирова А.А., Бекмурзаева Ф.Ш., Брунёва Ю.А., Мирзахи- дова М.И., Е.А. Мошина, О.В. Тиунова	СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ: МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ПИМЕНОВА	3
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ		
Воркачев С.Г.	Прецедентность в игровом дискурсе	13
Иванова Е.В.	О сопоставительном концептуальном анализе	18
Карасик В.И.	Сюжетный мотив «исполнение желания»	24
Кондратьев В.М.	Философские основания исследования языка.....	34
Маслова В.А.	Стилистика как область знания между наукой и искусством	41
ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ		
Ахметова Н. А., Буряченко Т.И., Камчыбекова Д.М.	Русский язык в диалоге культур	46
Войтенко Е.Ю.	Межъязыковые заимствования в английском и русском языках (на примере ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий) ...	52
Момынова Б.К., Анесова У.Г.	Семиотика казахских традиционных жестов конца XIX века	57
Морозова О.Н.	Политическая интернет-реклама как объект научного исследования: современное состояние и перспективы	64
Рядчикова Е.Н., Тхакушинова Ж.Б.	Статика и динамика мыслительной способности человека по данным афоризмов	71
КОНЦЕПТ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА		
Арипова Г.С.	Изображение концепта «волк» в романном тексте Ч. Айтматова...	79
Бекмурзаева Ф.Ш.	Смысловая наполненность концептов <i>лошадь/ конь</i> и <i>horse</i> на примере концептуального признака ‘военный’	83
Бессонова О.Л.	Вербализация эмоций одобрения – неодобрения в оценочном тезаурусе английского языка.....	87
Деева Н.В.	Характер человека сквозь призму польских фразеологизмов с компонентом-зоонимом	95
Кипнес Л.В., Родичева А.А.	Локус как инструмент моделирования художественной картины мира	102
Коновалова Е.А.	Формирование языковой картины мира (на примере неологизма “Крымский мост”)	110
Мошина Е.А.,	Особенности концептуализации образов звезды и земли в русской	

Бакирова А.А.	лингвокультуре	117
Ососкова А. С.	Семантика английских образных существительных, номинирующих человека, обладающего положительными чертами характера ..	121
Пивовар Е.С.	Ключевые ментальные сущности в белорусской и русской художественных концептосферах	127
Племяшова А.В.	Мотивирующие признаки ментального образования theatre по данным лексикографических источников	135
Погребняк Ю.В.	Характеристики концепта «лицо» в русской лингвокультуре	140
Тиунова О.В.	Символизм концептов <i>дом</i> и <i>дети</i> в русской лингвокультуре	157
Даньдань Тун	Лексическая система китайского языка	163
Утегенова К.Т., Абдрахманова Х.	Этнокультурные особенности репрезентации концептов «сын» и «дочь» в казахской лингвокультуре	170
ИССЛЕДОВАНИЯ ЖАНРОВ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА		
Афанасьева Л.А.	Образ <i>евчѣ</i> «свата» в чувашских свадебных песнях	177
Басова У.А.	Дети, родители и династийность в русских народных сказках	186
Осташова О.И.	Языковые способы выражения структурных компонентов оценочного высказывания.....	191
Сабирова В.К. Ибраимов Т. Имарова Н.	Вопрос об идентичности в творчестве писателей XX века.....	197
Сергеев С.А. Бондарева Е.П. Молдосултанова Г.Т.	Отражение ментальности народа в сказках о животных (сравнительное изучение образов русских и турецких сказок)	202
Утегенова К.Т. Амангалиева А.	Мифологические образы и мотивы в современной литературе (на примере коммиксов)	211
Утегенова К.Т. Илекеева С.	Употребление повторов как синтаксического средства усиления экспрессивности публичной речи казахстанских политиков.....	215
Шестеркина Н.В.	Магия орешника (на материале народных русских загадок)	220
КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА		
Алаева С.А.	Прецедентные феномены кыргызской лингвокультуры в газетных заголовках.....	226
Алексеева А.С. Ломтатидзе О.В. Булатова Э.В.	Особенности визуального восприятия новостных предвыборных медиатекстов.....	231
Гордиенко Е.В.	Освещение темы конфликта в англоязычных медиатекстах.....	236
Горина Е.В.	Уроки от «дяди вани»: как рекламировать огурцы через проблему экологии.....	243
Каменева В.А. Федянина Л.И.	Английский язык в политическом дискурсе А. Меркель (лингвоперсонологический подход).....	249
Марчук С. В.	Информационно-коммуникативные технологии: персональный	

	сайт преподавателя	257
Фатьянова И.В.	Фразеологическая актуализация микроконцептосферы war в англоязычном политическом дискурсе XXI века	264
ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ		
Абдуллина Ч.З., Сагдеева Ф.К.	К вопросу о путях развития и изучения стилистической нормы	271
Брунева Ю.А., Галкина С. Ф.	Язык специальности для иностранных студентов технического вуза (лексико-морфологический аспект)	278
Утегенова К. Т.	Вместо послесловия О ПРОСТОМ И ВАЖНОМ	284
Содержание		
Содержание		286
Список основных научных трудов доктора филологических наук, профессора Марины Владимировны Пименовой		289
Книги, изданные под редакцией профессора Марины Владимировны Пименовой		331

**Список основных научных трудов доктора филологических наук,
профессора Марины Владимировны Пишеновой**

монографии:

1. Пишенова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека: монография. – Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с. (Серия «Этнориторика и этногерменевтика». Вып. 5).
2. Пишенова М.В. Символы культуры и способы концептуализации внутреннего мира человека (концептуальная метафора дома) // Концепт. Образ. Понятие. Символ: к 70-летию проф. В.В. Колесова: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пишенова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – С. 35-60.
3. Пишенова М.В. *Душа и дух*: особенности концептуализации: монография. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).
4. Пишенова М.В. Концептуализация *рассудка* и способы объективации его признаков в русской языковой картине мира // Концептуальные сферы МИР и ЧЕЛОВЕК: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пишенова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 121-143. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 6).
5. Пишенов Е.А., Пишенова М.В. Сопоставительный анализ заимствованных концептов (на примере русского концепта *идея* и немецкого концепта *Idee*) // Концептуальные сферы МИР и ЧЕЛОВЕК: коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пишенова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 143-177. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 6).
6. Пишенова М.В., Пишенов Е.А. Антропоморфизм как один из способов концептуализации внутреннего мира // Слово в лингвокультурологическом аспекте: коллективная монография / науч. ред. О.Н. Иваннищева. – Мурманск: МГПУ, 2005. – Вып. 1. – С. 5-17.
7. Пишенова М.В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пишенова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 16-61 (Серия «Концептуальные исследования». Вып.7).
8. Пишенов Е.А., Пишенова М.В. Россия глазами русских (концептуальные метафоры как особенность национальной ментальности) // Ментальность и язык: коллективная монография. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 184-209 (Серия «Концептуальные исследования». Вып.7).
9. Пишенова М.В. Сужение и расширение метафоры «ТЕЛО – КНИГА» // Язык. Миф. Этнокультура: подходы и методы исследования: коллективная монография. – Кемерово-Москва: Издательское объеди-

нение «Российские университеты: Кузбассвуиздат – АСТШ, 2007. – С. 253-283.

10. Пименова М.В., Пименов Е.А. Языковая личность и языковая модель мира (небесные образы и символы в авторской картине мира А.С. Пушкина) // Личность и модусы её реализации в языке: коллективная монография. – М.: ИЯ РАН; Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 428-467. – 504 с.

11. Пименова М.В. Концепт СЕРДЦЕ: образ, понятие, символ: монография. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).

12. Пименова М.В. Представление о сердце: история и современность // Человек и язык. – М.: Аткара. – 2008, №1. – С. 29-60.

13. Пименова, М.В. Базовая метафора «человек – книга» (стереотипы русской культуры) / М.Влад. Пименова // Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 504 с. – С. 92-120. (Серия «Славянский мир». Вып. 1).

14. Пименова М.В. Гендерные стереотипы русской лингвокультуры (культурная идентичность женщины в художественном дискурсе): коллективная монография. – Дискурс, текст, когниция: коллективная монография – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – 460 с. – С. 426-432. (Серия «Язык и дискурс». Вып. 2).

15. Пименова М.В. Мудрость/ wisdom (на материале русской лингвокультуры) // Славянская концептосфера в сопоставительном аспекте: Лексикон; под ред. Е.Е. Стефанского. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2011. – С.196-208.

16. Пименова М.В. Фольклорные концепты // Концепт и дискурс: коллективная монография; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. – Павлодар-Кемерово-Киев-Витебск: Кереку, 2012. – 178 с. – С. 54-87. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 2).

17. Колесов В.В., Пименова М.В., Теркулов В.И. Гедонизм как явление русской лингвокультуры (на примере концепта *удовольствие*): коллективная монография. – Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2012. – 208 с. – С. 5-24. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 19).

18. Пименова М.В. Стереотипы о женщинах в русской лингвокультуре // Человек. Язык. Культура: коллективная монография; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. – Павлодар-Кемерово-Донецк: Кереку, 2013. – 149 с. – С. 33-54. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 4).

19. Пименова М.В. Стереотипы и их место в языковой картине мира // Стереотипы лингвокультуры: коллективная монография; отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – 108 с. – С. 3-29. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 18).

20. Пименова М.В. Стереотипы относительно женщины в русской лингвокультуре // Гендерная лингвистика: коллективная монография. – Павлодар, 2013. – 584 с. – С. 146-176.
21. Пименова М.В. Низвержение стереотипов // Человек и его мир в зеркале языка: к 75-летию юбилею проф. В.А. Виноградова: коллективная монография / Отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский Дом Д. Бурого, 2014. – 120 с. – С. 53-83. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 4).
22. Пименова М.В. Ментальность в зеркале фольклорной картины мира // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: коллективная монография: к 80-летию юбилею профессора В.В. Колесова; отв. соред. М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский Дом Д. Бурого, 2014. – 376 с. – С. 70-105. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 5).
23. Пименова М.В., Капенова Ж.Ж. Концептуальные исследования в современной лингвистике: теория и практика (на примере ландшафтных концептов). – Павлодар-Кемерово: Кереку, 2014. – 160 с. – С. 3-74.
24. Пименова М.В. Богатырши в русских народных сказках // Лингвистика начала XXI века. – Санкт-Петербург, 2015. – С.174-204. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 7).
25. Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки: монография. – Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – 256 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 6).
26. Шаймарданова С.К., Иост О.А., Шаикова Г.К., Цветкова А.Д., Алексеев П.В., Ефремов В.А., Золтан А., Пименова М.В., Тезекбаев М.Т., Теркулов В.И., Шахметова Н.А., Самсенова Г.С. ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ: коллективная монография / Министерство образования и науки Республики Казахстан, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова. – Павлодар, 2015.
27. Ахатова Б.А., Байбикова С.И., Белянин В.П., Бобырева Е.В., Борисова Е.Г., Бородина С.Н., Бусыгина М.В., Викулова Л.Г., Доброниченко Е.В., Долгенко А.Н., Дондо С.А., Гагаев А.А., Гагаев П.А., Газизов Р.А., Горошко Е.И., Желтухина М.Р., Жельвис В.И., Зубарева Т.Т., Карасик В.И., Клушина Н.И., Пименова М.В. и др. PERSON AND HIS DISCOURSE – 4: коллективная монография / Ответственный редактор: Желтухина М.Р. – Москва, 2014.
28. Пименова М.В., Капенова Ж.Ж. Концепт *природа* в индивидуальной авторской картине мира (на примере произведений А. Пушкина и А. Кунанбаева // Абикенов М. Т, Абикенова Г. Т., Журавлева Е. А., Карасик В. И., Карипжанова Г. Т., Конырагбаева Ж. М., Маслова В. А., Омарова Р. А., Эргашева С. М., Свиридова Ю., Пименова М. В., Капенова Ж. Ж., Морозова О. Н., Скворцова А. В., Теркулов В. И. Полиязычие в аспекте концептуальных исследований : монография / отв. соред. Ж. Ж. Капе-

нова, М. В. Пименова. – Павлодар – СПб. – Волгоград – Донецк : Кереку, 2016. – 274 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 5).

29. Пименова М.В., Капенова Ж.Ж. Концептуальные исследования в современной лингвистике: теория и практика (на примере ландшафтных концептов): монография. – СПб.: СПбГЭУ, 2016. 151 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 6).

30. Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки: монография / М.В. Пименова. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 355 с. – (Научная мысль).

авторефераты и диссертации:

1. Пименова М.В. Семантико-синтаксический аспект ментальных глаголов (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 1995. – 16 с.

2. Пименова М.В. Семантико-синтаксический аспект ментальных глаголов (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 1995. – 207 с.

3. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – 32 с.

4. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... докт. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – 497 с.

учебные пособия:

1. Пименова М.В., Иваницкий В.В. Американская лингвистика: учебное пособие. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – С.38-137.

2. Пименова М.В. Ментальность: лингвистический аспект: учебное пособие. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – 84 с.

3. Пименова М.В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка: учебное пособие с грифом УМО / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С.58-120. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2).

4. Пименова М.В. Концептосфера внутреннего мира человека // Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А. Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие с грифом УМО / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 220 с. – С.130-178 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4).

5. Пименов Е.А., Пименова М.В. Антропоморфизм как один из способов концептуализации внутреннего мира человека // Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А. Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие с грифом УМО / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 220 с. – С. 179-207. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4).
6. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Введение в концептуальные исследования: учебное пособие. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 178 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 5).
7. Пименова М.В. Концептосфера внутреннего мира человека // Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А. Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие с грифом УМО / Отв. ред. М.В. Пименова. – Изд. 2, испр. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 216 с. – С.128-183 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4). ISBN 5-93664-009-8 (рос.).
8. Пименов Е.А., Пименова М.В. Антропоморфизм как один из способов концептуализации внутреннего мира человека // Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А. Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие с грифом УМО / Отв. ред. М.В. Пименова. – Изд. 2, испр. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 216 с. – С.184-212 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4).
9. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие. – М.: Флинта, 2011. – 133 с.
10. Пименова М.В. Языковая картина мира: учебное пособие. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 146 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 7).
11. Пименова М.В. Языковая картина мира : учеб. пособие / М.В. Пименова. – 3-е изд., доп. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 108 с.
12. Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 176 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 14).
13. Колесов, В. В., Пименова, М. В. Концептология: учебное пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. – 248 с. (Серия Концептуальные исследования». Вып. 16). ISBN 978-5-8353-1277-1. <https://www.twirpx.com/file/1221249/>
14. Пименова М.В. Русская сказка: учебное пособие. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – 68 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 8).
15. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка. – Санкт-Петербург, 2015. – 152 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 9).

16. Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова. – М.: Флинта, Наука, 2016. – 136 с.
17. Колесов, В. В., Пименова, М. В. Введение в концептологию: учебное пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова. – М.: Флинта, Наука, 2016. – 248 с.
18. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. – М.: Флинта, Наука, 2016. – 180 с.
19. Пименова, О.Н. Кондратьева. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие. Учебное пособие. Москва: Издательство «ФЛИНТА». 2016. – 176 с.
20. Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова. – 5-е изд. М.: Флинта, Наука, 2017. – 136 с.
21. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. – 3-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2018. – 180 с.
22. Пименова М.В., Брунёва Ю.А. Русский язык как иностранный: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 79 с.

статьи в журналах из списка ВАК:

1. Пименова М.В. Семантика языковой ментальности и импликации // Филологические науки. – 1999. – № 4. – С. 80-86.
2. Пименова М.В. Концептуальные исследования сферы внутреннего мира человека // Сибирский филологический журнал. – Барнаул, Кемерово, Новосибирск, Томск, 2002. – №1. – С. 112-118.
3. Пименова М.В. Концептуализация и объективация *совести* в языковых картинах мира // Сибирский филологический журнал. – Барнаул, Кемерово, Новосибирск, Томск. – 2003, № 3-4. – С. 208-217.
4. Пименова М.В. Типология признаков ценности концептов внутреннего мира человека // Вестник УрГТУ-УПИ. №6(36). Язык и Культура. – Екатеринбург, 2004. – С. 95-102.
5. Пименова М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 82-90.
6. Пименова М.В. Сфера внутреннего мира человека: концептуальные исследования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. №3(08). Филологические науки. – 2004. – С. 3-10.
7. Пименова, М.В. Антропоморфная парадигма признаков в структуре концепта УМ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. №2. – 2004. – С. 32-35. www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2004/02/pimenova.pdf

8. Пименова М.В. Концептуализация *души* в творчестве А.П. Чехова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Волгоград, 2005. – Вып. 4. – С. 38-46.
9. Пименова, М.В. Субсфера «артефакт» как источник концептуализации внутреннего мира человека (диахронический аспект) / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №1. – С. 26-37.
10. Пименова М.В. Образы души в творчестве А.П. Чехова // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология. – 2005, №4. – С. 69-76.
11. Пименова М.В. Концепт *политика* и способы его репрезентации // Политическая лингвистика. – 2005. № 15. – С. 32-39.
12. Пименова Е.Е., Пименова М.В. Особенности концептуализации *неба* и объективация его признаков в произведениях С.А. Есенина (лингвокультурологический аспект) // Политическая лингвистика. – 2006. № 18. – С. 180-190.
13. Пименова, М.В. Концепт «Украина» (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 2(22). – С. 52-60.
14. Пименова, М.В. Развитие правовых метафор *совести* в русском и английском языках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009, № 2. – С. 96-100.
15. Пименова, М.В. Смена ведущих концептуальных метафор (на примере концепта *ум*) // Гуманитарный вектор. – Чита. 2009/1[17]. – С. 45-51.
16. Пименова М.В. Н.В. Гоголь и образы внутреннего мира человека (на примере концепта *сердце*) // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2009. № 3. – С. 146-154.
17. Пименова М.В. Политическая концептуальная система // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 2(32). – С. 47-55.
18. Пименова М.В. Летняя международная научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (1-9 июля 2010 г., Омск) // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 3(33). – С. 187-190.
19. Пименова М.В. Современная русистика: концептуальные исследования // Гуманитарный вектор. – Чита. 2010/2[22]. – С.140-145.
20. Пименова М.В. Безэквивалентные концепты (на примере концепта *ВОЛЯ*) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – Вып.2. – Том 8. – С. 51-58.
21. Пименова М.В. Безэквивалентные концепты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Биология, клиническая медицина. 2010. Т. 8. № 2. – С. 51.

22. Кудрявцева Л.А., Пименова М.В. О Международном фестивале «Великое русское слово» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. № 3. – С. 417-418.
23. Кудрявцева Л.А., Пименова М.В. Международный фестиваль «Великое русское слово» (Ялта, 2010 г.) // Гуманитарный вектор. – 2010. № 2. – С. 213-215.
24. Пименова М.В. А.П. Чехов: *душа* и ее образы // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2010. № 1. С. 296-306.
25. Пименова М.В. Интерпретация русской народной сказки // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2011. № 2. – С. 253-257.
26. Пименова М.В. Концепты *правда* и *истина* и способы их объективизации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Ежегодный журнал. – Владикавказ, 2011. – Выпуск XIII. – С. 61-69.
27. Пименова М.В. Метод описания концептуальных структур (на примере концепта НАДЕЖДА) // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – Серия «Филология, история, востоковедение». – Чита. – 2011. – №2 (37). – С. 85-94.
28. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). – С. 126-132.
29. Пименова М.В., Теркулов В.И. Летняя научная школа на Азовском море (июль 2011) // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2012. № 4. – С. 286-290.
30. Пименова М.В. Фольклорные картины мира русского и татарского народов // Филология и культура. – 2012. № 2 (28). – С. 95-98.
31. Пименова М.В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. № 17. – С. 147-153.
32. Пименова М.В. Концептуальные правовые метафоры *совести* в русском и английском языках // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2012. № 4. С. 160-169.
33. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуальных исследований // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013, №2(54). – Т.2. – С. 127-131.
34. Пименова М.В. XII Летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» в Одессе (15-24 июля 2013 г.) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 1. – С. 292-294.

35. Пименова М.В., Балашова Н.П. Соматические метафоры луны в современных поэтических произведениях // Гуманитарный вектор. 2015. № 4 (44). – С. 32-38.
36. Дербешева З.К., Пименова М.В. XVIII Летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (17-25 июня 2015 г., г. Бишкек) // Гуманитарный вектор. Серия Философия, филология, история. 2016. Том 11. № 3. – С. 211-214.
37. Пименова М. В. XXI Летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования (Санкт-Петербург, 23 июня – 3 июля 2016 г.) // Гуманитарный вектор. Серия Философия, филология, история. 2016. Том 11. № 5. – С. 190-194.
38. Дербешева З. К., Пименова М. В., Цыганкова А. В. Слово о XXII Международной Летней научной школе «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: русский язык и русская лингвокультурологическая школа» (15-25 августа, Киргизия, Бишкек – Иссык-Куль) // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 5 (59). – 203 с. – С. 187-194.
39. Пименова М. В., Кравченко Н. В. Заглядывая за вуаль слов: о чём могут рассказать названия дней недели в русском и английском языках? // Гуманитарный вектор. Серия Философия, филология, история. 2017. Том 12. № 2. – С. 96-101.
40. Дербешева З. К., Кульгильдинова Т. А., Пименова М. В. XXIII Зимняя научная школа, посвящённая 75-летию Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, 19–23 декабря 2016 г.) // Гуманитарный вектор. Серия Философия, филология, история. – 2017. – Том 12. – № 2. – С. 176-182.
41. Пименова М. В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор. Серия Философия, филология, история. 2017. Том 12. № 5. – С. 13-22.
42. Бальбеков Р. Ю., Веропотвельян Д. О., Пименова М. В. Русский язык становится иностранным в странах ОДКБ // Гуманитарный вектор. Серия Философия, филология, история. 2017. Том 12. № 5. – С. 131-136.
43. Пименова М.В. Концептуальный анализ слов как способ воссоздания языковой картины мира (дни недели в русском, английском и немецком языках) // Гуманитарные исследования. 2017. № 4(64). С. 47-51.
43. Пименова М. В., Волкова Е. В. Концепт *Франция* в индивидуально-авторской картине мира М. И. Цветаевой // Гуманитарный вектор. – 2018. Том 13, № 1. – С. 105-111.
44. Бодриков А.Б., Пименова М.В. Формирование лингвокультурологической компетенции у курсантов военных вузов: на материале концепта *воин* // Ученые записки Забайкальского государственного уни-

верситета. Серия «Педагогические науки». 2018. Том 13, № 2. С. 117-123.

45. Пименова М.В., Алаева С.А. Реализация понятийных признаков макроконцепта ЧЕЛОВЕК в произведениях Ч. Т. Айтматова // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – № 1. – С. 73-80.

46. Пименова М.В., Бодриков А.Б. Русская языковая картина мира в аспекте символов воинской славы // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. №5. С. 16-21.

47. Пименова М.В. Памяти Владимира Викторовича Колесова // Гуманитарный вектор. – 2019. Т. 14. – №5. – С. 174-176.

Статьи в журналах из списка РИНЦ

1. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Филология / науч. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2002. – Вып. 4 (12). – С.100-105.

2. Пименова М.В. Антропоморфизм как способ представления концептов (на примере концепта *ум*) // Вопросы филологии. 2003. № 4. – С. 7.

3. Пименова М.В. Коды культуры и особенности концептуализации *сердца* в произведениях С.А. Есенина // Культура и текст – 2005: сб. науч. тр. Междунар. конф.: в 3 ч. / под ред. Г.П. Козубовской. – СПб., Самара, Барнаул: БГПУ, 2005. – Т. 3. – С. 212-222.

4. Пименова М.В., Пименова Е.Е. Концептуализация *неба* и *heaven* мифологическими признаками и специфика их объективации в русском и английском языках // Культура и текст – 2005: сб. науч. тр. Междунар. конф.: в 3 ч. / под ред. Г.П. Козубовской. Т. 3. – СПб., Самара, Барнаул: БГПУ, 2005. – Т. 3. – С. 156-162.

5. Пименова М.В. Концептуальные метафоры как способ представления внутреннего мира человека // Вестник Кемеровского государственного университета. – Вып. 2 (26). – Кемерово, 2006. – С. 39-46.

6. Пименова М.В., Пименов Е.А. Когнитивистика как наука о языке и познании // Вестник Кемеровского государственного университета. 2006. № 2 (26). – С. 35-39.

7. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Земледельческий код в описании внутреннего мира человека (опыт исторического описания) // Вестник Кемеровского государственного университета. – Вып. 2 (26). – Кемерово, 2006. – С. 46-53.

8. Пименова М.В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отде-

ления РАЛК / отв. ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: ПГЛУ, 2007. – Вып. 5. – С. 72-78.

9. Пименова М.В. Библия как источник метафор сердца в русской языковой картине мира // Язык. Текст. Дискурс / под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь-Краснодар: АПСН, 2008. – Вып. 6. – С. 115-126.

10. Пименова М.В. О методе исследования концептов внутреннего мира человека // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. – М.: Эйдос, 2007. – 275 с. – С. 237-246.

11. Пименова М.В. Образы внутреннего мира человека в произведениях П.П. Ершова / М.В. Пименова // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: СГПИ, 2009. – Вып. 7. – 448 с. – С. 211-218.

12. Пименова, М.В. Естественная категоризация в языке (на примере концептов внутреннего мира) / М.В. Пименова // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке. – Москва-Тамбов, 2010. – С. 119-129.

13. Пименова М.В., Пименов Е.А. Категории в языке и культуре (изучение ментальности посредством особенностей языка) // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке. – Москва-Тамбов, 2010. – С. 129-137.

14. Пименова М.В., Пименов Е.А. *Совесть* как внутреннее существо // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. – С. 152-160.

15. Пименова М.В. Ментальность и концептуальная система / М.В. Пименова // Метапоэтика: сборник статей научно-методического семинара «Textus»: в 2 ч.; под редакцией д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн, канд. филол. наук Д.И. Петренко. – Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2010. – Вып. 2. – Ч. 1. – 436 с. – С. 73-79.

16. Пименова М.В. Образные риторические средства в языке и тексте / М.В. Пименова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 15 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: РИЦ СГУТиКД, 2010. С. 184-191.

17. Пименова М.В. Особенности вербализации концепта *время* в русской языковой картине мира // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. – С. 168-178.

18. Пименова М.В. Концепты *правда* и *истина* и способы их объективизации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Ежегодный журнал. – Владикавказ, 2011. – Выпуск XIII. – С.61-69.

19. Пименова М.В. Категоризация эмоций в наивной картине мира как отображение русской ментальности // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Т. 24(63). №4. Ч.2.

- Филология и социальные коммуникации. – Симферополь, 2011. – С. 352-362.
20. Пименова М.В. Внутренний мир человека в авторской картине мира А. П. Чехова (на примере концепта *душа*) // Язык. Текст. Дискурс. 2011. № 9. С. 143-151.
21. Пименова М.В. Символические признаки в структуре концепта *сердце* (когнитивные модели «сердце – Бог», сердце – солнце» и «сердце – жертва») // Язык. Текст. Дискурс. – Ставрополь, 2012. – Вып. X. – С. 232-242.
22. Пименова М.В. Современные подходы к исследованию ментальности // Санкт-Петербургский гос. ун-т [и др.; отв. ред. М. В. Пименова]. Санкт-Петербург, 2011. (Серия "Славянский мир". Вып. 6).
23. Пименова М.В. Парные, бинарные и эквивалентные концепты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2012. – Вып. XIV. – С. 125-133.
24. Пименова М.В. Коды культуры и типы концептов // Язык. Текст. Дискурс. 2013. № 11. – С. 121-130.
25. Пименова М.В. Понятийные признаки концепта *удовольствие* // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2013. № 15. С. 91-96.
26. Пименова М.В. Образы неба и способы вербализации его признаков в произведениях С.А. Есенина // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация. – Армавир: АГПА, 2013. – С. 22-32.
27. Пименова М.В., Теркулов В.И., Воркачев С.Г., Дементьев В.В., Красавский Н.А., Юзефович Н.Г. Слово о юбиляре: Владимир Ильич Карасик // Человек. Язык. Культура сборник научных статей в 2-х частях, посвященный 60-летию юбилею профессора В.И. Карасика. – Киев, 2013. – С. 3-6. (Серия «Концептуальный и лингвальный мир»).
28. Пименова М.В. Фольклорная картина мира и фольклорные концепты (на примере концепта *Дед Мороз*) // Мир человека на гранях языка; международный сборник научных трудов по лингвокультурологии. под ред. Е.Е. Стефанского. – Самара, 2013. – С. 5-11.
29. Пименова М.В. Смена стереотипов, или новый взгляд на ментальность в лингвокультуре // Филологические науки. – 2014. – №2. – С. 3-9.
30. Калинин С.С., Пименова М.В. Образ верховного бога древних германцев Одина-Вотана: трикстер, маг, провидец, культурный герой // Современные тенденции развития науки и производства: сборник материалов Международной научно-практической конференции: в 4-х томах / Западно-Сибирский научный центр, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Международный научно-образовательный центр КузГТУ-Arena Multimedia. 2014. – С. 149.

31. Пименова М.В. Об эволюции концептуальной системы // Лингвистика XXI века: сборник научных статей: к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой / соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2014. – 944 с. – С. 21-38. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 3).
32. Пименова М.В. Слово о юбиляре: Валентина Авраамовна Маслова / М.В. Пименова, В.И. Теркулов // Лингвистика XXI века: сборник научных статей: к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой / соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2014. – 944 с. – С. 4-10. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 3).
33. Калинин С.С., Пименова М.В. Герой мифологический и герой эпический: сходства и различия в способе изображения (на материале древнегерманского фольклора) // Инновационный конвент "Кузбасс: образование, наука, инновации" материалы Инновационного конвента. 2014. – С. 393-396.
34. Пименова М.В. Толерантность: языковые и культурные импликации // Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики: материалы Международной научно-практической конференции. – Пермь, 2015. – С. 81-92.
35. Пименова М.В. Модели политических метафор в дискурсе СМИ 2005 года // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. № 1 (17). – С. 51-61.
36. Пименова М.В. Возвращение к вопросу о методе описания концептуальных структур (на примере концепта надежда) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. – С. 101-109.
37. Пименова М.В. Ментальность народа сквозь призму слов: словарь образов // Лингвокультура и концептуальное пространство языка; отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – СПб.: СПбГЭУ, 2016. – 554 с. – С. 48-58. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 10).
38. Пименова М.В. Культурная коннотация как фоновые знания при обучении языку // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. – СПб.: ВИ (ИТ), 2016. – 105 с. – С. 67-70.
39. Пименова М.В. Лингвокультурология в помощь преподавателю: обучение языку с опорой на теорию ментальности // Актуальные проблемы изучения языка и культуры: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова / ВА МТО. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 444 с. – С. 58-64.
40. Пименова М.В. Введение // Лингвокультура и концептуальное пространство языка / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 3-4. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 10).

41. Пименова М.В. Возрастание роли когнитивных наук в системе высшего образования // Гуманитарная образовательная среда технического вуза: материалы международной научно-методической конференции. – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016. – С. 66-67.
42. Пименова М.В. Национальные стереотипы в аспекте когнитивной лингвистики // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей к юбилею проф. И.Б. Руперт. – СПб.: СПбГЭУ, 2016. – 158 с. – С. 95-101.
43. Пименова М.В. Игра как элемент русской и английской культуры и фольклора сквозь призму языковой картины мира // Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. – 535 с. – С. 82-91. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 11).
44. Пименова М.В. Федеральная целевая программа «Русский язык» Министерства образования Российской Федерации // Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. – 535 с. – С. 4-7. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 11).
45. Пименова М.В. Новый словарь образов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1 (21). – С. 83-89.
46. Пименова М.В. Слова о юбиляре // Язык, культура, этнос: к 65-летнему юбилею профессора Замиры Касымбековны Дербишевой / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – Бишкек – Санкт-Петербург, 2017. – 490 с. – С. 4-5. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 12).
47. Пименова М.В. *Лебедь*: слово & символ // Язык, культура, этнос: к 65-летнему юбилею профессора Замиры Касымбековны Дербишевой / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – Бишкек – Санкт-Петербург, 2017. – 490 с. – С. 62-70. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 12).
48. Бальбеков Р.Ю., Пименова М.В., Веропотвельян Д.О. Русский язык: позиция в мире // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. XXVII Международная научно-практическая конференция. 23-24 июня 2017 года: сборник научных статей под общ. ред. М.В. Пименовой / Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 366 с. – С. 3-14.
49. Пименова М.В. Стереотипы в аспекте лингвокультурологии // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского

языков. XXVII Международная научно-практическая конференция. 23-24 июня 2017 года: сборник научных статей под общ. ред. М.В. Пименовой / Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 366 с. – С. 83-88.

50. Пименова М.В., Бодриков А.Б. История происхождения слова *воин* // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. XXVII Международная научно-практическая конференция. 23-24 июня 2017 года: сборник научных статей под общ. ред. М.В. Пименовой / Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 366 с. – С. 194-197.

51. Пименова М.В. Введение // Мир человека в пространстве языка / отв. соред. М.В. Пименова, О.Н. Морозова, К.Т. Утегенова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 368 с. – С. 3-4. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 13).

52. Пименова М.В. Женственность: стереотипы русской лингвокультуры // Мир человека в пространстве языка / отв. соред. М.В. Пименова, О.Н. Морозова, К.Т. Утегенова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 368 с. – С. 19-28. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 13).

53. Пименова М.В., Титаренко Т.В. Статус русского языка в странах ОДКБ // Мир человека в пространстве языка / отв. соред. М.В. Пименова, О.Н. Морозова, К.Т. Утегенова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 368 с. – С. 194-197. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 13).

54. Пименова М.В. Слово о юбиларе: Багдан Катаевна Момынова // Мир в языке и культуре. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 144 с. – 29-47. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 14).

55. Пименова М.В. Концептуальная метафора «Жизнь – путь/дорога» в русском и английском языках // Мир в языке и культуре. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 144 с. – 29-47. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 14).

56. Алаева С.А., Пименова М.В. Концепт *дом* в современной языковой картине мира // Мир в языке и культуре. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 144 с. – с. 53-63. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 14).

57. Басова У.А., Пименова М.В. Мотивирующие признаки макроконцепта *дети* // Мир в языке и культуре. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 144 с. – С. 63-68. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 14).

58. Пименова М.В., Бодриков А.Б. Концептуализация военной лексики: слово *воин* в русском языке // Мир в языке и культуре. – Санкт-

Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 144 с. – С. 68-73. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 14).

59. Пименова М.В. Слово о юбиляре – Владимир Ильич Карасик // Этнос и лингвокультура: к 65-летнему юбилею проф. В.И. Карасика / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – 320 с. – С. 3-5. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 15).

60. Пименова М.В. Эссе об эмоциях // Этнос и лингвокультура: к 65-летнему юбилею проф. В.И. Карасика / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – 320 с. – С. 36-41. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 15).

61. Алаева С.А., Пименова М.В. Концептуализация дома и его частей в языковой картине мира // Этнос и лингвокультура: к 65-летнему юбилею проф. В.И. Карасика / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – 320 с. – С. 51-56. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 15).

62. Пименова М.В., Титаренко Т.В. Русский мир в аспекте лингвокультуры // // Этнос и лингвокультура: к 65-летнему юбилею проф. В.И. Карасика / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – 320 с. – С. 234-242. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 15).

63. Пименова М.В. Архаичные знания о внутреннем мире человека // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. 600 с. С. 42-49.

64. Тиунова О.В., Пименова М.В. Мифопоэтическое восприятие народа: дом и его обитатели в русской лингвокультуре // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. 600 с. С. 165-171.

65. Басова У.А., Пименова М.В. Миф в русской лингвокультуре: тема детей // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. 600 с. С. 311-316.

66. Пименова М.В. Особенности концептуализации души и духа человека в русской лингвокультуре // Концептуальные исследования в ас-

- пекте лингвокультуры: к 55-лeтнему юбилею доктора педагогических наук Болотбека Мекеновича Акматова. Сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2018. – 170 с. – С. 18-23. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 22).
67. Алаева С.А., Пименова М.В. Концептуализация *неба* и его объектов в авторской картине мира А.С. Пушкина // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры: к 55-лeтнему юбилею доктора педагогических наук Болотбека Мекеновича Акматова. Сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2018. – 170 с. – С. 36-46. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 22).
68. Пименова М.В., Айдарбекова А.С. Символические образы птицы в структурах концептов ДУША и ЖАН в разноязычных лингвокультурах // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры: к 55-лeтнему юбилею доктора педагогических наук Болотбека Мекеновича Акматова. Сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2018. – 170 с. – С. 71-75. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 22).
69. Пименова М.В. Слово о юбиляре: Валентина Авраамовна Маслова // Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований: сборник научных статей к 70-лeтнему юбилею доктора филологических наук, профессора В.А. Масловой / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – 247 с. – С. 3-7. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 16).
70. Пименова М.В. Духовный код русской и английской лингвокультур: концепты *сердце* и *heart* // Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований: сборник научных статей к 70-лeтнему юбилею доктора филологических наук, профессора В.А. Масловой / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – 247 с. С. 18-32. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 16).
71. Пименова М.В. К вопросу о компонентах концептуальных структур (на примере концепта СЫН) // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сборник научных статей к 30-лeтнему юбилею Санкт-Петербургского Института иностранных языков / под общей ред. М.В. Пименовой. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. – 480 с. С. 42-51. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 23).
72. Пименова М.В. Институту языка, литературы и искусства Академии наук Татарстана 80 лет // Языки и культура народов России и стран СНГ: к 80-лeтнему юбилею Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан. Сборник научных статей; под общей ред. М.В. Пименовой. – Санкт-Петербург–Казань, 2019. – 160 с. – С. 3. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 17).
73. Пименова М.В. *Санкт-Петербург*: происхождение имён города сквозь вуаль стереотипов // Языки и культура народов России и стран

СНГ: к 80-летнему юбилею Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан. Сборник научных статей; под общей ред. М.В. Пименовой. – Санкт-Петербург–Казань, 2019. – 160 с. – С. 15-23. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 17).

74. Хисамов О.Р., Пименова М.В. *Казань: этимология онима* // Языки и культура народов России и стран СНГ: к 80-летнему юбилею Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан. Сборник научных статей; под общей ред. М.В. Пименовой. – Санкт-Петербург–Казань, 2019. – 160 с. – С. 24-32. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 17).

75. Пименова М.В. Процесс семантического развития слова *орда* // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография: материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (10-11 сентября 2019 г.). – Казань: ИЯЛИ, 2019. – 320 с. – С. 198-201.

76. Пименова М.В. Концепты *радуга* и *rainbow*: от этимологии до символа // Язык и культура XXI века: сборник научных статей, посвященный 65-летию доктора педагогических наук, профессора Нурлан Алымкуловны Ахметовой; под общей ред. М.В. Пименовой. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. – 256 с. – С. 21-29. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 18).

зарубежные публикации:

1. Пименова М.В. Этнориторические и этногерменевтические особенности ментальности в русском и английском языках // Этногерменевтика: грамматические и семантические проблемы. – Кемерово, Landau: Кузбассвуиздат, Verlag Empirische Pädagogik, 1998. – С. 11-18. (Серия "Этногерменевтика и этнориторика". Вып.1).

2. Пименова М.В. *Совесть* как составная часть внутреннего мира человека // Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово, Landau: Кузбассвуиздат, Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – С. 62-70. (Серия "Этногерменевтика и этнориторика". Вып. 3).

3. Пименова М.В., Камкина Е. Личное пространство и менталитет народа // Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово, Landau: Кузбассвуиздат, Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – С. 42-45. (Серия "Этногерменевтика и этнориторика". Вып. 3).

4. Пименова М.В. Концепт "МЫСЛЬ" в наивной картине внутреннего мира // Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме / Отв. ред. Пименов Е.А, Пименова М.В. – Кемерово, Landau: Кузбассвуиздат,

Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – С. 152-157. (Серия “Этногерменевтика и этнориторика”. Вып. 4).

5. Пименова М.В. Вегетативные признаки концептов внутреннего мира // *Mentalität. Konzept. Gender / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova.* – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. – S. 122-126. (Reihe “Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik”. Bd. 7).

6. Пименова М.В., Гришина О.А. Концепт “Америка” в русской языковой картине мира // *Mentalität. Konzept. Gender / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova.* – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. – S. 102-105. (Reihe “Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik”. Bd. 7).

7. Пименова М.В. Гендерные признаки концептов внутреннего мира // *Mentalität. Konzept. Gender / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova.* – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. – S. 126-132. (Reihe “Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik”. Bd. 7).

8. Пименова М.В. Мифологемы в гендерном аспекте // *Mentalität. Konzept. Gender / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova.* – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. – S. 204-219. (Reihe “Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik”. Bd. 7).

9. Пименова М.В., Камкина Е. Категория “свой-чужой” и концепт личное пространство // *Mentalität. Konzept. Gender / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova.* – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. – S. 152-153. (Reihe “Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik”. Bd. 7).

10. Пименова М.В. Предисловие // *Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / Hrsg. M.V. Pimenova,* 2002. – S. 5-6. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik»). Bd. 8).

11. Пименова М.В., Пименов Е.А. Жизнь – путь/дорога: опыт концептуального анализа // *Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / Hrsg. M.V. Pimenova,* 2002. – S. 107-123. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik»). Bd. 8).

12. Пименова М.В. Гендерные исследования концептуальной системы внутреннего мира // *Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / Hrsg. M.V. Pimenova,* 2002. – S. 164-173. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik»). Bd. 8).

13. Пименова М.В. Структура концепта *разум* // *Mentalität und Mentales / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova.* – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. – S. 95-111 (Reihe Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik. Band 9).

14. Пименова М.В. «Душа хотела б быть звездой...» // *Ethnohermeneutik und Anthropologie / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova.* – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – S. 38-43. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetotrik»). Band 10).

15. Пименова М.В. Вегетативный код как способ описания внутреннего мира человека // *Ethnohermeneutik und Anthropologie / Hrsg. von E.A.*

- Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – S. 95-102 (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetotrik». Band 10).
16. Пименова М.В. Антропоморфизм как способ объективации концепта *сердце* // Welt in der Sprache / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2005. – S. 119-126 (Reihe Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik. Band 11).
17. Пименова М.В., Пименов Е.А. Новые и традиционные модели политических метафор // Welt in der Sprache / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2005. – S. 385-395 (Reihe Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik. Band 11).
18. Pimenova M.V. Metaphors in description of inner world // Cognitive Modeling in Linguistics, V.2. – Moscow-Varna, 2005. – P. 135-142.
19. Пименова М.В. Языковая категоризация как проявление ментальности народа // Ethnohermeneutik und kognitiv linguistic. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2007. – S. 60-69. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetotrik». Band 12).
20. Пименова М.В. Украина глазами русских (образы страны в российских СМИ // Studia methodologica: альманах. Вип 22.: Наукове видання [Текст]:[За заг. ред. Олега Володимировича Лещака]. – Тернопіль: "Підручники та посібники" – Севастополь: "Рибэст", 2007. – С. 88-100.
21. Пименова М.В., Пименов Е.А. Власть в зеркале метафоры: особенности публицистического дискурса // Единицы и категории современной лингвистики: сб. статей, посвященных юбилею В.Д. Калиущенко. – Донецк: Юго-Восток, Лтд., 2007. – 489 с. – С. 463-470.
22. Пименова М.В. Изучение иностранного языка в аспекте культурной коннотации // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, 2008. – Том 21 (60), № 2. Филология. – Симферополь. – 313 с. – С. 127-132.
23. Пименова М.В. Концептуальные структуры и язык: статика и динамика // Язык и дискурс в статике и динамике. – Минск: МГЛУ, 2008. – С. 126-129.
24. Пименова М.Вл., Рогожникова Т.П., Пименова М.Вас., Лагута О.Н. Владимир Викторович Колесов // Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 504 с. – С. 3-6. (Серия «Славянский мир». Вып. 1).
25. Пименова М.В. Артефактные метафоры как способ объективации концепта жизнь // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 663 с. – С. 28-39. (Серия «Славянский мир». Вып. 2).
26. Пименова М.В. Сопоставительная концептология (на примере эквивалентных концептов *мудрость* и *wisdom*) // Ментальность народа и

его язык: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург – Севастополь: Рибэст, 2009. – 497 с. – С. 61-68. (Серия «Славянский мир». Вып. 3).

27. Пименова М.В., Адонина Л.В. Стереотипы и культурная идентичность женщины (на примере русской лингвокультуры) // Ментальность народа и его язык: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург – Севастополь: Рибэст, 2009. – 497 с. – С. 121-127. (Серия «Славянский мир». Вып. 3).

28. Пименова М.В. Сценарий как один из способов описания концепта (на примере концепта *радость*) // Новое в славянской филологии: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 614 с. – С. 68-80. (Серия «Славянский мир». Вып. 4).

29. Пименова М.В. Языковая категоризация эмоций (на примере русской концептосферы) // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург – Севастополь: Рибэст, 2009. – 806 с. – С. 54-64. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 11).

30. Пименова М.В. *Сила* как ключевой концепт русской культуры // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 806 с. – С. 280-290. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 11).

31. Пименова М.В. Предисловие // Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А. Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие с грифом УМО / Отв. ред. М.В. Пименова. – Изд. 2, испр. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 216 с. – С.3-11 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4).

32. Пименова М.В. Концепт *политика* и способы его репрезентации // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы IV Междунар. науч. конф. (Минск, 3–5 дек. 2009 г.): в 2 ч. Ч. 2 / отв. редакторы: Н.П. Баранова, А.М. Горлатов, С.М. Прохорова. – Минск: МГЛУ, 2009. – 240 с. – С. 65-67.

33. Пименова М.В. О культурных стереотипах (представления о мудреце в русской и английской лингвокультурах) // Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ / под ред. А.К. Киклевича и А.А. Камаловой. – Польша, 2010. С. 47-59 (Серия «Современная русистика: направления и идеи». Вып. 2).

34. Пименова М.В. Категоризация и концептуализация эмоций // Язык – когниция – коммуникация. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 68-71.

35. Пименова, М.В. Изучение языка в аспекте ментальности // Теория и технология иноязычного образования. – Симферополь: Предприятие Феникс, 2010. – С. 156-161.

36. Пименова М.В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта *судьба*) // Концептуальні дослідження в сучасній лінгвістиці: збірник статей / відп. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург-Горлівка: Видавництво ГДПШМ, 2010. – 558 с. – С. 66-80. (Серія «Концептуальні дослідження». Вип. 12).
37. Пименова М.В. Концептуализация *сердца* в произведениях Н.В. Гоголя // Науковий Вісник Херсонського державного університету. Серія "Лінгвістика": Збірник наукових праць. Випуск XI. – Херсон: Видавництво ХДУ, 2010. – 283 с. – С. 217-226.
38. Пименова М.В. Задачи современной когнитивной лингвистики: безэквивалентные концепты (на примере концепта *воля*) // Adam – Тіл – Мәдениет. – Алматы: Елтаным баспазы, 2010. – С. 205-211.
39. Пименова М.В. Опыт сопоставительной концептологии (на примере эквивалентных концептов *мудрость* и *wisdom*, *мудрец* и *wise man*) // Східнослов'янська філологія. Вип. 18. Мовознавство. – Горлівка, 2010. – С. 36-54.
40. Пименова М.В., Пименов Е.А. Русский мир: лингвистический аспект // Информационный Вестник Форума русистов Украины. – Симферополь, 2011. – Вып. 14. – С. 70-77.
41. Пименова М.В. Русская духовность: концептуальный анализ // Информационный Вестник Форума русистов Украины. – Симферополь, 2011. – Вып. 14. – С. 77-85.
42. Пименова М.В. К вопросу о новых терминах: парные, бинарные и эквивалентные концепты // Восточнославянские языки и литературы в историческом и культурном контекстах: когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: ИЯ им. А.А. Потемби НАН Украины, 2012. – 648 с. – С. 41-53. (Серия «Концептуальные исследования». Вип. 13).
43. Пименова М.В. Концептуальная система // Мир языка: сборник научных статей; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. – Павлодар-Кемерово-Витебск: Кереку, 2012. – 297 с. – С. 39-47. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вип. 1).
44. Пименова М.В. Методика Кемеровской школы концептуальных исследований (на примере концепта *судьба*) // Язык как реальность событий: сборник научных статей; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Павлодар-Кемерово-Донецк: Кереку, 2013. – 316 с. – С. 49-65. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вип. 2).
45. Пименова М.В. Небо в авторском мировидении Н.В. Гоголя // Українська мова у ХХІ столітті: традиції і новаторство. – Київ, 2012. – С. 162-166.
46. Пименова М.В. Эквивалентные концепты // Филологічні трактати. – 2012. – Т. 4. № 1. – С. 91-99.

47. Пименова М.В. Развитие теории лингвокультурных типажей (русский фольклорный концепт «царевна») // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию проф. В.И. Карасика: в 2-х ч.; отв. соред. В.В. Колесов, М.Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Изд. 2-е, испр. – Часть 1. – 800 с. – С. 16-25. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2).
48. Пименова М.В. Владимир Ильич Карасик / Пименова М.В., Теркулов В.И., Воркачев С.Г., Дементьев В.В., Красавский Н.А., Юзифович Н.Г. // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию проф. В.И. Карасика: в 2-х ч.; отв. соред. В.В. Колесов, М.Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Изд. 2-е, испр. – Часть 1. – 800 с. – С. 3-6. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2).
49. Пименова М.В. Владимир Ильич Карасик // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию проф. В.И. Карасика; отв. соред. В.В. Колесов, М.Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Изд. 2-е, испр. – Часть 2. – 568 с. – С. 3-5. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2).
50. Пименова М.В. Символы культуры в концептуальных структурах (на примере концепта *игра*) // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – 495 с. – С. 41-50. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 20).
51. Пименова М. В. Устойчивая художественная метафора "душа-звезда" и ее вариант "душа-солнце" // Информационный вестник Форума русистов Украины. Вып. 16. – Симферополь: Крымский Архив, 2013. – С. 37-44.
52. Пименова М.В. Терминология когнитивной лингвистики: концептуальная система и концептуальная картина мира // Термінологічний вісник. – Київ, 2013. – Вип. 2 (1). – С. 129-134.
53. Пименова М.В. Концепт *восторг*: структура и национальное своеобразие // Язык и культура; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. – Алматы-Кемерово-Витебск-Донецк: КазНУ, КемГУ, ВГУ, ДонНУ, 2013. – 424 с. – С. 61-76. (Серия «Филологический сборник». Вып. 12).
54. Pimenova M.V. National and Cultural Connotations in Terms of Foreign Language Acquisition // European Journal of Contemporary Education. – 2013, Vol. (3), № 1. – С. 44-49.
55. Пименова М.В. Слово о юбиляре: Виктор Алексеевич Виноградов / М.В. Пименова, В.И. Теркулов // Человек и его мир в зеркале языка: к 75-летию проф. В.А. Виноградова: коллективная монография / Отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев:

Издательский Дом Д. Бурого, 2014. – 120 с. – С. 4-6. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 4).

56. Пименова М.В. Владимиру Викторовичу Колесову – 80 лет // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: коллективная монография: к 80-летнему юбилею профессора В.В. Колесова; отв. соред. М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский Дом Д. Бурого, 2014. – 376 с. – С. 3-8. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 5).

57. Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка // Новые парадигмы в когнитивной лингвистике; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. – Алматы – Кемерово – Витебск – Бишкек: КГУ, КазНУ, КемГУ, ВГУ, 2014. – 688 с. – С. 64-73. (Серия «Филологический сборник». Вып. 13).

58. Пименова М.В. Базовые теоретические установки Кемеровской школы концептуальных исследований // Актуальні проблеми міжкультурної комунікації, перекладу та порівняльних студій: Збірник матеріалів II Міжнародної наукової конференції / За заг.ред С.В. Шепітько. – Маріуполь: МГУ, 2014. – 299 с. – С. 4-22.

59. Пименова М.В. Преподавание русского языка с опорой на теорию ментальности // Русский язык в странах СНГ: проблемы и перспективы. – Костанай: Костанайский филиал ЧелГУ. – 2012. – 224 с. – С.8-15.

60. Пименова М.В. Метафора в аспекте кода лингвокультуры // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Бишкек-Волгоград-Екатеринбург-Санкт-Петербург, 2015. – 314 с. – С. 59-72. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 21).

61. Пименова М.В. Стереотипы о богатырях и рыцарях сквозь призму русской ментальности // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. – Талдыкорган – Санкт-Петербург – Кемерово: ЖГУ, КемГУ, 2015. – 130 с. – С. 10-15. (Серия «Филологический сборник». Вып. 19).

62. Пименова М.В. Преломление национальных стереотипов в русских народных сказках // Вопросы лингвистики начала XXI века / отв. соред. Г.Ш. Оразгалиева, М.В. Пименова. – Караганда: Болашак-Боспа, 2016. – 259 с. – С. 3-14. (Серия «Филологический сборник». Вып. 14).

63. Пименова М.В. Фоновые знания в аспекте культурной коннотации // Актуальні проблеми методології та історіографії мовознавства. Слов'янськ, 2016. – С. 101-106.

64. Пименова М.В. Персонажи сказок как фольклорные концепты (на примере концепта Дед Мороз) // Фольклор и национальная идея. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 50-летию Актюбинского регионального государственного университе-

та имени К.Жубанова (20-21 октября 2016 года). – Актобе, 2016. – С. 157-161.

65. Пименова М.В. Словарь образов // Теоретичні й прикладні проблеми сучасної філології. – Слов'янськ, 2016. – Вип. 3. – С. 190-196.

публикации в центральной печати:

1. Пименова М.В., Рябова М.Ю. Пространственная интерпретация стативных предикатов // Деп. в ИНИОН РАН от 9.04.1992. №40410.

2. Пименова М.В., Пименов Е.А. Этногерменевтика языковой ментальности // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных языков в вузе: Матер. науч.-метод. конф. – С.-Петербург, 1999. – С. 100-101.

3. Пименова М.В. Гендерное исследование мифологем // Гендер: язык, культура, коммуникация: Материалы I междунар. конференции (25-26 ноября 1999г.). – Москва, 2000. – С. 78-79.

4. Пименова М.В. Пространственная организация сферы внутреннего мира человека в языковой наивной картине мира // Материалы XXIX межвузов. научно-метод. конференции (Санкт-Петербург, 1-3, 13-20 марта 2000 г.). Секция романо-германской филологии. – Санкт-Петербург, 2000. – Ч. 2. – С. 14-16.

5. Пименова М.В. Ключевые концепты сферы внутреннего мира // Материалы XXIX межвузов. научно-метод. конф. (Санкт-Петербург, 1-3, 13-20 марта 2000 г.). Секция общего языкознания. – С.-Петербург, 2000. – Ч. 2. – С. 56-57.

6. Пименова М.В., Пименов Е.А. Этногерменевтика: некоторые направления исследования // Живая старина; Ин-т славяноведения РАН. №4(36). – Москва, 2002. – С. 56-58.

7. Пименова М.В. Гендер и концепты внутреннего мира // Материалы XXX межвузов. научно-метод. конфер. (Санкт-Петербург, 1-17 марта 2001 г.). Секция общего языкознания. – С.-Петербург, 2001. – С. 42-44.

8. Пименова М.В. Некоторые особенности концептов внутреннего мира // III славистические чтения: материалы международной конференции. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 34-36.

9. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Странствия русской души // Культурное пространство путешествий: материалы научного форума (Санкт-Петербург, 8-10 апреля 2003 г.). – СПб., 2003. – С. 179-182.

10. Пименова М.В., Пименов Е.А. Антропоморфизм психических составляющих человека // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия: материалы XV международной научной конференции (Санкт-Петербург, 11-12 мая 2004 г.). – Санкт-Петербург: Нестор, 2004. – С. 57-62.

11. Пименова М.В. Народная психология: особенности концептуализации внутреннего мира человека // Историческая психология, пси-

хоистория, социальная психология: общее и различия: материалы XV международной научной конференции (Санкт-Петербург, 11-12 мая 2004 г.). – Санкт-Петербург: Нестор, 2004. – С. 75-80.

12. Пименова М.В. Душа сквозь призму народных представлений (космос души) // Языки и транснациональные проблемы: материалы I международной научной конференции (22-24 апреля 2004 г.). – М.-Тамбов, 2004. – Т. II. – С. 307-313.

13. Пименова М.В. Когнитивные модели и концептуальные метафоры как способ представления внутреннего мира человека // Вестник ЦМО МГУ. – №5. – Часть 1-2. Филология. Культурология. Методика. – М., 2005. – С. 227-230.

14. Пименова М.В. Концептуализация внутреннего мира человека посредством гендерных признаков // Мужское и женское в культуре. – СПб.: Республиканский гуманитарный институт, 2005. – С. 46-50.

15. Пименова М.В., Пименова Е.Е. Атрибутивные конструкции в представлении мифологических признаков концепта «небо» // III Международная научная конференция «Язык и культура» (Москва, 23-25 сентября 2005 г.). – М., 2005. – С. 151-153.

16. Пименова М.В. «Ландшафт» русской души // Грани русистики: филологические этюды: сб. статей, посв. 70-летию проф. В.В. Колесова. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2006. – 559 с. – С. 121-128.

17. Пименова М.В. Коды культуры и принципы концептуализации мира // *Studia linguistica cognitive*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 172-187.

18. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов: словарь / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с. – С. 14-16.

19. Пименова М.В. Представление о сердце: история и современность // Человек и язык. – М.: Аткара. – 2008, №1. – С. 29-60.

20. Пименова М.В. Вся жизнь – успешный труд // Слово о Владимире Викторовиче Колесове: юбилейный сборник очерков, здравниц, откровений. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 45-49.

21. Пименова М.В. Метаязык описания способов категоризации эмоций в языке // Исследование познавательных процессов в языке: сборник научных трудов. – Москва: ИЯ РАН, Тамбов: ТГУ, 2009. – 307 с. – С. 177-187.

22. Пименова М.В. Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования на современном этапе // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – М.: МГПУ, 2009. – Т. 1. – 336 с. – С. 89-94.

23. Пименова, М.В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта *звезда*) // Проблемы концептуализации дей-

- ствительности и моделирования языковой картины мира; сост., отв. ред. Т.В. Симашко. – М.-Архангельск, 2009. – Вып. 4. – С. 140-153.
24. Пименова М.В., Бабич Г.Н., Шустрова Е.В. Слово о юбиларе // Политика в зеркале языка и культуры: к 60-летию юбилею проф. А.П. Чудинова; отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2010. – 573 с. – С. 3-5. (Серия «Филологический сборник». Вып. 10).
25. Пименова М.В. Концептуальная система политики // Политика в зеркале языка и культуры: к 60-летию юбилею проф. А.П. Чудинова; отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2010. – 573 с. – С. 86-105. (Серия «Филологический сборник». Вып. 10).
26. Пименова, М.В. Ментальность народа и концептуальная система // Когнитивные исследования языка. Вып. VI. – Москва-Тамбов, 2010. – С. 510-514.
27. Пименова М.В. Нарушение традиционного маскулинного образа (женское в мужском в русской языковой картине мира) // Язык и ментальность: сборник статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. – 696 с. – С. 80-90. (Серия «Славянский мир». Вып. 5).
28. Пименова М.В. Антропологическая лингвистика: мифологемы в гендерном аспекте // Антропология языка: сб. статей / отв. ред. С.Р. Омельченко. – М.: Флинта; Наука, 2010. – Вып 1. – С. 103-117.
29. Пименова М.В. Концептуальный мир – основа ментальности // Образ мира в зеркале языка: сб. научных статей; отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – М.: Флинта, 2011. – 567 с. – С. 16-26. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 1).
30. Пименова М.В. Реликты древнего сознания, сохраненные в языке // Образ мира в зеркале языка: сб. научных статей; отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – М.: Флинта, 2011. – 567 с. – С. 173-180. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 1).
31. Пименова М.В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта *творчество*) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: памяти проф. Евгения Александровича Пименова: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2011. – 896 с. – С. 65-83. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).
32. Пименова М.В. Основные положения и методика исследования концептов в Кемеровской школе концептуальных исследований // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Евгения Александровича Пименова: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2011. – 828 с. – С. 51-60. (Серия «Филологический сборник». Вып. 11).

33. Пименова М.В. Исследование концептуальных структур (на примере концепта *восторг*) // Русистика в Китае: традиции и инновации. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2013. – 444 с. – С. 260-274.
34. Пименова М.В. Метафора как способ выражения кода лингвокультуры // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике. – СПб., 2014. Вып. 5. – 100 с. – С.9-13.
35. Пименова М.В. Поиски новых дорог в лингвистике: ментальность = духовность // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике / гл. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2015. Вып. 6. – 128 с. – С. 14-20.
36. Пименова М.В. Концептуальный анализ языка: типы концептов // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XI междунар. науч. конференции (Владимир, 29 сентября – октября 2015 г.). – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. 636 с. – С. 411-421.
37. Пименова М.В. Возрастание роли когнитивных наук в системе высшего образования // Гуманитарная образовательная среда технического вуза: материалы международной научно-методической конференции (11-13 мая 2016 г.) – СПб., 2016. – С. 66-68.
38. Пименова М.В. Стереотипы с позиций теории ментальности // Деятельный ум: от гуманитарной методологии к гуманитарным практикам: Материалы XVIII международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, посвященного 80-летию со дня рождения А.А. Леонтьева (24-26 мая 2016 г.). – М.: Канцлер, 2016. – 316 с. – С. 109-111.

научные статьи и тезисы:

1. Пименова М.В. Некоторые особенности глаголов понимания в русском и английском языках // Студенты и молодые ученые Кемеровского ун-та 40-летию КГПИ – КеМГУ: тезисы докладов научной конференции (20 марта 1994 г.). – Кемерово, 1994. – С. 23.
2. Пименова М.В. О глаголах мышления в русском языке // Вопросы филологии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 95-98.
3. Пименова М.В. Семантические классы и формальная характеристика ментальных глаголов в русском и английском языках // Языковая картина мира: Материалы Всероссийской науч. конференции (Кемерово, 20-21 ноября 1993г.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 18-20.
4. Пименова М.В. Об употреблении ментальных глаголов английского языка в форме прогрессива // Современные проблемы гуманитарных дисциплин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – Вып. 2. – С. 139-142.
5. Пименова М.В. Ментальность: когнитивные и функциональные аспекты // Язык в эпоху знаковой культуры: материалы докл. междунар. науч. конференции (Иркутск, 17-20 сентября 1996 г.). – Иркутск, 1996. – С. 107-108.

6. Пименова М.В. Когнитивные аспекты ментальности в русском языке // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: тезисы докл. II междунар. науч. конф. (Иркутск, 18-20 июня 1997 г.). – Иркутск, 1997. – С. 53-54.
7. Пименова М.В. Проблемы описания ментального мира // Межкультурная коммуникация: тезисы докл. II русско-французского коллоквиума (Иркутск, 23-25 сентября 1997г.). – Иркутск, 1997. – С. 57-59.
8. Пименова М.В. Лексикографическое описание ментально-эмоциональных глаголов // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикологии: материалы Всерос. конф. (Томск, 27-29 марта 1997г.). – Томск, 1998. – С. 81-83.
9. Пименова М.В. Познавательная деятельность человека как фрагмент языковой картины мира // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России: материалы II научно-практ. конф. (Калуга, 19-20 мая 1998г.). – Калуга, 1998. – С. 83-84.
10. Пименова М.В. Отражение ментального мира человека в языковой картине мира // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. – Тамбов: ТГУ, 1998. – Ч. II. – С. 33-34.
11. Пименова М.В., Никулина И.И. Новообразования в русском языке и их истолкование // Этногерменевтика и языковая картина мира: теория и практика: тезисы докладов и сообщений I международной конференции. – Кемерово, 1998. – С. 57-58. (Серия «Этнориторика и этногерменевтика». Вып. 2).
12. Пименова М.В. Этногерменевтика ментального мира человека (сквозь призму языковой картины внутреннего мира) // Этногерменевтика и языковая картина мира: теория и практика: тезисы докладов и сообщений I международной конференции. – Кемерово, 1998. – С. 69-71. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 2).
13. Пименова М.В. Ментальный мир в наивной картине языка // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: тезисы докл. и сообщ. III междунар. научно-практической конференции (Иркутск, 16-18 июня 1998г.). – Иркутск, 1998. – С. 65-67.
14. Пименова М.В. Лексические трудности перевода // Переводческие решения: проблемы и поиски. – Пенза: Изд-во ПДЗ, 1998. – С. 72-76.
15. Пименова М.В. Наивная языковая модель внутреннего мира человека // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию ИГЛУ (15-17 сентября 1998г.). – Иркутск, 1998. – С. 136-137.
16. Пименова М.В. Семантика метафоры и языковая ментальность // Материалы I регионального научного семинара по проблемам систематики языка и речевой деятельности. – Иркутск, 1998. – С. 81-84.
17. Пименова М.В. Семиотика ментальных концептов // Семиотические проблемы лингвистики. – Кемерово: ИНТ, 1998. – С. 94-100.

18. Пименова М.В. Метафора и языковая ментальность // Семантика и прагматика. – Барнаул: АГУ, 1998. – С. 12-16.
19. Пименова М.В. Этногерменевтика и языковая ментальность // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы международной научно-практ. конф. (3-5 декабря 1998г.). – Бийск, 1998. – С. 103-106.
20. Пименова М.В. Наивная топография и языковая картина внутреннего мира // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. – Иркутск, 1999. – С. 109-110.
21. Пименова М.В. Внутренний мир человека в поэзии Клюева // Николай Клюев: образ мира и судьба. – Томск: ТГУ, 2000. – С. 139-141.
22. Пименова М.В. Оценка концептов внутреннего мира человека в наивной языковой картине мира // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивные аспекты / под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул, 2000. – Вып. 2. – С. 100-104.
23. Пименова М.В. Текст Библии: способы представления внутреннего мира // Филологический сборник / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2000. – С. 45-49.
24. Пименов Е.А., Пименова М.В. Предисловие // Филологический сборник / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2000. – С. 3.
25. Пименова М.В. Пространственная шкала «близко-далеко» в описании внутреннего мира человека // Вопросы филологии / под ред. А.М. Зотова. – Кемерово, 2001. – С. 69-76.
26. Пименова М.В. Антропоморфные признаки «внутреннего человека»: парадигматика и синтагматика языковых средств представления // Прагматика в языке и речи. – Кемерово: Летопись, 2001. – С. 43-57.
27. Пименова М.В. Этногерменевтический аспект концептуальных исследований // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы. – Кемерово, 2002. – С. 116-119.
28. Пименова М.В. Внутренний мир человека: шкала 'близко-далеко' // Общие и частные проблемы онтологии языка: материалы круглого стола (2 октября 2001 г.). – Бийск, 2002. – С. 74-78.
29. Пименова М.В. Предисловие // Филологический сборник / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2002. – Вып. 2. – С. 5-10.
30. Пименова М.В. Душа и жизнь: особенности концептуализации // Филологический сборник / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. – Вып. 2. – С. 130-135.
31. Пименова М.В., Теличко И.А. *Время* в русской языковой картине мира (на материале пословиц и поговорок) // Филологический сборник / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. – Вып. 2. – С. 180-186.

32. Пименова М.В., Зинчук О. Тропы и фигуры в рекламном тексте // ХХІХ конференция студентов и молодых учёных Кемеровского государственного университета: сборник трудов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – С. 158-159.
33. Пименова М.В. Концептуализация чувства через эмоциональные признаки // Сборник трудов молодых учёных Кемеровского государственного университета, посвящённый 60-летию Кемеровской области. – Кемерово: Полиграф, 2002. – Т.1. – С. 214-217.
34. Пименова М.В. Предисловие // Язык. Культура. Человек. Этнос / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. – С. 3-4. (Серия «Филологический сборник». Вып. 3).
35. Пименова М.В., Деева Н.В. О глаголах бытия с локативным значением // Язык. Культура. Человек. Этнос / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. – С. 5-9 (Серия «Филологический сборник». Вып. 3).
36. Пименова М.В. «Есть целый мир в душе...» // Филологический сборник / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. – Вып. 3. – С. 82-90.
37. Пименова М.В. Русский язык и русская культура // Традиции и инновации в преподавании русского языка в вузе и школе. – Томск: «Иван Фёдоров», 2002. – С. 104-105.
38. Пименова М.В. Концептуализация и объективация *истины* и *правды* // Язык. История. Культура: к 50-летию Кемеровского государственного университета и 25-летию юбилею кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С. 25-35. (Серия «Филологический сборник». Вып. 5).
39. Пименова М.В. Ландшафтные признаки концептов внутреннего мира (на примере концепта *душа*) // Концепт и культура: материалы Международной научной конференции (Кемерово, 30 сентября 2003 г.). – Кемерово: ИПК «Графика». 2003. – С. 165-170.
40. Пименова М.В. О типовых структурных элементах концептов внутреннего мира (на примере концепта *душа*) // Язык. Этнос. Картина мира: сб. науч. статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С. 28-39 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 1).
41. Пименова М.В. Политика в зеркале метафоры // Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2003. – С. 131-132.
42. Пименова М.В. Концепт *надежда* в русской языковой картине мира // Человек и его язык: к 75-летию проф. В.П. Недялкова / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С. 47-66 (Серия «Филологический сборник». Вып. 4).

43. Пименова М.В. Предисловие // Язык. Этнос. Картина мира: сб. науч. статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С. 3-6. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 1).
44. Пименова М.В. О типовых структурных элементах концептов внутреннего мира (на примере концепта *душа*) // Язык. Этнос. Картина мира: сб. науч. статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С.28-39 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 1).
45. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальная метафора «душа-странница» в диахроническом аспекте // Язык. Этнос. Картина мира: сб. науч. статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С.73-77 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 1).
46. Пименова М.В. Архаичная символика и языковая картина мира (зооморфизм *души* и *сердца*) // Региональная национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности: материалы международной конференции (Кемерово, 23-27 ноября 2003 г.) – Кемерово, 2003. – С. 258-264.
47. Пименова М.В., Деева Н.В. Глаголы бытия: образ человека в языковой картине мира // Образ человека в картине мира: Сб. статей. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2003. – С.208-211.
48. Пименова М.В. Предисловие // Мир человека и мир языка / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С. 3-5. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2).
49. Пименова М.В., Стеванович С.В. Пространственная оппозиция 'близко-далеко' (вертикаль в русской и сербской языковых картинах мира) // Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект: материалы V международной конференции. – Владимир: ВГПУ, 2003. – С. 168-170.
50. Пименова М.В. О странствиях души // Искусство грамматики / отв. ред. Л.Г. Панин. – Новосибирск: НГУ, 2004. – С. 380-389.
51. Пименова М.В. Концептуализация *памяти* в «Воспоминаниях» П.Н. Милюкова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14. – С. 56-67.
52. Пименов Е.А., Пименова М.В. Категоризация и концептуализация жизни (в политических мемуарах) // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С.56-67.
53. Пименова М.В. Концептуализация *памяти* в «Воспоминаниях» П.Н. Милюкова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14. – С. 56-67.

54. Пименова М.В. Концепт *политика* и способы его репрезентации // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 15. – С. 32-39.
55. Пименова М.В., Пименов Е.А. Владимир Викторович Колесов // Концепт. Образ. Понятие. Символ: к 70-летию проф. В.В. Колесова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – С. 3-4.
56. Пименова М.В. Предисловие // Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А. Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – С. 3-11. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4).
57. Пименова М.В., Пименова Е.Е. Концептуализация пространства внутреннего мира человека // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков: материалы международной научно-практической конференции (Пермь 16-17 февраля 2005 г.). – Пермь: ПГТУ, 2005. – С. 264-268.
58. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / отв. ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Том 1. – С. 13-15.
59. Пименова М.В. Категории культуры в пространстве языка // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Международной научной конференции (Волгоград, 24-27 апреля 2005 г.). – Волгоград: ВолГУ, 2005. – С. 286-291.
60. Пименова М.В., Пименов Е.А. Мифологема *судьбы* и способы ее объективации в произведениях Н.А. Некрасова // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Международной научной конференции (Волгоград, 24-27 апреля 2005 г.). – Волгоград: ВолГУ, 2005. – С. 220-225.
61. Пименова М.В. Сопоставление концептов внутреннего мира (на примере концептов *душа*, *дух*, *soul* и *spirit*) // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: материалы междунар. конф. XXIV Дульзоновские чтения. – Томск: ТГПУ, 2005. – С. 136-137.
62. Пименова М.В. Специфика концептуализации *вдохновения* в русской и английской картинах мира // Мир и язык / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 75-95. (Серия «Филологический сборник». Вып. 6).
63. Пименова М.В., Пименов Е.А. Метафоры власти: особенности публицистического дискурса // Мир и язык / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 43-49. (Серия «Филологический сборник». Вып. 6).
64. Пименова М.В., Мошина Е.А. Антропоморфизм *надежды* // Мир и язык / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 187-194. (Серия «Филологический сборник». Вып. 6).

65. Пименова М.В. Мифологический и символический «портреты» *сердца* // Грамматика. Семантика. Концептология / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК: «Графика», 2005. – С. 135-144 (Серия «Филологический сборник». Вып. 7).
66. Пименова М.В., Пименов Е.А. Образная часть структур концептов *радость* и *Freude* // Грамматика. Семантика. Концептология / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК: «Графика», 2005. – С. 120-135 (Серия «Филологический сборник». Вып. 7).
67. Пименова М.В. Ландшафтные признаки концепта *жизнь* // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X международной научно-практической конференции (Иркутск, 14-18 июня 2005 г.). – Иркутск, 2005. – С. 92-98.
68. Пименова М.В., Пименов Е.А. Концептуализация *судьбы* в индивидуально-авторской картине мира // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X международной научно-практической конференции (Иркутск, 14-18 июня 2005 г.). – Иркутск, 2005. – С.87-91.
69. Пименова М.В. Особенности концептуализации внутреннего мира человека в Библии (на примере концепта «сердце») // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. / отв. ред., сост. Т.В. Симашко; Поморский гос.ун-т. – Архангельск, 2005. – Вып. 2. – С. 270-276.
70. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Метафоры имущества как способ объективации концептов (на примере концептов *ум* и *разум*) // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации: материалы международной конференции (Волгоград, 12-14 октября 2005 г.) / Волгоград. гос. пед. ун-т; Отв. ред. В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 84-88.
71. Пименова М.В. Особенности структуры концептов // Концептосфера: индивидуальное: национальное, универсальное. – Йошкар-Ола: МГПИ, 2005. – С. 9-13.
72. Пименова М.В. Антропоморфные модели в объективации концепта *ум* // Филология и культура: материалы V междунар. науч. конф. (Тамбов, 19-21 октября 2005 г.) / отв. ред. Т.А. Фесенко. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 143-146.
73. Пименова М.В. Методика концептуальных исследований внутреннего мира человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике (26-28 сентября 2006 года): сб. материалов / отв. ред. Н.Н. Болдырев: Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 126-129.
74. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальная метафора «душа-дом» и способы ее реализации в русской языковой картине мира (диахронический аспект) // Слово в лингвокультурологическом аспекте / науч. ред. О.Н. Иванищева. – Мурманск: МГПУ, 2005. – Вып. 1. – С. 28-31.

75. Пименова М.В., Сергеева Н.М. Орнитологические признаки концептов *ум* и *разум* // Слово в лингвокультурологическом аспекте / науч. ред. О.Н. Иванищева. – Мурманск: МГПУ, 2005. – Вып. 1. – С. 31-34.
76. Пименова М.В. Коды культуры и принципы концептуализации мира // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы Всероссийской научной конференции (14-16 апреля 2005 г.). – Екатеринбург: УрГУ, 2005. – С. 27-35.
77. Пименова М.В., Пименов Е.А. Христианские представления о сердце // Антропологическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии. – Стерлитамак, 2006. – Т. 1. – С. 174-177.
78. Пименова М.В., Пименова Е.Е. Концепт «небо» и способы его объективации в произведениях В.П. Астафьева // Антропологическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии. – Стерлитамак, 2006. – Т. 2. – С. 90-94.
79. Пименова М.В. Язык – транслятор культуры (архаичные признаки концептуальных систем) // Традиционная культура сегодня: теория и практика: материалы Всероссийской научной конференции (21-23 февраля 2006 г.). – Челябинск, 2006. – С. 299-306.
80. Пименова М.В., Пименов Е.А. Когнитивная лингвистика на современном этапе // Международный конгресс по когнитивной лингвистике (26-28 сентября 2006 года): сб. материалов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 70-73.
81. Пименова М.В. Методика концептуальных исследований внутреннего мира человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике (26-28 сентября 2006 года): сб. материалов / отв. ред. Н.Н. Болдырев: Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 126-129.
82. Пименова М.В., Пименова Е.Е. Концептуальная метафора дома как способ объективации концепта «небо» (на материале произведений М.Ю. Лермонтова) // Язык. Культура. Коммуникация. – Волгоград, 2006. – Часть 2. – С. 276-285.
83. Пименова М.В., Мешкова Т.С. О некоторых признаках в структуре концепта *князь* // Наследие академика В.И. Борковского и проблемы современной лингвистики. – Волгоград: ВолГУ, 2006. – С.112-122.
84. Пименова М.В. Символические признаки концептов (на примере моделей «сердце – Бог», «сердце – солнце», и «сердце – жертва») // Новое в когнитивной лингвистике / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 87-97. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8).
85. Пименова М.В., Челбакова Ю.В. Наивные представления носителей языка (особенности концептуализации *звезды*) // Новое в когнитивной лингвистике / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 574-579. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8).

86. Пименова М.В., Головач К.Ю. Теоморфизм как способ объективации концепта *любовь* (на материале произведений А.С. Пушкина) // Новое в когнитивной лингвистике / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 899-904. (Серия «Концептуальные исследования». Вып 8).
87. Пименова М.В. Религия как источник метафорической экспансии (теоморфные признаки концептов *сердце* и *heart*) // Сибирь на перекрестке мировых религий: материалы III межрегиональной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. М.И. Рижского. – Новосибирск, 2006. – С. 252-257.
88. Пименова М.В. Символы культуры как источник метафорической экспансии ('глубина' как концептуальный признак) // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения лингвистике: материалы I Международной научной конференции: в 4-х частях / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: ЮНИТИ, 2006. – Часть 2. – С. 56-74 (Серия «Филологический сборник». Вып. 8).
89. Пименова М.В. Обман воображаемых миров (мир иллюзий: опыт заимствованного концепта) // Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 26-37. (Серия «Филологический сборник». Вып. 9).
90. Пименова М.В. Метафоры природы в произведениях А.С. Пушкина // Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 112-120. (Серия «Филологический сборник». Вып. 9).
91. Пименова М.В., Пименов Е.А. Структуры концептов *радость*, *Freude* и *joy* (образная часть в сопоставительном аспекте) // Аксиологическая лингвистика: проблемы когниции и коммуникации / под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2006. – С. 16-33.
92. Пименова, М.В. Концепты *страх*, *боязнь*, *испуг*, *паника* и *ужас* (сопоставительный аспект) // Концепт и культура. – Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006. – С. 424-432.
93. Пименова М.В. К вопросу о культурной памяти слова (образы *сердца* в русском и английском языках) // Язык. Человек. Картина мира: лингвоантропологические и философские очерки. – Омск: Вариант-Омск, 2006. – С. 36-47.
94. Пименова М.В. Способы концептуализации *сердца* в Библии // Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики) / отв. ред. Л.Г. Панин). – Новосибирск: НГУ, 2006. – Вып. 2. – С. 387-396.
95. Пименова М.В., Пименова Е.Е. Теоморфизм неба в произведениях М.Ю. Лермонтова // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия. Культура и искусство трансграничья, язык и межкультурные коммуникации: материалы международной научно-практической конф. (18-20 октября 2006 г.). – Чита, 2006. – С. 271-279.

96. Пименов Е.А., Пименова М.В. Объективация концепта ЖИЗНЬ в русской языковой картине мира // *Vita in lingua: к юбилею проф. С.Г. Воркачева: сб. статей / отв. ред. В.И. Карасик.* – Краснодар: Атриум, 2007. – С. 142-158.
97. Пименова М.В. Современная лингвистика: новые приоритеты // *Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XXI века / отв. ред. Л.В. Куликова.* – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. – С. 282-294.
98. Пименова М.В. Категории в языке и культуре // *Актуальная философия: образы, стили, стратегии философского знания: сборник научных трудов к 30-летию кафедры философии КузГТУ.* – Кемерово: КузГТУ, 2007. – С. 145-156.
99. Пименова, М.В. Концепт «Украина» (на материале российских СМИ) // *Политическая лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т; гл. ред. А.П. Чудинов.* – Екатеринбург, 2007. – Вып. 2(22). – С. 52-60.
100. Пименова М.В. Типы концептов // *Функциональный анализ значимых единиц языка.* – Новокузнецк, 2007. – Вып. II. – С. 241-248.
101. Пименова М.В. *Сердце* в библейской картине мира // *Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сборник научных трудов / отв. ред. Т.В. Симашко.* – Архангельск: ПомГУ, 2007. – Вып. 3. – С. 127-133.
102. Пименова М.В. Образы и символы луны в произведениях А.С. Пушкина // *Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты.* – Чита, 2007. – С. 260-264.
103. Пименова М.В. Образные и символические признаки *луны* в русской концептосфере [Текст] / М.В. Пименова // *Концепт и культура.* – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 294-303.
104. Пименова М.В., Урусова О.А. Кафедра общего языкознания и славянских языков // *Труды по когнитивной лингвистике: к 30-летию кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М.В. Пименова.* – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 6-9 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10).
105. Пименова М.В. Метафора как один из способов реализации концепта // *Труды по когнитивной лингвистике: к 30-летию кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М.В. Пименова.* – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 92-100 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10).
106. Пименова М.В. Символизм радуги: опыт концептуального анализа // *Труды по когнитивной лингвистике: к 30-летию кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М.В. Пименова.* – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 688-700 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10).
107. Пименова, М.В. Концептуальные исследования: новые приоритеты (концепт *вера* в русской концептосфере) // *Язык. Культура. Комму-*

- никация. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. – Ч. 1. – С. 44-53.
108. Пименова, М.В. Понятийные признаки и культурная составляющая в структурах концептов *мудрость* и *wisdom* // Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной концептологии. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2008. – С. 76-80.
109. Пименова М.В. Концептуальная метафора «сердце – животное» / М.В. Пименова // Искусство грамматики. – Новосибирск: НГУ, 2008. – Вып. 3. – С. 348-358.
110. Пименова М.В. Развитие правовых метафор *совести* в русском и английском языках / М.В. Пименова, Е.А. Пименов // Искусство грамматики. – Новосибирск: НГУ, 2008. – Вып. 3. – С. 358-374.
111. Пименова М.В. Концептуальная метафора «небо – дом» [Текст] / М.В. Пименова, Е.Е. Пименова // Искусство грамматики. – Новосибирск: НГУ, 2008. – Вып. 3. – С. 374-386.
112. Пименова М.В. Вся жизнь – успешный труд // Теоретические и прикладные проблемы языкознания. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 472-474.
113. Пименова М.В. Особенности концептуализации жизни в мемуарах (на примере «Воспоминаний» П.Н. Милюкова) / М.В. Пименова // Жанры речи. – Саратов: Наука, 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – 440 с. – С. 354-365.
114. Пименова М.В. Культурная коннотация в аспекте изучения языка // Горный Алтай: проблемы билингвизма в поликультурном пространстве. – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского университета, 2008. – С. 106-109.
115. Пименова М.В. Тропы как риторическое средство (метафоры в языке и тексте) // Проблемы современного коммуникативного образования в вузе и школе. – Новокузнецк: КузГПА, 2009. – Ч. 1. – 239 с. – С. 200-205.
116. Пименова М.В. Концептосфера: методика исследования на современном этапе (структура концепта *рассудок*) // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты: материалы международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: НМЦ "Логос", 2009. – 336 с. – С. 117-119.
117. Пименова М.В. Культурные коннотации в аспекте концептуальных исследований / М.В. Пименова // Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке. – Новокузнецк: КузГПА, 2009. – С. 16-24.
118. Пименова М.В. Политические метафоры: особенности публицистического дискурса 2005 и 2009 гг. // Современная политическая коммуникация: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009. – С.160-165.

119. Пименова М.В. Природные образы *души* и *сердца* в произведениях П.П. Ершова // I Кодуховские чтения: межвузовский сборник научных и научно-методических статей. – Ишим: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2009. – С. 182-190.
120. Пименова М.В. Сопоставительная концептология (на примере эквивалентных концептов *мудрость* и *wisdom*) // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – Екатеринбург, 2009. – 420 с. – С. 302-321.
121. Пименова М.В. Опыт сопоставления структур немецких, английских и русских концептов (ментальные признаки концептов *душа*, *дух*, *soul*, *spirit*, *Geist* и *Seele*) / М.В. Пименова Е.А. Пименов // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – Екатеринбург, 2009. – 420 с. – С. 321-339.
122. Пименова М.В. Стереотипы как проявление специфики концептосфер (на примере концептов *мудрец* и *wide man*) / М.В. Пименова // Языковые категории и единицы: сборник научных статей; отв. ред. М.Вас. Пименова. – Владимир: ВГГУ, 2009. – 440 с. – С. 259-273.
123. Пименова М.В. Типология структур концептов [Текст] / М.В. Пименова // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. – Бийск: БГПУ им. В.М. Шукшина, 2009. – С. 235-241.
124. Пименова, М.В. Ментальность и концептосфера / Е.А. Пименов, М.В. Пименова // Славянские чтения. Вып. III: Языки и культуры. – Омск: Вариант-Омск, 2009. – 286 с. – С. 15-24.
125. Пименова М.В. Н.В. Гоголь и образы внутреннего мира человека (на примере концепта *сердце*) // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – Чита, 2009. – С. 115-122.
126. Пименова М.В. К вопросу об идеологических концептах // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры. – Екатеринбург, 2010. – С. 137-140.
127. Пименова М.В., Пименов Е.А. Общее и специфичное социальных концептов *бедность* и *poorness* // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – Екатеринбург, 2010. – Ч. 1. – 359 с. – С. 339-349.
128. Пименова М.В. Специфика вербализации концепта *время* в русской языковой картине мира // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы. Т. 2. Актуальные проблемы лингвистики. – Волгоград: Парадигма. 2010. – 408 с. – С. 253-263.
129. Пименова М.В. К вопросу о категоризации эмоций в языке // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы. Т. 2. Актуальные проблемы лингвистики. – Волгоград: Парадигма. 2010. – 408 с. – С. 263-272.

130. Пименова М.В. Нравственные категории русской и английской лингвокультур (на примере правовых метафор совести) // Европейская ментальность сквозь призму языка; отв. ред. Е.Е. Стефанский. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2010. – 166 с. – С. 19-29.
131. Пименова М.В. Концептуализация памяти в индивидуально-авторской картине мира (на примере книги П.Н. Милюкова «Воспоминания») // Язык как система и деятельность: материалы всероссийской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения проф. А.Н. Тихонова (17-18 ноября 2011 г., Елец, ЕГУ им. И.А. Бунина). – Елец, 2011. – Ч. 1. – С. 316-325.
132. Пименова М.В. Основные положения и методика исследования концептов в Кемеровской школе концептуальных исследований // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Е.А. Пименова: сборник статей – М.: ИЯ РАН, 2011. – 828 с. – С. 51-60. (Серия «Филологический сборник». Вып. 11).
133. Пименова М.В. Понятийные и грамматические категории // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. – Владимир: ВГГУ, 2011. – 587 с. – С. 372-377.
134. Marina V. Pimenova. National and Cultural Connotations in Terms of Foreign Language Acquisition // European Journal of Contemporary Education» (Европейский журнал современного образования) – международный научный журнал. <http://ejournal1.com/ru/archive.html?number=2013-03-15-09:37:49&journal=3>.
135. Пименова М.В. Интерпретация русской народной сказки // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2011. № 2. С. 253-257.
136. Пименова М.В. Ментальность народа сквозь призму концептуальных исследований // Филологические знания на современном этапе. – Курган: КГУ, 2012. – 294 с. – С. 85-93.
137. Пименова М.В. Концептуальные метафоры в дискурсе СМИ как особенность национальной ментальности // Концепт и культура: сб. ст. – Кемерово: Офсет, 2012. – С. 64-71.
138. Пименова М.В. Концептуальная картина мира // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИНТ, 2012. – 604 с. – С. 73-81. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 17).
139. Пименова М.В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. № 17. С. 147-153.
140. Пименова М.В. Два новых термина когнитивной лингвистики // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике: научный журнал; гл. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2013. – Вып. 2. – 144 с. – С. 6-9.

141. Пименова М.В. Гедонизм в русской языковой картине мира // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2013. – Вып. 1. – 128 с. – С. 26-30.
142. Пименова М.В. Два новых термина когнитивной лингвистики: *концептуальная система и концептуальная картина мира* // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2013. – Вып. 2. – 144 с. – С. 6-9.
143. Пименова М.В. Национальные стереотипы (о героях русских сказок, их красоте и здоровье) // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2013. – Вып. 3. – 80 с. – С. 9-14.
144. Пименова М.В. Божья коровка как фольклорный концепт // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2014. – Вып. 4. – 82 с. – С. 17-21.
145. Пименова М.В. Понятийные признаки концепта *удовольствие* // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 91-96.
146. Пименова М.В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. № 17. С. 147-153.
147. Пименова М.В. Фольклорная картина мира и фольклорные концепты (на примере концепта Дед Мороз) // Мир человека на гранях языка: международный сборник научных трудов по лингвокультурологии / под ред. Е.Е. Стефанского. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2013. – 182 с. – С. 5-11.
148. Пименова М.В. Возвращение к вопросу о методе описания концептуальных структур (на примере концепта *надежда*) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 101-109.
149. Пименова М.В. Смена стереотипов, или новый взгляд на ментальность в лингвокультуре // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2014. № 2. С. 3-9.
150. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2015. – Вып. 5. – 100 с.
151. Левширбанова А.С., Пименова М.В. Местоимения Я и МЫ научном стиле // Язык и текст: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2015. – 66 с. – С. 40-49. Серия «Актуальные вопросы современной филологии». Выпуск 6.
152. Пименова М.В., Бакирова А.А. Образные признаки концепта *звезда* // Язык и текст: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2015. – 66 с. – С. 49-55. Серия «Актуальные вопросы современной филологии». Выпуск 6.

153. Пименова М.В., Бакирова А.А. Народные представления о звезде в языковой картине мира // Новое в современной филологии: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – СПб., 2017. – 95 с. – С. 79-86. Серия «Актуальные вопросы современной филологии». Выпуск 8.
154. Андреева М.Д., Пименова М.В. Мотивирующие признаки концепта HOME/HOUSE // Исследования языка и речи: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2018. – 96 с. – С. 3-8. Серия «Актуальные вопросы современной филологии». Выпуск 9.
155. Левширбанова А.С., Пименова М.В. Каноны этикета с позиции языка // Исследования языка и речи: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2018. – 96 с. – С. 41-47. Серия «Актуальные вопросы современной филологии». Выпуск 9.
156. Николаева М.О., Пименова М.В. Выявление мотивирующих признаков и символических значений концепта сон в русской языковой картине мира // Исследования языка и речи: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2018. – 96 с. – С. 65-70. Серия «Актуальные вопросы современной филологии». Выпуск 9.
157. Пименова М.В. Архаичные знания о внутреннем мире человека // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. 610 с. С. 24-28.
158. Тиунова О.В., Пименова М.В. Мифологическое восприятие народа: дом и его обитатели в русской лингвокультуре // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. 610 с. С. 92-95.
159. Басова У.А., Пименова М.В. Миф в русской лингвокультуре: тема детей // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. 610 с. С. 174-177.
160. Пименова М.В. Утегенова К.Т. Этнокультурное своеобразие казахстанского политического дискурса // Актуальные проблемы монголоведческих и алтаистических исследований. – Элиста: КалмГУ, 2019. – 491 с. – С. 398-391.

Книги, изданные под редакцией профессора Марины Владимировны Пименовой:

1. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Филология / Науч. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2002. – Вып. 4 (12).
2. Концепт. Образ. Понятие. Символ: коллективная монография: к 70-летию проф. В.В. Колесова / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – 276 с.

Серия «Этногерменевтика и этнориторика»:

- 1) Этногерменевтика: грамматические и семантические проблемы / отв. ред. Е.А. Пименов, Х. Бартель. – Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1998. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 1).
- 2) Этногерменевтика и языковая картина мира: тез. докладов I междунар. конф. (Кемерово, 27-28 июня 1998 г.). Кемерово: КемГУ, 1998. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 2).
- 3) Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 3).
- 4) Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме / отв. ред. М.В. Пименова, Е.А. Пименов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 4).
- 5) Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира: монография. – Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 5).
- 6) Sprechen und Handeln in Kulturen/ Hrsg. H.Barthel. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2001. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 6).
- 7) Mentalität. Konzept. Gender / Hrsg. von E.A.Pimenov, M.V.Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. 350 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 7).
- 8) Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / Hrsg. von M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2002. – 336 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 8).
- 9) Mentalität und Mentales / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. 250 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 9).
- 10) Ethnohermeneutik und Anthropologie / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. 644 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 10).
- 11) Welt in der Sprache / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – 540 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 11).

Серия «Филологический сборник»:

- 1) Филологический сборник / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2000. 103 с.
- 2) Филологический сборник / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Графика, 2002. Вып. 2. 236 с.
- 3) Язык. Культура. Человек. Этнос / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика». – 204 с. (Серия «Филологический сборник. Выпуск 3).
- 4) Человек и его язык / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. 211 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 4).
- 5) Язык. История. Культура: сборник научных трудов, посвящённый 50-летию Кемеровского государственного университета и 25-летию юбилею кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. 299 с. (Серия «Филологический сборник. Вып. 5).
- 6) Мир и язык / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2005. 213 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 6).
- 7) Грамматика. Семантика. Концептология / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: Графика, 2005. 242 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 7).
- 8) Изменяющаяся Россия: Новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы I Международной научной конференции (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.): в 4-х ч. / отв. ред.

- Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово, 2006. (Серия «Филологический сборник». Вып. 8).
- 9) Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. 303 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 9).
- 10) Политика в зеркале языка и культуры: сборник научных статей, посвященный 60-летнему юбилею проф. А.П. Чудинова; отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2010. 573 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 10).
- 11) Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Евгения Александровича Пименова: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2011. – 828 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 11).
- 12) Язык и культура; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. – Алматы-Кемерово-Витебск-Донецк: КазНУ, КемГУ, ВГУ, ДонНУ, 2013. 424 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 12).
- 13) Новые парадигмы в когнитивной лингвистике; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. – Алматы – Кемерово – Витебск – Бишкек: КГУ, КазНУ, КемГУ, ВГУ, 2014. – 688 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 13).
- 14) Вопросы лингвистики начала XXI века; отв. соред. Г.Ш. Оразгалиева, М.В. Пименова. – Караганда: Болашак-Боспа, 2016. – 259 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 14).
- 15) Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. – Талдыкорган – Санкт-Петербург – Кемерово: ЖГУ, КемГУ, 2015. – 130 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 19).

Серия «Концептуальные исследования»:

1. Язык. Этнос. Картина мира: сборник научных трудов / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Графика. 186 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 1).
2. Мир человека и мир языка: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Графика. 373 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 2).
3. Пименова М.В. *Душа и дух*: способы концептуализации: монография. – Кемерово: Комплекс «Графика». 386с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 3).
4. Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А., Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 210 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 4).
5. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Введение в концептуальные исследования: учебное пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 150 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 5).
6. Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллективная монография, 2005. – Кемерово: Комплекс «Графика». 313 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 6).
7. Ментальность и язык: коллективная монография. – Кемерово, 2006. 256 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 7).
8. Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2006. 1002 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8).
9. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография. Кемерово, 2007. 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
10. Труды по когнитивной лингвистике: к 30-летию кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2008. 719 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10).
11. Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 808 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 11).
12. Концептуальні дослідження в сучасній лінгвістиці: збірник статей / відп. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург-Горлівка: Видавництво ГДПШМ, 2010. – 558 с. (Серия «Концептуальні дослідження». Вып. 12).

13. Человек и его язык: памяти проф. Е.А. Пименова / отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2011. – 676 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 13).
14. Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые особенности русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 136 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 14).
15. Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сб. ст. / отв. ред. М.В. Пименова. – Москва: ИЯ РАН, 2011. – 704 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).
16. Колесов В.В., Пименова М.В. Концептология: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2013. – 248 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 16).
17. Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: сборник научных ст.; отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2012. – 602 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 17).
18. Стереотипы лингвокультуры: коллективная монография; отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – 112 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 18).
19. Колесов В.В., Пименова М.В., Теркулов В.И. Гедонизм как явление русской лингвокультуры (на примере концепта *удовольствие*): коллективная монография. – Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2012. – 208 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 19).
20. Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сб. науч. ст. / отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – 488 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 20).
21. Когнитивная лингвистика XXI века: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Бишкек-Волгоград-Екатеринбург-Санкт-Петербург, 2015. – 314 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 21).
22. Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры: к 55-летию юбилею доктора педагогических наук Болот-бека Мекеновича Акматова. Сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург, 2018. – 170 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 22).
23. Юань Яньпин. Русские и китайские фразеологизмы в свете лингвокультурологии / науч. ред. М.В. Пименова. – СПб., 2019. – 188 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 23).
24. Язык как зеркало культуры: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора М.В. Пименовой. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. – 896 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 24).

Серия «Славянский мир»:

1. Ментальность и изменяющийся мир: кол. монография: к 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 504 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 1).
2. Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. – 663 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 2).
3. Ментальность народа и его язык: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 498 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 3).
4. Новое в славянской филологии: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 560 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 4).
5. Язык и ментальность: сборник статей; отв. ред. М.В. Пименова. – СПб.: СПбГУ, 2010. – 696 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 5).
6. Современные подходы к исследованию ментальности: сборник статей; отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. – 639 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 6).
7. Пименова М.В. Языковая картина мира: учебное пособие. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 105 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 7).
8. Пименова М.В. Русская сказка: учебное пособие. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – 68 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 8).

Серия «Концептуальный и лингвальный миры»:

1. Образ России в зеркале языка: сборник научных статей; отв. соред. М.Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – Москва: Флинта; Наука, 2010. – 740 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 1).
2. Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч.; отв. соред. В.В. Колесов, М.Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский дом Д. Бурого, 2013. – Изд. 2. – Часть 1. – 872 с. Часть 2. – 560 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2).
3. Лингвистика XXI века: сборник научных статей: к 65-летнему юбилею В.А. Масловой; соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – М.: Флинта, Наука, 2014. – 880 с.
4. Человек и его мир в зеркале языка: к 75-летнему юбилею В.А. Виноградова: коллективная монография / Отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский дом Д. Бурого, 2014. – 128 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 3).
5. Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: коллективная монография: к 80-летнему юбилею профессора В.В. Колесова; отв. соред. М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский Дом Д. Бурого, 2014. – 376 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 5).
6. Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки: монография. – Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2014. – 256 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 6).
7. Лингвистика начала XXI века: к 50-летнему юбилею проф. В.И. Теркулова: коллективная монография / В.А. Виноградов, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.А. Маслова, М.В. Пименова, В.И. Теркулов / Отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2014. – 224 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 7).
8. Мир языковых форм: сборник научных статей: к 95-летию проф. Г.П. Цыганенко / Отв. ред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – 277 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 8).
9. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка. – Санкт-Петербург, 2015. – 152 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 9).
10. Лингвокультура и концептуальное пространство языка; отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – СПб.: СПбГЭУ, 2016. – 554 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 10).
11. Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. – 535 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 11).
12. Язык, культура, этнос: сб. науч. статей, посвященный 65-летнему юбилею проф. Замиры Касымбековны Дербишевой / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. – Бишкек – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2017. – 300 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 12).
13. Мир человека в пространстве языка / отв. соред. М.В. Пименова, О.Н. Морозова, К.Т. Утегенова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 368 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 13).
14. Мир в языке и культуре: к 60-летнему юбилею проф. Б.К. Момыновой; отв. ред. М.В. Пименова. – СПб., 2017. – 144 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 14).
15. Этнос и лингвокультура: к 65-летнему юбилею проф. В.И. Карасика / отв. ред. М.В. Пименова. – СПб., 2018. – 300 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 15).
16. Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований: к 70-летнему юбилею д.ф.н., профессора В.А. Масловой. Сборник научных статей; под ред. М.В. Пименовой. – СПб.: СПбГЭУ, 2019. – 247с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 16).
17. Языки и культура народов России и стран СНГ: к 80-летнему юбилею Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан. Сборник научных статей; под общей ред. М.В. Пименовой. – СПб.: СПбГЭУ, 2019. – 360 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 16).
18. Язык и культура XXI века: сборник научных статей, посвященный 65-летию доктора педагогических наук, профессора Нурлан Алымкуловны Ахметовой; под общей ред. М.В.

Пиленовой. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. – 256 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 18).

19. Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сборник научных статей к 30-летию юбилею Санкт-Петербургского Института иностранных языков / под общей ред. М.В. Пиленовой. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. – 502 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 23).

Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане»:

1. Мир языка: сборник научных статей; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пиленова. – Павлодар-Кемерово-Витебск: Кереку, 2012. – 297 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 1).

2. Концепт и дискурс: коллективная монография; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пиленова. – Павлодар-Кемерово-Киев-Витебск: Кереку, 2012. – 178 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 2).

3. Язык как реальность событий: сборник научных статей; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пиленова, В.И. Теркулов. – Павлодар-Кемерово-Донецк: Кереку, 2013. – 316 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 2).

4. Человек. Язык. Культура: коллективная монография; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пиленова. – Павлодар-Кемерово-Донецк: Кереку, 2013. – 149 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 4).

5. Поликультурное пространство языка на постсоветском пространстве: коллективная монография / отв. соредаторы Ж. Ж. Капенлова, М. В. Пиленова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. – 256 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 5).

6. Пиленова М.В., Капенлова Ж.Ж. Концептуальные исследования в современной лингвистике (на примере ландшафтных концептов): монография. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. – 152 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 6).

Журнал «Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике»:

1. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пиленова. – Кемерово, 2013. – Вып. 1. – 128 с.

2. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пиленова. – Кемерово, 2013. – Вып. 2. – 144 с.

3. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пиленова. – Кемерово, 2013. – Вып. 3. – 124 с.

4. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пиленова. – Кемерово, 2014. – Вып. 4. – 82 с.

5. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пиленова. – Санкт-Петербург, 2015. – Вып. 5. – 100 с.

6. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пиленова. – Санкт-Петербург, 2015. – Вып. 6. – 128 с.

E-mail: MVPimenova@yandex.ru

Научное издание

Серия «Концептуальные исследования»

Выпуск 24

Язык как зеркало культуры

Сборник научных статей

Под общей редакцией М.В. Пименовой

Оригинал-макет: Е.А. Мошина
Технические редакторы: А.А. Бакирова, Ф.Ш. Бекмурзаева

Издано в авторской редакции

Подписано к печати 26.11.2019 г. Формат 60x64 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура типа Times. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 21. Тираж 200 экз. Заказ № ____.

Издательство СПбГЭУ: 191023, г. Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ